

Алтайская краевая универсальная научная
библиотека им. В. Я. Шишкова

Отдел редкой книги

**Избранные страницы:
Клубу любителей алтайской старины –
20 лет**

Барнаул
2011

УДК
ББК 63.3(2p537)
И-328

Составитель В. П. Кладова

И-328 Избранные страницы: клубу любителей алтайской старины – 20 лет [Сборник] / Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова; Отд. редкой книги; сост. В. П. Кладова. – Барнаул: РИО АКУНБ, 2011. – 281 с.

Сборник подготовлен на основе докладов членов Клуба любителей алтайской старины за период 1989–2009 гг. Статьи, ранее вошедшие в сборник «Избранные страницы: клубу любителей алтайской старины – 15 лет», а также сведения об авторах публикуются в настоящем сборнике без изменений и дополнений. Адресован преподавателям вузов, колледжей, школ, библиотекарям, студентам, краоведам, всем тем, кто интересуется вопросами регионального краеведения.

УДК
ББК 63.3(2p537)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кладова В. П.</i> Хроника.....	5
<i>Исупов С. И.</i> Потомки крестоносцев в Бийской крепости или судьба героя 1812 года.....	22
<i>Петренко В. С.</i> Отец и сын Велижанины.....	33
<i>Кислицын В. Н.</i> Землеустройство и земельные отношения сибирского казачьего войска (Колывано-Кузнецкая линия).....	37
<i>Гришаев В. Ф.</i> «Прошу меня расстрелять ...» (Материалы к биографии М. О. Курского).....	48
<i>Чекалин В. М.</i> Краткий исторический очерк открытия и освоения основных минеральных богатств Алтайского края.....	61
<i>Виноградов В. А.</i> Страницы музыкального прошлого Барнаула (Камерно-симфоническая музыка в конце XIX – начале XX вв.).....	73
<i>Остертаг Л. М.</i> Музыкальных дел мастер Семен Васильевич Шаронов.....	81
<i>Скворцова Т. В.</i> Барнаульский Богородице-Казанский женский монастырь.....	86
<i>Метельницкий К. Н.</i> Прогулка по улице Пушкинской (по материалам фотоколлекции Алтайского государственного краеведческого музея).....	91
<i>Кривоносов Я. Е.</i> Юбилейные Пушкинские торжества на Алтае сто лет назад.....	96
<i>Сергеев А. Д.</i> Алексей Иванович Узатис: инженер и краевед.....	99
<i>Андрейчук С. В.</i> Работа Барнаульской городской Думы по организации профилактики и тушения пожаров (1877–1917 гг.).....	110
<i>Ростов Н. Д.</i> «...Беззаветным мужеством вашим Отечество всегда будет гордиться...».....	116
<i>Крейдун Ю. А.</i> К вопросу о периодизации деятельности Алтайской духовной миссии.....	135
<i>Контев А. В.</i> Формирование системы медицинского обслуживания на территории Алтайского края в XVIII веке.....	143

<i>Несвежева Н. В.</i> В. И. Верещагин: к 100-летию детского туризма на Алтае	173
<i>Огнева Е. В.</i> Алтай в отечественном киноискусстве	184
<i>Смирнова В. Х.</i> Об историко-культурной значимости Музея истории развития горного производства (г. Змеиногорск).....	199
<i>Остертаг Л. М.</i> Веха причудливой судьбы: А. С. Новиков-Прибой в Барнауле	205
<i>Ведерников В. В.</i> П. К. Фролов: личность и эпоха	216
<i>Куприянова И. В.</i> Из истории храмостроительства Барнаульской белокриницкой общины	233
<i>Ростов Н. Д., Андрейчук С. В.</i> Сибирская инспекция на рубеже XVIII–XIX вв.	250
<i>Люцигер А. О.</i> Из истории метеорологии на Алтае	257
Сведения об авторах	280

В. П. КЛАДОВА

ХРОНИКА

У краеведения есть одна очень важная особенность, которую отмечал Д. С. Лихачев: «у него нет двух уровней: для специалистов и для широкой публики. ...Краеведение учит любить не только свои родные места, но учит знанию о них, приучает интересоваться историей, искусством, литературой, повышать свой культурный уровень». Здесь особое место занимает библиотечное краеведение. Именно библиотека становится центром притяжения всех краеведческих сил города и края. Поэтому именно здесь по инициативе писателя А. М. Родионова и при поддержке группы краеведов и заместителя директора библиотеки Л. Г. Койновой при отделе редких книг в конце 1989 г. был создан Клуб любителей алтайской старины. Его постоянными членами стали писатели и архитекторы, художники, краеведы, ученые, преподаватели вузов, сотрудники музеев, библиотек, архивов города и края, учителя школ, студенты и школьники.

Алтай – один из прекраснейших уголков России. Не только самобытность природы, но и богатые культурные традиции отличают его: традиции исторические и общественные, литературные и культурные. В истории края много замечательных страниц. Так уж повелось, что на заседаниях клуба перелистываются эти страницы, вспоминаются имена людей, живших и творивших здесь в XVIII–XX вв. Речь идет о писателях и художниках, ученых и общественных деятелях, просто об интересных людях, живших в городе и крае в разное время.

- 19 октября 1989 г.** Состоялось организационное собрание членов Клуба любителей алтайской старины, на котором президентом клуба избран писатель А. М. Родионов.
- 21 декабря 1989 г.** Первое заседание клуба прошло по теме: «Старый Барнаул». С интереснейшими сообщениями, стихами, слайдами о Барнауле выступили писатель М. И. Юдалевич, поэт Г. П. Панов, сотрудник краеведческого музея К. Н. Метельницкий.

- 18 января 1990 г.** Заседание клуба посвящено было Василию Константиновичу Штильке и Народному дому в Барнауле. С сообщением выступил писатель – краевед В. Ф. Гришаев.
- 15 февраля 1990 г.** «Алтайское купечество» – так звучала тема очередного заседания клуба, которое проводил преподаватель АГИК, кандидат исторических наук А. В. Старцев.
- 15 марта 1990 г.** «Фамилия Скалонов в истории России и Алтай». Более 60 человек собрались в этот день в библиотеке, чтобы послушать сообщение, с которым выступил преподаватель Бийского педагогического института С. И. Исупов. На заседание были приглашены потомки древнего рода Скалонов: Н. Р. Скалон, профессор КазГУ (г. Алма-Ата) и А. В. Скалон, научный сотрудник института экологии и водных проблем (г. Барнаул).
- 18 апреля 1990 г.** С сообщением об обществе любителей исследования Алтая, а также об артели «Краевед» на заседании клуба выступил В. Ф. Гришаев. Член клуба, преподаватель АлтГУ Т. М. Степанская внесла предложение о создании рукописного или машинописного журнала и опубликовании в нем материалов заседаний.
- 16 мая 1990 г.** Члены клуба на своем заседании встретились с делегатами Всероссийского съезда краеведов, проходившего 25 апреля в г. Челябинске В. Ф. Гришаевым и А. В. Добриковой. На этом заседании была впервые озвучена мысль о возрождении «Алтайского сборника» как печатного органа Алтайской краевой краеведческой ассоциации.
- 27 сентября 1990 г.** После летних каникул клуб возобновил свою работу. Заседание открыл заведующий архивным отделом крайисполкома В. С. Петренко, сделавший сообщение «Дело барнаульских врачей. Судьба отца и сына Велижаниных», посвященное малоизвестной странице истории репрессий 1930-х годов на Алтае.
- 25 октября 1990 г.** Жизни и творчеству бытописателя сибирской деревни Георгия Дмитриевича Гребенщикова посвящено очередное заседание клуба. С сообщением выступил потомок писателя, барнаульский литератор

- И. Ф. Юровский, познакомивший присутствующих с богатым семейным фотоархивом.
- 29 ноября 1990 г.** Заседание клуба проходило в Алтайском государственном художественном музее, и посвящено оно было художнику Г. И. Гуркину и его творчеству. Заседание провела научный сотрудник музея И. К. Галкина.
- 27 декабря 1990 г.** Житель г. Барнаула, краевед Г. М. Кузнецов выступил с темой «Легенды Горного Алтая». Вниманию присутствующих были представлены легенды, собранные Григорием Михайловичем в его поездках по Горному Алтаю. Это выступление дополнил Б. Х. Кадилов, краевед из г. Бийска
- 11 января 1991 г.** Члены клуба совместно с сотрудниками краеведческого музея приняли участие в театрализованном представлении «Русские Святки», проходившем в музее.
- 28 февраля 1991 г.** С сообщением «Листая страницы архивов» выступил член клуба, краевед В. В. Ворожбитов. Он остановился на проблеме практического применения материалов Государственного архива Алтайского края в своей краеведческой работе.
- 12 марта 1991 г.** С членами клуба встретился директор краеведческого музея р. п. Волчиха В. Д. Комаров. Он рассказал о музее, его коллекциях, а также о научно-исследовательской работе сотрудников музея.
- 25 апреля 1991 г.** С сообщением об участии в Демидовских чтениях, проходивших в г. Свердловске в марте 1991 г., а также о роде Демидовых выступил президент клуба А. М. Родионов. Члены клуба предложили обратиться в исполком горсовета с просьбой о восстановлении текста досок на Демидовском столбе, которые были сняты с него в 1930-е годы.
- 11 января 1992 г.** На заседании присутствующим были показаны видеопрограммы преподавателя культпросветучилища А. А. Позняка «Святки на Алтае» и «Праздник Троицы».
- 15 октября 1992 г.** Об одном довольно интересном факте благотворительности, а также интересном книжном собрании жителя Барнаула И. И. Казаринова шел разговор на заседании клуба. С сообщением выступила заведующая отделом редких книг, секретарь клуба В. П. Кладова.

- 23 декабря 1992 г.** «Памятники мировой культуры на Алтае. Наскальные рисунки в горах Алтая». Так звучала тема заседания, на котором выступили заместитель директора Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки Б. Х. Кадиков и А. А. Позняков, преподаватель АКПУ. На заседании был показан снятый А. А. Позняковым видеофильм о научной экспедиции в Горный Алтай.
- 5 марта 1993 г.** Тема «Рассекреченные документы в фондах Государственного архива Алтайского края» привлекла внимание большого числа людей, интересующихся историей края. Присутствовали сотрудники 46 архивов края, краеведы, сотрудники музеев, библиотек, преподаватели вузов и учителя школ г. Барнаула. Их вниманию были представлены сообщения научных сотрудников ГААК А. А. Колесникова и Я. Е. Кривоносова. Выставка-просмотр документов госархива, которые до недавнего времени хранились под грифом «секретно», имела большой успех у присутствующих.
- 10 июня 1993 г.** С сообщением о «Поземельном устройстве казачества на Алтае» выступил краевед В. Н. Кислицын. Присутствовали на заседании атаман Алтайского казачества Ю. Белозерцев и его помощник А. Останин. Перед членами клуба и гостями выступил фольклорный ансамбль, исполнивший казацкие песни.
- 8 октября 1993 г.** 120-летию со дня рождения В. Я. Шишкова посвящено заседание клуба, с сообщением на котором выступил научный сотрудник Государственного музея истории литературы и культуры Алтая (ГМИЛИКА) А. А. Бочкарев. Актриса драмтеатра Царинина присутствующим прочла рассказы Шишкова.
- 17 января 1994 г.** Члены клуба приняли участие в праздновании дня рождения краевого краеведческого музея (АККМ), которому исполнилось 170 лет. Член клуба, заместитель директора музея О. В. Падалкина рассказала присутствующим об истории создания музея, его деятельности, об интересных людях, работавших в музее в разное время. На заседании помимо членов клуба присутствовали старейшие работники музея, студенты, школьники города.
- 17 апреля 1994 г.** С интересным сообщением по теме: «Интеллигенция Барнаула XIX – начала XX века» выступил

- писатель-краевед В. Ф. Гришаев. Заседание клуба проходило в выставочном зале библиотеки, где в это время работала большая выставка-просмотр «Второе духовное сословие».
- 29 декабря 1994 г.** «Наследие алтайских инженеров» – так звучала тема очередного заседания клуба. Посвящено оно 230-летию библиотеки Колывано-Воскресенских заводов, одной из первых технических библиотек Сибири. С сообщением выступили научный сотрудник ГААК Я. Е. Кривоносов и заведующая отделом редких книг АКУНБ В. П. Кладова.
- 16 октября 1995 г.** Заседание было посвящено обществу попечения о начальном образовании в Барнауле. С сообщением выступил писатель-краевед В. Ф. Гришаев.
- 22 декабря 1995 г.** Жизни и творчеству П. А. Казанского было посвящено сообщение писателя-краеведа В. Ф. Гришаева, сделанное на заседании клуба.
- 20 мая 1996 г.** Геральдические чтения «Гербу Барнаула – 150 лет». На заседании выступили преподаватели БГПУ: Ю. П. Телегин, В. Б. Бородаев и А. В. Контев. Перед присутствующими, в числе которых были заместитель главы администрации г. Барнаула Н. П. Черепанов, заведующая городским отделом культуры г. Барнаула Н. Н. Вильчик, преподаватели и студенты института культуры, учащиеся школы гидов, краеведы, сотрудники музеев, библиотек города, выступил ансамбль русских народных инструментов «Руснари» под руководством доцента АГИИК Ю. А. Крамаря.
- 4 ноября 1996 г.** На очередном заседании клуба, посвященном 100-летию со дня рождения писателя-натуралиста М. Д. Зверева, выступила руководитель литературно-краеведческого музея школы № 27 г. Барнаула Л. М. Остертаг. Вниманию участников были представлены документальные материалы из фондов музея.
- 10 декабря 1996 г.** Заседание клуба было посвящено одному из интереснейших людей края – М. О. Курскому, литератору, участнику революционного движения с 1883 г., учителю, библиотекарю. С сообщением выступил В. Ф. Гришаев, который долгие годы собирал материалы об этом удивительном человеке.

- 27 февраля 1997 г.** «Барнаул. Год 1917». Так звучала тема заседания клуба, на котором присутствующие узнали о том, что основным, самым трагическим событием года был... пожар 2 мая, уничтоживший лучшую часть города, а также о том, что в Барнауле в тот год свершилось две революции и не прозвучало ни одного выстрела. С сообщениями выступили преподаватель АлтГУ Ю. С. Дьяченко, сотрудник краевого архива Я. Е. Кривоносов, руководитель литературно-краеведческого музея школы № 27 г. Барнаула Л. М. Остертаг. В заседании приняли участие сотрудники краевого архива, краеведческого музея, преподаватели вузов и школ города, краеведы.
- 27 марта 1997 г.** «А. О. Никулин – певец алтайских буреломов и цветущих садов». Заседание посвящено алтайскому художнику А. О. Никулину. С сообщением о жизни и творчестве художника выступила директор ГХМАК И. К. Галкина.
- 18 сентября 1997 г.** Заседание клуба на тему «Прошлое и настоящее геологии Алтая» было посвящено 60-летию Алтайского края. С сообщением «Минерально-сырьевая база Алтая за 60 лет» выступил В. М. Чекалин, кандидат геолого-минералогических наук, лауреат Государственной премии СССР. В обсуждении темы приняли участие профессор Томского и Алтайского государственных университетов А. М. Малолетко, преподаватели АлтГУ Б. Н. Лузин, Г. Я. Барышников и др.
- 8 января 1998 г.** «Из истории музыкальной культуры Барнаула XIX – нач. XX вв.» О музыкальной жизни города на рубеже веков рассказал доцент кафедры народных инструментов и хорового дирижирования АГИИК В. А. Виноградов. О музыкальной деятельности А. И. Марцинковского в Барнауле сообщил В. Ф. Гришаев. О народной консерватории в Барнауле рассказала преподаватель АГСХУ С. В. Нестерова; о гастрольях в Барнауле в конце XIX – начале XX вв. сообщил музыкант, заслуженный работник культуры В. М. Бубнович; о барнаульском композиторе-самородке Семене Шаронове сообщила руководитель литературно-краеведческого музея школы № 27 Л. М. Остертаг. В заседании клуба приняли участие

- сотрудник ГМИЛИКА музыковед М. Т. Стюхин, а также Русский камерный оркестр г. Барнаула под руководством А. И. Кузнецова.
- 26 февраля 1998 г.** 110-летию Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова было посвящено очередное заседание клуба. Об истории старейшей в крае библиотеки собравшимся рассказали сотрудники библиотеки: Н. Г. Ткаченко, Л. В. Фарафонова, О. Н. Колбашева, Е. А. Мазурикова, В. П. Кладова. Своими воспоминаниями о сотрудничестве с библиотекой в разные годы поделился сотрудник ЦХАФ АК Я. Е. Кривоносов. Перед собравшимися с поздравлением выступил солист Русского камерного оркестра г. Барнаула Олег Васильев (гусли).
- 17 марта 1998 г.** «Театральная жизнь Барнаула конца XIX – начала XX века» – так звучала тема очередного заседания клуба, на котором с сообщением выступила научный сотрудник ГМИЛИКА И. Н. Свободная. В заседании клуба приняла участие солистка театра музыкальной комедии В. Литвина.
- 23 декабря 1998 г.** Заседание клуба было посвящено С. П. Швецову, публицисту, общественному деятелю, исследователю Алтая. С сообщением выступил сотрудник ЦХАФ АК А. А. Колесников.
- 11 марта 1999 г.** Тема очередного заседания – «Храмы Барнаула». С сообщениями выступили главный археограф ЦХАФ АК Я. Е. Кривоносов и архивариус Барнаульской епархии Т. В. Скворцова.
- 25 мая 1999 г.** Заседание клуба было посвящено 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина – «Эхо А. С. Пушкина на Алтае». К. Н. Метельницкий выступил с сообщением «История улицы им. А. С. Пушкина»; Л. М. Остертаг сообщила о праздновании 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина в Барнауле; Я. Е. Кривоносов рассказал присутствующим о праздновании юбилея писателя в других городах Алтая.
- 26 октября 1999 г.** Заседание клуба было посвящено горному инженеру, лауреату Демидовской премии 1844 г. А. И. Узатису (1814–1875). С сообщением выступил кандидат исторических наук А. Д. Сергеев. Вниманию присутствующих были представлены две выставки: одна

- из них посвящена деятельности А. И. Узатиса на Алтае, а другая – «Фотолетопись клуба» – 10-летию юбилею клуба. Были вручены дипломы почетных членов клуба Я. Е. Кривоносову, В. Ф. Гришаеву и Л. М. Остертаг за многократные выступления на заседаниях клуба, а также диплом члена-ревнителя – директору библиотеки Л. Г. Койновой за постоянную финансовую поддержку клуба.
- 2 февраля 2000 г.** Заседание проходило в ГХМ на выставке «Эпоха в лицах», на которой были представлены портреты алтайских художников XX века. С членами клуба встретились художники П. Д. Джура, И. С. Хайрулинов, Б. Г. Босько, А. В. Арестов, Л. Р. Цесюлевич, И. М. Мамонтов, скульптор А. П. Ручьев, работы которых были представлены на выставке.
- 29 марта 2000 г.** На заседании клуба прошла встреча с автором книги «Слово об И. И. Ползунове» А. Д. Сергеевым. На презентации книги присутствовали преподаватели вузов, музейные работники, архивисты, учителя школ, студенты, краеведы.
- 27 апреля 2000 г.** Очередное заседание клуба было посвящено истории создания краеведческих календарей «Страницы истории Алтая» и «Барнаульский хронограф». С сообщением перед присутствующими выступила заведующая отделом краеведения АКУНБ В. С. Олейник.
- 31 мая 2000 г.** В ГХМАК состоялось выездное заседание клуба. В одном из залов музея члены клуба встретились с художником И. С. Хайрулиновым и его картинами, посвященными Великой Отечественной войне. Во встрече приняли участие художники Ф. А. Филонов и В. А. Зотеев.
- 21 декабря 2000 г.** «Демократ по убеждениям, дворянин по происхождению» – тема очередного заседания, посвященного 150-летию со дня рождения В. К. Штильке – учителя, общественного деятеля г. Барнаула XIX в., основателя и первого библиотекаря Барнаульской городской общественной библиотеки (ныне АКУНБ – авт.). Художник И. М. Мамонтов написал портрет В. К. Штильке и передал его библиотеке.
- 21 февраля 2001 г.** На заседании клуба состоялась премьера первого учебного краеведческого фильма «Русский изобретатель

- И. И. Ползунов». Присутствующие, а это были учителя истории барнаульских школ, преподаватели и студенты вузов края, краеведы, имели возможность одними из первых увидеть фильм о нашем знаменитом земляке, встретиться с создателями фильма – кандидатом исторических наук А. Д. Сергеевым и сотрудниками краевого учебно-прокатного центра комитета по образованию администрации Алтайского края О. Е. Захаровой, Е. Б. Заниной и В. Н. Золотухиным.
- 5 апреля 2001 г.** Встреча с почетным членом Алтайского отделения международного Демидовского фонда, фотографом Сергеем Ивановичем Пироговым состоялась в ГХМАК, на выставке «Фотографии из альбома», посвященной 60-летию его творческой деятельности. С. И. Пирогов прожил в г. Барнауле 80 лет, помнит его в разное время, встречался со многими интересными людьми. Их он и постарался запечатлеть на своих фотографиях, о них и шел разговор на заседании клуба. (В июле 2001 г. С. И. Пирогов умер).
- 23 апреля 2001 г.** На очередном заседании клуба по теме «Алтайский сборник» – вторая жизнь» состоялась презентация XX выпуска сборника. Событие это собрало в библиотеке не только краеведов, но и ученых, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, учителей города, сотрудников музеев, архива, библиотек.
- 4 декабря 2001 г.** «История пожаров и пожарного дела в Барнауле» – тема выездного заседания клуба, которое прошло в помещении Алтайской краевой пожарно-технической выставки (ул. Интернациональная, 58). С сообщениями перед присутствующими выступили ученик 11 класса школы №112 г. Барнаула С. Андрейчук и экскурсовод ПТВ О. Н. Шершнева. На заседании присутствовали библиотекари районных и сельских библиотек края, сотрудники пожарной охраны УВД г. Барнаула, краеведы, журналисты.
- 17 апреля 2002 г.** Члены клуба приняли участие в вечере памяти алтайского художника М. Жеребцова, посетили выставку его картин в ГХМ АК «Лирический пейзаж М. Жеребцова».

- 16 июля 2002 г.** В ЦХАФ АК прошло очередное заседание клуба, посвященное памяти барнаульского фотохудожника С. И. Пирогова. Состоялась презентация выставки, организованной ЦХАФ АК, АКУНБ и ГХМ АК, на которой были представлены фотографии из личного фонда Сергея Ивановича, книги, альбомы и каталоги выставок, в издании которых он принимал участие. На заседании присутствовали родственники С. И. Пирогова, художники, краеведы, журналисты.
- 19 февраля 2003 г.** «Барнаульский полк: штрихи истории». Преподаватель АлтГТУ, кандидат исторических наук, подполковник Н. Д. Ростов поведал присутствующим интереснейшую историю из жизни полка, о его участии в русско-японской войне. В заседании приняли участие и молодые исследователи – учителя истории барнаульских школ А. А. Кривошеков и Д. В. Марьин, которые тоже давно занимаются изучением истории этого полка. В результате все присутствующие узнали много интересного о судьбе полка и его командира С. Ф. Добротина, об участии полка в разных военных компаниях, его победах и поражениях.
- 29 мая 2003 г.** «Алтайская духовная миссия и алтайские миссионеры: воспоминания о былом». Вниманию присутствующих членов и гостей клуба было представлено прекрасное сообщение иерея одной из барнаульских церквей о. Георгия (Ю. А. Крейдун) об истории организации и деятельности алтайской духовной миссии. Большой интерес у присутствующих вызвала выставка-просмотр материалов из фонда АКУНБ и личного фонда о. Георгия.
- 18 декабря 2003 г.** «Из истории становления медицины на Алтае» – так звучала тема очередного заседания клуба. С сообщением по теме выступил кандидат исторических наук, преподаватель БГПУ А. В. Контев. Перед присутствующими выступил также главный врач городской больницы г. Рубцовска, основатель единственного в крае музея истории медицины И. Г. Беккер. Вниманию присутствующих были представлены интересные экспонаты музея, а также выставка редких книг из фонда АКУНБ по истории медицины

- 31 марта 2004 г.** Алтай. На ней были представлены книги из личной библиотеки врача Алтайского округа И. И. Казаринова (1833–1902), которая хранится в отделе редких книг. Заседание клуба посвящено 170-летию со дня рождения А. А. Черкасова (1834–1895), горного инженера, прослужившего в Алтайском горном округе с 1871 по 1890 г., автора мемуарных записок «На Алтае». С 1885 по 1890 г. А. А. Черкасов избирался на должность городского головы г. Барнаула. На заседании клуба состоялась премьера книги «На Алтае», вышедшей в марте 2004 г. в библиотеке журнала «Алтай». С сообщениями выступили писатель – краевед В. Ф. Гришаев и главный редактор журнала «Алтай», писатель С. В. Вторушин. Вниманию присутствующих была представлена выставка редких книг из фондов библиотеки.
- 21 апреля 2004 г.** «Г. Д. Гребенщиков и общество возрождения истории литературы Сибири». Так звучала тема очередного заседания, проходившего в рамках международной научно-практической конференции, посвященной 122-летию со дня рождения Г. Д. Гребенщикова. Члены клуба и гости встретились с интереснейшим человеком, жителем г. Барнаула А. Б. Фирсовым, который много лет своей жизни посвятил собиранию наследия писателя, а также сведений о нем. На выставке редких книг, представленной вниманию участников заседания, можно было ознакомиться с собранием сочинений Гребенщикова, изданным и подаренным АКУНБ А. Б. Фирсовым.
- 22 июня 2004 г.** Выездное заседание клуба, посвященное 115-летней годовщине со дня рождения сибирского писателя Г. М. Пушкарева (1889–1961), состоялось в ЦХАФ АК. С интересными сообщениями выступили родственник писателя В. В. Кокшенев и Л. М. Остертаг. Вниманию присутствующих была представлена большая выставка-просмотр документов, фотографий, книг из фондов ЦХАФ АК, АКУНБ и литературно-краеведческого музея школы № 27 г. Барнаула. В. В. Кокшенев подарил АКУНБ 46 книг из библиотеки писателя, которые хранились после его смерти в личных библиотеках родственников писателя.

- 23 декабря 2004 г.** «Алтай на стыке цивилизаций и веков» - эта тема встречи членов клуба и его гостей с профессором АлтГУ В. А. Моисеевым и сотрудниками кафедры востоковедения Г. И. Курныкиной, Н. В. Скорупинской и др. В. А. Моисеев ознакомил с направлениями деятельности одной из интереснейших кафедр, представил издания ученых трудов сотрудников кафедры, а также рассказал об истории Алтая и его отношениях с восточным соседом – Китаем. Вниманию присутствующих была представлена выставка редких книг по истории Китая и русско-китайских отношений. Во второй части заседания состоялась презентация юбилейного сборника «Избранные страницы», изданного АКУНБ к юбилею клуба. Директор библиотеки Т. И. Чертова вручила сборник авторам, а также гостям заседания.
- 19 мая 2005 г.** Состоялось очередное заседание клуба, посвященное 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. В заседании, которое проходило в одном из залов Государственного художественного музея Алтайского края, приняли участие художники – участники войны: Г. А. Бельшев, А. Г. Вагин, Ф. А. Филонов, М. Я. Будкеев. Они поделились воспоминаниями о войне, а также писатель М. И. Юдалевич. Для присутствующих, среди которых были сотрудники библиотек, музеев, архива, преподаватели и студенты вузов города, научный сотрудник ГХМ АК Л. Н. Лихацкая подготовила слайд-программу о творчестве художников-графиков Москвы и Санкт-Петербурга, посвященном войной тематике.
- 24 ноября 2005 г.** «В. И. Верещагин и образовательные экскурсии» под таким названием прошло очередное заседание клуба, организованное библиотекой совместно с Комитетом администрации Алтайского края по культуре и туризму и краевым центром детско-юношеского туризма и краеведения. Перед участниками заседания, среди которых была и дочь Виктора Ивановича – И. В. Верещагина, выступила заведующая отделом краеведения центра детского туризма и краеведения Н. В. Несвежева. Вниманию участников была представлена большая тематическая выставка редких и краеведческих книг из фондов библиотеки.

- 22 февраля 2006 г.** Тема очередного заседания клуба, проходившего в рамках фестиваля книги, звучала так: «Из истории становления издательского дела на Алтае». С прекрасным сообщением по теме выступила аспирантка Барнаульского государственного педагогического университета, историк Г. В. Кидяева. Главный библиотекарь отдела редких книг Н. В. Воробьева сделала обзор по выставке «Издано на Алтае», рассказала присутствующим о коллекции редких краеведческих книг, хранящихся в библиотеке, в разные годы изданных на Алтае и обратила внимание на самую «старую» книгу, которая была издана в Казенной типографии Барнаула в 1856 г. На выставке были представлены книги, журналы, газеты 1856–1930 гг., которые были изданы в различных типографиях Барнаула и Алтайского края – в государственных, кооперативных, частных. На заседании присутствовали студенты, аспиранты, преподаватели вузов города, ученые и краеведы.
- 23 марта 2006 г.** Состоялось выездное заседание клуба по теме «Из истории синематографа на Алтае». Заседание состоялось в ГМИЛИКА, с сообщением по теме выступила сотрудник музея Е. В. Огнева. Присутствующим были продемонстрированы отрывки из фильмов, которые создавались в разное время на Алтае. На заседании присутствовали краеведы, любители кино, студенты, аспиранты, преподаватели вузов города, ученые.
- 11 октября 2006 г.** В отделе редких книг состоялась презентация каталога старопечатных и рукописных книг кириллической традиции, хранящихся в АКУНБ. Каталог явился очередным выпуском «Материалов к Сводному каталогу рукописей, старопечатных и редких книг в собраниях Сибири и Дальнего Востока». Он представляет первый опыт обращения к старинным книгам Алтайского региона, их фиксации по месту хранения и описания. Более сотни произведений кириллической письменности и печати XVI – начала XX вв. получили отражение в настоящем каталоге. Немалая часть этих книг находилась на территории Алтая начиная с XVIII в. Каталог снабжен указателями, дающими важный фактический материал

для истории частных книжных собраний и отдельных книжных памятников Сибирского региона. Каталог издан Государственной публичной научно-технической библиотекой Сибирского отделения Российской академии наук. Автор издания – заведующая отделом редких книг АКУНБ В. П. Кладова, научный редактор издания – старший научный сотрудник отдела рукописей и редких книг ГПНТБ СО РАН А. Ю. Бородихин.

4 апреля 2007 г.

Тема очередного заседания клуба – «Музей истории развития горного производства: прошлое и настоящее» (г. Змеиногорск) – продолжила традицию, зародившуюся в самом начале работы клуба, – знакомить его членов и гостей с музеями Алтайского края. У клуба в гостях в разное время побывали сотрудники краеведческого музея р. п. Волчиха, Бийского краеведческого музея им. В. Бианки, музея истории медицины г. Рубцовска. Заседания клуба проходили в стенах краеведческого и художественного музеев, в музее истории литературы и культуры Алтая, в музее пожарного дела г. Барнаула. Об истории создания и сегодняшнем дне главного музея г. Змеиногорска рассказала присутствующим основатель и первый его директор, известный краевед, заслуженный работник культуры РФ В. Х. Смирнова. Она привезла с собой прекрасные фильмы о своем музее. На заседании присутствовали студенты, аспиранты, преподаватели вузов города, ученые и краеведы.

26 апреля 2007 г.

«Веха причудливой судьбы». Так звучала тема очередного заседания клуба, на котором речь шла о пребывании в Барнауле писателя А. С. Новикова-Прибоя. Л. М. Остертаг, основатель литературно-краеведческого музея школы № 27 г. Барнаула, рассказала о жизни и творчестве писателя, о большой поисковой работе музея по сбору материалов об А. С. Новикове-Прибое. Вниманию присутствующих была представлена выставка-просмотр книг из фондов АКУНБ и документов из литературно-краеведческого музея. На заседании присутствовали студенты, аспиранты, преподаватели вузов города, ученые и краеведы.

27 сентября 2007 г. Состоялось очередное заседание клуба «П. К. Фролов: личность и эпоха». Шестидесятое заседание клуба проходило в дни празднования 70-летия Алтайского края и было посвящено горному инженеру, изобретателю, организатору горно-заводского производства на Алтае, знатоку древнерусского искусства, владельцу богатейшей коллекции древностей П. К. Фролову. С основным сообщением выступил В. В. Ведерников, кандидат исторических наук, доцент Алтайского института экономики. В заседании также приняли участие аспирантка БГПУ О. В. Бармина, директор музея «Город» Н. В. Вакалова, зав. отделом редких книг АКУНБ В. П. Кладова, директор музея г. Змеиногорска В. Х. Смирнова, лаборант кафедры исторического краеведения БГПУ В. Б. Бородаев, сотрудник АККМ Ю. Кривова и др.. На заседании присутствовали ученые, преподаватели вузов города, краеведы, библиотекари, а также гость из Швеции, вице-президент комитета музеологии ИКОМ ЮНЕСКО Винош Софка.

29 ноября 2007 г. «Города Алтая: Змеиногорск исторический и туристический». На заседании выступила директор музея истории горного производства г. Змеиногорска В. Х. Смирнова, которая представила вниманию присутствующих видеofilmы, созданные при поддержке гранта управления администрации Алтайского края по культуре и туризму, об интересных местах в округе Змеиногорска: «Ревневая сопка – мать Царицы ваз», «Озеро Кольванское», «Лазурный рудник». На заседании С. В. Харламов предложил членам клуба и гостям принять участие в анкетировании для определения самых уникальных природных памятников Алтайского края.

28 декабря 2007 г. Выездное заседание клуба состоялось в библиотечно-информационном центре «Город». Авторский коллектив проекта Алтайского отделения Международного Демидовского фонда «Барнаул. Летопись города» – А. М. Родионов, В. П. Кладова, И. Н. Свободная – провели презентацию книги. Интересный рассказ создателей летописи города сопровождался выставкой, организованной О. Н. Колбышевой,

директором центра «Город». На встрече присутствовали работники музеев, библиотекари города и края, учителя, преподаватели вузов города, студенты.

14 октября 2008 г.

«Остров старой веры» – так звучала тема очередного заседания, посвященного 100-летию Крестовоздвиженской старообрядческой общины г. Барнаула. Разговор, состоявшийся на заседании клуба, перешагнул рамки истории Крестовоздвиженской старообрядческой общины. Выступившие на заседании ученые, преподаватели вузов, служители церкви, краеведы, архивисты, музейные и библиотечные работники, писатели и художники говорили о феномене старообрядчества, храмостроительстве, старообрядческой письменности, архивных документах. В заседании приняли участие большое число прихожан; молодежная группа хора общины исполнила для присутствующих духовные стихи. К заседанию были подготовлены пять выставок: фотовыставка «Лики современного старообрядчества»; выставка старообрядческих книг XVII–XIX вв. из личной библиотеки С. В. Москвина; выставка книг по истории старообрядчества из фондов АКУНБ; выставка архивных документов ЦХАФ АК по истории Крестовоздвиженской старообрядческой общины г. Барнаула; выставка книг, изданных фондом поддержки строительства храма во Имя Покрова Богородицы.

26 февраля 2009 г.

Очередное заседание клуба прошло по теме «...И славной памятью двенадцатого года...»: страницы истории 39-го томского пехотного полка (1796–1918 гг.). С сообщением выступили преподаватель АлтГТУ, кандидат исторических наук Н. Д. Ростов и аспирант С. В. Андрейчук. К заседанию была подготовлена видеопрезентация и большая выставка-просмотр редких книг из фонда АКУНБ.

19 мая 2009 г.

В выставочном зале центра хранения архивного фонда Алтайского края состоялось выездное заседание клуба по теме «Многоликий Алтай: история и культура народов Алтая XVIII–XX вв.». В заседании приняли участие центры национальных культур: татарской, еврейской,

азербайджанской, казахской, немецкой. С сообщением выступил доктор исторических наук В. А. Скубневский. Заседание проходило на выставке, организованной ЦХАФ АК, сотрудница центра Т. Г. Мальцева выступила перед членами клуба с обзором по материалам, представленным на выставке.

23 декабря 2009 г.

Юбилейный, 20-й, год работы клуба завершился заседанием по теме «Из истории метеорологических наблюдений на Алтае». С сообщением выступил А. О. Люцигер, заместитель начальника Алтайского краевого центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. Вниманию присутствующих была представлена уникальная выставка-просмотр редких краеведческих книг по истории метеорологии России из фондов АКУНБ и Алтайского краевого центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды.

С. И. Исупов

ПОТОМКИ КРЕСТОНОСЦЕВ В БИЙСКОЙ КРЕПОСТИ, ИЛИ СУДЬБА ГЕРОЯ 1812 ГОДА

Иногда летопись истории города, заполненная сухой цифирью статистики и конкретикой фактов, то есть, в общем-то, повседневной обыденностью, вдруг расцветивается такими яркими и загадочными сюжетами, которым бы позавидовали самые знаменитые романы авантюрного жанра. Особенно изобилует ими прошлое Бийска XVIII–XIX веков.

Действительно ли у слияния Бии и Катуня стоял знаменитый идол сибирских языческих племен, известный русским землепроходцам как «Золотая баба»? Правда ли, что до сих пор под улицей Советской сокрыта целая система подземных ходов, оставшихся со времен Бийской крепости? Неужели сосланный сюда в 30-е гг. XIX в. мичман Морского гвардейского экипажа Петр Соболевский на самом деле был одним из незаконнорожденных сыновей императора Николая I. Таких увлекательных, запутанных сюжетов в прошлом нашего города (в прошлом, конечно провинциальном, но не сером и скучном) наберется не меньше десятка. Один из них повествует об удивительной судьбе старинного французского дворянского рода, чья история самым тесным образом связана с историей нашего города.

В тот вечер окошко приходского домика крепостной Петропавловской церкви долго мигало в осенние сумерки огоньком свечи. Верный своей многолетней привычке священник Стефан Удинцов подробно записывал в «поминальник» все особенное, произошедшее в Бийске за день минувший. Среди прочих событий первым он отметил, что «сентября 6 дня нынешнего 767 году, семейство драгунского полковника Антона Данилова Скалона прибавку имеет щастливым рождением сына ево, нареченного по отцу АНТОНОМ же...»

Так в казенном «воинском апартаменте» далекой сибирской крепости появился на свет еще один потомок старинного французского дворянского рода. Согласно фамильной легенде, корни его уходят в темные века раннего средневековья, во времена первых крестовых походов. В 1098 году, при штурме арабской крепости Аскалон, что

в Палестине, более других отличился незнатный ратник, первым пробившийся на крепостную стену. За это граф Готфрид Бульонский пожаловал его золотыми шпорами и дворянским титулом, повелев именоваться впредь де Скалоном. Геральдическими знаками герба нового дворянского рода стали лилии и мечи – символы душевной чистоты и воинской доблести.

На русской воинской службе Скалоны появляются, видимо, в конце царствования Алексея Михайловича, в начале 70-х гг. XVII в. Отныне рыцарский род «лилий и мечей», не утративший ни честности, ни доблести, начинает ратную службу новой Отчизне. В штатных расписаниях российского офицерского корпуса армии Петра Великого за 1710 год числились Степан и Даниил Скалоны. Степан имел чин инженер-капитана и служил в Московском арсенале. Даниил, поступивший на военную службу в звании унтер-офицера, продолжил ее в коллегии иностранных дел, затем состоял флигель-адъютантом генерал-фельдмаршала князя И. Ю. Трубецкого. Перед выходом в отставку имел чин полковника Киевского драгунского полка. Его сын Антон Данилович военную карьеру начинает пажом при ландграфе Генне-Гамбургском, затем, уже обер-офицером, участвует в Крымских походах фельдмаршалов Ласси и Миниха, а первое штаб-офицерское звание майора и первый орден Святого Равноапостольного Георгия Победоносца 4-го класса получает во время Семилетней войны.

В начале царствования Екатерины II начинается сибирский этап военной биографии А. Д. Скалона. В 1765 г. он командовал одним из драгунских полков, дислоцирующихся на южно-сибирской пограничной линии, а годом позже был назначен командиром драгунской бригады, состоявшей из Луцкого, Суздальского и Вологодского полков и расквартированной в Бийской крепости. Сибирские драгуны тогда считались одними из сильнейших в линейной кавалерии империи и именовались «кавалерией высшего ранга российских провинций».

«Звездным часом» в судьбе драгунского командира, к этому времени уже получившего чин генерал-майора, стал 1774 год. По приказу командующего сибирскими войсками генерал-поручика И. А. Деколонга он организует вооруженную борьбу с пытающимися прорваться в Западную Сибирь отрядами пугачевцев и наносит им ряд тяжелых поражений в уральских провинциях.

За «усмирение Пугачевского бунта» драгунский генерал в 1775 г. был пожалован орденом Святой Анны I класса, а восьмилетний сын Антон зачислен рядовым в роту лейб-гвардии Преображенского полка, где капитаном состоял сам наследник – цесаревич Павел. Запомните эту дату – год, когда впервые пересеклись судьбы будущего

героя 1812 года и будущего императора.

Еще через год А. Д. Скалон становится командующим всеми войсками сибирских провинций, затем следует производство его в чин генерал-поручика. Как свидетельствуют современники, на новом посту он показал себя талантливым военным администратором и «тщился более о принесении краю мирных польз от устройства хлебопашества и торговли». Думаю, что это соответствует истине. Оставаясь боевым кавалерийским генералом, А. Д. Скалон заботился и об установлении мирных, взаимовыгодных отношений с местными народами, и о хозяйственном освоении пограничных районов юга Западной Сибири. Еще в 1774 г. он составил первый в России русско-киргизский словарь-разговорник, а в 1776 г. его стараниями по всем крепостям укрепленных линий проведены первые опыты пчеловодства. Умер А. Д. Скалон в 1777 г. во время инспекторской поездки в Усть-Каменогорскую крепость, где и был погребен.

Тем временем его сын делает первые шаги по ступеням лестницы военной карьеры. Архивные документы донесли до нас каждый этап этого восхождения. Держу в руках фотокопию послужного списка, сохранившегося в коллекциях офицерских и генеральских формуляров Российского государственного военно-исторического архива. Два листа плотной «мануфактурной» бумаги желтоватого цвета начала XIX в., по-военному лаконичные строки, рапортующие о судьбе российского офицера. О судьбе и типичной, и уникальной, во многом еще загадочной.

Итак, «Антон, Антонов сын Скалон. Шеф Иркутского драгунского полку, генерал-майор и орденов Святаго Великомученика и Победоносца Георгия 4-го класса, Святаго Равноапостольного князя Владимира 3-й степени, Святой Анны 2-го и 3-го классов кавалер; лет от роду 45». Этот формуляр был заполнен незадолго до начала войны 1812 года, хотя последние строки в него записали уже в 1813 году, когда стали известны все обстоятельства гибели генерала. С момента зачисления восьмилетнего недоросля в лейб-гвардии Преображенский полк до начала царствования Павла I в его военной судьбе все скорее типично, нежели особенно. В 1783 году шестнадцатилетний Скалон получает офицерский чин поручика в Сибирском драгунском полку, через три года он – капитан, спустя еще семь – майор. Повышение в офицерских чинах достаточно быстрое для дворянина и генеральского сына, но – не феерическое. А вот с 1798 года его карьера прямо-таки взрывается фейерверком чинов и монарших милостей от нового императора. В 1800 г. он – уже шеф Иркутского драгунского полка и генерал-майор, а затем и генерал-инспектор всей кавалерии Сибирского корпуса!

В чем же секрет головокружительной карьеры провинциального драгунского офицера? Я думаю, прежде всего в его личных человеческих

качествах и военно-организаторских способностях. Да, император Павел I был монархом неоднозначным и личностью крайне противоречивой. Трактовки его недолгого царствования многообразны и подчас полярны: от «реакционного контрреформатора» до «последнего рыцаря на троне» и «венценосного Дон Кихота». Думаю, более близка к истине оценка современного исследователя Н. Эйдельмана, блестящего знатока российской империи XVIII–XIX вв. Оценивая недолгое царствование Павла I, он писал, что его правление вызвало всеобщее недовольство дворянства, интересы которого были сильно ущемлены восстановлением обязательной службы, введением для них массы стеснений и ограничений. В то же время император издает ряд указов, облегчавших положение крестьян и солдат. По примеру Петра Великого Павел начинает ожесточенную борьбу (впрочем, традиционно малоуспешную) с казнокрадством, взяточничеством и беззаконием, царившими в гражданских ведомствах и армии. В 1798 г. уполномоченные и проинструктированные лично Павлом офицеры-инспекторы провели тщательную проверку всех войск Сибирского корпуса. Познакомившись с результатами инспекции, император был взбешен злоупотреблениями полковых и иных командиров, их жестоким обращением с нижними чинами. После проверки очень многие обер-, штаб-офицеры и даже генералы не только были отставлены от службы без права ношения мундира и пенсий, но и преданы суду. Вот факты. Подполковник гарнизонного полка сибирского города Тара Самарин за жестокое обращение с солдатами и «за разные по службе злоупотребления исключается из службы с лишением чинов и отсылается под суд». В 1799 г. за казнокрадство и «обращение в пьянство» уволены из армии и «отданы под военный суд» еще 12 обер- и штаб-офицеров Сибирского корпуса.

На этом фоне резко выделяется Иркутский драгунский полк подполковника Скалона. За «ревностное служение и содержание полка в отменном состоянии» он получает чин полковника и назначается командиром драгунской бригады. В 1800 году А. А. Скалон побывал в Петербурге, где после официального представления императору по случаю пожалования генерал-майорского чина имел с Павлом долгую, доверительную беседу. По свидетельствам очевидцев, монарх был весьма благосклонен к генералу, удостоил его чести разделить с ним обеденную трапезу и, представляя своему ближайшему окружению и семье, воскликнул: «Вот мой сибирский Скалон!» Доверие императора к Скалону было столь велико, что, узнав о якобы созревшем заговоре своих сыновей, подготовил указ о заключении Александра в Петропавловскую крепость и ссылке Константина в Иркутский драгунский полк под личный надзор преданного генерала. Затем последовали

трагические события 11 марта 1801 г. В ту ночь офицеры столичных гвардейских полков запятали себя убийством законного российского монарха, большинство современников назвали этот очередной дворцовый переворот «кровавым злодейством».

Вскоре после переворота новый император Александр I подписал прошение генерал-майора А. А. Скалона об отставке, наложив резолюцию: «С почетным правом ношения мундира, но без пенсионера». Партикулярная, штатская жизнь отставного драгунского командира продолжалась до весны 1806 г. В это время Россия, ведущая войну с рожденной гением Наполеона Французской империей, как никогда нуждалась в тех опытных генералах, которые по разным причинам оставили службу после марта 1801 г. Некоторые не пожелали служить замешанному в отцеубийстве монарху, некоторых удалили «по Высочайшему повелению». В 1806–1807 гг. большинство из них вернулись на военную службу, призванные чувством долга перед Отчизной, осознавая надвигающуюся «грозу двенадцатого года». Есть сведения, что Скалон вернулся в армию после личной просьбы самого Александра I, переданной ему в устной беседе каким-то высшим штабным чином военного министерства. Так это было или нет – не суть важно. Не мог этот человек оставаться безучастным к судьбе искренне любимой им России.

С 26 апреля 1806 г. генерал Скалон снова в седле – «принят Высочайшим повелением в службу тем же чином с оставлением шефства Иркутским драгунским полком». Снова он командует эскадронами своих мрачноватых, коренастых сибиряков, снова его полк становится одним из лучших не только в Сибирском корпусе, но и во всей драгунской кавалерии империи. Уже через шесть месяцев в его послужном списке появляется резолюция командующего войсками Сибири генерал-лейтенанта Н. И. Лаврова, свидетельствующая, что генерал-майор Скалон «к повышению достоин, своим служением предан». В этом же документе есть записанные собственноручно Скалоном краткие автобиографические сведения, которые сообщают, что он «французской нации из дворянства, уроженец российский, лютеранской веры генерал-лейтенанта сын; российскую службу принял навечно и по отставке желаю остаться в России, и на подданство со своими детьми присягу принял».

Уже в 1807 г. драгунский генерал сменяет Лаврова на посту командующего, а год спустя, руководит передислокацией размещенных в Сибири регулярных полков на западные границы России. Для того, чтобы понять причины их вывода, необходим небольшой экскурс в историю регулярных частей края. История регулярных войск начинается здесь в 1711 г., когда по указу Петра I здесь формируются три первых гарнизонных полка. Организационная структура постоянно увеличивающегося

военного контингента Сибири складывается в 60–70-е гг. XVIII в. двенадцать расквартированных здесь пехотных и драгунских полков, гарнизонные полки и команды сводятся в Сибирский корпус под командованием генерал-поручика И. И. Шпрингера. Большая часть войск корпуса численностью около 25 тыс. человек сосредотачивается в западно-сибирском порубежье: на Иртышской, Ишимской, Колыванской и Кузнецкой пограничных линиях. На огромном пространстве от Бийской крепости до Южного Приуралья гарнизоны крепостей и редутов составляли части Томского, Ширванского, Селенгинского пехотных, Сибирского и Иркутского драгунских, 18-го и 19-го егерских полков. К концу XVIII в. обстановка на южносибирских линиях стабилизировалась настолько, что необходимость держать здесь столь внушительные силы отпала и встал вопрос о дальнейшей судьбе войск корпуса. В 1796 г., незадолго до смерти, Екатерина II предполагала большую часть полков расформировать, а солдат причислить к сословию государственных крестьян и расселить по прилинейным землям для «разведения хлебопашества». Три года спустя Павел I высказал идею о формировании из полков Сибири особого корпуса для «восточного удара» по английским колониям в Индии. В 1802 г. по указу Александра I, который тоже рассматривал несколько проектов реорганизации Сибирской воинской инспекции, полки стали считать стратегическим резервом российской армии и укомплектовывали по штатам мирного времени: 100% офицерского состава, 75% – сержантского и 50% – рядового. После заключения Тильзитского мира с Францией судьба сибирских полков была решена. Используя мирную передышку, правительство ускоренными темпами реорганизовывало и пополняло армию, готовясь к будущей войне с Наполеоном. В декабре 1807 г. Государственный Совет распорядился о передислокации всех армейских полков Сибири на западные границы империи. В качестве основной военной силы в регионе оставались линейные казаки и гарнизонные батальоны. Вывод полков под командованием генерал-майора А. А. Скалона начинается летом 1808 г.

В июле в Омской крепости сконцентрировалось пять полков, передислоцированных из мест расквартирования на запад: 19-й егерский полк (из района Бийской, Катунской и Ануйской крепостей), Томский мушкетерский (из района Барнаульского завода и Змеиногорского рудника), Ширванский мушкетерский (из Усть-Каменогорской крепости) и выведенные с Иртышской линии Сибирский и Иркутский драгунские полки. В сентябре части начали длительный переход через Оренбург и Казань в районы новой дислокации на территории Волынской губернии. Марш сибиряков завершился в феврале 1809 г. Полки

не потеряли ни единого человека, дезертировавшего или отставшего по болезни (все шесть больных солдат и два офицера были оставлены по их настоятельным просьбам в походных полковых лазаретах), не было зарегистрировано дисциплинарных нарушений и неуставного отношения к населению. В официальной реляции о благополучном переходе полков командование отмечало: «Сей марш исполнен был в отличном порядке, с особым сбережением нижних чинов и всех полковых имуществ». Военный министр на этом документе начертил резолюцию:

«Генерал Скалон восхищения и награды достоин».

К 1812 г. из Сибири было выведено 7 пехотных, егерских и драгунских полков, которые распределились по дивизиям 1-й и 2-й Западных армий. Кроме того, из состава каждого выделили по 6–8 рот, ставших кадровой основой для формирования еще 12 пехотных и кавалерийских полков, а все гренадерские роты частей Сибирского корпуса включили в состав сводно-гренадерских дивизий армий.

К началу войны генерал-майор А. А. Скалон командовал драгунской бригадой, состоявшей из Сибирского, Иркутского и Оренбургского полков и входившей в 3-й кавалерийский корпус графа П. П. Палена. С первых же дней боев с французами корпусу пришлось отступить от белорусского города Лиды фактически в полуокружении вражеских корпусов генерала Нансути и маршала Мюрата. Знаменитый кавалерист, король Неаполитанский Мюрат, оценивая мужество кавалеристов корпуса Палена, позже писал: «Даже в отступлении преследуемые нами русские постоянно атаковали нас с отвагой львов». Отбивая постоянные атаки с фланга и тыла, корпус и отступавшие вместе с ним пехотные дивизии генерала Дорохова, в которые тоже входили сибирские полки, в ожесточенных боях отходили на соединение с главными силами 1-й Западной армии в район Дрисского лагеря. Нанеся французам тяжелые потери в арьергардном бою у местечка Михалишки, русские пробившись из окружения и присоединились к основным частям. Когда русская армия продолжила отступление, тылы ее первой колонны доверили прикрывать кавалеристам Палена. На пути к Смоленску бригада Скалона сдерживала натиск восьми дивизий Мюрата и трижды удостоивалась благодарности командующего армией Барклая-де-Толли.

Наконец, обе русские армии соединились под Смоленском и измученные полки получили короткую передышку. Здесь А. А. Скалон получил первые известия о семье, которую еще в самом начале войны из местечка Зерницы Гродненской губернии отправил к своему брату Александру, жившему в своем маленьком имении Араповка, в Белгородском уезде Курской губернии. Александр был отставным подполковником, считался небогатым помещиком, сам имел восьмерых

детей, но с радостью принял семейство брата. Антон Антонович был женат на дочери омского бригадного генерала Х. Кесслера Каролине и имел уже пятерых сыновей: Александра (16 лет), Николая (12), Василия (7), Антона (6) и четырехлетнего Даниила. Стремительность неприятельского вторжения тревожила генерала, ничего не знавшего о судьбе близких: успели ли они доехать или остались в тылу наступающих французов? Незадолго перед штурмом Смоленска французами он был обрадован прибытием нарочного от супруги, уведомлявшей его о благополучном прибытии в Белгород. В ответном письме Антон Антонович на вопрос жены о возможном исходе войны писал: «Я тебе не пишу ничего о военных действиях, но только скажу, что Бог русских никогда не оставлял. Хотя враг и зашел далеко, но он падет от оружия нашего!»

Во время кровопролитного Смоленского сражения особенно напряженные бои шли у Молоховских ворот, в Рачевском предместье крепости. Здесь позиции защищали батарейная рота полковника Апушкина и Иркутский драгунский полк во главе с самим бригадным командиром А. А. Скалоном, а Сибирский и Оренбургский полки бригады вместе с казачьими сотнями прикрывали их фланги. Постоянно атакуемые конной дивизией Брюйера и корпусом маршала Нея, полки несли тяжелые потери, у артиллерийских орудий четырежды менялась прислуга, но русские рубежей не оставляли. Когда поступил приказ об отступлении, генерал с Иркутским драгунским полком остался в аррьергарде, прикрывая отход артиллерии и егерей. В это время кавалерия Брюйера начинает еще одну атаку. И вот тогда Скалон, желая выиграть время для отвода пушек и пехоты, решается на отчаянный шаг. Сразу за последним залпом русских орудий последовала молниеносная контратака драгунских эскадронов во фланг наступающих французских полков. Неприятель дрогнул, смешал ряды и на короткое время утратил наступательный порыв. Но этих десяти–пятнадцати минут оказалось достаточно для спасения батарей и пехотного прикрытия.

Противник тем временем подтянул артиллерию и под прикрытием ее убийственных залпов картечью и гранатами начал перегруппировку. Как свидетельствовали участники этого боя, генерал Скалон, видя задачу выполненной, «скомандовал эскадронам по три налево, и полк левым флангом ретировался в крепость, находясь совершенно под огнем неприятельским». По традициям боевого российского офицерства сам командир во время отхода находился в рядах последнего эскадрона. Внезапно рядом разорвались несколько гранат, и все скрылось в густом пороховом дыму, в котором адъютант и вестовые потеряли командира из виду ... Кавалерия противника была уже близко, и «плац битвы в те же минуты достался неприятелю».

Героическая оборона Молоховских ворот сорвала попытку французов прорваться к Днепровскому мосту и отрезать оборонявшие Смоленск дивизии русских от основных сил армии. К ночи 5 августа сражение утихло, а на следующий день корпус генерала Дохтурова оставил город. Адьютант Наполеона Сегюр заметил, что, когда французская армия вошла в Смоленск, «свидетелей ее славы тут не было. Это было зрелище без зрителей, победа почти бесплодная, слава кровавая, и дым, окружающий нас, был как будто единственным результатом нашей победы». Борьба за Смоленск значительно ослабила армию Наполеона и охладила наступательный порыв французов настолько, что некоторые из его маршалов и генералов открыто заговорили о необходимости мирных переговоров.

Долгое время ни близкие, ни сослуживцы ничего не знали о судьбе А. А. Скалона. Был ли он убит или раненым попал во французский плен? Брат Александр расспрашивал пленных французов, и некоторые из них, участники Смоленского сражения, поведали ему, что «поднят был неприятелями российский генерал, и отправлен был он за конвоем в местечко Красное, а далее во Францию». В описанном пленными генерале Александр «все сходное находил с чертами любезного брата...» В списках «убыли за смертью в сражении либо от понесенных ран» А. Скалон не числился, так как о его гибели не было достоверных известий, и, стало быть, не было никаких оснований для назначения его жене и пятерым детям воинской пенсии. Ни поместий, ни крепостных генерал не нажил, и его семья осталась без всяких средств к существованию. Лишь после вмешательства самого Александра с декабря 1812 г. вдове и сыновьям пожаловали ежегодную пенсию в размере 1800 рублей годового оклада А. А. Скалона.

Подлинные сведения об обстоятельствах гибели А. А. Скалона и месте его погребения близкие получили только к концу 1813 г. Оказалось, что тело сраженного картечью российского генерала было обнаружено французами 6 августа, на следующий день после кровопролитного боя у Молоховских ворот. По личному указанию императора Наполеона 8 августа герой был предан земле у подножия Королевского бастиона Смоленской крепости «с отданием всех почестей, приличествующих его воинскому подвигу, с ружейными и артиллерийскими залпами». Отдавая дань мужеству А. А. Скалона, французский император сам присутствовал при погребении и, по русскому обычаю, бросил горсть земли на его могилу. Спустя сто лет 5 августа 1912 г. здесь был воздвигнут обелиск из серого гранита с выбитым на лицевой грани крестом. Этот памятник, сохранившийся до наших дней, поставили внуки павшего – генерал-адъютант Георгий Антонович и генерал от кавалерии Дмитрий Антонович Скалоны.

По императорскому указу четверо младших сыновей А. А. Скалона были зачислены в Пажеский корпус, и в 1814 г. семейство переехало в Москву. К этому времени старший сын Александр уже имел чин гвардейского прапорщика Генерального штаба, но его жалования и отцовской пенсии было явно недостаточно для «приличного существования жительствовавшей в Москве дворянской фамилии». После получения известий о гибели мужа, Каролина Скалон, долгое время надеявшаяся «на чудо дарования непостижимым Божиим промыслом невредимым любезного супруга своего», от горя и житейских лишений тяжело заболела. В 1816 г. в письме к родным Александр Скалон признался, что практически все свое жалование он отправляет матери и братьям, «ибо пенсион, за отца нашего произведенного, недостаточно даже на наем и отопку квартиры, а по сему жительство они имеют из милости в казенном церковном доме на Форштадтской улице». Спустя два года Каролина Скалон умирает, и по ходатайству Великого Князя Константина Павловича Александр I выделил из личных доходов императорской фамилии «прапорщику Скалону и четверым малолетним его братьям 1 000 рублей».

Все сыновья генерала по примеру отца и предков служили Отечеству на военном поприще. Старший, Александр Антонович (1796–1854), будучи декабристом и членом «Союза благоденствия», с 1826 по 1828 г. состоял под негласным надзором полиции. Однако активного участия в движении он не принимал, и во время личной встречи с Николаем I император демонстративно разорвал все следственные рапорта по его делу и «милостиво даровал монаршее прощение за легкомысленные дела и суждения молодости». Годом позже капитан гвардейского Генерального штаба Александр Скалон за составление «Описания Российской империи казачьих войск гражданского ведомства» был пожалован бриллиантовым перстнем. В 1831–1836 гг. А. А. Скалон в звании полковника Генерального штаба присутствовал в качестве полномочного комиссара Российской империи при определении новых границ между Турцией и Грецией, а за год до смерти произведен в чин генерал-майора. Второй, Николай Антонович (1800–?), генерал-майор, служил в Генеральном штабе, а затем командиром Белостокского пехотного полка. Третий, Василий Антонович (1805–1882), капитан, служил помощником инспектора классов Петровского кадетского корпуса. Его жена Софья Васильевна была младшей дочерью автора знаменитой в то время комедии «Ябеда» и многих известных стихов В. В. Капниста. Семейство Скалонов находилось в дружеских и родственных связях с декабристами: братьями Муравьевыми-Апостолами, П. И. Пестелем, М. П. Бестужевым-Рюминым, М. С. Луниным. Важной страницей

в жизни Василия Антоновича и его семьи была дружба с Н. В. Гоголем. Софья Скалон, знавшая писателя с детства, в своих мемуарах приводит любопытный эпизод, когда юный Гоголь, отправляясь в Петербург, заехал к ней попрощаться: «Расставаясь со мною, он удивил меня следующими словами: «Прощайте, Софья Васильевна. Вы или ничего обо мне не услышите или услышите что-нибудь очень хорошее». Слова эти встретили общее удивление, так как в молодом человеке не видели и не предполагали ничего особенного». Их искренняя и дружеская переписка продолжалась до самой смерти писателя. Четвертый, Антон Антонович (1806–1872), генерал-лейтенант, окончил Академию Генерального штаба, многое сделал для развития военной статистики, был членом Русского Географического общества. Пятый, Данило Антонович (1808–1856), генерал-майор, служил офицером-воспитателем, командиром кондукторской роты в Инженерном училище в Петербурге, где тогда воспитывался юный Федор Достоевский; известный русский писатель Д. Г. Григорович в своих воспоминаниях называет его «добрейшим» человеком.

Многие поколения Скалонов на протяжении веков верой и правдой служили России, а потомки этого древнего рода, которые живут в Москве, Петербурге, Алма-Ате, Новосибирске и Барнауле, до сих пор продолжают это служение.

В одном из залов знаменитой Военной галереи героев Отечественной войны 1812 года в Зимнем дворце среди 332 портретов военачальников русской армии есть портрет генерала средних лет в парадном драгунском мундире с золотыми эполетами, грудь его украшают четыре ордена за воинскую доблесть. Открытое, благородное лицо, вьющиеся волосы с начинающими седеть прядями, спокойный и твердый взгляд. Таким предстает перед нами родившийся на Алтае, в городе Бийске генерал-майор от кавалерии Антон Антонович Скалон.

В. С. ПЕТРЕНКО

ОТЕЦ И СЫН ВЕЛИЖАНИНЫ

Все лето в Барнауле упорно циркулировали слухи о сносе «Демидовского столба». Вскоре эти слухи приобрели зловещую реальность. 20 августа 1924 г. тяжелые плиты с надписями были погружены на пароход, отходивший в Новониколаевск. Несколько раз обеспокоенные краеведы обращались к губернским властям, настаивая на непременно сохранении в Барнауле исторического памятника. Напрасно. Тогда и появилось обстоятельное письмо в Народный комиссариат просвещения: «Имея в виду, что Демидов Столб с надписями на нем в истории Барнаула и в истории бывшей горнозаводской деятельности на Алтае является действительно памятником старины, подлежащим безусловной охране... считаем долгом уведомить... для возможного принятия соответствующих мер...». Письмо подписал председатель совета Алтайского отдела Русского географического общества Андрей Петрович Велижанин.

В городе его знали и любили. Прежде всего как врача. В 1904 г. А. П. Велижанин окончил медицинский факультет Томского университета. Будучи специалистом по детским болезням, Андрей Петрович отлично разбирался и в общих вопросах медицины. «Детский врач А. П. Велижанин помог моей маме, не имевшей средств, поместить меня в больницу. Там при содействии Андрея Петровича операцию сделал мне хирург Руднев. Благодаря Велижанину и Рудневу, ампутация ноги была предотвращена», – написала мне из г. Ухты Коми ССР В. И. Минина, детство которой прошло в Барнауле. Людмила Андреевна, дочь А. П. Велижанина (живет в Вильнюсе), бережно хранит картину известного художника Андрея Никулина с дарственной надписью: «Дорогому Андрею Петровичу, этот дар как выражение моего чувства благодарности за бескорыстную добросовестную врачебную помощь, спасающую меня от смерти в самые лихие дни моей жизни».

Около четырех лет Андрей Петрович добросовестно выполнял обязанности главного врача Алтайской губернской больницы. Порядочность, рыцарская самоотверженность в деле врачевания, истинная интеллигентность – эти качества врачей старой школы связывали и сближали А. П. Велижанина с барнаульскими коллегами Александром

Ивановичем Смирновым, братьями Александром и Михаилом Киркинскими, Матвеем Павловичем Элисбергом.

Деревянный двухэтажный дом по ул. Сузунской, 95 с металлической пластинкой «Врач А. П. Велижанин» посещали многие барнаульцы. Поднявшись по крутой лестнице, посетитель попадал в небольшую приемную. Направо – уютный кабинет доктора, рядом располагалась столовая с роялем в углу. А возле него – огромные вазоны с пальмой и олеандром. Старомодный буфет и настенные часы с боем дополняли обстановку. Из столовой приветливый хозяин обязательно вел гостей в свою мастерскую. Книги и чучела птиц заполняли полки шкафов от пола до потолка. Особенно поражало обилие чучел. Орнитологию Андрей Петрович называл своей второй специальностью. Его статьи о птицах публиковались в научном журнале «Наша охота». К числу лучших работ сам ученый относил две, написанные в соавторстве с сыном Глебом – «Список птиц Барнаульского округа» и «О птицах Алтайского края».

Воспитанный в семье учителя, А. П. Велижанин любил поэзию, особенно русскую классику. Глубоко чувствовал серьезную музыку, часами мог сидеть за шахматной доской. Но всепокоряющей страстью его были охота и рыбная ловля. Он отдавал им почти все свободное время. Из воспоминаний Л. А. Оверко (Велижаниной): «...уезжал на несколько дней далеко. Во время сборов в доме царила неимоверная суматоха. Даже Том, умный и степенный пес, по-своему включался в общее напряжение, бегая по двору, от нетерпения оглушительно лаял. Когда возвращались с добычей, для нас начиналась довольно утомительная обработка зверей и птиц под строгим наблюдением отца. Брат мой Глеб пристрастился к этому занятию и стал впоследствии ученым».

Андрей Петрович имел все основания гордиться незаурядным талантом и бесконечным усердием сына. Опубликованная в «Алтайском сборнике» в 1930 г. статья Г. А. Велижанина «Заметки по орнитофауне Барнаульского, Рубцовского и Славгородского округов» отличалась глубиной и точностью систематических наблюдений. Для вступления в Географическое общество кандидату требовались две рекомендации. Кроме отца, молодого ученого рекомендовал принять действительным членом В. И. Верещагин, известный педагог и исследователь Алтая.

Глеб и Людмила росли веселыми, здоровыми детьми. В минуты семейного досуга Андрей Петрович увлеченно играл с детьми или, улыбаясь, наблюдал шумную возню детворы. «Без детей жизнь теряет изначальный смысл», – считал Велижанин-старший.

В 1910 г. Андрею Петровичу суждено было перенести жестокий удар судьбы – трагически погибла жена, оставив 35-летнего вдовца с двумя малолетками. Родственники настоятельно уговаривали его отдать детей им. Но Андрей Петрович решительно отклонял эти просьбы. Из воспоминаний Л. А. Оверко (Велижаниной): «Нас вырастила

Полина Васильевна Овсянникова, в 1911 году ставшая женой Андрея Петровича и проявившая большую преданность своему долгу. Сиротства мы с братом не чувствовали. Я вспоминаю нашу вторую маму с любовью и благодарностью».

Алтайский отдел Русского географического общества, продолживший прекрасные традиции Общества любителей исследования Алтай, созданного в Барнауле в 1891 г., объединял лучших людей, любивших Алтай, его природу, историю. Научные труды членов общества публиковались в «Алтайском сборнике», выходявшем в Барнауле с 1894 г. Так, в 12-м томе была опубликована статья А. П. Велижанина «Заметки из поездки в верховья речки Барнаулки», явившаяся результатом научной командировки автора по изучению горьких озер в верховьях р. Барнаулки. Ранее этим вопросом никто не занимался.

На заседаниях А. П. Велижанин не только председательствовал, но и нередко выступал с сообщениями и докладами. 14 ноября 1926 г. он сделал сообщение на тему: «От Омска до Обской губы с Карской экспедицией». Сообщение это привлекло большое число слушателей – 233 чел. В 1926–1927 гг. А. П. Велижанин был председателем Алтайского отдела РГО. По его инициативе состоялось заседание в память о крупном ученом, знатоке природы Алтай В. В. Сапожникове (1861–1924). Взволнованно звучали личные воспоминания Андрея Петровича, учившегося у В. В. Сапожникова в Томске, путешествовавшего с ним по Семиречью.

29 февраля 1928 г. Андрей Петрович посвятил свое выступление теме «Утки Алтай», сопровождавшееся «демонстрацией чучел и световых картин».

Заседания правления общества, как правило, проходили в краеведческом музее. Архивист и краевед Няшин Г. Д. отмечал огромную заслугу А. П. Велижанина в создании краевого краеведческого музея. По мнению Г. Д. Няшина, Андрей Петрович, проявляя специальные знания и художественный талант, положил основание богатейшей коллекции чучел птиц, ревностно и бескорыстно пополнял ее. Благодаря А. П. Велижанину наш современный музей располагает всеми главнейшими представителями пернатого царства Алтай.

В Барнауле только А. П. и Г. А. Велижанины производили кольцевание птиц, фенологические наблюдения, утверждал Григорий Дмитриевич Няшин. Вместе с П. А. Казанским, Г. Д. Няшиным, В. И. Верещагиным А. П. Велижанин деятельно готовил первую губернскую краеведческую конференцию, состоявшуюся в феврале 1925 г. в Барнауле. Андрей Петрович руководил секцией зоологов, выступив с двумя докладами.

В 1925 г. увидели свет «Очерки Алтайского края», вышедшие тиражом в 3 тыс. экземпляров, 192 страницы которых вместили 17 статей. Книга предназначалась для советских школьников. Среди организаторов издания и авторов – А. П. Велижанин.

В городах и селах губернии, как и во всей стране, мучительно зарождались новые общественные отношения. Старое отступало с трудом. Тяжелые предчувствия и страхи тяжелым камнем наваливались на крестьянскую душу. От двора ко двору распространялись невероятные слухи о затмениях, чудесах, волшебных источниках. Андрей Петрович доступно и убедительно объяснял крестьянам причину природных явлений, указывал на опасность массового заражения людей у святых источников, если они будут нарушать элементарные нормы санитарии.

Незаметно наступала старость. В 1937 г. А. П. Велижанину шел 62-й год. Но грядущие дни не обещали заслуженного радостного покоя. Уже не существовало Географическое общество, его разогнали под флагом борьбы с «вредными элементами». Из архивных материалов УКГБ по Алтайскому краю стало известно, что в 1937 г. в Барнауле органами НКВД было сфабриковано дело о контрреволюционном заговоре врачей так называемой старой школы. По этому делу А. П. Велижанин был арестован 22 августа 1937 г. по обвинению в принадлежности к руководству повстанческого штаба контрреволюционной кадетской партии, якобы ставившей целью вооруженное свержение советской власти, а также в организации им четырех подпольных отрядов и одной диверсионной группы. Постановлением особой тройки УНКВД по Западно-Сибирскому краю он был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией лично принадлежащего ему имущества. Приговор приведен в исполнение 2 сентября 1937 г. в Барнауле.

14 ноября того же года был арестован и его сын Глеб Андреевич Велижанин 1905 г. рождения, который осуждался за участие в деятельности контрреволюционной фашистской диверсионной организации, в проведении работы по подготовке массовой бактериологической диверсии в момент интервенции капиталистических государств против СССР. По делу проходило 14 человек. Как «враг народа» Г. А. Велижанин был расстрелян 27 декабря 1937 г. в г. Барнауле.

Так естественно желание Людмилы Андреевны Оверко (Велижаниной) поклониться праху дорогих ее сердцу людей: отца и брата. Из ответа УГКБ «места захоронения Велижанина Андрея Петровича, Велижанина Глеба Андреевича... не представляется возможным установить в связи с отсутствием информации в архивных уголовных делах».

...Пионерская площадь краевого центра. У «Демидовского столба» стайка притихших школьников, слушают учительницу. Подумалось: вряд ли здесь будет упомянуто имя Велижаниных. Ведь публикаций о них практически нет, кроме скурых строчек в Сибирской советской энциклопедии. Название железнодорожной станции «Велижановка» (Первомайского района) прочно связано с крестьянским родом Велижаниных на Алтае. Это – отдельная и большая тема, которая, ждет своих кропотливых исследователей.

В. Н. КИСЛИЦЫН

**ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА
(КОЛЫВАНО-КУЗНЕЦКАЯ ЛИНИЯ)**

На юго-западной границе Алтайского округа, на землях Кабинета Его Величества, по рекам Иртышу, Бухтарме и Нарыму и частью внутри самого округа, на так называемой Бийской линии, располагались поселки и станицы, входившие в состав Сибирского казачьего войска и имевшие свое управление.

Цепь сибирских казачьих поселений, начинаясь от Оренбургской границы, направлялась через г. Петропавловск к Омску, потом по Иртышу проходила гг. Павлодар, Семипалатинск и Усть-Каменогорск, где разветвлялась на две линии: Бийскую и Бухтарминскую. Общее протяжение ее составляло 1801 версту. Вся территория Сибирского казачьего войска занимала площадь 48 058 кв. верст. В 1916 г. общая численность казачьего населения насчитывала 172 тыс. человек.

В военно-административном и хозяйственном отношении Сибирское казачье войско делилось на три военных отдела, с управлениями в городах Кокчетаве, Омске и Усть-Каменогорске. В первом отделе располагалось 14 станиц и 18 поселков, во втором – 11 станиц и 46 поселков и в третьем отделе – 18 станиц и 65 поселков.

По штатам мирного времени войско выставляло 3 конных полка и гвардейскую полусотню, что составляло свыше 3 тыс. человек, а в военное время (1916 г.) – 9 конных шестисотенных полков и 6,5 отдельных и запасных сотен. Это составляло 11,5 тыс. человек.

Главное управление Сибирским казачьим войском принадлежало Степному генерал-губернатору, Командующему войсками Омского военного округа, облаченному в звание Войскового Наказного Атамана. Центром Сибирского казачества являлся г. Омск.

Для защиты от набегов кочевников в 1747 г. на Алтае была построена система крепостей, форпостов и укрепленных заводов. Начинаясь от устья р. Убы, впадающей в р. Иртыш, укрепленная линия, получившая

название Кольванской, шла вверх по ней до р. Шемонаихи, а отсюда на Змеиногорский рудник к Кольванскому заводу, и далее по р. Чарыш до форпоста Николаевский, затем по р. Ануй и заканчивалась крепостями Ануйской, Катунской и Бийской. В 1757–1765 гг. был построен новый ее участок от крепости Усть-Каменогорской до форпоста Чарышского.

Крепости, редуты и форпосты вначале заселялись солдатами из ссыльных и казаками из Тобольска, Тюмени, Березова, Сургута, Томска, Нарыма. Первые казаки не составляли обособленного военного сословия, а просто назывались городовыми. Затем было разрешено селиться отставным драгунам и солдатам. Почти тогда же в Сибирь переехали значительное число донских казаков.

В начале 70-х гг. XVIII в. в укрепленных пунктах оборонительной линии расселили 150 ссыльных запорожских казаков. В виде пособия при водворении на новых местах каждому выдавался казенный провиант и от 40 до 50 к. ежемесячно. Позднее, в 1796 году, предполагалось привлекать к заселению и отставных мастеровых Кольвано-Воскресенских заводов, а также людей другого звания, обитавших между реками Иртыш и Алей.

В 1768 г. была создана Кузнецкая укрепленная линия, которая являлась продолжением Кольванской, и проходила от Бийской крепости до г. Кузнецка. В эту военную линию вошли: Усть-Каменогорская крепость, защита Ульбинская, защита Бобровская, Секисовский редут, защита Верхне-Убинская, Убинский и Красноярский форпосты, редут Плоский, форпост Ново-Алейский, Ключевский маяк, защита Белорецкая, редут Андреевский, форпост Тигеревский, маяк Яровой, защита Тулатинская, редут Чарышский, маяк Сосновский, защита Маралихинская, форпост Казанской Божьей Матери на р. Маралихе, маяк Слюденский, форпост Антоньевский, маяк Николаевский, защита Терская, форпост Ануйский, редут Смоленский, крепость Ануйская, крепость Катунская, крепость Бийская, маяк Бехтемирский, маяк Новиковский, маяк Лебяжий, маяк Сайлапский, форпост Сайдып, маяк Нижне-Ненинский, маяк Урунский, маяк Караканский, маяк Верхне-Ненинский, полумаяк Пуштулимский, маяк Сары-Чумышский, полумаяк Кандаланский, форпост Кузедеевский, маяк Калтанский, маяк Ашмаринский, крепость Кузнецкая. Это была одна цепь довольно далеко расположенных друг от друга укреплений, которая обходила Алтайские горы, расположившись у подножия их, прикрывая горную и металлургическую промышленность Кабинета, и обеспечивая освоение русским крестьянством земель южной части Сибири.

К 1765 г. на линии несли службу 834 казака и солдата. Это указывает на то, что военные поселения были иногда ничтожны по количеству

населения. Так, например, в Белорецкой защите проживало только три драгуна и несколько казаков, не больше их находилось и в Тигирекском и других форпостах.

Кроме несения караульной службы и работ, связанных с укреплением оборонительных линий, казаки и солдаты занимались земледелием, скотоводством и рыболовством.

В 1746 г. по распоряжению генерал-майора Киндермана заведено казенное хлебопашество, для лучшего обеспечения хлебом гарнизонов крепостей и форпостов. Совмещать военную службу с хлебопашеством для солдат и казаков было трудно, поэтому в 1770 г. они были освобождены от земледелия и за службу стали получать жалование.

19 августа 1803 г. все казаки, служившие на пограничных линиях Иртышской, Ишимской и Кольвано-Кузнецкой, крестьяне-переселенцы и др. были объединены в Сибирское казачье войско, как отдельное сословие, с особыми привилегиями, правами и своими сословными учреждениями.

Позднее, в 1819 году, разрешено было принимать в войсковое сословие и селить на казачьих землях отставных воинских чинов всех наименований.

В 1841 г. из числа казачьих селений в Алтайском горном округе находилось 13 форпостов и 22 редута с 20 тыс. жителей обоего пола.

Высочайшим указом 5 декабря 1846 г. войсковая территория была разделена на 9 полковых округов. В состав Сибирского казачьего войска было зачислено 42 крестьянских селения Курганского, Ишимского, Омского и Бийского уездов, в количестве 5 380 душ. Каждый полк формировался из населения своего полкового округа. По всем частям своего управления и хозяйства в административном порядке Сибирское казачье войско подчинялось Военному министерству, по департаменту военных поселений.

Северная часть Кольвано-Кузнецкой линии, до Кузнецка, в 1848 г. была упразднена. Часть казаков была переселена на р. Копал, остальные же были перечислены в крестьянское сословие и вместе с отведенными им в 1816–1820 гг. землями переданы в распоряжение заводского начальства. Редуты и маяки от Бийска до Кузнецка пришли в негодность. Оставшаяся часть линии – Бийская – существовала до 1920 г.

Происхождение сибирских казаков существенно отличается от казаков донских и уральских, образовавшихся из вольных товариществ. Донские и уральские казачьи сообщества, возникшие самостоятельно, заняли на правах собственности земли, никому ранее не принадлежавшие и лишь позднее вошедшие в состав Российского государства. В Сибири для защиты новых земель, само правительство образовало

на далекой окраине крепости и форпосты. Для обеспечения существования служилым людям предоставлялись земельные участки. Между тем, все земли Алтайского горного округа, согласно ст. 1801 Свода законов (т. VII, Горный устав), принадлежали Алтайским заводам, которые, согласно ст. 1690 того же устава, составляли собственность Государя Императора, а казачьему войску они были предоставлены лишь во временное пользование.

Каждый казак обязан был быть готовым к военной службе и иметь как обмундирование на свой счет, так, непременно, и лошадь. Благодаря этой службе, он освобождался от всех государственных повинностей и награждался достаточным земельным наделом. Земля была во владении общины, надел нарезался на каждого народившегося мальчика в пожизненное владение, с правом передачи по наследству или сдачи в аренду. Еще в 1725 г. Сибирским Приказом всем казакам Иртышской линии было назначено хлебное и денежное жалование: казакам по 4 рубля, по 3 четверти ржи, по 1,5 четверти круп на каждого в год и по 2 четверти овса на лошадь.

Интересно проследить историю земледелия в Сибирском войске и те мероприятия администрации, которые проводились с целью приучения казака к земледелию. Местная администрация, стараясь обеспечить казаков своим хлебом, неоднократно делала попытки приучить казаков к занятию хлебопашеством.

Казенное хлебопашество было введено по ходатайству генерала Киндермана, начальника Сибирских пограничных линий. Работа на казенных пашнях возлагалась на крепостных и выписных казаков, для чего на Колыванскую линию было назначено 200 казаков. Каждый казак обязывался обрабатывать по три десятины ярового и по 3 ржаного хлеба. Для возделывания пашни казакам выдавались все необходимые земледельческие орудия и по 2 пары быков. Казенная пашня была, в частности, заведена у Кабановой защиты, что вынудило кабановских приписных крестьян покинуть свою деревню. В 1749 г. небольшие участки казенной пашни существовали и у Катунской крепости. Неурожай, охвативший всю Западную Сибирь в 1749 г., привел к резкому сокращению посевов. Просуществовав 24 года, казенное хлебопашество в 1770 г. было отменено Сенатом ввиду того, что было для всех разорительно, а казенные пашни не принесли никаких выгод, т. к. хлеб обходился не дешевле привозного.

Правительствующий Сенат в 1754 г., принимая во внимание трудности казачьей службы, а также дороговизну на линии, определил жалование казакам на Колыванской линии деньгами по 5 р. 32 к., ржи по 3 четверти и овса по 2 четверти в год. Что касается чиновников, то они

получали: атаманы – по 12 р. 81 к, 8 четвертей 2 четверика 7 гарнцев ржи и 4 четверти овса в год; сотники – по 8 р. 91 к, 7 четвертей ржи, по 4 четверти овса; писари, пятидесятники и прапоры – по 7 р. 17 к, 5 четвертей и 2 четверика ржи и 4 четверти овса в год.

Указом 27 марта 1773 г. казакам предоставлялись 6-десятинные наделы удобной земли на каждую душу мужского пола. В этот надел должны были входить усадьбы, выгон, пахотная земля, сенокосные и лесные угодья.

Площади 6-десятинных наделов, установленные Высочайшим указом, были в основном отведены казачьим редутам Кузнецкой линии в 1816 г., частью в 1817 г. Закончились работы в 1827 г. отводом надела Кузедеевскому форпосту и в 1828 г. редутам и форпостам Кольванской линии.

Наделы ограничивались межевыми чинами Горного ведомства. Работы при межевании начинались с установления границ земельной дачи, после обхода которых производилось измерение и одновременно закреплялись постоянными межевыми знаками. На поворотных пунктах копались ямы глубиной 2 м и радиусом 3 м. В лесу делались просеки, а на открытом месте – межники. Измерив межу и установив межевые знаки, межевщики производили простейшую съемку населенных мест, выпаханых и засеянных участков. На каждую дачу составлялся план, копия которого выдавалась и местной администрации. Справедливости ради надо сказать, что планы составлялись по произвольным меридианам, без румбов и астролябических углов, без меры линий, с несоответствием указанных масштабов, а по окружным граням не сходны с планами смежных дач. При отсутствии экспликации к плану не представляется возможным определить размеры душевого надела.

Работы, проводимые по отводу наделов, позднее, в 1828 году, отличались уже большей точностью. Но обход окружных границ также велся от произвольных меридианов, без румбов и также без указания меры линий.

Первоначальные отводы казакам Кольвано-Кузнецкой линии, произведенные в 1816–1828 гг. составили 29 380 десятин удобной земли, причем к основной площади отвода было примежевано много пустолежащих кабинетских земель.

Землепользование казаков Верх-Алейского станичного правления из-за малоземелья резко отличалось от остальных поселков Бийской казачьей линии.

Так, в поселке Андреевском, Белорецком, Ключевском усадебная земля, хотя и была отделена, но соприкасалась с крестьянскими усадьбами, а в Верх-Убинском и Секисовском – выгон состоял в общем

с крестьянами пользовании. Поселку Бобровскому особого надела в 1816 г. не было отграничено, а отведен один общий с крестьянами деревни Бобровской. Отрезка 773 десятин в 1865 г. по уставной грамоте мастеровым и рабочим Белоусовского рудника и наплыв переселенцев усложнили отношения казаков и крестьян.

Пашнями казаки Верх-Алейского станичного правления, за исключением Бобровского поселка, пользовались без переделов, захватным способом при залежном ведении хозяйства. В поселке Плоском – душевому наделу подлежали лишь сенокосные угодья.

Главное управление Алтайского горного округа рассматривало вопрос об упразднении Бийской линии, которая внедряясь вглубь округа, утратила свое значение, а к казакам поселка Бобровского и Антоньевского станичного правления применить выселение или добровольный переход в крестьянское сословие. Но этот вопрос не получил разрешения у Военного министра.

В 1846 г. на основании Высочайшего указа от 5 декабря норма земельного надела была определена в следующих размерах: штаб-офицерам по 400 десятин, обер-офицерам – по 200, казакам по 30 и церковным причтам по 99 десятин удобной для хлебопашества и скотоводства земли. Сверх этого каждому полковому округу, а их в Сибирском казачьем войске в то время было девять, прирезывалось до 24 тыс. десятин в запас на случай увеличения населения и для войсковых хозяйственных нужд. Следует заметить, что запасные земли отдавались в аренду в пользу войска.

В 1847 г. состоялось высочайшее повеление о переводе казаков Кузнецкой линии на новую границу с Китаем. В том же году были переведены две казачьи сотни, в следующем – еще две. Остальные же казаки были перечислены в крестьянское сословие. С выселением казаков, земли их в количестве 31 083 десятин поступали в ведомство Алтайских горных заводов и на них поселялись приписные к заводам крестьяне.

Позднее, для реализации указа 5 декабря 1846 г., в 1851 году, в соответствии с мнением Государственного Совета от 15 ноября 1850 г., для отмежевания казачьих земель, в Сибирском казачьем войске была учреждена особая межевая комиссия, которая под именем «временной межевой партии» в этом же году открыла свои действия. Работы начались с наделения землей казачьих поселков Пресно-Горьковской и Иртышской укрепленных линий. Межевая партия в каждый полевой сезон старалась закончить наделение землей станицы и поселки целого поселкового округа, избегая при этом отрезки от земель, находившихся в пользовании у крестьян. Прирезки же в каждом случае рассматривались Войсковым Правлением совместно с чиновниками Горного ведомства,

заклучения которых представлялись через Главное управление Западной Сибири на высочайшее благоусмотрение.

Горное правление рекомендовало не стеснять в землепользовании крестьян, приписанных к Алтайским заводам, число которых с течением времени будет значительно возрастать. Такое возрастание крестьянского приписного населения обязывало иметь в запасе резервный фонд удобных земель.

На отведенные земли каждому казачьему поселку были составлены планы, хранившиеся в Главной Барнаульской чертежной.

Фактическое межевание, приуроченное по численности душ мужского пола казачьего населения, состоявшего в наличии к 1 января 1877 г. по Бийскому уезду, составило площадь в 218 653,3 десятин войсковых земель, в том числе луговой – 198 971,1 десятин неудобной земли – 19 592,5 десятин.

В 1855 г. бывший генерал-губернатор Западной Сибири генерал Г. Х. Гасфордт признал необходимым упразднить Бийскую линию и с этой целью началось выселение казаков в Забайкальский край. Первыми выселению подлежали поселки Ануйский, Смоленский, Терский и Николаевский. Первоначально выселение казаков производилось по жеребьевке, а в дальнейшем – огульным вывозом всех оставшихся казаков. Поселки Ануйский и Смоленский подчинились огульному выселению, а Терский и Николаевский – по жеребьевке, так как к этому времени вышло распоряжение Военного министра об отмене обязательного выселения казаков Бийской линии.

Уходившие казаки распродавали свои дома и имущество переселенцам, а в обеспечение прав на землю выдавались приемные приговора. За каждый приемный приговор переселенцы платили казакам по 15 р., а в Слюденском поселке – по 10 р. с души. Приговора эти до 1875 г. свидетельствовали в Антоньевском станичном управлении, которое, удостоверяя неподложность приговоров, дополняло право переселенцев на принятие на жительство новоселов со стороны.

К концу 1870 г. Войсковое хозяйственное управление Сибирского казачьего войска заплатило казакам выдачу приемных приговоров, и с этого времени принятые крестьяне-переселенцы начали ходатайствовать перед Управлением Алтайского горного округа, перед Томским губернатором о формальном причислении их к сельским обществам. Но так как, несмотря на почти огульный выезд казаков, земли поселковые оставались за войском, все ходатайства и прошения переселенцев не получали должного разрешения.

Весть о привольных землях распространилась далеко по России. Только из Воронежской губернии в период 1876–1882 гг. в Сибирь

прибыло более 300 душ. Эта новая волна переселенцев оседала на землю, не обращая внимания ни на малочисленных казаков, потерявших всякий авторитет, ни на крестьян, имевших приемные приговора и, находясь официально не причисленными к волости, не могли образовывать сельские общества.

Выбирая для поселения казачьи поселки Бийской линии, переселенцы считали наиболее благоприятными поселки Ануйский, где осело 158 семей, Терский – 63 семейства, Смоленский – 38 семей и Николаевский – 30 семей. Результатом этого поселения явилось крайнее обострение земельных отношений населения части Бийской линии, вызвавшее даже поездку особой комиссии для устранения чересполосицы и выделения казачьих земель в дачах смешанного пользования.

Начались внутренние распри и ссоры, подача в Управление округом жалоб. Все проживающие переселенцы усиленно хлопотали о причислении, но везде безуспешно, ввиду затянувшегося вопроса о наделе казаков.

Еще в 1875 г. была специально создана межевая съёмочная комиссия под председательством начальника Съёмочного отделения Управления Западной Сибири Ерофеева, в обязанности которой было вменено точное определение площадей прежнего межевания. Ей поручалось также обследование землевладения казаков, при восстановлении границ решать споры их с крестьянами на месте, устанавливая межевые знаки, руководствуясь планами съёмки 1816–1828 гг.

По дачам поселков Маральевского, Тулатинского, Яровского и Чарышской станицы комиссией обследованы одни лишь окружные межи. Границы наделов поселков Бобровского, Секисовского, Верх-Убинского, Плоского, Ключевского, Белорецкого, Андреевского и Верх-Алейской станицы вообще остались не проверенными. Сняты все земли поселков Ануйского, Смоленского, Терского, Николаевского и станицы Антоньевской, причем установлено, что казаками этих поселков захвачены излишки земель в размере 33 017 десятин.

Кроме того, комиссия обнаружила, что поселки Ануйский, Смоленский, Терский и Сосновский возведены на землях Горного ведомства, а, в свою очередь, селения Горного ведомства Михайловское, Маралихинское, Березовское, Генераловка с разрешения Горного Правления и Томской губернской Казенной Палаты построились на землях, находящихся в пользовании казаков.

Комиссией установлено, что в пользовании 3 144 душ казаков Бийской линии оказалось от 24 до 134,5 десятин удобной земли на душу.

Переселенцы, проживавшие в казачьих поселках Анжуйском, Смоленском, Терском и станице Антоньевской, оставлены там на жительство журналом Совета Главного управления Западной Сибири, состоявшегося

23 февраля 1882 г. № 12, при условии внесения всех платежей и сборов в станичное правление, за исключением посаженной платы за землю, взятую усадьбами переселенцев. На основании Мнения Государственного Совета, Высочайше утвержденного 26 апреля 1868 г., лица не войскового сословия, проживавшие в казачьих поселках собственными домами, обязаны были ежегодно платить за усадебные места по одной копейке за квадратную сажень.

Казаки также сдавали переселенцам в аренду излишние земли: за оброк по 30 к. с десятины пашни и сенокосы, за выгон скота по 15 к. с лошади, 10 к. с коровы и по 2 к. с овцы.

В течение 1894–1895 гг. земельные дачи смешанного населения были вымежеваны казачьими межевыми партиями из состава Алтайского округа. Но установить, какая площадь земли в этих дачах должна была составлять собственность казаков, и какая была предоставлена крестьянам, не было никакой возможности, т. к. часть дач была уступлена крестьянам казаками. Вследствие этого площадь казачьего землепользования была определена условно по действительному их землепользованию к 1894 г., исчисленному Войсковым хозяйственным правлением в пределах не менее 146 635 десятин удобной земли.

В 1894 г. казачье население составляло 14 348 душ обоего пола. Удобной земли имелось, в среднем, по 49,9 десятины на душу, а всего с неудобной – 54,8 десятины.

Средний посев казаков Бийской линии за трехлетие 1892–1894 гг. составлял: озимых – 12 164 десятины; яровых – 73 487 десятин. На один двор приходилось 4,3 десятины посева, а на одну душу мужского пола – 0,5 десятины. Хлеба было собрано 42 849 четвертей. Принимая в среднем норму потребления по две четверти на человека, имелся избыток 14 153 четверти.

Казаки содержали в своих хозяйствах 10 807 лошадей, 11 091 крупного рогатого скота и 8 026 голов мелкого рогатого скота. Земли на одну голову числилось 10 десятин, а, в среднем, голов скота на один двор – 16,5.

Из вышесказанного можно заключить, что казаки Бийской линии в конце XIX века жили безбедно.

Кабинет был также заинтересован в скорейшем разрешении земельных беспорядков, царивших в казачьих дачах, которые наносили явный ущерб его интересам, т. к. масса переселенцев вносила арендную плату в пользу Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска. Для этого не оставалось иного выхода, как полное землеустройство крестьянско-казачьих поселений.

Полное землеустройство как казачьих, так и смешанных крестьянско-казачьих поселков было произведено в 1897–1908 гг. чинами Ме-

жевого отделения Сибирского казачьего войска под руководством особой комиссии.

Комиссия состояла из председателя статского советника Н. Наумова, двух членов от Кабинета: А. Сегедий и А. Булава, двух членов от Сибирского казачьего войска: полковников Г. Катанаева и М. Калачева и одного члена от министерства внутренних дел. Представителями, обычно, были чиновники по крестьянским делам А. Пучковский или К. Малиновский. Комиссия рассматривала все заявленные возражения и споры о границах, и разрешала их на основании всех имеющихся в ее распоряжении данных. Если восстановление границ дачи нарушало интересы Кабинета или Войска, то представители этих ведомств заявляли возражения, объясняли, почему и каким образом должна быть изменена эта граница. В случаях, когда восстановление границы затрагивало интересы местного населения, споры о границах заявлялись через его доверенных.

При рассмотрении возражений со стороны членов комиссии и споров со стороны населения, комиссия, в случае, если она признавала представленные доводы уважительными, выработывала проект новой границы. Предъявляя его заинтересованным сторонам, и рассматривая их возражения, комиссия, наконец, выносила свое решение. Решение принималось большинством голосов и, не опротестованное кем-либо из членов комиссии, признавалось окончательным. Решения, опротестованные через Кабинет, представлялись на соглашение министров Императорского двора – Военного и Внутренних дел.

После окончательного установления всех границ, проектные планы представлялись на высочайшее утверждение.

Площадь земельного надела была соразмерна с существующим пользованием. Исчисление наличных душ казаков и крестьян определялось данными всенародной переписи 28 января 1897 г.

Если юртовый надел рассчитывался, в основном по 30 десятинам удобной земли на мужскую душу, то размеры душевого надела крестьян составляли от 10 до 15 десятин. Столь незначительные размеры душевых наделов были вызваны малоземельем, так как все близлежащие дачи были отведены крестьянам густонаселенной Смоленской волости.

Съемка ситуации действительного пользования производилась лишь в случае негодности имеющегося планового материала. При имеющихся доброкачественных планах производилась только проверка их в натуре.

Наделы при смешанных казачье-крестьянских селениях отводились поблизости к селениям, по возможности в одной общей черте (для казаков и для крестьян отдельно) и в спрямленных границах. Внешне эти границы обозначались в натуре межевыми знаками.

Все действия землемеров Межевой партии Сибирского казачьего войска производились при участии доверенных от общества казаков и крестьян. Доверенные же избирались на поселковых сборах казаков и сельских сходах от каждого селения, с вручением общественных приговоров об их избрании.

При землеустройстве, продолжавшемся с 1897 по 1908 г., Сибирскому казачьему войску (Бийской линии) было отведено: 4 233 душам казаков – 192 261 десятина; крестьянам – на 3 510 душ – 40 252 десятины.

Путем такого землеустройства были установлены точные размеры и границы земель каждого поселка. Земля была закреплена в виде компактных массивов, с правильной конфигурацией и удобными границами. Выдачей проектных планов была внесена ясность и бесспорность в казачье и крестьянское землепользование.

В. Ф. ГРИШАЕВ

**«ПРОШУ МЕНЯ РАССТРЕЛЯТЬ ...»
(МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ М. О. КУРСКОГО)**

Михаил Онисифорович Курский родился в 1856 г. в Томске, в семье мещанина. В 1867 г. он поступил в Томскую гимназию, откуда в 1870 г. вынужден был уйти «за неимением средств». Работал «мальчиком», конторщиком, поденщиком у купцов, в 1875 году, вместе с отцом, на золотых приисках в Томской, Мариинской тайге, Зайсанском крае (Восточный Казахстан). Осенью 1882 года он сдал экстерном экзамен в Томской гимназии на звание народного учителя и был направлен в с. Карасук Славгородского уезда.

Там М. Курский не только учительствовал. «Давал мужикам советы», – показал он позже на допросе, – «когда с ними поступили незаконно, несправедливо; кроме того, мною все местные божки разоблачались через «Сибирскую газету», в которой сотрудничал с 1881 г.».

Кончилось тем, что в 1884 году, по доносу волостного писаря, молодой борец за правду и справедливость был арестован и препровожден в Барнаул, в полицейское управление. Здесь его выручил В. К. Штильке – взял на поруки. С Василием Штильке Курский подружился еще в Томской гимназии, хотя и был на шесть лет моложе его. Осенью того же года, М. О. Курскому удалось получить место учителя в с. Ново-Ильинском Нарымского края, но и оттуда был он уволен как политически неблагонадежный.

В марте 1894 г. М. Курский снова переезжает в Барнаул. У него уже четверо детей, но нет ни денег, ни работы. И снова его выручил В. Штильке – устроил библиотекарем городской общественной библиотеки, основанной им в 1888 г. (ныне Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова – авт.).

В биографическом очерке о М. Курском, написанном в марте 1926 г. кем-то из членов артели «Краевед», говорится, что, возглавляя библиотеку, Курский «привел ее в образцовое состояние. Число подписчиков (так тогда называли читателей – авт.) возросло с 80 до 300 человек, а объем почти вдвое». Цифры эти нуждаются в уточнении. Из

документов известно, что в 1892 г., то есть еще до М. Курского в библиотеке было 110 подписчиков. Сам Михаил Онисифорович позже показал: «Работая в библиотеке, распространял нелегальную литературу. Полиция, найдя каталог нелегальной литературы у моего знакомого фельдшера Шкалина, составленный мною, возбудила дело, предложила с работы уйти... С 1896 по 1906 г. давал частные уроки, сотрудничал в периодике, не оставлял и партийной работы».

По воспоминаниям участников революции 1905 г., Курский вместе с В. К. Штильке был организатором и руководителем подпольного союза учителей, а также легального союза приказчиков – «Общества взаимопомощи частного труда» (с 1901 г.).

С 1900 г. М. Курский состоял под негласным наблюдением полиции. В 1911 г. он – агент «Общества русских драматических писателей и оперных композиторов».

В декабре 1900 года, с окончанием строительства Народного дома, М. Курский стал его первым заведующим. Но и на этой должности он долго не удержался. Уже в 1904 г. он был уволен по распоряжению Томского губернатора все из-за той же «политической неблагонадежности». Вознамерился открыть частную школу – не разрешили по той же причине.

В октябре 1905 года, во время известного погрома, он был жестоко избит черносотенцами. Один из очевидцев так это описывал:

«Курский жил на Томской (ныне В. Г. Короленко – авт.) улице, четвертый дом от Острожного (ныне Комсомольский проспект – авт.) переулка... Утром я вышел за ворота – слышу необыкновенный шум, необыкновенное движение по Острожному переулку. Вот повернули на Томскую. Впереди – полицмейстер Тарасевич, огромный, в орденках, за ним 30–40 казаков. Одного из них я узнал – это был переодетый казак Лубягин из конвойной команды. Толпа шла разбивать дом Курского, но видно не знала точно его адреса, разбила несколько стекол в доме его соседа...

Курский, как я после узнал, утром был у Симанина, от него зашел к Страхову. Почему он не вытерпел и вышел на улицу при появлении толпы, не знаю. Наверное, хотел обратиться к разъяренному и темному народу, а может, опасался за свою семью. Посидел бы минут пять, и толпа бы скрылась, но вышло так. Только он показался за воротами дома Страхова, толпа бросилась к нему. Один из нападавших ударил Курского дубинкой по голове, тот свалился. Удары посыпались. Конный полицейский отогнал толпу. Тарасевич со своими казаками не предпринимал мер к прекращению громиловки. Один из служащих конторы, Копейкин, с трудом поднял Курского и отвел домой. Наутро

он с повязкой на голове, огромный, бородатый, в сопровождении дочери, разносил по городу листовки. Ими были набиты карманы его просторной блузы...» Приведу воспоминания еще одного очевидца погрома – Максима Дмитриевича Зверева, тогда еще просто Максима: ему было 10 лет. Вот что писал он мне в одном из своих писем: «Мы жили на Бийской улице (теперь Никитинская – авт.) неподалеку от дома Штильке. В то утро на улице показалась небольшая толпа. Впереди неслись портреты царя и царицы, иконы, хоругви. Толпа шла без шапок и нестройно пела пьяными голосами «Боже, царя храни». Замыкал эту кучку людей десяток конных городовых. По тротуарам и сзади шла огромная толпа зевак. Я выбежал на кухню, потом во двор и Конюшенный переулок (теперь Красноармейский проспект – авт.) вместе с закадычным другом Степой Жилиным, который сообщил мне, что громят «Шпильку». С угла было видно, что хоругви лежали на земле, иконы держали женщины, портреты царя и царицы стояли на земле, их поддерживали какие-то парни. Из окон дома Штильке летели на улицу обрывки бумаги, перья, пух, какие-то обломки...»

В этот день от рук погромщиков пострадала значительная часть книг Барнаульской городской общественной библиотеки, находившейся в доме В. К. Штильке. Его самого друзья успели увезти во Власиху, жену спрятала в подполье домработница, дети укрылись у своих дружков и подружек. Одна из дочерей, Нина, рискнувшая появиться в доме, была ранена в руку выстрелом из ружья.

На этом дело не кончилось. В апреле 1906 г. по распоряжению Томского губернатора Василию Штильке было предложено в 48 часов покинуть пределы Сибири и Степного края «на время продолжения военного положения». Он выехал в Петербург. Несколько позже, по той же причине, здесь оказался преподаватель истории и русского языка реального училища Леонид Шумиловский, будущий министр труда в правительстве Колчака. В том же 1906 году из Барнаула был выдворен и Михаил Курский, однако, с ним обошлись более милостиво – разрешили остаться в г. Ново-Николаевске. Здесь он стал редактором местной газеты «Народная летопись». Правда через три месяца она была закрыта «за левое направление» и возобновлена ненадолго лишь в 1910 году, уже без М. О. Курского.

В 1907–1912 гг. М. Курский живет в Томске, редактирует, по его словам, торгово-промышленную газету, вероятно, «Сибирский коммерсант», просуществовавшую всего около года, а также сотрудничает в других сибирских газетах и журналах.

Живя в Ново-Николаевске, он, по просьбе местных эсеров, укрывал бежавших из Нарымской ссылки, помогал их тайному проезду на

пароходах. Проживая в Томске, он, опять же по поручению эсеров и эсдеков, выезжал в Нарым для передачи корреспонденции и денег ссыльным, указывал им маршруты побегов, снабжал картами местности, собирал для беглых деньги, одежду.

В 1912 г. М. О. Курский вернулся в Барнаул, и в сентябре того же года основал еженедельную газету «Алтайский крестьянин», став ее редактором и издателем. В газете публиковались довольно ценные для крестьян, на мой взгляд, советы и рекомендации специалистов по земледелию, животноводству, пчеловодству и другим отраслям сельского хозяйства, святочные рассказы и сценки из крестьянской жизни самого М. Курского, стихи известных в свое время крестьянских поэтов В. Белькова, И. Малютина и ряда других авторов. С началом «великой европейской» (Первой мировой) войны из номера в номер в газете печатались списки убитых и раненых жителей Алтая. Значительное место занимала реклама, на доходы от которой, видимо, и существовала газета, так как большим капиталам у М. Курского взяться было неоткуда.

С января 1916 г. издателем газеты стал Алтайский союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. С этого же времени газета преобразуется в журнал, также еженедельный. С 1917 г. до середины 1918 г. редактором журнала был П. А. Казанский, его сменил С. И. Исаков. В самом конце 1918 г. с помощью Культпросветсоюза Алтайского края, «Алтайский крестьянин» был преобразован в «толстый» литературно-художественный журнал «Сибирский рассвет». Редактором его остался С. Исаков.

С января 1911 г. в г. Барнауле стала выходить газета «Жизнь Алтая». Издателем ее был либеральный купец В. М. Вершинин, впоследствии член IV Государственной думы. Он сумел объединить вокруг газеты наиболее передовую, демократически настроенную часть местной интеллигенции. В состав редакции вошли: Л. И. Шумиловский, П. А. Казанский, А. И. Шапошников, Н. И. Давидович, а, по приезде в Барнаул, и М. О. Курский, а несколько позже и его сын Сергей. Именно эти люди попеременно возглавляли редколлегия газеты, но больше других этот воз тащили А. Шапошников и Л. Шумиловский. Около года главным редактором газеты был Г. Д. Гребенщиков. Февральскую революцию они встретили с восторгом, впрочем, как и многие жители Барнаула, Алтая, России.

«Граждане! – писал в «Жизни Алтая» 7 марта 1917 г. А. И. Шапошников. – Старое правительство, приведшее страну к гибели, низвергнуто... Благодаря героическому восстанию рабочих и войска против продажного правительства, все население России получает права гражданства и право голоса во всех государственных и местных делах.

Народ теперь может свободно, без всякой оглядки и опаски, во всеуслышание говорить о том, что считает справедливым и полезным...»

«Кончилось кошмарное время!» – вторил ему Л. Шумиловский. Откуда им было знать, что кошмарное время только начиналось... Что-то недоброе почувствовал лишь многоопытный М. О. Курский. В обращении «К трудовому народу» («Жизнь Алтая» от 3 марта 1917 г.) он писал: «Среди кровавого зарева всемирного пожара восходит солнце и твоей свободы. И вот перед лицом всего мира, многострадальная и крестоносная, встретишь ли ты желанный над тобой восход с лицом, озаренным святой любовью и всепрощением, или с лицом, омраченным чувством злобы и мести за невольные твои грехи и страдания. Святая! Не омрачай ясного утра твоего возрождения злобой, навеянной темной и буйной ночью...»

М. О. Курского угнетало даже то, что «свобода русского народа ограждается мерами лишения свободы его врагов. Лишены свободы, арестованы высокие представители старой власти, крупные и мелкие правительственные чиновники, более опасные мирному водворению нового строя на началах свободы и равенства». Он находит это противным идее свободы.

Очень скоро М. Курский понял, что худшие его опасения начинают сбываться: надвигается кошмар гражданской войны. В статье с примечательным названием «Великое опустошение душ» (14 мая) с гневом и горечью пишет, что боевики усиленно разжигают низменные страсти, и не без успеха. Ему уже приходилось слышать такие заявления: «Теперь вы сравнялись с нами. Теперь посмотрим, как вы будете нашу кровь пить». В статье «За честь свободы» (6 июля) он призывает: «Свобода – человеку, а не зверю, зверю-обывателю!». Возможно, он вспомнил тех, кто так жестоко избил его в 1905 г. 8 августа появляется его статья «Борьба социалиста с демагогом» с характерным подзаголовком: «Материал для будущего историка». В ней М. Курский заявляет, что социалист вышел с призывом к любви, взаимному доверию, к лучшей жизни, а демагог (имеется в виду, по всей вероятности, большевик) – к захвату власти, диктатуре, недоверию ко всем, кто не принадлежит к потомственным пролетариям. Действуя на низменные страсти толпы, льстя ей, призывает к мести, злобе, арестам, реквизициям, оправдывая все это ссылками на К. Маркса, на законы классовой борьбы».

Период с февраля по октябрь 1917 г. так богат событиями, что даже простое перечисление их заняло бы слишком много места. Но они достаточно известны, поэтому останавливаюсь лишь на тех, которые имели касательство к М. О. Курскому.

14 марта 1917 г. состоялось организационное собрание ПСР (партии социалистов-революционеров, иначе – эсеров). М. Курский был избран членом исполнительного бюро, а председателем – И. Д. Румянцев, ветврач, будущий городской голова. Ранее М. Курский, судя по анкете, относил себя к народовольцам. 16 апреля состоялись выборы в городское народное собрание – так стала называться городская дума. Впрочем, уже на следующих выборах, состоявшихся в августе, прежнее название было восстановлено. За кандидатов социалистического блока (РСДРП, ПСР) проголосовало 95% избирателей. От эсеров, в числе других, был избран Сергей Михайлович Курский, сын Михаила Онисифоровича, который на этот раз не прошел. Он получил всего 44 голоса. Для сравнения: за А. И. Шапошникова проголосовало 19 605 избирателей из 20 084, за П. Казанского – 19 593. Призывы старого народовольца к гражданскому миру, любви и всепрощению не нашли поддержки ни в том, ни в другом лагере.

Перед выборами в Учредительное собрание М. О. Курский вышел из партии эсеров. Поступок свой объяснил так: «Партия эсеров, которую я считал своей, партия, которая имеет за собой большие исторические заслуги перед народом, и честь которой была мне дорога, теперь перед выборами в Учредительное собрание проявила захват власти и господствующее положение в революции». Словом, он испугался диктатуры своей родной партии: ведь всякая диктатура – это ущемление свободы. Поищите еще такого чудака! Курский организовал местное отделение трудовой народно-социалистической партии и был избран председателем бюро. Наверно, это была одна из самых мирных партий в России. Она ставила своей главной задачей не захват власти, а политическое воспитание народа. На выборах в Учредительное собрание они выступили со своим списком из 8 человек, в их числе был и М. Курский. Но все 13 мест от Алтайской губернии достались эсерам, за них проголосовало 87% избирателей.

Самое сокрушительное поражение потерпели меньшевики, набравшие и одного процента голосов.

«Народные массы, – писал Л. Шумиловский, – политически не воспитаны. Верят, что всего можно добиться сразу, если захотеть. Наши способы борьбы казались им слишком медленными и ненадежными».

Что верно – то верно. Народные массы и теперь предпочитают голосовать за тех, кто больше пообещает. И чтоб сразу, без труда...

Известие об Октябрьской революции в Петрограде или, как теперь чаще говорят, Октябрьском перевороте, было встречено в Барнауле неоднозначно. Городская дума резко осудила «большевистскую авантюру». В городе прошла многолюдная демонстрация, в которой участвовала

в основном интеллигенция под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию», однодневная забастовка служащих городского самоуправления, где прозвучали громкие заявления учителей и учащихся о неподчинении Совету Народных Комиссаров, но большевики тем не менее захватили власть в городе и губернии. Они действовали более решительно, не останавливаясь перед насильственными методами, в то время как их противники слишком уверовали в наступившее царство демократии. А самое главное, им удалось увлечь пролетарскую массу популистскими лозунгами: «Фабрики и заводы – рабочим!», «Земля – крестьянам!», «Грабь награбленное!» и пр. Можно и по-другому сказать: пробудили у них мечту о свободной и счастливой жизни. Сколько за нее было пролито крови, а она так и осталась мечтой.

Предлагаю вниманию читателей выдержки из статьи Курского «Фанатики и толпа», опубликованную в газете «Жизнь Алтая» 18 ноября 1917 г.

«Толпа – стихийная безвольная масса, движимая силой воли ее руководителей – героев. Герой может быть случайным. Неотразимость влияния на толпу таких героев зависит от степени их увлечения идеей, веры в нее, доходящей иногда до фанатизма. Таким фанатиком является в наши дни вождь большевиков-интернационалистов В. Ленин-Ульянов...

Россия представляет собою благодаря своей невоспитанности и стихийности настроений самую удобную массу как материал для задуманных им экспериментов. Никакой другой народ не позволит так легко себя разоружить и привести в полное расстройство и негодность к защите своей страны, как русский. Все это Лениным было учтено с поразительной верностью...»

А заканчивается статья таким пророчеством: «Быть может, история ответит Ленину в ряде исторических имен второе место после Христа, а может быть, она низведет его ниже варвара – честолюбца Герострата».

Судите сами, обладал он пророческим даром или нет.

М. О. Курский в это время еще не призывал к вооруженной борьбе с большевиками, он писал; «Нужно избегать сопротивления кроме категорического заявления своего призрения к самозванцам. Борьба с ними не стоит жертв, не стоят они сами серьезной борьбы с ними. Нужно только оберегать общественное достояние от расхищений». («Жизнь Алтая» 9 декабря 1917 г.) Впрочем, он был далеко не один в ту пору, кто верил, что большевики не продержатся и двух–трех недель...

Чем же занимался М. Курский в годы гражданской войны?

В феврале 1918 г. он как член Сибирской областной думы был командирован на Дальний Восток для популяризации там идей областничества

и вербовки сторонников. В ноябре–декабре сопровождал Г. Н. Потанина в поездке к забайкальским и уссурийским казакам. Власти предложили «сибирскому дедушке» даже отдельный вагон. Несколько раньше М. Курский был приглашен в «Деловой кабинет» (правительство) генерала Хорвата министром по делам вероисповеданий.

«Я долго колебался, – показал он позже на допросе, – вступать или не вступать в Деловой кабинет, но долг разделить с братьями по отчизне ответственность перед Родиной возобладал». По поручению Хорвата выезжал в Пекин для переговоров с атаманом Семеновым. В середине 1919 года М. О. Курский вернулся в Барнаул и больше, по его словам, политикой не занимался.

Занимался! Еще как занимался!

В его уголовном деле сохранилась телеграмма Семенову в Читу, посланная в середине августа 1919 г. из Барнаула: «Родной мой, настал ваш час спасти Россию, двиньтесь, Родина велит». И ответ Семенова: «Всеми силами продолжаю дело служения Родине под руководством правительства ее, идя прямым путем во имя укрепления возродившейся государственности».

А теперь полистаем страницы барнаульских газет. Активность М. Курского-журналиста поразительна. Только в «Алтайском вестнике» (9 сентября 1919, переименованного в «Алтайские губернские ведомости») его статьи появились: 14, 22, 27 августа 1919 г., 1, 3, 5, 7, 9, 18, 19 сентября. Приведу лишь заголовки некоторых из них: «За кем будет победа» (14 августа), «Под молотом судьбы» (9 сентября), «На пути к одичанию» (19 сентября) и др.

В марте 1919 г. в Барнауле было организовано местное отделение «Общества возрождения России». Возглавил его присяжный поверенный эсер Ф. К. Ненарокомов, членами были председатель губземуправы А. Ф. Меринов, бывший городской голова В. Я. Бирюков, врач А. П. Велижанин, М. О. Курский и др. Общество ставило своей задачей «внутреннее оздоровление России, объединение страны в единое целое для борьбы с большевиками и содействие в этом правительству». Судя по газетным сообщениям, при участии Общества проводились благотворительные вечера для сбора средств на подарки воинам, находившемуся на фронте. Так, в июне 1919 г. 3-му Барнаульскому стрелковому полку было отправлено 1 500 пар белья, 263 катушки ниток, 125 дюжин пуговиц.

29 августа было собрано на белье солдатам 33 тыс. рублей и кроме того, на 15 тыс. рублей мануфактуры. 11 мая был проведен кружечный сбор «На книгу солдату». Собрано 13 683 р. 64 к. и около 2 тыс. книг и журналов.

В мае 1919 г. при начальнике гарнизона был создан отдел просвещения для организации культурного отдыха солдат. В частности, проводить с ними популярные лекции, беседы согласились: А. П. Велижанин – по гигиене, В. И. Верещагин – по естествознанию, А. А. Лесневский – по географии Алтая, М. О. Курский – по русскому народному эпосу.

17 июня 1920 г. М. Курский был арестован «за контрреволюционную деятельность в годы колчаковщины». Губревтрибунал приговорил его к расстрелу. Однако расстрел ему заменили 20 годами тюремного заключения и его этапировали в Москву, в Бутырки. Оттуда 14 октября 1920 г. он был освобожден по ходатайству и под поручительство Екатерины Ивановны Калининой, жены «всесоюзного старосты». В Москве М. О. Курский оставался до конца 1925 г., лишь в 1924 г. ненадолго приезжал в Барнаул. Убеждений своих он не скрывал. 24 июля 1924 г. из Барнаула московскому следователю ОГПУ Генкину он написал: «В октябре 1923 г. я приходил к вам с настоятельной просьбой поместить меня в тюрьму, а если это будет затруднительно, то расстрелять, ибо я убежденный непримиримый противник советской власти ...»

Мне думается, что такое заявление не было дешевой бравадой.

Один из барнаульских знакомых М. Курского так его охарактеризовал: «Курского уважаю за прямоту взглядов. Это человек, способный всегда высказываться прямо в глаза и, который всегда желает пользы народу».

В конце 1925 г. Курский вернулся в Барнаул.

28 апреля 1926 г. П. Е. Семьянов опубликовал в газете «Советская Сибирь» статью «45 лет на литературной работе». В ней в частности говорилось:

«...Исполнилось 45 лет литературной деятельности сибирского журналиста и педагога Михаила Онисифоровича Курского, хорошо известного не только барнаульцам, но и всей литературной и революционной Сибири. В настоящее время он живет в Барнауле. Ему уже перевалило на восьмой десяток. Избитый когда-то до полусмерти черносотенцами, он получил нервную болезнь и теперь инвалид, ушел от всякой общественной работы. Но его прошлое заслуживает того, чтобы этот день был отмечен. Литературную работу Курский начал со статьи «Зайсанский пост», напечатанной 15 апреля 1881 г. в «Сибирской газете». Затем писал в газетах: «Сибирская жизнь», «Сибирь», «Восточное обозрение», «Народная летопись», «Жизнь Алтая». «Народную летопись» редактировал. В 1912–1918 гг. издавал и редактировал в Барнауле первый кооперативный журнал «Алтайский крестьянин»... В Барнауле заведовал городской общественной библиотекой, Народным домом, был активным деятелем Школьного общества

и Общества любителей исследования Алтая... Литературная работа была основной его профессией. Нельзя не сказать старику в день его 45-летнего юбилея спасибо!»

Вместо «спасибо» М. О. Курский в июле 1926 г. был снова арестован органами ОГПУ. Было ему уже 70 лет, в его медицинском свидетельстве говорилось: «Эмфизема, кашель, сильная одышка, боли в желудке, почти нет зубов, атеросклероз, дряхлость». Он даже не мог писать – так дрожали руки, а машинку у него отобрали чекисты. И этот глубокий, стоявший одной ногой в могиле старик, все еще представлял какую-то опасность для властей предрежащих.

Вместе с ним аресту подверглись: Немцов Г. И., 1873 г., старший инспектор Окрфинотдела, Минкин В. А., 1879 г., заведующий детдомом № 3, Курочкин В. М., 1864 г., выпускник Казанской духовной семинарии, бывший заведующий отделом народного образования Барнаульской уездной земской управы, Авессаломов С. А., 1864 г., протоиерей Вознесенской церкви, учитель барнаульских школ Левашев А. А., 1886 г. и Чупрунов И. М., 1887 г.

В обвинительном заключении А. Левашов назван эсером, остальные – «эсерствующими». Все обвинены в том, что были единомышленниками М. Курского, распространяли среди крестьян привезенные им листовки «Христос Воскрес!», «Власть земли» (сочиненную М. Курским), а также присланные из Харбина стихотворения Сергея Есенина о Демьяне Бедном и письмо Аркадия Аверченко Ленину. Ну и, само собой, вели антисоветскую агитацию.

26 ноября 1926 г. СОСО (особое совещание) при ОГПУ СССР постановило: В. Курочкина из-под стражи освободить, дело прекратить; А. Левашова выслать в Казахстан на три года; М. Курского, И. Чупрунова, В. Минкина, Г. Немцова из-под стражи освободить, лишив права проживания в Сибири, Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года.

М. О. Курский выбрал Усть-Каменогорск. Он прибыл туда из Москвы во второй половине декабря 1926 г. В удостоверении, выданном на Лубянке, есть отметка, что по дороге он на три дня (14–16 декабря) останавливался в Барнауле. О том, как жилось М. Курскому в ссылке, можно судить по письму от 24 июля 1927 г. некоего «доброжелателя Курского» почетному старосте барнаульской артели «Краевед» П. Н. Тузовскому:

«Сообщаю Вам, что Курский сослан в Усть-Каменогорск, где и живет по Набережной улице, 4. Материальное положение его крайне тяжелое, средств к жизни никаких. Единственное дело, которым он мог

бы зарабатывать, это переписка, но и этим заработать он не может, потому что машинка у него отобрана. Сейчас он находится в крайне угнетенном состоянии и решил уморить себя голодом. Сегодня десятый день пошел, как он не ест ничего, причем он не объявлял голодовки).

«Доброжелатель» даже фамилию свою побоялся назвать...

По свидетельству П. Е. Семьянова, в 1928 г. М. О. Курский находился в Кызыл-Орде, в 1929 г. – в Чимкенте, откуда был освобожден досрочно и вернулся в Барнаул. Его приютили у себя члены артели «Краевед», жившие, как известно, в доме В. К. Штильке. 1 декабря 1930 г. Курский обратился к ним с письмом, которое трудно читать спокойно: «Дорогие товарищи! Я уже старик, мне 74 года. Я одинок и совершенно не обеспечен. Вследствие острой нужды, мне пришлось переселиться к Вам, мои дорогие друзья по работе в подполье во время царизма. Я живу в Вашем общежитии, но тяжело жить без средств и пользоваться бесплатными услугами и подаяниями от своих товарищей. Вследствие этого я решил просить Вас возбудить перед кем следует ходатайство о назначении мне персональной пенсии как старому, с 15-летнего возраста, революционеру, постоянно преследуемому царизмом».

Друзья-пятигодники постарались ему помочь, благо приближалось 25-летие первой русской революции. С просьбой поддержать ходатайство о назначении пенсии М. Курскому обратился в юбилейную комиссию П. Е. Семьянов. Та включила М. О. Курского в список участников революции, нуждающихся в улучшении материального обеспечения.

Ныне М. О. Курский является членом кооперативной артели «Краевед». Он страстно желает на склоне своих лет поделиться своими обширными знаниями общественно-революционной жизни Алтайского края прошлых эпох и потому является одним из ценных сотрудников артели «Краевед».

Предположительно, просьба М. Курского была удовлетворена. В анкете его сына Сергея от 18 марта 1933 г. значится: «отец – пенсионер». Но документального подтверждения этому пока найти не удалось. Не удалось найти и точную дату смерти Михаила Онисифоровича. Бывший его поделщик И. М. Чупрунов, вновь арестованный в феврале 1949 года, на допросе показал: «С Курским последний раз встречался примерно в 1932 г. В этом же году он умер». Но, по словам сына, в марте 1933 г. он был еще жив. Возможно, в этом году и умер. Газета «Красный Алтай» никак не откликнулась на смерть старейшего журналиста, педагога, всю жизнь в меру своих сил боровшегося за свободу и счастье трудового народа...

Несколько слов о его семье. В уже упоминавшемся биографическом очерке говорится, что жена М. О. Курского сошла с ума и умерла,

оставив ему кучу детей. В ЦХАФ АК хранится небольшая переписка С. М. Курского с В. М. Вершининым. В одном из писем (от 12 декабря 1909 г.) В. Вершинин сообщает С. Курскому, проживавшему в то время в Томске: «Твоего папахен вижу теперь редко, так как со смертью Евгении Сергеевны он сделался домоседом». В другом письме С. Курский сообщает В. Вершину: «Папа женился на Лидии Алексеевне Орловой, родной сестре Юферовой». Речь идет, вероятно, об Александре Алексеевне Юферовой, учительнице Нагорной школы Общества попечения о начальном образовании в Барнауле. Видимо, Михаил Онисифорович непостоянно жил в Томске, а на какое-то время приезжал в Барнаул.

Теперь о детях. У него было их четверо: два сына – Сергей (1884 г.) и Василий (1891 г.) и две дочери: Ольга и Анастасия (1894 г.). В ЦХАФ АК сохранилось заявление М. О. Курского начальнице женской гимназии с просьбой отсрочить плату за Ольгу, учившуюся в 1-м классе или совсем отменить ее, ибо платить ему нечем. В анкете же за 1926 г. значатся трое детей – Ольги нет. Кое-какие сведения удалось собрать лишь о Сергее. Он родился в 1884 году, в 1917–1918 гг. избирался в городскую думу, заведовал типографией «Алтайское печатное дело», а при Колчаке, по мобилизации – типографией штаба Верховного правителя. Отступая вместе с белыми, был в Красноярске взят в плен, возвращен в Барнаул и осужден на 5 лет лагерей; в 1928 г. вторично осужден на 2 года за злоупотребление служебным положением; после освобождения работал бухгалтером на мясокомбинате. В 1933 г. был снова арестован органами ОГПУ и приговорен к 3 годам лагерей (условно). По его словам, арестовывался он не три раза, а больше, только уголовные дела не возбуждали. Видимо, терроризированный бесконечными арестами, а может быть, как и отец, не примирившись с советской властью, он покончил жизнь самоубийством.

Следователь губчека В. Андреев дал М. О. Курскому такую характеристику: «Провинциальный литератор, мелкий по качеству, имеющий большое значение как лицо со связями – его связывали дружеские отношения с Потаниным, Адриановым и др. архивными областниками. Большой фарисей, он сумел, пользуясь своими знакомствами, создать и себе положение. Мелкий кляузник в литературе, все время примазывающийся к «правлящим» самоуправлениям (дума, земство), он при царизме мог считаться в оппозиции и считался таковым. Переворот 1917 г. напугал этого квазиреволюционера, и он после некоторых наблюдений связал свою судьбу с правозсеровским течением. Знакомство с областниками, умело офицированное, социалистический налет, чисто внешний, выдвинул архивную фигуру Курского на политическую арену. Он

кем-то в областной думе, затем – член делового Кабинета Хорвата. Пишет сладкие благоглупости, но в то же время благословляет и вызов иностранных войск, и доморощенных атаманов. Наряду с платоническими инициациями в прессе «против большевиков» Курский участвует в «Союзе возрождения России», где его роль, за неимением ярких фигур, также очень значительна. Оставление на свободе небезопасно».

Согласитесь, объективности в этой характеристике нет и в помине. Да и смешно было бы ожидать ее от сотрудника ОГПУ. На мой взгляд, он вознамерился отнять у Курского последнее, что у него оставалось: лишить его права на уважение. Ни какой он ни фарисей, ни кляузник и ни к кому не «примазывался». А вот Октябрьского переворота и разразившейся вслед за ним братоубийственной гражданской войны он действительно испугался, и был прав.

Давно известно, что революции приводят совсем не к тем результатам, на которые рассчитывают их вдохновители и участники. Яркий пример тому – наша Октябрьская революция. Начатая во имя высоких идеалов СВОБОДЫ, РАВЕНСТВА, БРАТСТВА, она обернулась величайшей народной трагедией.

Стала она трагедией и для М. О. Курского. Человек, с юных лет посвятивший себя борьбе за свободу и счастье людей, умер в нищете и забвении, потерпев крушение всех своих надежд и мечтаний.

Пусть он не был звездой первой величины на барнаульском небосклоне, пусть в чем-то ошибался, но свой след в общественной и культурной жизни Барнаула, мне думается, оставил. И вполне заслужил, чтобы вспомнить его добрым словом.

В. М. ЧЕКАЛИН

**КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ОТКРЫТИЯ
И ОСВОЕНИЯ ОСНОВНЫХ МИНЕРАЛЬНЫХ БОГАТСТВ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

Природа «распорядилась» так, что практически все основные минеральные богатства Алтайского края (полиметаллические, железосодержащие, вольфрам-редкометалльные, золоторудные и др. месторождения) оказались в его южной части на территории Змеиногорского, Краснощекского, Курьинского, Локтевского, Рубцовского, Третьяковского и Чарышского районов. Это обусловлено стечением ряда обстоятельств, связанных с конкретным местом, определенным временем и необходимыми процессами.

В общем геолого-структурном понимании рассматриваемая территория представляет сопряженные северо-западные части структур Горного и Рудного Алтая. Границей этого сопряжения является Северо-Восточная зона смятия, прослеживающаяся здесь в северо-западном направлении по линии сел Ручьево-Ивановка и др. В структурах Горного Алтая в связи с проявлением интрузивного магматизма в средне-верхнем девоне (350–380 млн лет назад) – образовались железо- и золоторудные, а в перми – триасе (215–250 млн лет назад) – вольфрам-редкометалльные месторождения. В Рудном Алтае вулканическая деятельность средне-верхнего девона завершилась в целом образованием месторождений полиметаллических руд.

Упуская последующую длительную и сложную историю различных геологических процессов, происходящих в регионе в целом и на месторождениях в частности, приводящих к погребению и, во многом, преобразованию этих месторождений, отметим лишь последний из известных, очень крупный катаклизм – горообразование. Именно этот геологический процесс привел к появлению сегодняшних Алтайских гор и, что крайне важно для нас, выводу на уровень эрозионной (практически дневной) поверхности всех известных к настоящему времени железо-, золоторудных, вольфрам-редкометалльных и значительной части

полиметаллических месторождений, где многие из них под действием экзогенных факторов (солнца, воздуха и воды) подверглись окислению. Особенно химически активными в поверхностных условиях являются полиметаллические руды, состоящие из сульфатов меди, свинца, цинка, железа. Здесь эти металлы вступают, в основном, в оксидные формы соединения. Часть месторождений с зоной оксидных (окисленных руд) в последующем перекрыты толщей мощностью до 100 м рыхлых (песчано-глинистых) отложений. Все другие месторождения остались не погребенными под наносами и поэтому еще много тысяч лет назад (в бронзовом веке) легко обнаруживались легендарными племенами под общим названием «чудь». Эти племена, вероятнее всего кочующие, овладевшие навыками металлургического производства меди, золота, серебра на месте своего предыдущего пребывания, здесь только из окисленных полиметаллических руд выплавляли эти металлы, а затем стали получать свинец и бронзу (сплав меди и олова). Источником олова был минералкасситерит (оксид олова), завозимый (заносямый) ими сюда в основном с Калбинского хребта Восточного Казахстана (100–200 км). Другие металлы людям того далекого времени были еще неизвестны, поскольку неизвестна была технология получения их в чистом виде или в виде каких-либо сплавов, хотя месторождения они находили. Так началась история освоения минеральных богатств региона. Отмеченные металлы и отдельные сплавы люди использовали для изготовления боевого оружия, предметов быта, украшений. Сколько было добыто тогда руды и получено металлов, определить невозможно. По меркам сегодняшнего дня – это безусловно ничтожно малая доля. Однако месторождения, выходящие на дневную поверхность, они знали практически все и даже те, которые находятся в трудных природно-климатических условиях и явно непригодны для использования, как не поддающиеся в то время металлургической переработке из-за характера их химического соединения. Например, пирометаллургии подвергались только те полиметаллические руды, основные минералы которых имели оксидную форму. Сульфиды не давали желаемого эффекта.

Следы древних разработок в виде выработок, орудий труда, шлаков, иногда плавильных печей и т. д. сейчас встречаются крайне редко. Они почти полностью уничтожены, «затушеваны» природными процессами, горно-геологическими работами последних почти трехсот лет. В XVIII столетии во многом они привели «охочих к рудному делу людей» – демидовских рудознатцев к вторичному открытию месторождений. Началась новая эпоха освоения и не только освоения, но и изучения недр рассматриваемой территории. Это дело настолько серьезное,

что оно практически сразу же ставится под контроль царствующих особ. И, вероятно, первым из них о серебряных рудах Алтая узнает Петр I от бургомистра Амстердама еще в конце XVII столетия. Можно себе только представить темпераментного, всем живо интересующегося, придающего большое значение горному делу и, в конечном счете, искренне болеющего за процветание своего Отечества, как возмутила информация о том, что образцы алтайских руд оказались за границей без его ведома. Но, быть может, она, пролив свет о тайнах недр Алтая, его обрадовала. Может быть. О его реакции на этот счет мы можем только гадать. Но как бы там ни было, это известие, возможно, спровоцировало его на создание 24 августа 1700 года Приказа рудокопных дел с целью регламентации поиска, разведки, добычи, переработки и т. д. всех полезных ископаемых. В последующем эта необходимая структура, многократно изменившись, дошла до наших дней в виде крупного департамента в Министерстве природных ресурсов. Ради полноты информации об этом, здесь уместно отметить, что до 1991 г. многие десятилетия существовали самостоятельные Министерства геологии СССР и РСФСР. Именно в эти годы подготовлена вся, за редким исключением, крупная минерально-сырьевая база страны по всем полезным ископаемым, известным на земле, забегая вперед, скажем – и на рассматриваемой территории по отдельным их видам тоже.

Этот приказ способствует развитию горнорудного дела в России с первых лет своей организации. На Алтае всплеск открытий месторождений начинается с 20-х годов XVIII века, когда сюда пришли демидовские рудознатцы, а сам А. Н. Демидов, некогда поддерживаемый в его горнозаводских делах Петром I, получил разрешение на строительство рудников и плавильных печей (заводов). Одним из первых было обнаружено Колыванское (Демидовское) месторождение медных руд, находящееся на северном отроге г. Синюхи. Рядом с ним для плавки его руд у подножия отрога на берегу р. Локтевки в 20-е годы XVIII столетия построен первый на Алтае плавильный завод (печь). После первых плавков он был закрыт, а на р. Белой в с. Колывань построен второй, более мощный завод, который просуществовал несколько десятилетий и на его месте в 1802 году была открыта Колыванская шлифовальная фабрика, функционирующая до настоящего времени. Причинами закрытия первого плавильного завода явились истощение медных руд на Колыванском месторождении, неудобный участок на р. Локтевке для строительства плотины и удаленность от вновь открывающихся месторождений полиметаллических месторождений (по современным понятиям рудопроявлений), а затем более крупных объектов с территории Рудного Алтая. Так, одним из первых

рудоалтайских рудных объектов было крупное золото-серебро-барит-полиметаллическое Змеиногорское месторождение, первые опытные плавки руд которого осуществлялись на этом заводе.

Всего на рассматриваемой территории в XVIII столетии было открыто много десятков месторождений и проявлений, более 30 из которых тогда же были вовлечены в отработку. Одни из них были отработаны сразу, другие (Петровское, Черепановское) – в XIX столетии, Золотушинское – в XX в. А такие как Змеиногорское и Лазурское – перешли в XXI столетие. Из последних, если Лазурское месторождение колчедано-полиметаллических руд и эксплуатировалось во всех столетиях, но эпизодически и в небольших объемах, то Змеиногорское до 1960-х годов почти постоянно и интенсивно, особенно в XVIII – XIX столетиях. Его эксплуатация – это уникальная, славная страница российской, более того – мировой истории горнозаводского дела. Эта тема заслуживает отдельного, большого разговора и всестороннего описания. Здесь же отметим лишь некоторые основные ее моменты. Отработка месторождения осуществлена комплексом подземных выработок на 10-и горизонтах, связанных одной основной эксплуатационной шахтой (Екатерининской) глубиной около 210 метров и двумя вспомогательными (Преображенской и Вознесенской) по 102 метра. При этом две первые из них заложены висячем боку рудной зоны, что противоречит канонам горнопроходческого производства. Однако эта смелая (в то время особенно), инженерно продуманная идея полностью оправдалась и дала огромный эффект в материальных и временных затратах.

Спуско-подъемные операции в шахтах и откачка воды из них осуществлялась мощным гидросиловым комплексом, равного которому в России, возможно и в мире, не было. На больsherазмерные мельничные колеса, установленные в вышеназванных шахтах, вода подавалась по водопроводной штольне из нагорного пруда, созданного при помощи двух плотин, последняя из которых построена на р. Змеевке в 1786 году К. Д. Фроловым и сохранилась до наших дней. Водопроводная и водоотводная (Крестительская) штольни также сохранились. В нижней части Змеиногорска на р. Корбалихе были построены плотина и при ней похверк (обогажительная фабрика) для отделения руды от пустой породы. В результате с 1747 года к 1790-м годам основная золото- и серебросодержащая залежь месторождения, выклинившаяся до глубины 210 метров, была отработана полностью с годовой производительностью до 133 (при средней 40) тыс. тонн. Производительность и срок отработки по тем временам рекордные. Причина в том, что к этому объекту было приковано пристальное внимание Берг-коллегии,

Кабинета Е. И. В., непосредственно руководителей государства. И не случайно. В XVIII столетии на нем добыто около 2 200 тыс. тонн руды, из которой извлечено около 983 т золотистого серебра, содержание золота в котором (по М. Ф. Розену) около 2,6%. Всего же с другими месторождениями здесь добыто около 2 550 тыс. тонн руды, меди – 3 343, свинца – 4 637 и серебра – 1 035 т. Это составляет соответственно 96, 99, 77 и 97% от общего количества их, добытых за это же время с юго-восточной (ныне казахстанской) частью Рудного Алтая. Из этого видно, что основным поставщиком благородных металлов в царскую казну в XVIII столетии была северо-западная (ныне российская) часть Алтая, а в ней главным образом – Змеиногорское месторождение. Окружающий его одноименный населенный пункт сформировался как крупный на Алтае и в Сибири в целом центр научной и инженерной мысли в области горно-геологических знаний. Это о нем позднее отзовется Ф. М. Достоевский, как о более культурном и более крупном городе по сравнению с Семипалатинском, откуда он сюда не раз приезжал. Но оставим его социально-культурную сторону историкам-специалистам, здесь же отметим, что из Змеиногорска открывались многочисленные полиметаллические месторождения и месторождения поделочных камней, многие из которых и по настоящее время составляют основу цветной металлургии в Восточном Казахстане, а у нас эксплуатируются месторождения поделочных камней. Несмотря на то, что центр тяжести горнодобывающей промышленности на рубеже XVIII и XIX столетий начал интенсивно смещаться в сторону юго-восточной (ныне казахской) части Рудного Алтая, в Змеиногорске в начале XIX века все-таки были построены свинцово-сереброплавильный завод и к нему от рудника – железная дорога – конка более 2 км, первая в России такого размера и конструкции и т. д.

В XIX столетии по сравнению с предыдущим, в Змеиногорском регионе добыто руды более чем в 2, меди в 1,7 раза больше, а свинца в 9, серебра в 2 раза меньше. Это объясняется тем, что на Змеиногорском месторождении перерабатывался материал закладки выработанного в прошлом веке тела богатых руд с содержанием, например, серебра 443 г/т, а в «закладочных» и других рудах, добытых в количестве почти 3 950 тыс. тонн, оно составляло всего 68 г/т. Добыча руд осуществлялась и на других месторождениях региона. Однако, во второй половине XIX столетия горно-рудные работы здесь стали сворачиваться в связи с отсутствием необходимых денег у царского правительства и истощением запасов на одних месторождениях полностью, на других – богатых руд. Перспективы на открытие новых месторождений хотя и были большие, однако поисковые работы не проводились. В 1871 году

эксплуатация Змеиногорского месторождения была прекращена и рудник затоплен. В 1894 году практически после полной отработки серебряных руд был закрыт последний здесь рудник (Черепановский) на одноименном месторождении, где с 1780 года было добыто более 52 т серебра. В этом же (1894) году было прекращено пирометаллургическое производство и на Змеиногорском заводе, но был налажен электролитический процесс для получения меди из поступающих концентратов из юго-восточной части Рудного Алтая, где до этого не было ни металлургических заводов, ни электролитических фабрик.

Всего в течение XVIII–XIX столетий добыто руды около 7 860, меди – 8,9, свинца – 5,1 тыс. тонн, золотистого серебра – 1 518 т, в т. ч. на Змеиногорском месторождении 1 252 т и свободного золота – 817 кг. При этом золота, содержащегося в серебре в количестве 2,6% (по М. Ф. Розену) и извлекающегося на монетном дворе в Санкт-Петербурге, должно было быть получено около 39 т, из них из Змеиногорского серебра 32,5 т.

XX столетие характеризуется бурным расцветом геологоразведочных работ на северо-западе Алтая, приходящимся в основном на 50–80-е годы, что привело к покрытию территории кондиционной геологической съемкой разных масштабов, к созданию крупной минерально-сырьевой базы (МСБ) цветной и черной металлургии России в Алтайском крае, открытию месторождений других полезных ископаемых. С этим временем связана отработка большого количества месторождений полиметаллических руд. Но все это потом, а начиналось все, например, в части регионального геологического изучения территории с того, что, проведенная на рубеже столетий Геолкомом России (Санкт-Петербург) первая десятиверстная геологическая съемка районов Змеиногорска, Курьи, Белоглазова и т. д., завершилась в 1904 г. составлением карты и изданием монографии (ее автор, талантливый геолог Г. Г. фон Петц, в 1908 году, будучи в маршруте, погиб в Горном Алтае, где и похоронен). Разномасштабные, некондиционные съемки спорадически проводились в 20-е и 30-е гг. Однако полноценные кондиционные геологические съемки на соответствующей топооснове, и с использованием геофизических и геохимических методов, были проведены практически на всей территории региона позднее, начиная с 1950 года.

Геологическая съемка, как правило, сопровождалась и поисковыми работами. В больших объемах они проводились и самостоятельно, за рамками съемки, на тот или иной вид полезного ископаемого на перспективных участках, на флангах и глубоких горизонтах известных месторождений и т. д. В результате к четырем месторождениям полиметаллических

руд (Змеиногорское, Золотушинское, Лазурское, Семеновское), известным с глубокой древности, открыто еще 11 новых месторождений в 50–80-е годы после образования Рудно-Алтайской экспедиции. К ним относятся: Среднее, Майское, Зареченское, Новозолотушинское, Корбалихинское, Степное, Крючковское, Таловское, Рубцовское, Захаровское, Юбилейное месторождения. Всего в XX столетии открыто и разведано по высоким промышленным категориям около 78 млн тонн полиметаллических руд с высоким содержанием меди, свинца, цинка, а также промышленно значимых – кадмия, золота, серебра и многих других металлов, что составляет в 10 раз больше того количества руд, которое было добыто здесь в два предыдущих столетия. Это – крупная МСБ цветной металлургии.

МСБ черной металлургии в Алтайском крае – это открытие XX столетия, хотя его начало относится к 1774 г., когда шихтмейстером Головиным у западного отрога Тигерекского хребта, сложенного крупнозернистыми гранитами, среди известняков обнаружен выход на поверхность богатых руд, считавшихся первоначально преимущественно серебро-свинцово-медными. Что это магнетитовые (железные) руды, стало известно позднее, а тогда внимание нашедших их людей привлекли налеты, примазки, землистые массы зеленого, синего, желто-коричневого цветов, которые дают сложные оксиды меди (малахит, азурит), свинца (плюмбоярозит) и т. д., о чем хорошо известно было рудознатцам того времени. Дальнейшие исследования не подтвердили наличия здесь медных и каких-либо других, практически значимых минеральных форм, кроме магнетита, являющегося основным минералом железных руд. Промышленным железорудным объектом оно считается с 1911 г.

По результатам неоднократно проводившихся работ в 50-е – первые 80-е годы месторождение считается крупным с запасами более 300 млн тонн руды с средним содержанием железа в них 31%. Вторым объектом тех же руд является Инское месторождение, находящееся в 30 км к востоку от Белорецкого у северного подножия того же (Тигерекского) хребта. Датой начала его открытия принято считать 1952 год, когда лесником И. В. Столяревским при помощи буссоли (компас) были обнаружены свалы сливной магнетитовой руды. На самом деле история открытия и разведки гораздо сложнее и интереснее. Но как бы там ни было в первые 60-е годы завершились разведочные работы с постановкой запасов на государственный баланс руд высоких категорий в количестве 163 млн тонн со средним содержанием железа 45%. И больше эти цифры запасов не менялись, несмотря на усиленную попытку это сделать в 80-е годы. В 50-е годы в с. Харлово горно-алтайскими

геофизиками и рудноалтайскими геологами выявлено очень крупное месторождение комплексных ванадий-титано-железных руд, связанное с расслоенным интрузивным массивом габброидов. Его запасы по данным предварительных работ оцениваются первыми миллиардами тонн. Руды качественно аналогичны рудам Качканарской группы месторождений на Урале, а по некоторым показателям и превосходят. Кроме того, высокое содержание глинозема в нерудной части месторождения позволяет рассматривать его и как надежный источник алюминия.

XX столетие пополнило список полезных ископаемых открытием здесь еще и месторождений комплексных вольфрам-редкометалльных руд, пространственно и генетически связанных с массивами пермо-триасовых крупнозернистых гранитов, таких как Кольванское, Белорецкое, Плитнинское, Кремлевское и др. Каждое из них имеет свою историю открытия, но особо, хотя и кратко следует остановиться на Кольванском месторождении, которое не что иное, как уже упомянувшееся Кольванское (Демидовское) меднорудное месторождение, явившееся основой строительства первого медеплавильного завода на Алтае. Несмотря на то, что медная легкоплавкая руда была быстро выработана и в этом плане месторождение практически уже не представляло интереса, оно стало привлекать к себе внимание другими минеральными формами. Так, в 1788 г. при описании его И. Ренованцем, как медного объекта в кварцевой жиле, был впервые обнаружен вольфрамит, отнесенный им к «черному шерлу» – турмалину, содержащему, как позднее выяснилось по анализу, высокий процент триоксида вольфрама. В 1869 г. Бекк и Тейх это месторождение рассматривают уже как медно-вольфрамовое. Однако его промышленная значимость еще долго была не ясна. Однако в 1970–80-е гг. в Ново-Фирсово – Курьино-Акимовском девонском прогибе (Горный Алтай) выявлен перспективный на рудное золото Ново-Фирсовский участок. Каких-либо серьезных оценочных работ здесь пока не проводилось из-за отсутствия финансирования. Кстати, в восточной части этой структуры давно известно Мурзинское месторождение, коренное золотое оруденение которого также не изучено, хотя свободное золото, связанное с россыпью и остаточной корой выветривания, добывается с некоторыми перерывами не одно столетие.

Наряду с поисково-съёмочными и разведочными работами здесь осуществлялась и эксплуатация отдельных месторождений разных полезных ископаемых. В 1903 г. основные рудные объекты были сданы в аренду иностранным комиссионерам для эксплуатационных и поисково-разведочных работ на них. Таким образом, спустя 32 года после закрытия рудника на Змеиногорском месторождении, работы на нем были

возобновлены. Компания австрийских граждан князя Александра фон Турн и Таксис и доктора права Иосифа Жаннэ начала добычу золота из кварцитов, подстилающих первично отработанное еще в XVIII в. тело богатых золото-серебро-барит-полиметаллических руд. Ранее эта часть месторождения не эксплуатировалась. До второго горизонта (глубина 42,5 м) содержание золота на отдельных участках достигало 20–40 и более г/т. Хотя, в среднем, по эксплуатационным блокам этот показатель был ниже, но еще достаточно высоким, особенно по сравнению с той частью кварцитов, которая залегает ниже второго горизонта. До этого горизонта австрийскими концессионерами была пройдена Александровская шахта с западной стороны карьера (ныне территория стадиона). Добытое золото отправлялось в Барнаул. Поисково-разведочные работы проводились при помощи бурения большого количества колонковых скважин глубиной до многих десятков метров. При этом, в качестве разрушающих наконечников применялись алмазные коронки. Подобные скважины бурились ими и на Лазурском месторождении. В советское время такие коронки при бурении скважины в регионе стали применять только спустя почти 60 лет.

В 1914 г., после начала войны России с Германией, Австрия как союзница последней отозвала свою компанию из региона и Змеиногорский рудник и другие горно-геологические объекты перешли в аренду меняющихся русско-английских акционерных обществ («Алтайские горные промыслы», «Лена-Банк», «Лена-Гольдфилдс»), которые просуществовали здесь до 1932 г. Последние по сравнению с австрийской компанией действительно больше существовали, чем что-то делали. Так, АО «Лена-Гольдфилдс» в 1925–1929 гг. ограничилось лишь добычей в небольших объемах барита из старых отвалов рудника.

В начале 1930-х гг. на Змеиногорском месторождении и в его районе начали работать государственные добывающие и геологоразведочные организации. Начали с добычи барита, а затем быстро перешли на добычу золота. По данным М. Ф. Розена (1952 г.), из кварцитов лежащего бока до глубины второго горизонта в 1935–1951 гг. извлечено золота около 3,5 т. Кроме того, 349 кг его было получено из баритового шлиха на участке дробильной фабрики, а также 360 кг золотоносной россыпи, обнаруженной в 1935 г. в левом борту р. Змеевки, у южного подножия сопки Батарейной (Райисполкомовской). Эксплуатационные работы на месторождении были прекращены в 60-е гг. Но и после этого нельзя считать его полностью отработанным. Ниже второго горизонта находятся руды (кварциты) с содержанием золота и серебра 2 и 29 г/т соответственно.

Кроме того, в этом столетии добывались полиметаллические руды еще на многих месторождениях, из которых четыре отработаны полностью, во

всяком случае запасы их списаны с государственного баланса. История освоения отдельных из них хотя бы в краткой форме заслуживает быть упомянутой.

Золотушинское месторождение богатых полиметаллических руд, известное с глубокой древности, в больших масштабах начало эксплуатироваться с 1947 г., после завершения строительства на его запасах крупного горно-обогатительного комбината. Для его обслуживания в степи возник город Горняк. Годовая производительность комбината в товарной руде этого месторождения поднималась с 11,5 тыс. тонн до более чем 700 тыс. тонн. В последний годы перед закрытием комбината производительность упала до 100 тыс. тонн. Комбинат определенное время был передовым предприятием в системе Министерства цветной металлургии СССР и давал прибыль, исчисляемую многими миллионами рублей, сопоставимыми с долларами США или будучи дороже последних. Всего на месторождении добыто руды на 30% больше той, которая в результате геологической разведки была поставлена на государственный баланс. С закрытием рудников на Золотушинском, Новозолотушинском и Зареченском месторождениях Алтайский ГОК в 1994 г. прекратил свое существование. В результате г. Горняк как город горно-рудного производства оказался обреченным.

Еще одна история. К юго-востоку от Горняка на территории Третьяковского района в 60-е гг. XX в. было открыто небольшое Крючковское месторождение окисленных полиметаллических руд с запасами золота около 1,2 т и серебра 130 т. В 70-е гг. оно было легко отработано открытым способом без особых капитальных затрат. Руда на самосвалах была вывезена в Казахстан, где и переработана без возвращения в Алтайский край какой-либо компенсации за все извлеченные благородные и цветные металлы. Это яркий пример nepозволительного, а точнее говоря, преступного отношения к богатствам своих недр. И, наконец, последняя из приводимых здесь историй рудников. В трех километрах к западу от Змеиногорска находятся Среднее и Зареченское месторождения соответственно полиметаллических и золото-серебро-барит-полиметаллических руд. Последнее по составу руд сходно с Змеиногорским месторождением с той лишь разницей, что в нем имеется много пирита (соединение серы и железа). Эти месторождения отрабатывались с 60-х гг. XX века при помощи одного шахтного комплекса выработок. После прекращения эксплуатации Змеиногорского месторождения в 60-е гг. Зареченский рудник, приняв от Змеиногорского рудника эстафету градообразующего, непрерывно наращивая темпы, просуществовал до разгара «перестроечных» событий в стране. В 1995 г. он был закрыт, а в 1997 г. поставлен на мокрую

консервацию. С этого момента Змеиногорск, исторически определенный как город горняков, вслед за Горняком перестал существовать.

Из других полезных ископаемых необходимо остановиться прежде всего на упоминавшемся уже Колыванском месторождении висмут-медно-вольфрамовых руд, которое эксплуатировалось непрерывно с 1936 по 1959 г. Месторождение отработано до глубины 200 метров. При этом на шести горизонтах пройдено 14 737 погонных метров горизонтальных выработок и одна шахта глубиной 162 м. Из-за несовершенной технологии обогащения в концентрат извлекался вольфрамит (вольфрам), минералы же других полезных элементов (меди, висмута) «отходили» в хвосты. Нам неизвестен путь движения концентрата, а затем и металла Колыванского месторождения. Можно только догадываться, что вольфрам в те трудные для страны 30–40-е гг. шел, в основном, на изготовление броневой стали, а затем уже на вытягивание проволоки для лампочек накаливания и т. д.

Вторым таким месторождением было Белорецкое, которое отрабатывалось артельным способом с 30-х гг. до 1942 г. с целью получения вольфрамового концентрата. Эксплуатационные работы велись только до уровня воды р. Белой, т. к. в то время не было возможности бороться с обильным притоком воды в выработки и рудник был закрыт. Месторождение так и осталось не отработанным полностью, хотя в нем кроме вольфрама присутствуют висмут, бериллий и флюорит.

Подводя итог прошлому в изучении и освоении недр региона, следует подчеркнуть, что XVIII и XIX столетия отличаются равенством между количеством открываемого и добываемого полезного ископаемого; XX столетие – это расцвет геологических, поисково-разведочных работ и горно-добываемого производства, это – многократно более высокие темпы восполнения запасов по сравнению с темпами их выбывания, т. е. в этом столетии преимущество отдано открытию новых месторождений различных полезных ископаемых. XXI столетие будет столетием горно-добывающего производства, столетием создания и внедрения высоких технологий во всем комплексе мер рационального использования недр. Предпосылкой для этого является крупная минерально-сырьевая база цветной и черной металлургии, подготовленная к промышленному освоению в предшествующем столетии и перешедшая в наступившее. В части цветной металлургии она составляет более 50 млн тонн богатых полиметаллических руд с золотом и серебром, сосредоточенных в одиннадцати месторождениях; черной – 500 млн тонн магнетитовых (железных) руд (2 месторождения) и первые миллиарды тонн ванадий-титано-железных руд (1 месторождение) для Западно-Сибирского металлургического комбината (г. Новокузнецк).

При этом последнее может явиться сырьевым источником алюминиевой промышленности для Ачинского глиноземного комбината. Вольфрам-редкометальные мелкие месторождения после их доизучения могут представлять промышленный интерес для небольших горнодобывающих предприятий на фоне отработки месторождений цветных и черных металлов. В крае имеются перспективные объекты на рудное золото, известные с прошлых веков, оценку же и, возможно, отработку которых предстоит выполнить в наступившем веке. Из прошлого известно также много месторождений различных строительных материалов и подземных вод.

Все это наследие, явившееся результатом огромного труда многих больших и малых специализированных производственных и научных коллективов далекого и недалекого прошлого, принадлежит жителям XXI века.

В. А. Виноградов

**СТРАНИЦЫ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОШЛОГО БАРНАУЛА
(КАМЕРНО-СИМФОНИЧЕСКАЯ МУЗЫКА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.)**

Конец XIX и начало XX века в России характеризуется насыщенной и многообразной музыкально-общественной жизнью, особенно в Петербурге и Москве. Блистали знаменитыми именами Мариинский и Большой театры. Петербургская и Московская консерватории выпускали из своих стен великолепных музыкантов, композиторов, инструменталистов, певцов, прославивших русское искусство. В этих же городах сосредотачивалась и концертная жизнь, которая поражала масштабностью и живым интересом к самым различным явлениям мировой музыкальной культуры, обилием выдающихся исполнителей, принимавших участие в многочисленных симфонических и камерных концертах. В те годы в России параллельно действовали разнородные музыкальные общества, ставившие перед собой просветительские задачи.

Среди них самой мощной и разветвленной музыкальной организацией продолжали оставаться Русское музыкальное общество, основанное в 1859 г. и Русское хоровое общество, основанное в 1878 г. В начале XX в. Русское Музыкальное Общество имело свои отделения в 34 городах России, включая и сибирские – Томск, Омск, Тобольск, Иркутск. Основную задачу эти общества видели в создании стройной системы профессионального музыкального образования и организации концертно-исполнительской деятельности. Создание обществ в городах России оказало серьезное влияние на активизацию музыкальной жизни в провинциальных городах, в том числе и в Барнауле.

Прошло более 100 лет со времени создания первого постоянно действующего оркестрового коллектива в Барнауле. Среди различных областей музыкальной культуры (театр, обучение, образование, общественные организации, концертная деятельность) пристального внимания заслуживает оркестровое исполнительство. Отсутствие музыкально-образовательных учреждений в Барнауле, удаленность его от

столичных городов, не стали помехой для увлечения серьезной музыкой наиболее просвещенной части жителей города. Значение уникальности явления, каким представляется оркестровое исполнительство, подчеркивает высокий уровень распространения струнных и духовых инструментов, наличие подготовленных музыкантов, нотного материала, концертного зала, заинтересованного руководителя-дирижера.

Как протекал процесс становления и развития оркестрового исполнительства в нашем городе? Какие факторы и тенденции ему сопутствовали? Обозначим наиболее важные из них. Они представляют определенный интерес для тех, кто изучает историю города и всех любителей музыки. Освещение данного вопроса оправдано и с точки зрения сопоставления современной музыкальной жизни с опытом прошлого.

Вплоть до 1917 г. Барнаул осуществлял функции административно-го центра Алтайского горного округа. Сложная система управления округом, его принадлежность к царскому Кабинету сыграли важную роль не только в социально-экономическом развитии города, но и оказала существенное влияние на формирование особой атмосферы в духовной жизни Барнаула. В воспоминаниях современников, архивных документах сохранились сведения об увлечении городской интеллигенции музыкой. Они устраивали домашние вечера, клубные спектакли, благотворительные концерты, организовывали выступления гастролеров. В этой среде образовалась инициативная группа, официально оформившаяся в организацию «Барнаульский музыкальный кружок». 12 января 1895 года губернатор Томской губернии утвердил устав этого кружка, состоявший из 19 пунктов. Устав предписывал следующее: «кружок имеет целью давать возможность своим членам собираться в помещении для исполнения музыкальных произведений, а также способствовать развитию музыкальных талантов среди своих членов. Для достижения означенной цели, членам кружка предоставляется право устраивать домашние и публичные музыкальные вечера и концерты, завести нотную библиотеку».

В начале марта 1895 г. музыканты провели организационное собрание, на котором председателем дирекции кружка был избран горный инженер, пианист-любитель Александр Александрович Бобятинский. Начались регулярные вечерние выступления по четвергам при клубе Горного собрания. Вот как писала об этих вечерах газета «Сибирский вестник» в 1895 г.: «...публика всегда остается довольна исполнением и получает там истинное музыкальное наслаждение, тем более мы, барнаульцы, музыкой не избалованы, поэтому нельзя не порадоваться открытию у нас «музыкального кружка» и не пожелать ему полнейшего успеха и процветания». Так писал корреспондент-барнаулец о вечерах, устраиваемых в городе.

Иногда концерты проводились в зале Общественного собрания. Он располагался на Кузнецкой улице (ныне ул. Гоголя). Об этом мы можем узнать из публикации того же «Сибирского вестника», который, в частности, писал: «21 ноября был дан первый концерт музыкального кружка в зале Общественного собрания, удавшийся на славу: все участвовавшие в нем выполнили программу блистательно. Особенно потрудились на этом концерте А. А. Бобятинский и А. Г. Басарев. Первый – знаменитый по Барнаулу пианист, участвовал почти в каждой пьесе, а второй – прекрасною прочувствованною игрою на скрипке, исполнил, по крайней мере, половину всей программы концерта. И надо сказать правду, что он артист и в нашем городе наилучший музыкант-скрипач. Сбор более чем полный, билетов не хватило и пришлось поставить несколько добавочных стульев, а это доказывает, что подобные концерты в высшей степени желательны для барнаульской публики».

Программы вечеров музыкального кружка отличались разнообразием. Их основу составляла популярная камерно-инструментальная музыка того времени: вокальные дуэты, трио, романсы, пьесы для отдельных инструментов (скрипка, фортепиано, флейта и др.). Об успехах и удачно подобранных программах свидетельствуют их неоднократное повторение. Вход на некоторые концерты был платным, и часть денег от сбора уходила на оплату исполнителей, аренду помещения, а другая часть использовалась для приобретения инструментов и нот. Члены кружка имели определенные привилегии. Каждый из них, за меньшую плату, мог пригласить на вечер своих близких, что было и для тех, и для других очень важно. Музыканты репетировали и устраивали свои концерты в свободное от основной работы время. Среди них не было ни одного профессионала – дипломированного специалиста.

Дирекция кружка серьезное внимание уделяла устройству концертов гастролеров. В зале Горного собрания проходили выступления известных музыкантов-исполнителей: К. Думчева (скрипка), А. Вербова и А. Ваксмана (виолончель), М. Ангарова (вокал), Л. Максимова (фортепиано), ставились сцены из опер «Жизнь за царя» М. Глинки, «Русалка» А. Даргомыжского и др.

Музыкальный кружок просуществовал до 1903 года и внес большой вклад в музыкальное просвещение жителей Барнаула. В связи с отъездом из города в 1903 г. бессменного руководителя кружка А. А. Бобятинского, концерты прекратились. В 1908, 1911 гг. несколько бывших членов кружка пытались возродить его деятельность – были проведены выборы членов правления, ревизионной комиссии, казначея, но наладить работу по разным причинам не удалось. Однако некоторые музыканты кружка (Ларионов, Басарев, Шведе) принимали активное участие в концертах

оркестра Общественного собрания, литературно-вокально-музыкальных вечерах реального училища, женской прогимназии.

Ведущая роль в музыкальной жизни города на рубеже XX века принадлежала оркестру Барнаульского общественного собрания. Созданный в начале 90-х гг. прошлого столетия, он впервые ознакомил барнаульцев со многими произведениями в жанре симфонической музыки, не только композиторов России, но и сочинениями многих западно-европейских композиторов. О раннем периоде деятельности оркестра мало что известно. «От единственного оркестра Общественного собрания, кроме полек и вальсов редко что-нибудь можно услышать...», – сообщал местный корреспондент газеты «Сибирский вестник» (1895). Прикладной характер оркестра очевиден – исполнение танцевальной музыки на вечерах клуба Общественного собрания. Иногда он играл в антрактах спектаклей, маскарадах, юбилейных мероприятиях различных благотворительных обществ города. «Празднование юбилея (10-летия Общества попечения о начальном образовании – В. В.) закончилось вечером в Барнаульском Общественном собрании и состояло из двух отделений: музыкально-вокально-литературное и танцы... пропеты серенада «Дон Жуана» Чайковского и романс Малашкина. Исполнялось два «трио» на скрипке, флейте и рояле и соло на скрипке с аккомпанементом рояля – мазурка Венявского. По требованию публики было исполнено несколько номеров на «bis», – писала газета «Сибирский вестник» в 1895 г.

В 1897 г. оркестр состоял из 9 музыкантов. С приглашением в этом же году в качестве руководителя и дирижера Абрама Исаевича Клястера оркестр увеличился до 16 человек. Вскоре это позволило открыть в клубе Общественного собрания серию вечеров, так называемых, «музыкальных сред», ставших очень популярными среди барнаульцев. Обратимся к заметке, опубликованной в газете «Сибирский вестник» в 1897 г.: «С начала нынешней зимы в барнаульском Общественном собрании еженедельно, по средам, устраиваются музыкальные вечера, в которых преимущественно играют музыканты того собрания под управлением их капельмейстера. Вечера эти посещают члены собрания и посторонние лица... Клястер оказался очень хорошим капельмейстером и прекрасным скрипачом, всей душой преданным своему делу... В великий пост музыкальные вечера тоже продолжаются, но только не по средам, а по воскресеньям».

С приездом в Барнаул А. И. Клястера музыкальная жизнь города преобразилась. Он выполнял роль «первопроходца», успешно доказав жизнеспособность жанра камерно-симфонической музыки в отдаленном, периферийном городе. Отсутствие квалифицированных музыкантов

компенсировалось творческой активностью образованных людей города. Многие из них имели дипломы высших учебных заведений России. В их кругах умение играть на музыкальных инструментах и петь, а также знания из области литературы и искусства считались признаками хорошего тона.

Рассматривая с высоты прошедшего времени обширную художественно-просветительскую деятельность А. И. Клястера и оркестра Барнаульского Общественного собрания, отметим их новаторский характер. Совместные выступления с местными любителями музыки консолидировали усилия оркестра на исполнение сложных симфонических произведений собственными силами, на проведение монографических концертов, посвященных именитым композиторам: П. И. Чайковскому, М. И. Глинке, Э. Григу, Д. Верди, А. Г. Рубинштейну, Н. А. Римскому-Корсакову и др. Музыканты доказали, что существующим составом оркестра вполне возможно исполнять симфонические произведения. Анализ программ свидетельствует о планомерной, целенаправленной работе барнаульских музыкантов, которая велась на протяжении многих лет. Только благодаря этому, коллективу удавалось принимать участие в программах из двух и трех отделений, где, кроме сольных номеров, приходилось аккомпанировать певцам и хору.

Жизнедеятельность городского оркестра неизбежно была связана с множеством вынужденных экспериментов, поиском путей для самостоятельного решения порой очень сложных задач. Репертуар зачастую зависел от вкусов местной публики, материальная зависимость вынуждала угождать той части слушателей, которая предпочитала модную музыку легкого жанра. Отчасти этим можно объяснить наличие в программах многочисленных «попурри» и «фантазий» на мелодии известных опер и оперетт.

Одним из самых популярных и любимых композиторов в то время был Петр Ильич Чайковский, его инструментальные, вокально-хоровые сочинения звучали в России регулярно. Барнаульскими музыкантами в начале XX века исполнялись сцены и отрывки из его опер «Пиковая дама», «Евгений Онегин», увертюра-фантазия «Гамлет», «Славянский марш», торжественная увертюра «1812 год».

В своих концертах оркестр с успехом и большой любовью исполнял произведения основоположника русской классической музыки Михаила Ивановича Глинки. В разные годы под управлением А. И. Клястера звучали в Барнауле его знаменитые произведения: увертюра к опере «Руслан и Людмила», «Камаринская», «Вальс-фантазия», «Ночь в Мадриде». На одном из вечеров, целиком составленном из произведений Н. А. Римского-Корсакова, прозвучали увертюра к опере «Царская

невеста», песня варяжского гостя из оперы «Садко» и песня Левко из оперы «Майская ночь». Поражает серьезность концертных программ, высокий уровень технических возможностей исполнителей, без которого немислимо исполнение перечисленных произведений. Некоторые из перечисленных произведений таят в себе известные исполнительские трудности для музыкантов и современных симфонических оркестров, не говоря уже о любительских. Как же они преодолевались оркестром БОС?

Большая музыкальная культура коллектива в целом, без чего невозможно донести до слушателей содержание исполняемой музыки, – в этом, безусловно, великая роль руководителя и дирижера А. И. Клястера. В одной из рецензий на музыкальный вечер, посвященный памяти М. И. Глинки и состоявший почти исключительно из его произведений, опубликованной в 1906 г. в газете «Барнаульские известия», даны анализ и оценка основным проблемам исполнительства сложной симфонической музыки местным оркестром:

«...оркестр, по своим силам, приближается к составу симфонического, без которого оркестровые произведения Глинки теряют свой смысл и не дают настоящего впечатления. Редкая для Барнаула наличность в оркестре одиннадцати смычковых при восьми духовых и 2-х ударных инструментах, дополнение не хватающего деревянно-духового квартета органом и роялем – все это содействует получению во многих местах полного аккорда. Конечно, для слушателей, привыкших к исполнению Глинкиных произведений оперными и полным симфоническим оркестрами, с обширными хорами, наш вечер казался миниатюрным: но в этом смысле критика, во-первых, должна считаться с теми музыкальными силами, которыми располагает Барнаул, а, во-вторых, и с той массой препятствий, с которыми встречается у нас симфоническая музыкальная постановка: полная акустическая непригодность, как зала, так и сцены (имеется ввиду зал Общественного собрания – В. В.), заменившей эстраду – представляющей из себя ловушку звуков и неразрешимую шараду для размещения инструментов и хора: полный недостаток библиотеки, музыкальных средств, заставляющей дирижера пускаться в ухищрения распортировки номеров... Качественное несовершенство меди, несмотря на вполне музыкальную опытность исполнителей, тоже давало знать... нельзя не остановиться на одном общем выводе: оркестр Барнаульского собрания может захватывать интерес у публики, так и любителей музыкантов, объединяя последних, – обстоятельство, существенно важное для музыкального успеха и говорящего само за себя».

Достойное место в программах оркестра занимала музыка западно-европейских композиторов. Впервые в Барнауле под управлением

А. И. Клястера состоялись премьеры симфонии Л. Бетховена, Ф. Шуберга, Ф. Мендельсона, Й. Гайдна, увертюры «Сорока-воровка», «Севильский цирюльник» Д. Россини, «Волшебный стрелок» К. Вебера, «Фингалова пещера» Ф. Мендельсона, поэма «Пляска смерти» К. Сен-Санса, сюита «Пер Гюнт» Э. Грига и др.

Свидетельством творческой зрелости коллектива и его кропотливой работы, является исполнение 5-й симфонии Л. Бетховена. В анонсе на предстоящий концерт газета «Жизнь Алтая» писала: «Задача Клястера, задумавшего дать барнаульскому обществу исполнение бессмертной симфонии Бетховена, этого колосса среди музыкальных гениев, несомненно, вызывает полное сочувствие в сердцах тех, кому дорога истинная музыка и кто ценит великое воспитательное значение ее. И как бы ни было слабо осуществление этой задачи с теми ограниченными силами, которые находятся в распоряжении Клястера, вызывает полное одобрение».

Оркестр и его дирижер часто испытывали финансовые и материальные затруднения. Проблема решалась по-разному. Наиболее удобной формой в артистической среде были концерты-бенефисы. В течение 18-летней работы с оркестром Барнаульского Общественного Собрания А. И. Клястер практически ежегодно устраивал такие концерты, и всегда старался включать в программы ранее не звучавшие произведения. Поэтому в свой бенефис он включил симфонию Бетховена и вступление к опере «Хованщина» М. Мусоргского. Рецензию на этот концерт написал известный сибирский писатель-публицист Г. Д. Гребенщиков, который отметил: «Клястер, несомненно, обладает не только большими музыкальными способностями, но и большим художественным вкусом, что оправдало программу его бенефисного музыкального вечера, успешно прошедшего 31 марта в зале Общественного собрания. Помимо дивной симфонии Бетховена, занявшей целое отделение, был представлен Мусоргский с его прелестной прелюдией к «Хованщине»... Как в Бетховене, так и в других номерах, оркестр производил необыкновенно приятное впечатление и, во всяком случае, на наш взгляд, он не испортил взятой на себя трудной и ответственной миссии...»

Необходимо остановиться на организационной структуре оркестра. Всеми делами ведала Дирекция клуба Общественного собрания. Тут же решались вопросы о репетициях и концертах, о приобретении новых инструментов, заключались контракты с отдельными музыкантами – весь круг вопросов, связанных с функционированием оркестра и его дальнейшими перспективами. Особыми полномочиями был наделен руководитель, в помощь которому на собрании выбирались несколько

секретарей и казначей, которые помогали руководителю в решении административных вопросов, отвечали за подготовку нотного материала.

В 1914 г. разразилась Первая мировая война. Жизнь в Барнауле резко изменилась. К лету 1915 г. в городе открылось несколько лазаретов, создавались различные благотворительные общества для сбора и распределения средств нуждающимся. Эти общества устраивали многочисленные вечера, неизменными участниками которых были и музыканты оркестра. Один из таких концертов состоялся в январе 1915 г. Чистый сбор от этого концерта предназначался для восстановления собственной больницы общества Красного Креста. «Концерт 26 января явился бесспорным историческим событием в музыкальном мире нашего города», – писала газета «Жизнь Алтая», – «Сравнительно большая сцена Народного дома (ныне концертный зал филармонии – В. В.) была вся заполнена оркестром. Одних только смычковых инструментов было 18. В концерте приняли участие лучшие музыканты и вокальные силы, коими в настоящее время весьма богат Барнаул. Из исполненных оркестром пьес лучше всех прошла симфоническая увертюра «Робеспьер» Митольца. На фоне хаоса звуков, изображающих бой, могуче звучала Марсельеза. Немного слабее, в смысле нюансировки, прошла знаменитая увертюра Чайковского «1812 год»... «Юмореска» Дворжака и симфоническая миниатюра «Баба Яга» А. Лядова были сыграны стройно и весьма красиво... Общее впечатление, произведенное концертом, надо признать очень сильным. Как участники, так и посетившая концерт публика долго не забудут пережитых ею в этом вечере впечатлений».

С 1 сентября 1915 г. Барнаульский клуб Общественного собрания отказался от содержания оркестра из-за отсутствия денежных средств, а также потому, что многие музыканты были призваны в действующую армию. Так завершилась судьба самобытного оркестрового коллектива под руководством А. И. Клястера.

Если мы попытаемся создать собирательный образ А. И. Клястера, то перед нами предстанет, прежде всего, энтузиаст, человек, безмерно преданный делу просвещения, пропаганды классического музыкального наследия, обладающий высокой музыкальной культурой и широтой взглядов. Талантливый исполнитель, композитор, необыкновенно работоспособный – это те качества, определяющие уровень мастерства руководителя-дирижера. Деятельность Абрама Исаевича и оркестра была настолько значительной, обширной и разнообразной, что без него невозможно в полном объеме представить музыкальную жизнь Барнаула в начале XX века.

Л. М. ОСТЕРТАГ **МУЗЫКАЛЬНЫХ**
ДЕЛ МАСТЕР СЕМЕН
ВАСИЛЬЕВИЧ ШАРОНОВ

В последние годы мы все чаще стали обращаться к нашей истории, к судьбам людей, которые жили до нас, их делам, наследию.

Мало кому в нашем крае известно имя Семена Васильевича Шаронова – учителя пения, музыканта, композитора, журналиста, человека незаурядного, с многогранными интересами. Среди материалов, хранящихся в литературно-краеведческом музее средней школы № 27 г. Барнаула, есть ноты с любопытной печатью: «Столярно-обойных и музыкальных дел мастер С. В. Шаронов». Ноты эти подарила музею учитель музыки школы № 4 г. Барнаула Г. М. Бурцева, а находятся они в фонде № 18 – личном фонде Семена Васильевича Шаронова.

С. В. Шаронов – не сибиряк. Он родился в 1874 г. в селе Никульском Костромской губернии, но большая часть его жизни прошла на Алтае – в гг. Бийске и Барнауле. Крестьянин по происхождению, столяр по профессии, он не получил систематического образования, тем более музыкального, но музыку полюбил с детства. Он часами мог слушать пение и мечтал стать музыкантом или учителем пения. Но пришлось учиться другому, далекому от музыки ремеслу – столярному делу. А музыка по-прежнему жила в его душе, не покидала и надежда связать с нею свою жизнь, стать учителем пения.

По словам А. М. Топорова, друга С. В. Шаронова, ему было неизвестно, что такое праздность и лень. Огромное трудолюбие и несомненная одаренность помогли ему добиться цели. Первым реальным шагом к ее осуществлению стало пение в церковном хоре одного из соборов г. Бийска. Там он овладел и нотной грамотой. Потом научился играть на гитаре, фисгармонии. Но особенно полюбил скрипку. Тогда, видимо, и появилась на его нотах та самая печать, о которой было упомянуто выше.

Овладеть мастерством музыканта самоучке помогли летние регентско-учительские курсы в Екатеринбурге, Одессе и Перми. С искренней благодарностью и теплотой отзывался позднее С. Шаронов о преподавателях

курсов в Екатеринбурге в своей статье, опубликованной в журнале «Баян» в 1908 г.

К этому времени он уже два года работал учителем в начальных школах Барнаула. А с 16 сентября 1910 г. исполнял обязанности учителя пения в первой женской (казенной) гимназии. Но в штат гимназии зачислен не был, так как не имел специального образования. У него не было и гимназического образования, получить которое он несколько раз пытался. В фондах краевого архива сохранилось прошение С. Шаронова от 23 января 1913 г. в педагогический совет гимназии: «...не имея учительского образования, тем не менее я всю жизнь стремился такое приобрести упорным трудом, вследствие чего почтительнейше просил бы Педагогический совет найти возможность дать мне отпуск на 2 месяца с сохранением содержания, столь необходимый для усиленной подготовки на звание учителя» (ЦХАФ АК. Ф. 36. Оп. 1. Доп. Д.6).

Кроме преподавания в гимназии, С. В. Шаронов обучал пению нижних чинов пехотного полка. В 1917 г. в течение нескольких месяцев исполнял обязанности регента Петропавловского собора – главного собора г. Барнаула. И это без специального образования!

Чем бы не занимался Семен Васильевич, он всегда вкладывал в дело свою душу. Вот как отзывалась о нем начальница женской гимназии: «Семен Васильевич Шаронов к исполнению принятых на себя обязанностей относится добросовестно и с достойным знанием дела».

Без музыки С. Шаронов не представлял себе жизни и мог говорить о ней часами. Он близко сблизился с теми, кто, как и он, чувствовал и понимал ее. А. Топоров, узнав, что в женской гимназии пение преподает композитор, решил без всяких церемоний пойти и познакомиться с ним. В своей книге «Я – учитель», он описал момент знакомства: «Мою руку жал человек лет сорока, с открытыми серыми глазами. Несмотря на раннее утро, он был в костюме, галстук, манжетах, гуттаперчевом воротничке. Прямые, как свежая ржаная солома, волосы прикрывали уши, светлые усики завивались на концах, широкое русское лицо расплылось в улыбке. Комната, куда он меня ввел, вся была завалена книгами, журналами, партитурами. Лежали они на этажерке, на полке, на фисгармонии. Со стен глядели портреты великих композиторов. Первая же встреча затянулась у нас часов на семь. Пели дуэты, беседовали о музыке, о литературе, о театре. Потом взялись играть – он на фисгармонии, я на скрипке». В 1914 г. А. М. Топоров подарил С. В. Шаронову ноты, сделав на них такую надпись: «Глубочайшему ревнителю пения и музыки и моему нервному другу на память».

Однако пение барнаульского учителя в 10-е годы XX в. слушали не только в Барнауле. В мае 1987 г., уже после смерти жены С. Шаронова –

Ирины Ивановны, ее внучатая племянница Рустемова Галина Зуликаторвна принесла в школьный музей несколько листов каталога пластинок фирмы «Стелла-Концерт-Рекорд». В него наряду с другими фамилиями артистов – исполнителей романсов, песен, и арий из оперетт, включена и фамилия С. Шаронова. К счастью, у одного из ленинградских коллекционеров Перепелкина Ю. Б. сохранились пластинки с записью голоса С. В. Шаронова. Он же и сообщил музею, что в 1910–1911 гг. С. В. Шаронов сделал в Москве и Петербурге 26 записей на 13 дисках: романсы, вальсы, народные песни, и посетовал: «Очень обидно, что Шаронов был записан на далеко не первоклассной фирме того времени. Хотя чувствуется даже по этим записям, что он был неплохим профессиональным певцом». Ленинградский коллекционер прислал в музей записи голоса С. Шаронова с имеющихся в его фонотеке 10 дисков.

Писал С. В. Шаронов музыку и сам. Он не был профессиональным композитором, однако, в 1902 и 1909 гг. его «Гимн Гоголю» звучал не только на вечерах в учебных заведениях Барнаула, но и во время шествия учащихся по городу в день памяти писателя.

В 1912 г. к 100-летию Отечественной войны им была написана юбилейная кантата «Памяти двенадцатого года» на слова поэта-барнаульца Порфирия Казанского. Она исполнялась гимназистками Барнаула. Интересен тот факт, что на прошении С. Шаронова к попечителю Западно-Сибирского учебного округа о разрешении исполнения сочиненной им кантаты, стоит собственноручная запись попечителя Л. Лаврентьева от 16 августа 1912 г.: «Разрешаю с особым удовольствием и благодарностью автору».

Написаны самодеятельным композитором также песни, посвященные героям гражданской войны, посевной кампании, песни для детей.

С. В. Шаронов, по утверждению А. Топорова, не только любил музыку и пение, но и «ценил их как средство дисциплинирования и воспитания в духе коллективизма». Справедливость этих слов подтверждается высказываниями самого С. Шаронова, а главное, его делами. В 20–30-е годы в газетах «Красный Алтай» и «Советская Сибирь» он опубликовал ряд статей, в которых не уставал повторять, что музыка в школе – предмет не второстепенный, она облагораживает человека, развивает его нравственно, открывает ему мир прекрасного. По мнению С. В. Шаронова, к музыкальной грамоте нужно приобщать каждого человека, особенно детей, научить их чувствовать и понимать музыку. С этой целью он создал хор печатников, хор Союза «Иглы», пропагандировал русскую народную песню, готов был заниматься музыкой и пением со всеми желающими. На свои средства в начале XX века он издал и раздал хористам два сборника текстов народных песен, куда

вошли известные и сегодня песни: «Ноченька», «Посею лебеду», «Славное море» и другие.

В 1919 г. опытный учитель пения составил и издал три книжечки «Нотная азбука для народных хоров, семьи и школы», в которых доступно и просто рассказал о нотах, привел для первых опытов начинающего музыканта несложные упражнения. В 1925 г. году им выпущен сборник революционных песен, в фонде С. В. Шаронова сохранились также записи, сделанные им во время поездок по городам и селам Алтая, которые он в 1929 г. опубликовал в сборнике «На богов на попов», куда вошли песни и частушки, собранные им. В это же время появляются и его собственные «заемные», «кооперативные», «авиа» частушки, которые печатает газета «Красный Алтай». Вот две из них под названием «На ликпункте»:

Говорили раньше бабе:
«Дальше кухни не ходи».
Нынче ж мы все на ликпункте
То ли будет, погоди.

* * *

Как нам грамота полезна,
Я сама заметила:
Прочитала письмецо
И сама ответила.

В литературно-краеведческом музее хранится также один из ценнейших экспонатов – школьная тетрадка в мягкой обложке оранжевого цвета, на которой написано: «Шаронов С. Свадебные обряды приалтайских горнозаводских крестьян». На 38 листах тетради изложен записанный С. Шароновым в с. Локоть, во время его «краеведческих скитаний» в 1928 г. свадебный обряд. Главная ценность записи – песни, причитания, прибаутки, приговоры, связанные с каждым днем сибирской свадьбы, приуроченные к каждому действию, дающие представление о быте и обычаях. В конце тетради Шаронов пишет о мелодических особенностях записанных им песен и, предполагая издание их, пишет: «Ниже прилагаю нотные записи песен свадебных обрядов приалтайских горнозаводских крестьян, записанных со слуха лично мной и другими любителями песнотворчества. 26/VI 1930 г.»

К сожалению, нотные записи не сохранились, утрачены были скорее всего в 40-е гг. Но мы благодарны И. И. Шароновой за то, что в трудных условиях она сумела сохранить многое из того, что было сделано ее мужем, что было дорого ему.

Умер С. В. Шаронов в декабре 1937 года. В его архиве сохранились написанные незадолго до смерти наброски стихов о Барнауле. Вот о чем мечтал Семен Васильевич: «Строптивая Барнаулка оденется в гранит, пышным ковром зелени и цветников покроются ее берега, ажурным кружевом перекинутся чугунно-бетонные мосты, как легкий смычок Давида Ойстраха... И один из мостов, тот, что около бывшего сереброплавильного завода, назовут Ползуновским...»

Мосты и смычок Ойстраха... Для С. В. Шаронова, учителя пения и композитора, все самое прекрасное в жизни всегда было сопоставимо только с волшебными, чарующими звуками музыки.

Т. В. СКВОРЦОВА   БАРНАУЛЬСКИЙ
БОГОРОДИЦЕ-КАЗАНСКИЙ   ЖЕНСКИЙ
МОНАСТЫРЬ

*В истории любого народа, как и в жизни каждого из нас, были трагедии и ошибки, соблазны и падения. Но при этом с уверенностью можно сказать, что народ наш явил миру прекрасный и светлый идеал Святой Руси. Будем же верны этому идеалу.
(из послания Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II)*

Монастыри – оплот и хранители христианской веры и чистоты – твердыни православия. Это благодатная пристань для страждущих нравственными недугами. Наличие в стране монастырей есть выражение крепости и силы религиозно-нравственного духа народа.

Велика была Россия молящаяся! 1 250 монастырей было в России до революции. В них люди усваивали суть христианской жизни. Ныне мало кто знает об одном из таких духовных центров как Барнаульский Богородице-Казанский женский монастырь.

Начинался монастырь как женская община, которую создала Евдокия Ивановна Судовская, потомственная дворянка, жена коллежского асессора. Община обустроилась на арендованной Е. И. Судовской оброчной статье, называемой «Монастырская дача». Там уже в 1892 г. проживало тринадцать женщин. Не будучи в постриге, но, ведя иноческий образ жизни, женщины образовали скит. И все же общине нужны были насельницы с опытом монастырской жизни для устройства порядка и исполнения правила, положенного Святыми Отцами. Поэтому в 1894 г., по просьбе Е. И. Судовской и с разрешения Епархиального начальства, в Барнаул были переведены из Троицкого женского монастыря Пензенской губернии благочинная монахиня Парфения (в миру Параскева Сергеевна Мещеринова, 1841 г. р.), сестры Фроловы, старшая – инокиня Ксения Петровна (1868 г. р.) и младшая – Матрона

Петровна (1872 г. р.), инокини Матрона Мещеринова (1874 г. р.) и Феврония Ушакова (1875 г. р.). Вот эти, вновь прибывшие, и местные насельницы и положили начало женской Богородице-Казанской общине.

Официальное открытие общины состоялось 18 и 24 мая 1894 г., так как к концу этого года насельниц было уже около ста человек. А 21 февраля 1895 г. по указу Томской Духовной Консистории монахиня Парфения была утверждена управляющей Барнаульской Богородице-Казанской женской общиной. Первой помощницей матушки Парфении стала Матрона Фролова.

5 марта 1895 г. была отстроена и освящена домовая Церковь во имя Святителя Иннокентия, первого епископа Иркутского, чудотворца, которого в Сибири почитали наравне со Святителем Николаем. Вслед за домовой Церковью, в 1896 г. была открыта школа грамоты для девочек, которая разместилась в одном из общежительных корпусов. Учителем в ней был священник Георгий Головков, а помощницей ему стала послушница общины двенадцатилетняя Пелагея Прокуророва, дочь унтер-офицера. В монастырь поступила вместе со своей матерью, Евдокией Прокуроровой, вдовой. Впоследствии Пелагея Прокуророва станет счетоводом монастыря.

Еще в сентябре 1895 г. Е. И. Судовская обратилась к Макарию, Епископу Томскому и Барнаульскому, за помощью о ходатайстве перед начальником Алтайского Округа в передаче арендуемых ею земель в собственность Барнаульской Богородице-Казанской женской общине. Епископ Макарий, в свою очередь, обратился к начальнику Горного округа с письмом, содержащим просьбу о передаче «Монастырской дачи» во владение Барнаульской женской общине посредством дара. 1 марта 1896 г. участок земли в пятнадцать десятин был передан общине в бесплатное пользование.

Участок, отведенный общине по левую сторону р. Барнаулки, несмотря на слабый болотистый грунт, местами вполне отвечал тому назначению, какое дала ему община, возведя на нем главным образом хозяйственные постройки – амбары, сараи, погреба и скотные дворы. Большую часть земель община отвела под огороды. Из жилых помещений на лучшей части участка возведены два деревянных корпуса, в одном из которых и находилась церковь общины.

А Богородице-Казанская обитель все разрасталась. Нужно было строить соборный храм. И вновь матушка Парфения обращается с ходатайством к начальнику Алтайского округа: уступить участок земли в пять десятин для постройки каменного соборного храма во имя Казанской Божией Матери и надворных строений; а также разрешить вырубку леса для образования чистой площади для предполагаемых храма

и строений. Через год с небольшим, после большой и тщательной работы по изучению грунта под строительство храма, матушка Парфения получила акт о передаче земельного участка общине. Началась подготовка к строительству Собора: проведена вырубка части леса, заготовлена и доставлена на место значительная часть материалов. Составление проекта и сметы были поручены Епархиальному архитектору. Одновременно готовились места для постройки каменного келейного корпуса, дома для священников и церковно-приходской школы. В 1899 г. закладывается главный храм монастыря – Соборная церковь, каменная, трехпрестольная.

В этом же году по указу Томской Духовной Консистории Матрона Фролова была утверждена исполняющей должность казначеи Барнаульской Богородице-Казанской женской общины.

В 1900 г. женская община была переименована в женский общежительный монастырь, а монахиня Парфения была возведена в сан игумении.

К 1904 г. число насельниц монастыря составило уже 196 человек, в том числе 30 девочек-школьниц, призываемых на средства монастыря. Монастырь полностью содержал себя: сеяли хлеб, косили сено, занимались огородничеством, имели пасеку, лили восковые свечи, пекли хлеб и просфоры. Были у монастыря свои иконописная, ткацкая, переплетная мастерские, чеботарня. В особом здании монастыря находилась больница на 6 кроватей для сестер. Рукодельницы-золотошвей, шившие и вышивавшие священнические одежды и ризы, славились своим искусством далеко за пределами монастыря. Изделия золотошвей монастыря Натальи Яковлевны Скорняковой были хорошо известны в Санкт-Петербурге и Париже. Анна Михайловна Гусева в 1904 г. получила похвальный отзыв Первой Всероссийской выставки в Санкт-Петербурге за работы гладью. Обеспечивая себя, монастырь также содержал и обучал девочек-сирот. И, конечно, неукоснительно соблюдался устав монастыря.

1 октября 1904 г. для монастыря наступил большой праздник – была отстроена и освящена Соборная церковь. Необычайно красивая, сверкающая белизной стен и золотом куполов среди изумрудной густоты сосен и елей, возвышалась она на крутом берегу р. Барнаулки. Это была самая большая церковь в г. Барнауле, вмещавшая одновременно до полутора тысяч человек. Главный престол был освящен в честь Казанской иконы Божией Матери.

Одновременно с храмом были построены два одноэтажных деревянных дома для священников, двухэтажная церковно-приходская школа и большой каменный келейный корпус. У подножия храма, куда сбегал целительный источник, была построена двухэтажная деревянная

часовня во имя Святителю Николаю Чудотворца. Об источнике знала вся Россия, к нему везли больных и ослабленных. Для них была устроена особая купальня.

20 мая 1905 г. была освящена третья церковь – молитвенный дом с алтарем в честь Владимирской иконы Божией Матери.

Октябрьская революция, как чудовищный разлом земной коры, трещиной прошла по судьбам людей и самой страны, поглотила миллионы невинных жертв. Было разрушено то, что создавалось кропотливым трудом не одного поколения.

Русская Православная Церковь приняла страшный удар. Если в 1917 г. в России насчитывалось 80 тыс. храмов и приходов, 1 250 монастырей, то с годами их становилось все меньше и меньше. Монастыри закрывали, церкви разрушали, многие из церковнослужителей были убиты или зверски замучены.

После революционных событий в еще действующий Барнаульский монастырь шли насельницы из разогнанных монастырей с запада России. Но Богородице-Казанскому монастырю была уготована та же участь. В 1917 г. умерла первая настоятельница монастыря – игумения Парфения. За свои труды по устройству монастыря матушка Парфения в разное время была награждена Знаком Красного Креста от Российского общества Красного Креста, наперстным Крестом от Святейшего Синода, серебряной медалью на двойной Владимирской и Александровской ленте, серебряным знаком Ольгинского общества, а также получила Библию от Святейшего Синода.

Бывшая казначея Матрона Фролова, приняв постриг, стала игуменией Мариамной и понесла на своих плечах судьбу монастыря. Имена всех насельниц Богородице-Казанского женского монастыря до 1917 г. известны. После же 1917 г. ведомости насельниц либо уже не составлялись, либо, по понятным причинам, были уничтожены самими монахинями.

В 1920 г. монастырь был переименован в «Сельскохозяйственную Богородицкую Трудовую Общину», с этого момента началось постепенное уничтожение монастыря. У общины постоянно отнимали помещения, и она настолько уплотнилась, что дальнейшее сокращение помещений фактически было невыносимо. К осени 1920 г. насельниц попросту выдворили, монастырь же переименовали в «городок просвещения». Затем в разное время в нем располагались курсы красных учителей, сельхозтехникум, три детских дома, тюрьма.

Большинство сестер монастыря вернулись в «мир», разъехались по своим родным селам и деревням. Часть осталась в городе, поселившись на частных квартирах. Кое-кто из послушниц попытался «прибиться» к еще не ликвидированным храмам. Агафья Матвеевна Брякина,

например, стала казначеей общины верующих Знаменского собора, где и трудилась до своего ареста в 1938 году. Матрена Алексеевна Колесникова и Анастасия Афанасьевна Татарникова пекли просфоры для того же Знаменского собора. Их постигла участь многих – арест. Игуменья Мариамна поселилась в половине маленького домика по улице Пролетарской, 163, вместе со своими сестрами, бывшими насельницами монастыря. Дом находился рядом с Покровской церковью. Там тихо и молитвенно трудилась бывшая игуменья: пела на клиросе и помогала выпекать просфоры. В начале 1921 г. игуменью Мариамну арестовали как одну из главных активисток в подготовке кулацкого восстания в с. Сорокино и приговорили к расстрелу. Приговор, по неизвестным причинам, был заменен десятью годами заключения, а в 1924 г. ее освободили. В 1925 г. вновь арест за сокрытие церковных ценностей. Но вновь она была оправдана и освобождена. И, наконец, 4 февраля 1938 г. был произведен обыск по адресу ул. Пролетарская, 163, за которым последовал арест Фроловой Матрены Петровны. И начались допросы, на которых добивались одного – где монастырское золото? Официально же в протоколах допросов всех монахинь приводятся десятки одних и тех же имен, адресов, дат и событий, которые даже в нормальных условиях вряд ли можно так точно и в таком количестве вспомнить.

Вместе с игуменьяй Мариамной было арестовано еще четырнадцать человек, среди них и бывшие насельницы ее монастыря Агафья Матвеевна Брякина и Анисья Ивановна Чуркина. Позже арестовали группу «контрреволюционеров» в пятьдесят три человека, среди которых – старшая сестра игуменьи Ксения и еще десять монахинь Богородице-Казанского монастыря. Первая группа вся была приговорена к расстрелу, во второй группе – почти каждый второй, в том числе и Ксения.

11 марта 1938 г. игуменья Мариамна была расстреляна. 7 апреля та же участь постигла Ксению.

Теперь на горе, на бывшей монастырской земле, на месте убийства сотен православных христиан, священников, монахинь, стоит скромный памятник с надписью: «Невинно убиенных пусть сила правды воскресит. Вечная память почившим». По обе стороны памятника – два православных креста на могилах. А слева, вдали, из-за стены нынешнего следственного изолятора немым укором нам виден притвор некогда величественного храма Казанской Божией Матери. Остался и переделанный, но узнаваемый, келейный каменный корпус, где сидят теперь женщины в ожидании суда. Стоит угловая монастырская башня. И в грудах мусора звенит Свято-Никольский источник, данный граду Барнаулу на спасение.

К. Н. МЕТЕЛЬНИЦКИЙ

**ПРОГУЛКА ПО УЛИЦЕ ПУШКИНСКОЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОТОКОЛЛЕКЦИИ АЛТАЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

Фотофонд Алтайского государственного краеведческого музея насчитывает более 20 тыс. экспонатов. Значительная часть его – это фотографии и открытки с видами старого Барнаула. Без всяких сомнений они являются золотым ядром фотоколлекции старейшего музея Сибири. Фотографы-профессионалы и любители начала XX века проделали колоссальную работу, запечатлев на многочисленных снимках облик современного им Барнаула. Их труд оказался поистине бесценным, так как позволяет нам, живущим на исходе XX века, «пройтись» по старым улицам, «заглянуть» в синематографы, гостиницы, магазины. Вряд ли найдется более честный и беспристрастный свидетель, чем старая фотография.

Неудивительно, что наиболее часто издавались открытки с видами Московского проспекта, улиц Пушкинской, Гоголя, Л. Толстого, Петропавловской. Эти открытки и фотографии обладают колоссальным объемом информации и в определенной степени помогают заполнить пробелы на карте старого города. Они с успехом могли бы служить хорошим иллюстративным материалом для путеводителя по дореволюционному Барнаулу.

Попробуем и мы совершить небольшую прогулку по одной из самых ярких и нарядных улиц старого города – Пушкинской. О Демидовской площади написано много. Пожалуй, нет ни одного краеведческого издания по истории Алтая, где бы не было каких-либо сведений об уникальном уголке старого Барнаула. К сожалению, ансамбль этот сохранился не полностью – здание богадельни в 1930-е гг. подверглось варварской реконструкции – уничтожены колонны, фронтон, ряд других архитектурных деталей и надстроен безликий второй этаж. Потеряв свою прелесть, здание перестало быть памятником архитектуры. А ведь строилось это здание в комплексе с церковью Святого Димитрия

Ростовского и вход в него был именно из последней. Для верующих это было не совсем удобно, а ведь посещали церковь не только горожане: во время Великого поста здесь говели ученики Барнаульского Императора Николая II реального училища, а также мужской и двух женских гимназий. Осенью 1905 г. это неудобство было устранено – по многочисленным ходатайствам верующих со стороны Пушкинской улицы был устроен новый вход-часовня с двумя арочными воротами и кирпичным забором. Ворота и верхняя часть забора были богато украшены изящной металлической ковкой, а за ними находился небольшой церковный сад. Часовня и сад не сохранились. На их месте сейчас находится совершенно необорудованная стоянка автобусов на площади Спартака. Сама Димитриевская церковь – как домовая – была закрыта в первые послереволюционные годы.

Напротив сада Димитриевской церкви находился двухэтажный кирпичный дом, который сохранился и поныне (ул. Пушкинская, 78). Здесь в начале века находилось богоугодное заведение – детский Мариинский приют. Воспитанницами его были только девочки, для которых при приюте работала школа. В 1909 г. в ней обучалось 24 ученицы. Одним из источников денежных поступлений Мариинского приюта являлась сдача в аренду здания, располагавшегося рядом с ним. Сейчас здесь находятся ворота для въезда на территорию объединения «Алтайтурист». Арендовал это здание синемаграф «Алтай», открытый 11 апреля 1911 г. Ранее здесь же размещался синемаграф «Грот». Следует заметить, что все синемаграфы, или электротeatры, так их тогда называли, располагались именно на улице Пушкинской. Одни синемаграфы, проработав один–два сезона, закрывались, не выдержав жесткой конкуренции, другие, оказавшиеся более жизнеспособными, проработали до самой революции. К числу последних относятся синемаграфы «Иллюзион» Лебзиной и «Новый Мир» Варена. Кстати, они тоже находились на Пушкинской улице, в районе современного театра кукол.

Фонды Алтайского краеведческого музея располагают большим количеством фотоснимков и цветных открыток с видами Пушкинской улицы при пересечении ее с Соборным переулком. Они сделаны с разных точек, иногда с крыш и даже с колокольни Петропавловского собора, захватывают не только пересечение вышеназванных улиц, но и находящиеся рядом дома. На одном из снимков хорошо видно двухэтажное здание с прекрасной резьбой и вывеской над входом, на которой нетрудно прочесть: «Аптека Крюгер». В разных ракурсах запечатлены казенная женская гимназия и дом, ей принадлежавший, богадельня, построенная барнаульским купцом Пуртовым еще в 1811 г., причем один из снимков богадельни Пуртова, сделанный С. И. Борисовым, поистине

уникален: на нем можно увидеть праздничное убранство барнаульских домов в один из национальных русских праздников. Все стены увиты гирляндами из искусственных цветов и хвойных пород деревьев, богато украшенных плошками, применявшимися тогда для проведения праздничной иллюминации. В подвальном помещении богадельни Пуртова находилась фруктовая лавка с вывеской «Продажа верненских яблок», что также видно на одной из открыток. Фрукты с юга, часто из Верного (Алма-Ата), завозились в Барнаул круглогодично, зимой, закутанные в кошмы, – на лошадях, в санях. Всю зиму ими торговали в полуподвальных лавках, почти не отапливаемых.

Барнаульскую женскую гимназию горожане начала века называли иногда «коричневой» из-за цвета обязательной формы учениц, в отличие от «голубой» частной женской гимназии М. Ф. Будкевич, воспитанницы которой носили голубую форму. Барнаульская казенная прогимназия была открыта еще в 1877 г. В 1900 г. она была преобразована в гимназию. В то время, когда были изданы многочисленные открытки с ее изображением, т. е. в 1910 г., в ней обучалось 408 учениц, а преподавательскую работу вели 14 учителей. Возглавляла учебное заведение начальница гимназии, в ее подчинении были не только преподаватели, но и классные надзирательницы – их было четыре. Предметы преподавания – обычные для средних учебных заведений. В гимназии была своя домовая церковь, оборудованная попечительством барнаульских предпринимателей Ворсиных.

В начале XX века Барнаул переживал торговый бум, к этому времени город стал крупным торговым центром, а «Сибирский торгово-промышленный календарь» отмечал, что в Барнауле все мало-мальски пригодные строения до отказа были заполнены зерновым товаром. Заслуженной славой пользовалось и алтайское масло. На рынки Алтая зачастили купцы из Европейской России и стран Западной Европы. Открытой в 1897 г. гостиницы «Сибирь», принадлежавшей Звездину, явно не хватало, поэтому за короткое время в городе появилось еще несколько заведений подобного рода. Лучшей гостиницей Барнаула в то время была «Первоклассная Центральная гостиница К. П. Сассе», находившаяся между Соборным переулком и Московским проспектом, неподалеку от богадельни Пуртова.

Строительство гостиницы было закончено в мае 1908 г. Это было вместительное трехэтажное здание с балконами, украшенными оригинальной фигурной ковкой, в ней было 40 прекрасно мебелированных номеров с электрическим освещением, ванными комнатами и телефонами. В гостиницу выписывались российские и иностранные газеты и журналы, имелись роскошные столовые. Нижний этаж занимал ресторан

«под наблюдением опытного повара». Проживание в лучшей гостинице стоило недешево, номера оценивались от 1 до 6 р. в сутки, что было значительно дороже, чем в других заведениях подобного рода. Здание гостиницы всегда использовалось по своему прямому назначению. В 20–30-е гг. в «бывшей Сасс», как тогда говорили, размещалась гостиница «Комхоз», позднее она превращается в общежитие, а первый этаж занимает памятная многим старым барнаульцам столовая № 19. В конце 70-х гг., после чрезвычайно затянувшегося ремонта, здание было разрушено, а кирпич вывезен на строительство кооперативных гаражей. Сейчас на этом месте находится пустырь.

В фотоколлекции краеведческого музея неплохо представлен участок Пушкинской улицы, примыкающий к Московскому проспекту. В начале века на месте современного магазина «Молодость», находились представительство и магазин фирмы «Зингер». Как и в любом фирменном магазине компании «Зингер», здесь можно было встретить большой выбор швейных машин и сопутствующих товаров, причем предлагались швейные машины самых новейших конструкций «с высоким рукавом и качающимся челноком от 25 р. и выше». Широко практиковалась торговля в кредит «с платежом от одного рубля в неделю». Купивший швейную машину в фирменном магазине имел право на бесплатное обучение шитью и «модным художественным вышивкам».

Высокая кирпичная противопожарная стена отделяла магазин фирмы «Зингер» от «Молочной» и «Писчебумажного и фотографического магазина И. А. Трубицина». Это здание сейчас занимает продовольственный магазин по обслуживанию ветеранов.

Пушкинская улица выходила на Московский проспект одним из самых больших магазинов дореволюционного Барнаула – «Пассажем И. Ф. Смирнова». Он занимал целый квартал между улицами Пушкина и Гоголя. Первоначально это было двухэтажное кирпичное здание с башенными вставками по углам. Огромные окна, заполненные товаром, закрывались от перегрева и солнечных лучей в летнее время «маркизами» из плотной ткани, на ночь опускались тяжелые металлические ставни – от злоумышленников. В магазине работали отделы модно-галантерейный, канцелярский, обувной, аптекарский, винно-бакалейный, посудный, ювелирный и фотографический. Одним словом, это действительно был Пассаж – один из самых шикарных и дорогих магазинов города, с высоким уровнем сервиса: товары покупателям доставлялись на дом, а на каждую проданную вещь обязательно наклеивался художественно выполненный ярлык, свидетельствовавший, что товар приобретен именно в этой фирме и в случае обнаружения скрытого дефекта, подлежит незамедлительному обмену.

Второй этаж смировского магазина занимал «Русский для внешней торговли банк». Многочисленные пожары не обходили стороной это здание. Первый раз оно горело летом 1914 г., но пожар не нанес ему значительного ущерба, его быстро восстановили и расширили – надстроили третий этаж, угловые башни стали четырехэтажными. На вновь выстроенном третьем этаже разместилось управление Алтайской железной дороги. Но простояло обновленное здание недолго. Пожар 1917 г. нанес ему непоправимый урон, и в 30-х гг. оно было разобрано.

Улица Пушкинская была главным местом действия многочисленных праздников, проводившихся в Барнауле. Особенно оживленной улица становилась во время масленицы и Рождества. По воспоминаниям старожилы Барнаула, писателя Максима Дмитриевича Зверева, все три дня здесь устраивались традиционные катания на лошадях. В экипажах самых различных конструкций барнаульцы съезжались на Пушкинскую улицу и, начиная от Реального училища, ехали друг за другом до р. Оби и обратно. Вереница празднично украшенных коврами саней к полудню становилась сплошным потоком, и опоздавшим приходилось довольно долго ждать, чтобы влиться в праздничное катание, сопровождавшееся песнями под гармошку, звоном поддужных бубенцов и колокольчиков.

Я. Е. КРИВОНОСОВ   **ЮБИЛЕЙНЫЕ**
ПУШКИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА НА АЛТАЕ СТО
ЛЕТ НАЗАД

Россия широко праздновала юбилей своего великого сына, праздник был поистине державным. В столицу – Санкт-Петербург прибыли гости «из славянских земель и Франции». Богослужение в Александро-Невской лавре, торжественный акт в Петербургской духовной академии, «блестящий Пушкинский вечер» в Таврическом дворце с участием великих князей, банкет в офицерском собрании, памятный вечер в Императорском лицее и открытие памятника поэту – далеко не полный перечень общегосударственных юбилейных акций.

Страницы немногочисленных газет в юбилейные дни были заполнены сообщениями о торжествах в Томске, Бийске, Змеиногорске, Барнауле – «по всей Руси великой».

Барнаульская городская дума дважды обсуждала вопросы, связанные с подготовкой 100-летия А. С. Пушкина: 17 февраля 1899 года, за четыре месяца до юбилейной даты, она утвердила комиссию «для составления программы предстоящего празднования», а 14 апреля приняла постановление о праздновании юбилея, назначив для этого день – 26 мая, а также об отпуске 500 рублей «на сказанное» торжество.

26 мая в 9 часов утра Пушкинские юбилейные торжества в Барнауле начались литургией в Дмитриевской церкви в присутствии представителей городского самоуправления, учителей и учащихся всех школ и училищ города.

Центром юбилейных торжеств стала главная улица города – Пушкинская, до сего дня именовавшаяся Иркутской. Она была сплошь украшена флагами. На перекрестке ее с Московским проспектом, на бульваре, была воздвигнута арка, декорированная гирляндами из зелени, украшенная флагами и портретами юбиляра. Около двух часов дня по улице под звуки духового оркестра Вольного пожарного общества прошествовала «громадная процессия» учащихся барнаульских школ и училищ. Они направились в сад Общества попечения о начальном образовании, где открылось литературно-музыкальное представление.

Преподаватель городского училища И. Л. Симанин говорил о значении поэта, прочитал несколько его стихотворений. Детям раздали сборники произведений А. Пушкина. Днем и вечером у праздничной арки играл оркестр.

Вечером в саду школьного общества состоялось народное гуляние. На подмостках летнего театра артистами-любителями были исполнены произведения А. С. Пушкина: сцены из «Бориса Годунова», «Русалки». Театр был переполнен, публика была «преимущественно из простого народа». Вход в театр был бесплатный.

Торжественные акты прошли во всех учебных заведениях города.

Барнаульское самоуправление организовало подписку среди граждан города на учреждение стипендии имени А. С. Пушкина в Барнаульском реальном училище. Деньги были собраны, и впоследствии учреждены 2 стипендии в память 100-летия со дня рождения поэта, которые присуждались ежегодно «наиболее бедным» учащимся реально-го училища и женской гимназии.

В Бийске пушкинские торжества прошли в здании городского училища в присутствии епископа Сергия. Ученикам были розданы портреты поэта и книги его сочинений.

В селе Змеиногорском «чествование памяти незабвенного поэта» началось, как и в Барнауле, 26 мая панихидой после литургии, затем молебном и музыкально-вокальным праздником в местной сельской школе.

В газете «Сибирский вестник» не пожелавший подписаться корреспондент подробно описал это событие:

«Учениками обоего пола соединенных школ сельской и горной прочитаны и пропеты некоторые стихотворения поэта; затем ученики и бывшие на празднике дети продефилировали под музыку пожарного общества, получили каждый по портрету Пушкина, пакеты со сладостями, а умеющие читать по книжке сочинений поэта. 27-го же состоялся в зале местного общественного собрания концерт, в коем исполнена сцена в келье из «Бориса Годунова», прочитано несколько стихотворений поэта, исполнена при полной постановке баллада «Русалка» А. С. Даргомыжского и в заключение поставлена живая картина «Венчание Пушкина Славой». Кроме того, временно живущий здесь лицеист 52 курса, исполняющий должность крестьянского начальника, Григорий Алексеевич Кологривов прочел стихотворение «Змеиногорский листок в лавровый венок А. С. Пушкина». Стихотворение это, вызвавшее бурю аплодисментов, по единодушному желанию присутствовавших было повторено автором со сцены и потом еще раз...»

Сообщение мое будет явно неполным, если я не приведу в этой статье упомянутое мною стихотворение.

Змеиногорский листок в лавровый венок А. С. Пушкина

Что голос мой и слабый, и нестройный
Прибавит к твоему лавровому венцу?
Могу ли памятник создать, тебя достойный,
Тебе, великому российскому певцу?!
Нет, не надеюсь я; но, но слившись с общим хором,
Дойдет и он в надзвездные края,
Не современников язвительным укором,
А гимном в честь бойца-богатыря.
Сегодня весь народ наш православный,
Как человек один, тебя превознесет,
И в этот день, торжественный и славный,
Средь общей тьмы луч света нам прольет.
Вспомнят о тебе товарищи бывшие
«В садах, где некогда ты юным процветал»,
И песни звучныя, могучия, святыя
Во славу родины таинственно слагал;
И, если будет в них хоть капля дивной силы,
Хоть слабый огонек таланта твоего, Они
сплетут для дорогой могилы Лицейских
рифм венец для первенца его. И я,
зброшенный в глуши Сибири,
В тот светлый день с восторгом вижу я,
Что чтит тебя во всей красе и шири
Вся наша русская великая земля.
Что от Москвы до Пятигорска
Всяк о тебе с восторгом вспомнит,
И даже здесь в глуши Змеиногорска,
Наш слабый хор хвалу тебе несет.
Что собраны мы все во имя дивных песен,
Что славу здесь поет и детский голосок,
И общий круг наш так хорош, так тесен,
Что раем кажется забытый уголок!

Дружными знаками одобрения благодарила публика и исполнителей за их чтение произведений поэта, в особенности М. Б. Кандаурову за ее милое, мастерское и душевное чтение отрывка из поэмы «Полтава» – «Тиха украинская ночь...» Очень удовлетворительно прошло и исполнение «Русалки»... Присутствующие искренне благодарили энергичных распорядителей А. А. Недельского, Е. К. Стеблин-Каменского, Е. Д. Гнерозова, П. А. Лебедева, в особенности последнего, приложившего массу труда на организацию хора и дирижирование музыкальных номеров.

А. Д. СЕРГЕЕВ   **АЛЕКСЕЙ**

ИВАНОВИЧ УЗАТИС: ИНЖЕНЕР

И КРАЕВЕД

Алтайские краеведы знают много имен горных специалистов. Их имена встречаются как в архивных описях, так и, в первую очередь, в формулярных списках чиновников горного правления и, особенно, в кадровых списках отдельных заводов и рудников. Сотни и сотни имен можно встретить, но на слуху у краеведов только десятки, а нужных тебе в данный момент и того меньше: я имею в виду обнаружение (маленькое краеведческое открытие) точного источника «дела». К слову, инженер А. И. Узатис в моих поисках специально не значился, «мелькал» в связи со сбором сведений о крупном историографе инженере А. И. Кулибине, о путешественнике П. А. Чихачеве; рядом были В. И. Тистров (дед Н. К. Крупской), А. Г. Бояршинов (собиратель документов о И. И. Ползунове): они зачастую заслоняли другие имена. И лишь в начале 1991 года, когда я просматривал 5-й том «Горной энциклопедии», на с. 241, высветилось то, насколько велик А. И. Узатис. Однако его «очередь» наступила лишь в 1997 году, когда в отделе редкой книги Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова мы договорились собирать материалы о нем. Пытливую Валентину Петровну Кладову не надо было убеждать в необходимости этого, и в октябре 1999 г. Клуб любителей алтайской старины, по ее предложению, провел заседание, посвященное 185-летию малоизвестного краеведа, знатного алтайского инженера и крупного ученого Алексея Ивановича Узатиса.

Знаменитый незнакомец

В упомянутом выше томе «Горной энциклопедии» об А. И. Узатисе помещена краткая справка, главное в ней – определение, что он «один из основоположников отечественной школы горной механики», а также то, что он написал учебник по горному делу энциклопедического содержания. Во втором томе этой энциклопедии в капитальной и интереснейшей статье «Горное дело» книга А. И. Узатиса «Курс горного искусства» отнесена к «наиболее представительным публикациям, характеризующим в известной степени уровень горного дела на различных

этапах его развития». В другой статье – «Горное образование», А. Узатис упомянут среди тех ученых, имена которых связывают с развитием горного образования в России. А в обзоре «Горные науки» отмечено, что «капитальная работа Узатиса (1843 г.) в области вскрытия и систем разработки твердых полезных ископаемых способствовала становлению и выделению отдельных дисциплин горной науки в России». Там же в статье «Демидовские премии» А. Узатис указан первым среди ученых, удостоенных почетной награды в области горного дела. В «Советском энциклопедическом словаре» (М., 1980 г.), А. И. Узатис назван автором первого русского «Курса горного искусства». В учебной, но очень солидной книге «Грани горной науки» автор утверждает, что с изданием «фундаментальной работы» Узатиса начинается новый период в развитии горного искусства (науки), что «оно представляет длинный ряд разнообразных фактов, которые должны слиться в одно целое, чтобы составить самообытную отрасль знаний» [1, с. 39]. В другой главе той же книги отмечается огромная заслуга Узатиса, наряду с Агриколой и Ломоносовым, в создании понятийно-терминологического аппарата горной науки. Упоминание о его научных достижениях отражено и в современной краеведческой литературе.

Такие высокие оценки творчества первого алтайского инженера А. И. Узатиса в наше время не являются данью запоздалого признания. Следует отметить, что по выходу в свет «Курса горного искусства» оценку ему дали такие известные журналы того времени, как «Горный журнал» (1884, № 7), «Современник» (1884, т. XXXIII, с. 88–89). Автору была присуждена Демидовская премия. Более того, именно в советское время вышла в свет первая книга А. А. Остромецкого о жизни и инженерной деятельности А. Узатиса. О жизни А. Узатиса на Алтае в ней всего несколько строк. А. А. Остромецкий восстанавливал его биографию впервые, и использовал источники только ленинградских архивов; поэтому остались вне поля знаемости детство и школьные годы, и совсем белым пятном оказались десятилетия его жизни после выхода в отставку. Ни в книге А. А. Остромецкого, ни в «Горной энциклопедии» не обнаружено портрета А. Узатиса.

Скудная, фактически информационная, историография заставляет более внимательно рассматривать новые источники, которые удалось обнаружить в Центре хранения архивного фонда Алтайского края (далее – ЦХАФ АК), и вовлечь их в научный оборот. И оказывается, что не так уж мало сделали для Алтая подобные «временные краеведы».

Алтайский период жизни и творчества

Родился Алексей Иванович 12 марта 1814 г. в с. Архангельские городищи Ставропольского уезда Симбирской губернии, в семье канцеляриста. В 1828 г. был зачислен в Горный кадетский корпус, здесь он

получил общее и специальное среднее образование, закончил его в 1834 г. и был произведен в подпоручики. Однако его не выпустили в горную службу, а теперь уже как «студента, оставили усовершенствоваться в науках» еще на один год в «старшем офицерском классе». Дело в том, что в этом году Кадетский корпус был переведен в ранг института, ввели новые программы и с 1834–1835 гг. здесь стали готовить горных инженеров с высшим образованием. В числе первых в России им стал Алексей Иванович Узатис: 31 мая 1835 г. он получил диплом с большой золотой медалью, был произведен в инженер-поручики и сразу направлен на Алтайские горные заводы. В Барнаул А. И. Узатис прибыл в начале сентября. В городе его не оставили, горный начальник Ф. Ф. Бегер поручил ему «на первый случай» осмотр рудников и заводов Змеиногорского края, чтобы этот первый горный инженер «практически мог познакомиться с горным и заводским производством». По прибытии в Змеиногорск, Узатис находился в штате управляющего, без назначения на какую-либо должность. В действительности он как ревизор объездил все (за исключением Чагырского) рудники края, все брал на заметку, в том числе и хозяйственные проблемы, а с 1 мая 1836 г. весь летний сезон провел в поисковой партии Николаевского рудника. За год накопил массу материалов, провел химические анализы руд и горных пород, высчитывал проценты потерь («угар») руды при плавке, сравнивал и анализировал скопления (точки рудопроявлений) руд на серебро, медь, свинец по признакам залегания в земных слоях и по внешним признакам очертания гор и долин. Разрабатывал геологические карты обширного рудного района. Результатом явилась большая статья «Геогностические очерки Змеиногорского края», вскоре опубликованная в «Горном журнале» (1839. № 9. С. 309–346).

Под Змеиногорским краем он разумел ту часть Алтайского горного округа, те рудники и заводы, которые с октября 1763 г. были подчинены конторе Змеиногорского рудника – по служебной принадлежности: административных границ края не было. А. Узатис в своей статье впервые определяет природно-географические границы понятия Змеиногорский край. Вначале он называет горную страну Алтай, которая связана в единстве с «главную центральную возвышенностью Азии и горными цепями северо-восточной Сибири». Выделяя в Алтае географические контуры Змеиногорского края, он считает хребет Холзун его «первенствующей» возвышенностью. «Чтобы лучше представить себе орографическое положение Холзуна и связь его с Алтаем, заметим, что в вершинах реки Катуня, в центре Катунских Белков, лежит огромная гора Белуха», от нее он намечает зоны и области края на север через Чарыш и на юг через Бухтарму. И очень верно утвердил, что

«к горам Змеиногорского края должны относиться также возвышенности, лежащие на левом берегу Бухтармы, разделенные долиною этой реки от Холзуна и составляющие непосредственные отпрыски Алтая», т. е. Нарымский хребет. Очень важным научным заключением является его утверждение, что по наблюдениям напластований горных пород, их залеганию, а самое главное – по органическим окаменелостям следует говорить, что кряжи гор Алтая «еще новые в своем создании». Таким образом, применение палеонтологических сборов в определении возраста геологических эпох для Алтая впервые было применено А. Узатисом.

Змеиногорский край, по Узатису, «есть рудный Алтай: рудные месторождения серебра, свинца, меди, железа весьма обыкновенны в горах Змеиногорского края. На запад и юго-запад Холзун отпускает от себя несколько горных ветвей, которые заключают все его богатейшие рудные месторождения... На левом берегу Бухтармы лежат рудники: Зырянковский, Бухтарминский, Заводинский и множество приисков, из коих некоторые подают надежду на богатство... Среди этих кряжей есть порфиновые возвышенности, в которых заключаются богатые месторождения рудников Змеиногорского, Гольцовского и многих замечательных приисков...» Следует отметить, что глубокое изучение Змеиногорского края предвзяло многие положения будущего учебника, где он ссылается на свою практику. Так, в главе III автор пишет: «В округе Алтайских заводов одним из важнейших признаков металлоносности являются порфиры, внешние очертания которых так резко отличаются от внешних очертаний почти неметаллоносных гранитных кряжей, что при некоторой наглядности, можно прямо очертить ту площадь, в которой нахождение металлов прямо вероятно». И он дает практический совет: «Геогностическое, хотя неполное исследование местности, должно всегда предшествовать ее разведке для того, чтобы не искать напрасно в известной формации таких минералов, которые в ней и встречаться не могут, например: каменного угля в породах метаморфических, серебра и золота в юрской почве и т. д.». Все положения начинающего ученого подтверждаются современными исследованиями.

Когда осенью 1836 г. А. И. Узатиса вернули в Барнаул, он смог заняться той программой, что была ему утверждена – описанием металлургического процесса Барнаульского завода. Выполнение подобных заданий было обязательным для выпускников Горного института, без чего им в дальнейшей службе не могло быть повышения. Однако Узатис запоздал, его совыпускники уже обработали его тему. В своем рапорте Узатис писал: «Я был в обстоятельствах самых неблагоприятных для составления требуемых от нас описаний, ибо серебряная плавка Барнаульского завода, как мне известно, была описана гг. Калитьевским

и Стрельманом. Мне оставалась для описания только механическая часть Барнаульского завода, которую я избрал по необходимости предметом, представляемых мною, на основании § 49 «Устава для горного Института»¹. Программу ему изменили: определили: «При Барнаульском заводе заниматься практическим (! – А. С.) усовершенствованием» (!!). За короткое время – до середины 1837 г. – Алексей Иванович Узатис объездил все заводы: Павловский, Нижне-Сузунский, Гавриловский, Томский железодельный, а раньше он побывал и на Змеиногорском, и на Локтевском. Занимался ли он на Барнаульском сереброплавильном заводе, не говоря о других, как-то «усовершенствованием», да еще ПРАКТИЧЕСКИМ, – неизвестно, не удалось пока обнаружить каких-либо «живых» документов, однако, неопределенность табельной должности говорит за то, что горный начальник, видимо, продолжал считать его рядовым специалистом, неопытным инженером. Но ведь, несомненно, то, что Узатис именно в это время должен был написать работу о Змеиногорском крае (как можно заключить из дальнейшей его огромной занятости, в другое время он этого сделать не мог), мог бы ее представить в качестве «зачетной» (дата создания рукописи пока не известна), мог ее «показать» Бегеру.

Ничего практического на заводе он, конечно, не сделал, ибо в январе 1838 г. изменилось его служебное положение. К этому моменту управляющий Барнаульским заводом инженер капитан А. И. Кованько попросил увольнения «по домашним обстоятельствам», ему в незачет дали чин майора, – и место освободилось. Горный начальник произвел переназначение и отправил документ (от 22 января), в котором об Узатисе речи не было, главному начальнику Алтайских заводов Н. А. Шленову (он находился в Томске, т. к. одновременно был губернатором). Однако навстречу уже шел приказ Н. Шленова от 26 января, в котором говорилось, что управляющим Барнаульским заводом назначается инженер майор Н. А. Соколовский, а на его место производителем проб в Главную Барнаульскую Лабораторию назначается инженер поручик Узатис, и к нему в помощники поручик Айдаров². Горный начальник не согласился с этим и 30 января собрал горное правление, подготовил возражения и новые предложения, об Узатисе сочинил обстоятельные аргументы, но отправил документ лишь 5 февраля. Хорошо обдумав, написал: «На основании § 51 Положения о Корпусе Горн. Инж. Высочайше утвержденного 1 января 1834 года, поручик Узатис без особого приказа, не может быть определен к исправлению действительной должности производителя проб». (Далее Бегер напоминает, что он

---

¹ РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 608. Л. 1.

² ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3761. Л. 237.

назначал Айдарова, но получил замечание из Штаба корпуса от 9 июня 1836 г. – А. С.)

Почему Горный начальник затрудняется в проведении в исполнение предписания Главного Начальника относительно определения поручика Узатиса к настоящей должности без особого объявления, о том в приказе по Корпусу. Далее читаем: «Сверх того, хотя [он] находит со своей стороны поручика Узатиса достойнейшим офицером, но, имея в виду важную ответственность обязанностей производителя проб при Главной Лаборатории как по контролю всего пробования руд продуктов металлов, по всем заводам здешнего округа, так по опробованию серебра отправляемого в караванах и в особенности золота, доставляемого с частных золотых промыслов, не может со своей стороны не признать опытности в столь ответственном занятии г. Узатиса не весьма достаточного». В конечном итоге Бегер «просит Его Пр-во г. Главного Начальника, об утверждении в должности производителя проб Иваницкого, как уже несколько (? – А. С.) находившегося при этой должности и исполнявшего ее с успехом, потому более что настоящее его занятие по Астрономическим и Магнитным наблюдениям не послужат ни малейшим к тому препятствием».

Главный начальник Алтайских горных заводов инженер генерал-майор и губернатор Томской губернии Николай Алексеевич Шленов страшно возмутился аргументами своего первого заместителя и фактического руководителя горного производства инженер-полковника Федора Федоровича Бегера, и создал второй официальный приказ «Об определении поручика Узатиса производителем проб при Главной Барнаульской Лаборатории (от 9 февраля 1837 г. Томск, № 166. См. л. 245–245 об.). Он удивлен: «Ни г. Горный Начальник Колывано-Воскресенских заводов, ни Горное Правление не должны встречать затруднений в исполнении моих предложений, имеющих свои законные основания, зная, что всякое сделанное мною распоряжение, остается уже прямо на моей ответственности, не подвергая оной ни в коем случае местное Горное начальство...» Затем: «...равномерно неприличным бы казалось обращать внимание мое, в отношении поручика Узатиса, на 51 § Положения о Корпусе Горных Инженеров, который я и без того имел в виду при назначении г. Узатиса к занятию сказанной должности». И, наконец: «Обязываю Алтайское горное Правление немедленно привести в исполнение предложение мое от 26 января за № 85 – об определении поручика Узатиса производителем проб при Главной Барнаульской Лаборатории...» Только 17 февраля последовал приказ Бегера, но в Формулярном списке Узатис числится в должности с 30 января. Вот с этого времени Алексей Иванович получил штатную

должность, одновременно он отвечал за Химическую лабораторию и за заводской музей. Кстати заметить, от прежнего поручения «практического усовершенствования» его не освободили.

Новая должность поглощала все время, но 26 октября 1837 г. в Барнаул прибыл (по назначению) инженер поручик М. Д. Моисеев, который был определен «к производству химических опытов и разложение золотосодержащих песков». Оказалось, что у Моисеева зачетная работа по той же проблеме, и они вдвоем занимались «усовершенствованием». Но зачетные работы индивидуальные, мы же имеем «Замечания на механические работы плавилен Алтайских заводов» от А. И. Узатиса, где на л. 9об. сказано, что «мы вместе с г. поручиком Моисеевым занялись составлением проекта совершенно новой системы...»¹; работа Моисеева пока не обнаружена. Данные «Замечания» выходят за пределы рядовых описаний, содержание работы свидетельствует не только о знании конкретных дел и отдельных проблем («болячек» Барнаульского завода), но исходят от знания состояния производства всего округа, всех заводов. Работа носит научно-методологический характер для подобной темы. А. И. Узатис сразу выдвигает проблему, определяет задачи и обосновывает их изложение на основе существующего производства, а не отвлеченно-учебного объекта. Вот его вступительные обоснования: «Степень совершенства всякой металлургической операции большого объема, должна рассматриваться в отношении достоинства механических способов, служащих к доставлению воздуха, руд, флюсов и горючего материала во внутренность печей», – сразу можно сказать, что это определение учебного характера, и что потом вошло в состав его «Курса горного искусства». И еще: «Достоинство плавки измеряется угаром металла и зависит от состава шихты, а также от количества и качества доставляемых в печь воздуха и угля», и это формулировка будущего учебника. Затем он дает оценку уровню металлургии на Барнаульском заводе следующей очень емкой фразой: «Многолетние опыты, совершенное познание составных частей руд, довели, наконец, здешних металлургов до истинных начал, которыми должно руководствоваться при теперешней методе плавки, и можно сказать утвердительно, что при настоящей производимости рудников, относительно большего извлечения серебра из руд, Алтайские заводы весьма близки к совершенству». Очень глубокое понимание состояния дела, это законченный тезис: мануфактурная технология плавки дошла до совершенства, ничего большего при настоящей технике уже, кажется, и требовать невозможно. Однако тут же указывает: «Но нельзя того сказать о механических работах плавилен, которым предстоит еще

---

¹ РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 608. Л. 4–14 об.

обширное поле усовершенствований». То есть здесь есть резервы. И это верно, мы теперь знаем, что сереброплавильное производство (технология при той технике) все XIX столетие топталось на месте. Инженер Узатис утверждает: «Правила хорошего хозяйства непременно требуют изменение этого невыгодного действия Барнаульского завода». Что же? Его работа дает возможность представить завод: здесь 24 плавильные печи, при них два водоналивных колеса, которые приводят в движение четыре деревянные цилиндрические машины, и т. п. Пруд огромный, плотина огромная, однако, объема воды еле хватает на производство утвержденного количества серебра; расход энергии зачастую идет вхолостую, производственная отдача на конечный результат незначительная. Узатис предлагает, «...основываясь на самых осторожных математических вычислениях» увеличить действующую силу завода, если только изменить устройство наливных колес, заменить старые воздуходувные машины и воздухопроводные трубы, деревянные и уже обветшалые, чугунными двудвными цилиндрическими машинами и чугунными воздухопроводами». Он представляет все расчеты по Барнаульскому заводу, а затем отдельно по всем другим. Выгоды и сбережения (особенно численности мастеровых) такие-то и такие-то. Ничего «революционного» (хотя наравне машины на уральских заводах и рудниках уже применяются), а лишь простое механическое (физическое) улучшение в рамках мануфактурности данных заводов. Он заключает: «Нельзя сомневаться, что в первый же год действия завода при чугунных машинах, устройство их окупилось бы сбережением угля, рабочего времени и, в особенности, хорошим ходом печей».

Другое крупное предложение (вот это совместно с Моисеевым) состояло в рационализации доставки руд, флюсов, угля к «внутренности печи» и способа настилки шихты (т. е. всего того, что загружается в печь): «Степень ее совершенства измеряется числом занятых людей для ее выполнения, и зависит от более или менее правильного расположения частей плавильни (т. е. как стоят печи относительно дверей корпуса и друг друга, где находится устье печи, как устроены мостки для подноса и укладки шихты, где находятся кучи руды, угля, флюсы, как они подвозятся и т. п. – А. С.), и принятого способа настилки шихты». Молодые инженеры толково и обстоятельно показывают несовершенство теперешних работ, выдвигают свои предложения. Крайне необходимо устроить переносные железные дороги от куч руды и угля хотя бы до дверей корпуса, что уже давно сделано на других заводах России – и делают ссылку на статью в «Горном журнале». Каковы подсчеты? «Итак, одна лошадь в одну минуту в состоянии перевезти по предлагаемой нами железной дороге 400 пудов чистого груза на 40 сажень;

следовательно, в 4 минуты она перевезет 400 пуд руды на 130 сажен среднего расстояния от угольной свалки и рудной площадки до печей; полагая 3 минуты для обратного пути лошади, 5 минут для подъема и спуска ящиков по наклонной плоскости, 8 мин. для выгрузки ящиков, – получается: 1 лошадь в 20 мин. перевезет на полки 400 пуд руды или угля». Рабочая смена 12 часов, для 24 печей надо 15 600 пудов руды и угля, «следовательно, силы одной лошади будет совершенно достаточно для снабжения обеих фабрик Барнаульского завода рудой и углем». Конечно, приводятся все расчеты: на изготовление железной дороги, на строительство здесь же вогранки, количество досок для настилки новых полков и т. п., сокращение числа мастеровых (их оплата) и т. д. Только по Барнаульскому заводу на осуществление их проекта потребуются 2 950 р. (разовый расход), но сбережения в 3 678 р. (ежегодные). Затем инженеры Узатис и Моисеев приводят расчеты по всем заводам и «моментальную» выгоду: высвобождается 500 рабочих и 60 лошадей, а ежегодный доход – до 200 тыс. рублей. Заключительный вывод: «Если же обратить 500 человек и 60 лошадей на серебряные наши рудники (т. е. на заводах эти «силы» уже лишние – А. С.), которые терпят большой недостаток в людях, то нельзя сомневаться, что в 3 года они приведут наши заводы в полный годичный запас руд, чрезвычайная которого совершенно оценена нашим Высшим Начальством, ибо непременно следствием сего (вот здесь «гвоздь» предложений – А. С.): будет более правильный фонд УПРАВЛЕНИЯ Алтайских заводов, как в техническом, так и в хозяйственном отношении. Поручик Узатис».

Пока переписывали юные радетели свои рапорты, 1 мая 1838 г. Моисеева назначили руководителем поисковой партии в Зырянский край, а 10 мая пришло императорское повеление: «горных инженер поручиков Узатиса и Моисеева отправить за границу, для изучения определяемой каждому особой отрасли Горных наук...» За шесть дней все было сделано: Узатис сдал дела по Лабораториям и по музею Айдарову, вместо Моисеева в Зырянск отправили Иваницкого, выдали им жалование по 10 мая, и по 472 р. 65 к. каждому прогонных на 4 260 $\frac{3}{4}$ версты до Санкт-Петербурга, и, надо понимать, утром 17 мая 1838 г. наши замечательные краеведы покинули Барнаул, выехали навстречу «Большой Судьбе». И вот уже 20 июля А. И. Узатис рапортует Штабу, что он представляет зачетную работу. Ее рассмотрели на Ученом Комитете и пришли к заключению: направить «Заключения» горному начальству Алтайских заводов «для сведения и соображения». То есть, документ пожелательный, а не обязательный, даже не требовали известить обратно Штаб, что сия бумага получена. Несомненно,

«Замечания» в Барнауле были получены, но пока не удалось натолкнуться на архивный след: как отреагировали на замечания. Однако в ЦХАФ АК есть извещение Томской казенной палаты от 19 сентября 1838 г., что в Барнаульскую заводскую контору возвращено 945 р. 30 к. – за прогоны для Узатиса и Моисеева (Л. 399).

«Труд самостоятельный и оригинальный...»

Как установил А. А. Остромецкий, Узатис провел за границей два года, вернулся в Россию в 1840 г. и был назначен преподавателем в институт, где он вел курсы и читал лекции по горной механике и горному искусству. Одновременно разрабатывал учебник. Книга сразу начинается с его признания: «Курс ГОРНОГО ИСКУССТВА составлен мною по поручению Начальства Института Корпуса Горных Инженеров, чтобы облегчить преподавание его в этом заведении; – и я старался передать этот предмет в современном его состоянии». Книга носит название «Курс горного искусства». Всего по решению Штаба было отпечатано 600 экз., чертежи и таблицы в отдельном приложении. Из них «за труд» Узатису выдано 200 экз., (цена книги 4 р. серебром).

По предложению академика химии Германа Ивановича Гесса, учебник был представлен в АН на Демидовскую премию; Ученый комитет Корпуса горных инженеров поручил полковнику Д. С. Меншенину подготовить развернутую рецензию; все обсуждения ученых и практиков сводились к тому, что этот «труд самостоятельный и оригинальный», здесь представлен не просто учебник, не просто описано производство, горное дело, но что автор «вводит по усмотрению своему и по мере необходимости, даже математические вычисления, обобщая этими формулами знания частные и, так сказать, наглядные, какими их признавали до сих пор. Это нововведение послужит к утверждению науки на основаниях общих и неизменных». Премия была утверждена – 5 тыс. рублей.

В том же году А. И. Узатис покинул Горный институт «по домашним обстоятельствам», числился отставным майором, писал, печатался, изобретал, работал в инженерной должности; умер 7 октября 1875 г. и похоронен на Волковом кладбище в С-Петербурге.

«Временные краеведы»

Алексей Иванович Узатис родился не на Алтае, но он – краевед, он начал трудовую деятельность здесь, он писал о нашем крае, хотя прожил в Алтайском горном округе неполных три года. Еще меньшее время прожил здесь Михаил Дмитриевич Моисеев: приехал в Барнаул 26 октября 1837 г., а выехал вместе с Узатисом, 17 мая 1838 г., но и он,

как свидетельствует Узатис, писал об Алтае, не говоря о том, что досконально изучил свойства алтайских минералов, состав руд со всех рудников округа.

Подобных деятелей много, они составляли костяк образованных земляков. Они учились в Горном училище, их распределяли по заводам и рудникам России, некоторых назначали в Алтайский горный округ. Прослужив 3–5 лет, их перебрасывали в другие округа. Временщики? Очень верно писал один алтайский патриот, что Алтай, Барнаул «...служил только станционным пунктом для горных специалистов, в конце концов уезжавших для благосуществования в шумную столицу. Эта бродячая интеллигенция не сроднилась с краем, не связала себя с ним органически...» Но это не означает, что «бродячие» горные офицеры не краеведы, они прекрасно знали Алтай, особенно его природные ресурсы, способствовали его развитию, составляли его культурный фонд. Поэтому изучать их надо, поэтому мы уделили внимание одному из «временных краеведов» А. И. Узатису.

История возникновения, формирования состава и существования социального слоя интеллигенции в Алтайском крае еще не разработана. Вместе с тем подобное историческое явление должно подтолкнуть архив, создать на первый случай постоянный справочник, алфавитный словник, под таким примерно названием: «Специалисты народного хозяйства Алтайского горного округа 18–19 столетия. По формулярным спискам. Словарь-справочник». Задача словаря информационная, накопительная, чтобы не оставались в забвении такие «временные краеведы», как Алексей Иванович Узатис, как Михаил Дмитриевич Моисеев. Уместно заметить на нашем заседании, что подбор фамилий некоторых алтайских специалистов уже осуществил Почетный член клуба В. Ф. Гришаев, создав очерк биографий начальников горного округа и книгу очерков о горных инженерах. Но это крупные деятели, видные и достаточно известные лица. В предлагаемый словарь надо включить всех выявленных по формулярам или по другим документам горных специалистов, специалистов лесного хозяйства, медиков, учителей, а не только горных инженеров. Оговорюсь, что о горных инженерах мы можем рассуждать со второй трети 19 столетия, тогда как такие выдающиеся краеведы, как Ползунов, Чулков, Риддер, Фроловы и многие другие не были инженерами, но были специалистами и они должны быть вписаны в словарь.

Мы все – краеведы, все земляки, как прошлые поколения, так и современники. Краевед – не временное понятие, он работает всегда, он существует в текущем времени, а потому краеведение – есть вечное явление.

С. В. АНДРЕЙЧУК

**РАБОТА БАРНАУЛЬСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ
ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИКИ И ТУШЕНИЯ ПОЖАРОВ
(1877–1917 гг.)**

В настоящее время уделяется недостаточно внимания развитию пожарной охраны города. По данным аналитического отдела краевого управления пожарной охраны, техническое состояние подразделений составляет от 57 до 89% необходимой укомплектации, финансовое обеспечение – 40%. Из-за нехватки средств не обновляется технический парк средств пожаротушения, личный состав не обеспечен в полной мере боевой одеждой. По городу недостает 6 пожарных депо, что увеличивает радиус выезда в 4–6 раз и приводит к опозданию подразделений на место пожара. Ситуация в других городах Сибири во многом сходна с ситуацией в г. Барнауле. Во многом эта ситуация напоминает ситуацию, сложившуюся в сфере пожарной безопасности в г. Барнауле в конце XVIII – начале XX вв.

Барнаульская городская Дума как всесословное представительное учреждение начала функционировать в 1877 г. (согласно городовому Положению 1870 г.), когда Барнаул получил статус уездного города. Деятельность Думы была прекращена в декабре 1917 г.

С первых лет существования Барнаульской городской Думы на ее заседаниях среди многочисленных рассматриваемых вопросов обсуждались и вопросы пожарной службы, противопожарной безопасности, причин пожаров в городе. Уже в начале 80-х гг. отмечалось, что причины пожаров в Барнауле сходны с причинами пожаров в других сибирских городах. Во-первых, отсутствие квалифицированной пожарной охраны. На быструю помощь пожарных рассчитывать не приходилось, т. к. вооружение пожарных было скудным, финансирование – недостаточным. Во-вторых, особенности архитектурной застройки: г. Барнаул как типичный сибирский город был в основном деревянным, каменные строения составляли только 10%. Нормы застройки не соблюдались, «дворы были загромождены надворными постройками, запасами дров,

все это создавало труппные условия, а также условия для быстрого распространения огня». В-третьих, технологические процессы в производстве были пожароопасными, т. к. жители города, в основном, занимались кустарным производством, таким, как выделка шкур, изготовление валяной обуви. К началу XX в. в Барнауле были официально зарегистрированы девять шубных мастерских, семь предприятий по выделке кожи, семнадцать пимокатных заводов, лесопильня, мыловарня.

В 1880-х гг. Дума решала вопросы о найме пожарных старост, об увеличении содержания служащих при пожарном обозе конюхам и рабочим, о постройке нового пожарного сарая вместо пришедшего в ветхость и т. п. Еще в 1878 году вышло постановление о запрещении держать в усадьбах склады дегтя, смолы, спичек, рогож и конопля для избежание пожаров. Склады перечисленных товаров должны были теперь устраиваться за городом. В центре города были запрещены «черные» бани и кузницы. В местах торговли лесом и сеном запрещалось курить. Все эти решения были направлены на сокращение числа пожаров в городе. Но, несмотря на внимание к вопросам пожарной охраны, количество пожаров остается большим. С 1893 по 1917 г. в городе произошло 643 крупных пожара.

В законодательстве о городском самоуправлении от 1870 г. записано, что на городские средства обязательно относятся следующие предметы расходов: «содержание пожарных команд, устройство или наем помещений для пожарных команд с отоплением и освещением; снабжение команд провиантом и амуницией и пользование в больницах, принадлежащим сим командам чинов».

Вопросы финансирования пожарной охраны в период 1890–1900 гг. стояли на втором месте по значимости. Более значительными были расходы по содержанию городского управления.

Опираясь на архивные документы, можно проследить рост расходов на пожарную охрану с 1877 по 1889 г. Анализируя данные, приходишь к выводу, что не все руководители города обращали одинаковое внимание на финансовые вопросы, связанные с пожарной охраной. Высокий финансовый рост наблюдается при Черкасове Александре Александровиче, который возглавлял городскую Думу с 1885 по июнь 1894 г., Казанцеве Александре Павловиче (1901–1903 гг.), Орнатском Петре Васильевиче (1903–1907 гг.).

После 1907 г. начинается спад финансового обеспечения. Для сравнения можно привести следующие данные: если в 1900 г. содержание пожарной охраны составило 11 809 р. 05 к. при доходах города в 100 тыс. рублей (11,8%), то в 1910 г. – 33 716 р., при доходах города около 600 тыс. рублей (5%). За 1913 г. на содержание пожарной охраны затрачено еще меньше

средств, чем в 1910 г., всего 20 249 р. 38 к. при доходе 650 тыс. рублей (3%), в то время как на содержание городского управления – 45 675 р. 67 к.

В 1915–1916 гг. в Барнауле произошло 163 крупных пожара, и мы считаем, что одна из главных причин – недостаточное финансирование пожарной охраны города. С ростом пожарной охраны должны расти расходы на ее содержание. Но, анализируя финансовые документы, мы видим, что финансирование этой службы после 1900 г. резко падает. Суммы увеличиваются, но в процентном отношении от бюджета города мы наблюдаем спад.

Создание пожарной охраны в городе началось еще до того, как Барнаул получил статус города. В 1863 г. после крупного пожара, горючий добился принятия сметы на создание штатной пожарной команды. Команда была сформирована из 15 солдат 10-го линейного Сибирского полка. При возникновении пожара команде обязаны были помогать жители города. Расходы на содержание взыскивались с купцов и мещан. В 1865 г. впервые были проведены выборы должностных лиц Правления Вольного Пожарного Общества. Председателем Правления избран генерал-майор В. К. Болдырев, цейхмейстером – Евгений Клевакин. Стали регулярно проводиться маневры. В 1869 г. образуется самостоятельная военизированная пожарная часть № 1. Она располагалась на Московском проспекте.

Для снабжения пожарной команды водой в городе в конце XIX – начале XX вв. была разработана целая система пожарных колодцев и водозаборных будок. По документам архива удалось установить, что пожарные колодцы находились на 2, 5, 6, 8-й Алтайских, Полковой, Воскресенской улицах, 4-м Прудском переулке, три колодца на Московском проспекте, водоподъемный колодец у городской управы, водонапорный бак на 5-й Алтайской улице, а также несколько водозаборных будок. Для подъема и перекачки воды стали использоваться помпы. Строительство пожарного водопровода началось лишь в 1914 г. Городская Дума заключила договор с частной фирмой «Нептун». Смета была составлена на 6 430 р.

По предложению Думы с 1898 г. в городе стало применяться страхование от пожара I Российским Страховым Обществом В. К. Штильке и Н. Н. Давидович-Нащинского, а в августе создано товарищество «Саламандра», агентом которого был избран Е. Н. Зандрок. Товарищество помещалось на Павловской улице.

Вопросы технического состояния пожарной охраны поднимались в Думе постоянно. В 1899 г. по предложению Думы при центральном пожарном депо созданы ремесленные цехи: кузнечный, столярный, шорный, на что потрачено 2 500 тыс. рублей. В 1895 г. были построены

новые здания для пожарного обоза, а в 1902 г. – особое помещение для практических и теоретических занятий членов Барнаульского Вольного пожарного Общества. Предприниматель И. К. Платонов в 1899 г. организовал для пожарных служителей библиотеку из книг «специального, общего народного содержания». Эта думская инициатива совпала с периодом общественного пробуждения, который принято считать «противопожарной эпохой». В это время съезд пожарных деятелей на Всероссийской выставке 1892 г. выдвинул пожарное дело на уровень вопроса государственной важности.

В 1912 г. по предложению городского головы И. К. Платонова Дума постановила «усилить пожарный пост на городском баке по 5-ой Алтайской улице путем найма отдельного служащего с вознаграждением 75 р. в лето», т. к. указанный район «с каланчи по Павловской улице виден недостаточно хорошо».

В 1913 г. председатель аптечной комиссии Н. А. Завадовский указал на необходимость строительства на аптечном дворе каменного подвала для безопасного хранения легковоспламеняющихся и взрывчатых веществ, «находя безусловно недопустимым хранение в деревянном сарае в больших количествах бензина, эфира, скипидара и т. п.». И хотя строительство каменной кладовой было отложено до 1914 г., аптеке было представлено временное каменное помещение на горе.

В 1901 г. городская Дума ассигновала 100 р. для вступления Городского Общественного управления в члены-соревнователи Императорского Российского Пожарного общества. В 1914 г., «находя это в интересах пожарного дела, т. к. ввиду возрастания города и усложняющихся с каждым годом приемов огнетушения и пожарная охрана г. Барнаула должна идти наравне с современными требованиями техники и практики», Дума командировала на противопожарный съезд в Томск пожарного старосту Ягунова, выдав ему на командировочные расходы 50 р.

Барнаульская городская Дума неоднократно выражала свою благодарность пожарным за тушение пожаров. На 15-летие Барнаульского Вольного Пожарного общества Дума вынесла постановление, в котором говорилось: «Несмотря на сравнительно короткий период времени своего существования, пожарное общество успело доказать, что оно самый отзывчивый, самый надежный защитник в борьбе с всестребляющим огнем».

2 мая 1917 г. барнаульцев постигло большое несчастье. В городе произошел грандиозный пожар. Следует отметить, что в городе и раньше случались пожары. Так за период с 1893 по 1917 г. их произошло 643. Но пожар 2 мая 1917 г. был самым крупным. Наиболее подробно о нем свидетельствует петроградский журнал «Пожарное дело»:

«Огонь распространился с молниеносной быстротой. Сильный, порывистый ветер разносил горящие головни на далекое расстояние. В результате одновременно возникли пожары в нескольких местах. В первом часу дня порывистый ветер сменился постоянным и в городе начался настоящий ад. Огненные волны захватывали все на своем пути. Среди населения началась паника. О спасении имущества нечего было и думать. Приходилось спасать свою жизнь. Жители бежали к пароходным пристаням. Некоторые в горящей одежде бросались в Обь и тонули. Толпы людей двинулись на пароходные баржи. Сходни не выдержали тяжести и рухнули в воду, увлекая за собой обезумевших людей. Многие утонули. В одном месте толпа оказалась окруженной огнем со всех сторон. Многие не смогли выбраться из моря огня и погибли». В пожаре погибло несколько сот человек, были уничтожены более тысячи жилых и общественных зданий.

Для оказания помощи погорельцам – жителям Барнаула объединились две формы власти: Совет народных депутатов и Барнаульская городская Дума. 3 мая в Петроград была послана телеграмма, что «пожар уничтожил 60 кварталов, свыше 3 000 семей остались без крова».

Совет народных депутатов быстрее отреагировал на случившееся бедствие: уже 4 мая в городе создается Комитет помощи погорельцам. Председатель Комитета В. Позняков сообщает, «что приблизительная сумма убытков – 9 011 445 р.». Для оказания помощи было открыто 11 благотворительных пунктов питания и столовая на Московском проспекте (на ее открытие было израсходовано 5 137 р. 17 к.). Особо нуждающимся погорельцам выдали по 300 р. беспроцентной ссуды, сумма по тому времени довольно приличная, если считать, что мясо на базаре стоило 20 р. пуд, сотня яиц – 6 р. 50 к.

Для материальной поддержки пострадавших в городе неоднократно проводилась благотворительная лотерея по бесплатной выдаче вещей. Среди вещей значились «пимы мужские, дамские, детские сапожки, белье, одеяла, полотенца, посуда». На организацию лотереи было израсходовано 105 р. 50 к.

Барнаульская городская Дума несколько дней откладывала решение вопроса об оказании помощи пострадавшим, из-за неявки всех представителей. Только 5 мая состоялось ее заседание.

Для оказания помощи в городе действовали следующие структуры: Комитет помощи погорельцам (председатель Позняков), группа по ликвидации последствий пожара (руководитель М. Ярков), продовольственный комитет.

27 мая состоялось заседание Думы, которое решало вопросы восстановления города. В первую очередь решено было восстановить здания

городской Управы, больницы, окружного суда, а также электростанцию. На восстановление было выделено 119 123 р.

Особо остро стоял жилищный вопрос. Городской архитектор И. Ф. Нович отправляет в Думу письмо, в котором докладывает, что «без крова осталось 1/3 населения города», «возник целый самовольный поселок против тюрьмы, в виде беспорядочно разбросанных избушек и землянок, застроились такими же жилищами участки на окраинах города. Большинство этих новых скороспелых построек возведено без всяких планов и разрешения Городской Управы».

Такая застройка могла привести к новому бедствию, т. к. велась без учета каких-либо правил противопожарной безопасности.

Но вопрос жилищного обеспечения населения города Дума довести до конца не успела, т. к. 10 декабря 1917 г. была распущена.

Необходимо отметить, что вопросы пожарной службы и пожарной безопасности на заседаниях Думы хотя и поднимались с первых лет ее существования, но это происходило не так часто, как того требовали обстоятельства. Например, в 1906 г. состоялось 32 заседания Думы, на них рассмотрено 190 вопросов, из них всего 4 вопроса касались пожарной безопасности (для сравнения: вопросы трактирного промысла рассматривались 18 раз). Не всегда выделялись необходимые финансовые средства. Например, в 1909 г. по городской смете на содержание пожарной команды было заложено 335 665 р., а израсходовано лишь 25 927 р., т. е. менее 10% от необходимых средств.

Данная тенденция сохраняется и через 90 лет. Барнаульской городской Думой в 1994–1996 гг. на заседаниях принято 250 решений, из них по пожарной безопасности – 4 (для сравнения: по налогообложению – 40, награждению Почетными грамотами – 48). В протоколе № 5 заседания городской Думы от 22.09.1994 г. имеется перечень приоритетных статей, пожарная безопасность в него не входит. В 1996 г. в бюджет города заложено на противопожарную службу 20 581 р., использовано 14 503 р. – 70%. На наш взгляд, необходимо уделять больше внимания проблемам пожарной безопасности. В противном случае в Барнауле возможно повторение тех бедствий, которые перенесли некоторые регионы за последние годы, да и в истории Барнаула есть даты, о которых стоит регулярно вспоминать.

Н. Д. РОСТОВ

**«...БЕЗЗАВЕТНЫМ МУЖЕСТВОМ ВАШИМ
ОТЕЧЕСТВО ВСЕГДА БУДЕТ ГОРДИТЬСЯ...»**

Прошлое никогда не уходит из настоящего, не покидает его, оно незримо присутствует в каждом из нас. Есть вечные и незабываемые понятия – Отчизна, честь, независимость, армия. Традиции воспитания россиян в духе беззаветного служения Родине уходят корнями вглубь истории. Любовь к ратному труду прививалась с детства. Из поколения в поколение передавались рассказы о походах и боевых подвигах отцов, дедов и прадедов.

Воинский дух народа – не отвлеченное понятие, это его нравственная готовность к защите своего Отечества. Ни самая совершенная военная организация, ни талант полководца не могут сами по себе дать вооруженной силе надлежащий воинский дух, если его нет в народе.

В многочисленных войнах, которые вело в своей истории Российское государство, на защиту Отечества вставали и сибиряки. Своей стойкостью и мужеством покрыл себя славой в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг. и составил себе прочную боевую репутацию в армии 12-й пехотный сибирский Барнаульский полк. Во всем своем блеске на далеких сопках и полях Маньчжурии наши предки проявили высокий моральный дух, любовь к Родине, готовность к самопожертвованию.

Свою историю Барнаульский полк ведет с 1711 г. Его родоначальником явился двухбатальонный Московский гарнизонный полк, стоявший в г. Тобольске. При учреждении в России в 1727 г. постоянных гарнизонов, полк был переименован в Енисейский гарнизонный.

Предки барнаульцев долгое время обслуживали караульной и конвойной службой Колывано-Воскресенские заводы. С 1747 г. они были расположены в местности Барнаульского завода, штаб-квартира оставалась неизменной и г. Барнаул, действительно, может считаться родным для полка.

Шли годы, менялись названия: Колывано-Воскресенский батальон, горно-штатная команда, горный батальон, сибирский линейный батальон, Алтайский горно-заводской батальон, Барнаульская местная команда.

Приказом от 30 октября 1899 г. Барнаульская местная команда была переформирована в Барнаульский резервный батальон, который вошел в состав резервных войск.

С 1900 г. батальонным праздником был установлен день 24 октября – праздник во имя Божией Матери всех скорбящих радости. В этом же году 2 августа батальону было пожаловано знамя бывшего Алтайского горнозаводского батальона. На обеих сторонах знамени помещен Государственный герб, в центре которого изображен Георгий Победоносец.

Начавшаяся 27 января (9 февраля) 1904 г. русско-японская война, коренным образом изменила жизнь сибирских губерний. Развернутая по мобилизации японская армия достигала свыше 375 тыс. человек, имела 114 орудий 147 пулеметов. В ходе войны в армию было призвано свыше 1 млн человек.

При общей численности русской армии 1 135 тыс. человек, на Дальнем Востоке находилось лишь около 98 тыс. человек; здесь было всего 148 орудий и 8 пулеметов. К тому же силы были разбросаны на огромной территории Маньчжурии, Приморья и Забайкалья. Война потребовала значительного увеличения численности русской армии на театре военных действий. Ближайшими к району боевых действий, оказались Приамурский и Сибирский военные округа, из которых первыми стали отправляться на фронт воинские части.

Высочайшим повелением 28 января 1904 г. было предписано мобилизовать войска и учреждения Сибирского военного округа, считая первым днем мобилизации 2 февраля 1904 г. Кадровые воинские части округа начали подготовку и выдвижение на фронт.

К началу русско-японской войны на территории Сибири во всех крупнейших губернских и уездных городах располагались резервные батальоны, которые по мобилизационному расписанию развертывались в пехотные полки. Из этих пехотных полков на территории Сибири началось формирование IV Сибирского армейского корпуса, командиром которого был назначен генерал-лейтенант Н. П. Зарубаев. В состав этого корпуса были включены: 5-й пехотный сибирский Иркутский полк, 6-й пехотный сибирский Енисейский полк, 7-й пехотный сибирский Красноярский полк, 8-й пехотный сибирский Томский полк, 9-й пехотный сибирский Тобольский полк, 10-й пехотный сибирский Омский полк, 11-й пехотный сибирский Семипалатинский полк, 12-й пехотный сибирский Барнаульский полк, 24-й Восточно-Сибирский саперный батальон и ряд других воинских частей. 21 мая 1904 г. приказом по Военному ведомству № 232 для IV Сибирского армейского корпуса были сформированы 1, 2, 3 и 4-й летучие артиллерийские полки. Одновременно с развертыванием корпуса,

шло формирование 3, 5, 7 и 8-го полков сибирского казачьего войска и ряда других воинских частей.

Командир 12-го Барнаульского резервного батальона полковник Сергей Федорович Добротин 31 января 1904 г. был назначен командиром формируемого четырехбатальонного 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка. Развертывание и комплектование полка проходило в военном городке № 1, строительство которого велось с 1900 г. (ныне это территория Барнаульского юридического института). Проводимая мобилизация потребовала напряженной работы как гражданских, так и военных органов управления. «Работать приходилось по целым дням, забывая частенько про обед», – отмечает участник этих событий. Первый день мобилизации застал в полку 579 старослужащих, из которых 234 чел. были в командировках, а 48 состояли казенной прислужгой. В числе командированных находились и 32 унтер-офицера. С началом мобилизации было приостановлено обучение молодых солдат, продолженное с передачей их 9 февраля в сформированный запасной батальон. Следует отметить очень высокие темпы развертывания полка. Первая партия запасных из Бийского уезда в числе 236 человек прибыла 8 февраля. 12 февраля явились из запаса 21 офицер, 3 врача, 1 781 нижних чина, было куплено 560 лошадей, а уже 26 февраля в штаб 3-й пехотной дивизии было донесено о формировании полка.

Воины полка настойчиво готовились к предстоящим боевым действиям. В полку постоянно проводились учения на местности, которые «...сыграли великую услугу в деле подготовки полка к бою, и обратили старых запасных в настоящих воинов», – отмечает историограф полка М. К. Соколовский. Особенно усердно изучали офицеры полка предполагаемый театр военных действий. 2 марта им было сделано сообщение о Северной Корее, а 17 марта с ними были проведены командно-штабные учения на 20 верстовых картах Северной Кореи.

С приездом в Барнаул 10 марта командира IV Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта Н. П. Зарубаева в полку были проведены тактические учения с 3, 5 и 10-й ротами и батальонное учение с 1-м батальоном подполковника Блезе. Командир корпуса подготовкой полка остался доволен.

Успешному решению задач развертывания и отмобилизования полка, проведению боевого слаживания и подготовке его к боевым действиям, в немалой степени способствовала и личность командира полка полковника С. Ф. Добротина. В 16 лет он поступил на военную службу и блестяще по 1-му разряду закончил Московское пехотное юнкерское училище. В течение более 10 лет Сергей Федорович командовал ротой.

В составе 103-го пехотного Петрозаводского полка участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. За отличия в службе был произведен в поручики и 17 октября 1901 г. – в полковники. За отличную, усердную и ревностную службу он был награжден орденом Святой Анны 2-й степени, орденами Святого Станислава 2-й и 3-й степеней. Пройдя всю свою службу в строю армейского полка, С. Ф. Добротин прекрасно изучил строевое дело и узнал во всех подробностях быт солдат и армейских офицеров. Отличаясь особою задушевностью, честностью и прямою, С. Ф. Добротин снискал себе особую любовь среди офицеров – барнаульцев, которые считали его образцом попечительного отца-командира.

Военная энциклопедия, изданная в 1912 г. И. Д. Сытиным, дает Сергею Федоровичу блестящую характеристику: «Скромный армейский работник, Добротин приобрел в действующей армии популярность отличного боевого командира... В атмосфере поражений и отступлений он сумел поддержать бодрый дух полка и смело водил его в атаки. Заслужив уважение офицеров и солдат, Добротин вызывал в своих подчиненных желание работать не за страх, а за совесть, служа им всегда примером. Вера в него офицера и солдата была велика и там, где был Добротин, по их мнению, не могло быть поражения». Об уровне военной подготовки С. Ф. Добротина свидетельствуют и две записи в его послужном списке: «18 сентября 1886 г. за выполнение условий на состязательной стрельбе на получение полкового приза он получил свидетельство. В октябре 1895 г. экзамен на должность уездного воинского начальника при штабе 2-го армейского корпуса в г. Вильно подполковник С. Ф. Добротин выдержал с оценкой «отлично».

Настойчиво готовил своих подчиненных к грядущим боям командир 2-го батальона подполковник Язон Александрович Ахвледиани. Он участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Был ранен и награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». За отличие в делах против японцев приказом по Военному ведомству от 11 сентября 1904 г. Я. А. Ахвледиани будет произведен в полковники, а 18 сентября командир корпуса генерал-лейтенант Н. П. Зарубаев вручит ему Георгиевский офицерский крест за отличие в бою при Дашичао. В феврале 1905 г. в Мукденском сражении он будет командовать 137 пехотным Нежинским полком.

Одновременно с комплектованием рот и батальонов полка были сформированы предусмотренные мобилизационным расписанием отдельный резервный и запасной батальоны. 21 февраля отдельный батальон под командованием капитана Иванова в составе 10 офицеров, врача и 413 нижних чинов с комплектом боевых патронов выступил на станцию Обь для охраны железнодорожного пути. В феврале выступил

из Барнаула и 8-й запасной батальон под командованием капитана Вахрушева. Какова судьба резервного и запасного батальонов, сформированных Барнаульским полком? Следует отметить, что аналогичные батальоны формировали и другие сибирские пехотные полки. Переменный состав запасных батальонов округа согласно мобилизационному расписанию № 18, укомплектовывался нижними чинами запаса только наполовину. Запасные батальоны были предназначены для военной подготовки и обучения запасных, ратников и новобранцев.

На 9 марта 1904 г. в ряды войск Сибирского военного округа было призвано до 100 тыс. человек. Война требовала новых пополнений. На основании императорского указа правительствующему Сенату от 23 февраля 1904 г. и просьбы командующего Сибирским военным округом генерал-лейтенанта Н. Н. Сухотина на территории округа с 1 июня 1904 г. начался призыв ратников государственного ополчения. В сентябре 1905 г. штаб Сибирского военного округа сообщил: «При мобилизации войск... округа во время войны с Японией были призваны ратники государственного ополчения, из коих 21 199 человек назначены на формирование 24 дружин государственного ополчения, 14 560 – в запасные сибирские батальоны и 2 882 – на формирование 2 обозных батальонов для IV Сибирского армейского корпуса». В Барнауле была сформирована дружина государственного ополчения № 13. В Бийске и Змеиногорске дружина № 17. По штату 1894 г. они имели в своем составе 14 обер-офицеров, 3 чиновника, 957 строевых нижних чинов и 26 нестроевых нижних чинов. С августа 1904 г. 17-я дружина государственного ополчения заступила на охрану железной дороги в г. Ново-Николаевске. Смененные дружинами резервные и запасные сибирские батальоны вскоре были отправлены в действующую на Дальнем Востоке Маньчжурскую армию.

Исключительно из уроженцев Барнаульского уезда был сформирован 2-й пехотный сибирский Читинский полк. Нам также следует помнить и о 196 нижних чинах и 6 офицерах Барнаульского резервного батальона, направленных 24 сентября 1900 г. в составе двух рот на формирование Енисейского резервного батальона, развернутого в 1904 г. в пехотный полк в составе IV Сибирского армейского корпуса. Из анализа получателей посылок, направляемых Барнаульским отделом русского общества Красного креста можно предположить, что нашими земляками был укомплектован и 1-й обозный батальон IV Сибирского армейского корпуса.

Готовность сибиряков защищать Отечество проявилась в многочисленных просьбах барнаульцев о зачислении в полк и в дружины государственного ополчения. Так, 6 февраля в Барнаульский полк явились

местные жители с просьбою о том, чтобы их приняли в охотники. 13-я и 17-я дружины государственного ополчения были укомплектованы офицерами, подавшими просьбы об определении их на военную службу по случаю войны с Японией.

Выдвижение полка на баржах и пароходах к станции Обь началось 28 апреля 1904 г. 29 апреля выехали из Барнаула 1-й и 2-й батальоны, две роты 3-го батальона и штаб полка. 30 апреля выехали последние эшелоны с двумя ротами 3-го батальона и 4-м батальоном. 3, 4 и 5 мая полк семью эшелонами выехал на Дальний Восток. Большинство сибирских частей прибыли на Дальневосточный театр военных действий в мае 1904 г. 22 мая в Маньчжурию прибыли и эшелоны 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка.

Какими были солдаты 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка? Во времена проведения великих буржуазных реформ – 60–70-е гг. XIX века для солдат сибирских пехотных полков было введено ношение папах и разрешалось также иметь бороды. М. К. Соколовский приводит интересный пример из боевой жизни полка, который помогает нам представить с большой точностью внешний образ наших героических и мужественных предков. В 1905 г. «6 сентября полк на позиции справлял праздник. Бивуак был украшен зеленью... на главной аллее воздвигнута триумфальная арка... В 4 часа подъехал генерал-адъютант Куропаткин с генерал-лейтенантом Гудимом-Левкочем. Обходя фронт и здороваясь, генерал Куропаткин несколько раз говорил генералу Гудиму: «Вот, смотрите, какие у меня молодцы Барнаульцы. Какие старые, бородатые, но сердитые».

Воины-сибиряки были глубоко верующими людьми. Вера в бога, царя и Отечество для них были неразделима. Полковым священником был назначен отец Николай Слободский. Образ Спасителя, Святые иконы и отец Н. Слободский находились всегда вместе с воинами, поддерживая боевой дух полка.

26 февраля жители города Бийска преподнесли полку образ Спасителя Нерукотворного. А перед выступлением в военный поход от начальника Алтайского округа полк получил в напутствие образ Святого Николая Чудотворца, от г. Барнаула – образ Спасителя, от Вольного пожарного общества – образ Спасителя.

При выступлении 6 февраля 1904 г. 8-го запасного батальона полка Барнаульским отделом российского общества Красного креста воинам была поднесена Святая икона Божией Матери. Полку при убытии было поднесено на престольное Евангелие, а священнику полка отцу Н. Слободскому – на престольный крест. Святая икона была поднесена отделом общества и при отправке 13-й Барнаульской дружины государственного

ополчения в июле 1904 г. Позднее для каждой дружины были определены святые-покровители. Святую икону Барнаульский отдел Российского общества Красного креста в 1904 г. направил и отбывающему в армию 2-му пехотному сибирскому Читинскому полку. С настоятелем Мариинской походной церкви Красного креста в Действующей армии отцом Е. Макаренко осенью 1904 г. были отправлены для походной церкви крест напрестольный и воздухи церковные.

Первое боевое крещение барнаульцы приняли 1 (13) и 2 (14) июня 1904 г. в отряде генерал-лейтенанта П. И. Мищенко у д. Сандяо и Сахотана. Полк во главе с командиром полковником С. Ф. Добротинным 4 раза переходил в контратаку и отразил противника штыками, не допустив его до главной позиции.

Всероссийскую славу барнаульцам принесла их доблесть и мужество в сражении при Дашичао 10 (23) – 11 (24) июля 1904 г., где I и IV Сибирские корпуса, заняв оборонительную позицию, преградили путь выдвигающейся к Ляояну 2-й японской армии. Насколько важна была стойкая и упорная оборона наших войск у Дашичао? «Этот пункт имел важное стратегическое значение, – отмечает В. А. Апушкин, – ...стоя на позиции у Дашичао, мы владели Инкоу, владея Инкоу – владели всем течением Ляохэ, что было крайне важно уже потому, что по этой реке доставлялись нам в изобилии из Монголии фураж, скот и продовольственные припасы; потому что владея Ляохэ, мы закрывали доступ японцам в Монголию».

11 июля в 5 ч. 20 мин раздался первый орудийный выстрел. В течение 15 часов не умолкала артиллерийская канонада. Японские войска стремительно атаковали центр нашей позиции, занятый 12-м пехотным сибирским Барнаульским полком. Отброшенные штыками барнаульцев, они сосредоточили против одного полка целую дивизию. Находившийся в течение 15 часов под непрерывным артиллерийским огнем противника, полк четырежды поднимался в штыковую атаку и не уступил своей позиции. Командир IV Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант Н. П. Зарубаев писал об этом бое: «По долгу службы свидетельствую о выдающейся стойкости всех подчиненных мне войск... в этом тяжелом пятнадцатичасовом бою в особенности выразилась несокрушимая стойкость сибирских полков, на которые обрушился главный удар противника. Ни одна пядь земли на позициях не была ими уступлена, несмотря на огромное численное превосходство и повторные атаки в центр, где дело четыре раза доходило до штыкового боя, которого японцы не выдерживали».

«Они дрались с присущим сибирякам упорством, – отмечает офицер Генерального штаба А. А. Игнатьев, – считая, что защищают на войне свою родную Сибирь».

В приказе № 265 от 4 августа 1904 г. войскам Сибирского военного округа командующий войсками округа генерал-лейтенант Н. Н. Сухотин привел слова генерал-лейтенанта Н. П. Зарубаева из донесения об упорном бое частей корпуса при Дашичао, у Наньдалина и Цянджаны: «Высокую доблесть духа проявили в этом деле тобольцы, томцы, семипалатинцы и в особенности Барнаульский полк, стяжавший себе громкую боевую славу. Командир этого геройского полка полковник Добротин лихо сметал вражеские атаки и, четыре раза бросаясь в штыки, опрокидывал и преследовал японцев».

В. А. Апушкин отмечает, что «...Только в половине 8-го часа вечера японцы, наконец, отважились под покровом быстро сгущающихся сумерек произвести штыковую атаку на центр нашей позиции, но барнаульцы лихо ее отбили штыками и еще три раза встречали японцы на нашу позицию, но каждый раз барнаульцы встречали их штыковой атакой, а томцы – метким ружейным огнем... Видя безуспешность всех своих усилий, японцы прекратили бой в 9 часов вечера».

Иллюстрированная летопись русско-японской войны подводя итог двухдневного сражения под Дашичао писала: «...Бой закончился... решительным отбитием 4 последовательных японских атак на позиции 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка у д. Цяньчжайцзы. Эти атаки отчаянно велись двумя полками японской пехоты, подкрепленными третьим, но все окончились бегством... Японские солдаты и на этот раз не выдержали лихих контратак барнаульских батальонов, штыками сбрасывавших врага назад на долину. Четвертая и последняя атака японцев закончилась тем же порядком: встретив выдержанным спокойным огнем отчаянно наступавших японцев, Барнаульский полк, подкрепленный частями 8-го пехотного сибирского Томского полка, снова ударом опрокинул японские батальоны и гнал их на протяжении более полуверсты по склонам высот, усеянных массою трупов японцев – жертв трех предшествовавших атак. Тяжесть выпавшего на долю доблестного Барнаульского полка и его командира полковника Добротина испытания лучше всего характеризуется убылью из строя около 8% его состава».

В. И. Немирович-Данченко, подробно и ярко описавший в «Русском слове» бой при Дашичао особо отметил, что «слава этого дня барнаульцам и томцам... Барнаульцы не выходили из-под шрапнелей, выдержали штыковой бой и понесли наиболее потерь».

Известный советский художник-баталист, корреспондент журнала «Нива» Николай Семенович Самокиш, семь месяцев прошедший боевой путь на передней линии огня рядовым солдатом 52-го Нежинского драгунского полка, запечатлел в своем творчестве одну из упорнейших и самоотверженных контратак Барнаульского полка под Дашичао

11 (24) июля 1904 г. Вглядываясь в удивительный по силе и выразительности рисунок художника, обратимся к описанию М. К. Соколовским одной из контратак барнаульцев: «...После ужасного получасового огня японцы с криками «банзай» ринулись вперед. Роты, подпустив японцев на 25–30 шагов, открыли огонь залпами и пачками, а охотничья команда зашла в тыл японцев. Японцы отступили, а затем снова повторили атаку. 2 и 3-й батальоны и охотничья команда встретили их залпом и пошли в штыки, но японцы не приняли удара и быстро отступили, отстреливаясь и загоразивая себя от удара штыком вытянутой рукой с ружьем. Барнаульцы у некоторых японцев вырывали из рук винтовки и закалывали их. ...Неприятель выпустил несколько тысяч снарядов... но... с беззаветной храбростью, стойкостью и мужеством барнаульцы выдержали этот ужасный день», – отмечает М. К. Соколовский. В 9 ч. 30 мин вечера сражение завершилось.

Упорству и стойкости сибирских полков способствовали и умелые действия русской артиллерии. Развернувшийся 10 (23) июля бой вылился в артиллерийскую перестрелку, которая продолжалась весь день. В этом бою русские артиллеристы успешно применили стрельбу с закрытых позиций. С этой целью огневые позиции для артиллерии были выбраны за гребнями высот. Управление огнем артиллерии осуществлялось с наблюдательных пунктов, расположенных впереди батарей. В течение дня семь русских батарей, расположенных на закрытых позициях, успешно вели огневую борьбу с семью японскими артиллерийскими полками, которые стреляли с открытых позиций. Японцы не смогли выявить и подавить русские батареи.

11 (24) июля особенно отличилась 2-я батарея 9-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады под командованием подполковника А. Г. Пашенко. В течение всего 15-часового непрерывного боя она успешно вела борьбу с 6-ю японскими батареями. В этом бою батарея выпустила 4 178 патронов. Будучи раненым в левую руку, подполковник А. Г. Пашенко продолжал руководить огнем батареи. Командир IV Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант Н. П. Зарубаев, прибыв на огневые позиции артиллеристов, подойдя к батарее, снял фуражку и поклонился в пояс, благодарил воинов и пожелал скорейшего выздоровления их командиру. 13 (26) июля подполковник А. Г. Пашенко был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами.

Из 5 человек Маньчжурской армии, удостоенных ордена Святого Георгия 4-й степени в боях за Дашичао, 3 – офицеры Барнаульского полка.

За проявленные в этом сражении стойкость и мужество приказом по Военному ведомству от 13 февраля 1905 г. ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени были удостоены: командир

полка полковник С. Ф. Добротин за то, что во время 16-часового боя 11 июля 1904 года, несмотря на сильнейший артиллерийский и ружейный огонь, отбил четыре атаки японцев, проявляя удивительное хладнокровие, мужество и распорядительность, причем под его начальством полк несколько раз бросался в штыки. Командир 3-го батальона подполковник В. Ф. Побоевский занимал со своим батальоном передовую позицию, несмотря на страшный огонь противника, отразили восемь его атак и не отдали позиции. Четыре раза со своим 2-м батальоном ходил в штыки подполковник Я. А. Ахвледiani и отразил попытки японцев занять прорыв, образовавшийся на левом фланге нашей позиции.

Орденом Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени были награждены: командир батальона подполковник П. В. Красноленский, капитаны В. Дмитриев и В. Войцеховский, штабс-капитан П. Симаков, поручик Н. Ляшковский.

Все остальные офицеры получили другие награды, и ни один не остался не награжденным... процент боевых наград за это дело, – отмечает М. К. Соколовский, – составлял 100%, на каждую роту было выдано по 6 знаков отличия Военного Ордена. 17 июля 1904 г. прибывший командующий Маньчжурской армией генерал-адъютант А. Н. Куропаткин лично вручил отличившимся нижним чинам Барнаульского полка 96 знаков отличия Военного Ордена.

Высочайшим приказом 1 января 1907 г. полк был награжден Георгиевским знаменем с надписью «за Дашичао 10–11 июля 1904 года» и боевыми серебряными трубами.

Потери русской армии за два дня сражения составили убитыми 13 офицеров и 182 нижних чина, ранеными 51 офицер и 913 нижних чинов. Тяжелые потери понес и 12-й пехотный сибирский Барнаульский полк. Были убиты: командир 10-й роты штабс-капитан Петр Сердановский, возглавивший атаку своих подчиненных; батальонный адъютант подпоручик Чеслав Оношкович-Яцына, подпоручик Митрофан Данилевский и 37 нижних чинов; ранены: поручик Николай Грохольский, подпоручики Александр Иванович Муравецкий, Василий Канстанский, на Янзелимском перевале ранен подпоручик Никита Коновалов и 167 нижних чинов; контужены: подпоручик Всеволод Рязанов сильно и 27 нижних чинов; остались на поле сражения без вести пропавшими 12 нижних чинов. Убитые были похоронены в д. Цзан-чжайцзы.

Барнаульский полк принял участие и в сражении под Ляояном, которое началась 11 (24) августа 1904 г. на фронте в 75 километров и продолжалось в течение 11 суток до 21 августа (3 сентября). По своему

размаху это было первое в истории русско-японской войны столкновение главных сил сторон. Это было первое сражение, в котором встретились две массовые армии, оснащенные скорострельной артиллерией, магазинными винтовками и пулеметами. Японское командование, стремясь нанести поражение русской армии раньше, чем к ней подойдут резервы из центральных районов России, приняло решение начать сражение в обстановке численного превосходства на стороне русской армии: японцы имели 125 тыс. человек и 484 орудия, русская армия насчитывала 160 тыс. человек и 592 орудия.

Только за один день боя у д. Цяньши-цаоцзы полк потерял нижних чинов: убитыми – 3, ранеными – 45, контуженными – 6 и без вести пропавшими – 7 человек. Был ранен подпоручик Василий Верещагин.

За проявленные доблесть и мужество подполковник Вячеслав Францевич Побоевский был удостоен золотого оружия «за храбрость». Знаком отличия Военного Ордена 4-й степени были награждены рядовые: Павел Володин, Николай Ивойлов, Марк Соснин, Егор Бояркин.

12-й пехотный сибирский Барнаульский полк принял участие и в сражении на реке Шахэ 22 сентября (5 октября) – 4 (17) октября 1904 г.

К концу сентября 1904 г. японская армия, вышедшая на р. Шахэ, насчитывала 170 тыс. человек и 648 орудий. Русская армия имела в своем составе 210 тыс. человек и 758 орудий. Главный удар, нанесенный русской армией 5 октября, был нанесен в горной местности. Развернулись ожесточенные встречные бои, продолжавшиеся до 15 октября. С захватом русскими воинами важной в тактическом отношении «Путиловской» сопки в ночь с 15 на 16 октября наступательные действия сторон были завершены. Впервые в военной истории на фронте протяженностью более 60 километров в полевых условиях образовался позиционный фронт.

В этом сражении Барнаульский полк был выдвинут из резерва, чтобы у д. Хамытань сдержать наступление японцев и поддержать отступавшие полки 31-й пехотной дивизии. Японцы не раз атаковали роты барнаульцев, но были отбиваемы, и позиция осталась за нами. 29 сентября без артиллерии на позициях к югу от д. Хамытань полк, будучи выдвинут вперед и не имея с флангов никакой поддержки, в течение 6 часов, под сильнейшим артиллерийским и ружейным огнем сдерживал натиск противника, значительно превосходящего силами, защищал с высокой доблестью позицию до тех пор, пока не получил приказ отойти.

«Раненый в ходе 7-часового боя 29 сентября сквозною раню навзлет в правое плечо командир полка полковник С. Ф. Добротин продолжал твердо руководить полком и уехал на перевязочный пункт, – отмечает М. К. Соколовский, – только после выхода полка из боя и его сосредоточения за д. Хамытань».

Командир 2-й батареи 1-й сибирской артиллерийской бригады Николай Зданский был награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени за то, что в боях 27, 28 и 29 сентября 1904 г. проявил выдающиеся мужество и храбрость, в течение 12 1/2 часов непрерывно сражаясь с 6-ю неприятельскими батареями, буквально засыпавшими своими снарядами, дал возможность Барнаульскому полку продвинуться вперед...

В боях с японцами у д. Хамытань с 28 по 30 сентября 1904 г. Барнаульский полк понес тяжелые потери: убиты 6 офицеров, 61 нижний чин, ранены 515 человек (в т. ч. 13 офицеров), пропало без вести 18, контужены 65 человек. «По выходе из боя... на глаза навертывались слезы при виде вереницы убитых и раненых», – записал в своих воспоминаниях поручик Всеволод Рязанов. О тяжести понесенных полком потерь свидетельствуют 934 человека, прибывшие на укомплектование полка 3 октября и в начале декабря 1904 г. 3 октября за большой убылью людей Барнаульский полк был свернут в 8 рот.

Особый отдел Главного Штаба по сбору сведений об убитых и раненых в войну с Японией 7 октября 1904 г. информировал о потерях 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка за период с 28 по 30 сентября. Убиты: подполковник Павел Владимирович Красноленский; командир 15-й роты капитан Николай Шварев; поручик Иван Васильевич Котляров; подпоручики Александр Иванович Муравецкий и Петр Васильевич Новгородцев; зауряд-прапорщик Иван Медведев. Ранены: командир полка полковник Сергей Федорович Добротин; подполковник Вячеслав Францевич Побоевский; капитаны: Иван Спиридонович Паллис, командир 13-й роты Владимир Яковлевич Дмитриев, Александр Васильевич Иванов, Леонид Николаевич Зинченко; штабс-капитаны: Григорий Трофимович Малык, Всеволод Николаевич Ефремов, Петр Алексеевич Симаков; поручики: Лев Александрович Александров, Александр Матюшкин; подпоручики: Николай Александрович Лобысевич, Константин Михайлович Минервин; прапорщик Петр Иванов; зауряд-прапорщики: Вослав Шишко, Григорий Суворов, Федор Худяков. Контужены: подполковник Язон Александрович Ахвледиани и зауряд-прапорщик Степан Федоренчик.

Напряженной и самоотверженной работы война потребовала и от духовенства армии. Полковые священники самоотверженно выполняли свой пастырский долг, часто под огнем неприятеля, утешая раненых и напутствуя умирающих, помогали в перевозке раненых. Своим личным примером они вдохновляли воинов, придавали им силы. Когда требовала боевая обстановка, они с крестом в руках вели воинов в атаку. 18 апреля 1904 г. под Тюренченом героический подвиг совершил

священник 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка отец Стефан Щербаковский, который с крестом в руке повел полк, потерявший своего командира, пробивать себе путь штыками. Раненый в правую руку священник уронил крест, но сейчас же поднял его левой рукою и пошел с воинами и полковым оркестром, исполнявшим «Боже, царя храни» в третью атаку, в ходе которой получил второе ранение в лопатку. За этот подвиг отец С. Щербаковский был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени. За отличия в делах против японцев священник 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка отец Николай Слободский был награжден орденом Святой Анны 3-й степени и золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте.

В составе IV Сибирского армейского корпуса 12-й пехотный сибирский Барнаульский полк принял участие и в Мукденском сражении 6 (19) февраля – 25 февраля (10 марта) 1905 г.

Стремясь разгромить русскую армию, к середине февраля под Мукденом японцы сосредоточили на фронте более 100 км все свои пять армий, имевших в своем составе 270 тыс. человек, 1082 орудия и 200 пулеметов. Общая численность русских войск достигала 330 тыс. человек при 1 266 орудиях и 456 пулеметах. Это было самое кровопролитное сражение за всю войну. Русская армия потеряла: убитыми 257 офицеров, 8 448 нижних чинов; ранеными 1 491 офицера и 49 947 нижних чинов.

О напряженности развернувшихся боев свидетельствует М. К. Соколовский: «В ходе сражения 1-й батальон полка не выходил из боя в течение 12 дней. 16 февраля японцы произвели нападение на сторожевое охранение полка, которое состояло... из 1 батальона под командованием подполковника Блезе... Выдвинутые на выручку 1 и 3 роты пробежали расстояние в 1 $\frac{1}{2}$ версты в 10 минут. С прибытием рот дело изменилось. Роты встретили японцев дружными залпами... было выпущено 57 546 патронов... японцы отступили».

Барнаульцы сражались мужественно. Были ранены, но остались в строю и не ушли с поля боя старший унтер-офицер Алексей Лебедев, младший унтер-офицер Кирилл Мезенцев. 9 рота под командованием капитана М. А. Сухорского, направленная на усиление 18-го Восточно-Сибирского стрелкового полка с 19 февраля выдержала многократные дневные и ночные атаки противника, не получая ни горячей пищи, ни воды. 21 февраля барнаульцы в яростной контратаке выбили противника из его окопов. За оборону Кандалисинской позиции капитан М. А. Сухорский был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Командир полка полковник С. Ф. Добротин с двумя батальонами оказался вблизи Кичзыня, где японцы прорвали расположение генерала

Левестама. 25 февраля в ожесточеннейшем бою у д. Мадюэнза барнаульцы задержали прорвавшихся японцев. В этом бою храбрый командир был ранен вторично шрапнелью в правый глаз.

В боях под Мукденом 12-й пехотный сибирский Барнаульский полк понес тяжелые потери. Убиты: поручик Евгений Копытко, зауряд-прапорщики: Алексей Щербаков, Михаил Чунин. Ранены: полковник С. Ф. Добротин, подполковник Аполлон Петрович Быков, капитан Василий Гертопан, сотник Евгений Рейгрес, подпоручик Леонтий Августович Гакенберг, прапорщик Владимир Чеканов; зауряд-прапорщики: Василий Сирияноки, Мирон Захарьев, Евдоким Гешкин. Контужены: капитаны Всеволод Николаевич Ефремов, Михаил Антонович Сухорский. Нижних чинов: убито 14, ранено 109.

4 июля 1905 г. командиром Барнаульского полка был назначен полковник Сергей Николаевич Писарев, которому выпало командовать им в течение более 5 лет. За проявленное мужество в боях с японцами он был награжден орденом Святой Анны 2-й степени с мечами, орденом Святого Станислава 4-й степени с мечами. Уже командуя Барнаульским полком, он был удостоен ордена Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В далекой Маньчжурии посланцы Алтая чувствовали неразрывную связь с родной землей, со своими земляками. Большая заслуга в установлении этой связи, ее развитии и укреплении принадлежит Барнаульскому комитету Российского общества Красного Креста. 7 февраля 1904 г. на общем собрании был избран состав Барнаульского местного управления общества. Вспомогательным органом был учрежден Дамский комитет, который возглавила Е. Н. Соболева. При Дамском комитете была организована швейная мастерская для изготовления бельевых, постельных и других принадлежностей. При нем был создан центральный вещевой склад для сбора поступающих пожертвований из волостей округа.

В местном листке ежедневных телеграмм печатались воззвания о пожертвованиях и отчеты о поступлении таковых. Первым подал пример в этом благородном деле начальник Алтайского округа Адам Феликсович Кублицкий-Пиоттух, ежемесячно добровольно отчислявший известный процент. Сбор пожертвований осуществлялся через особоуполномоченных членов общества и добровольцев – сборщиков. Большую активность в сборе пожертвований проявил 60-летний крестьянин д. Старой Порозихи Змеиногорского уезда Чарышской волости Михаил Трофимович Шабанов. С удостоверением местного управления, квитанционной книжкой и опечатанной кружкой, он ходил пешком из селения в селение и призывал народ к подаянию на раненых воинов. В ближайшем

Волостном Правлении или приходской церкви Михаил Трофимович сдавал поступившие пожертвования для отсылки в местное управление Российского общества Красного Креста.

Значительный процент пожертвований давали тарелочные сборы, организуемые особоуполномоченными общества. Во время богослужений, в магазинах, административных и общественных учреждениях, в различных публичных местах и других местах устанавливалось до 50 денежных кружек. По инициативе Дамского комитета такой сбор проводился в 8 церквях г. Барнаула во время праздничных богослужений. Активное участие в нем приняли сестры Барнаульского Богородице-Казанского женского монастыря. Тарелочный сбор позволил собрать в г. Барнауле 1 444 р. 8 к. Комитетами общества было собрано 509 р. 57 к. В 1904 г. в кассу Барнаульского местного управления общества поступило 44 899 р.

Главным пожертвователем в Алтайском округе явилось местное крестьянство, давшее в 1904 г. более 2/3 всей собранной суммы – 73755 р. 91 ¹/₂ к., несмотря на то, что оно перенесло три неурожая в 1900–1902 гг. Многие жители округа стремились оказать посильную помощь братьям-воинам в виде постных и сдобных сухарей, особенно охотно жертвованных крестьянами в надежде на отправку в действующую армию «пшеничного хлебушка с родной стороны». В 1904 г. сухарей поступило 2 693 п. 20 ф. На центральном вещевом складе было устроено отделение склада сухарей. На складе проводилась большая работа по сбору, систематизации, временному хранению пожертвований, посылок и другого имущества, поступившего от швейной мастерской, учреждений, организаций и граждан. Центральный вещевой склад осуществлял также комплектование и отправку транспортов в действующую армию. На собранные пожертвования в 1904 г. Барнаульским отделом Российского общества Красного Креста было отправлено в действующую армию 5 транспортов с посылками. Первый транспорт с вещами был отправлен из Барнаула 20 марта 1904 г. для резервного батальона 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка и для раздачи воинским чинам, следовавшим на Дальний Восток. Часть этого имущества 26 мая 1904 г. была вручена командиру 31-й парковой артиллерийской бригады. 27 августа в адрес главноуполномоченного Российского общества Красного Креста в Харбине был направлен второй транспорт. В его формировании активное участие приняла и жена командира 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка Мария Гавриловна Добротина, охотно жертвовавшая вещи для воинов. Часть имущества третьего транспорта, направленного из Барнаула 4 ноября по постановлению местного управления общества была

адресована воинам-барнаульцам, воевавшим в составе 2-го пехотного сибирского Читинского полка. 25 ноября в адрес Барнаульского полка был отправлен четвертый транспорт.

24 декабря 1904 г. в действующую армию был направлен пятый транспорт в количестве 61 ящика. Следует обратить внимание на адресное назначение отправляемых вещей: 1 ящик транспорта был адресован для передачи командиру IV Сибирского армейского корпуса и был предназначен для нужд воинов. Для воинов было передано 305 рубашек, 151 полотенце, обувь и другое имущество. Лянинский волостной старшина д. Тычкиной Барнаульского уезда Александр Герасимович Емельянов адресовал ящик № 60 с 53 рубахами и 51 кальсоном в 1-й обозный батальон IV Сибирского армейского корпуса.

Из общего количества ратников Государственного ополчения, призванных в 1904 г. в Сибирском военном округе, 3 000 человек были направлены на укомплектование 1-го и 2-го обозных батальонов IV Сибирского армейского корпуса. Можно предположить, что из состава 13-й Барнаульской дружины Государственного ополчения часть ратников была направлена и в 1-й обозный батальон корпуса.

Жители Алтайского округа и г. Барнаула направляли в составе транспортов общества и частные адресные посылки своим родным и близким, воевавшим в полках действующей армии. Такие посылки направлялись командиру 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка полковнику С. Ф. Добротину, капитану В. Я. Дмитриеву, подпоручику А. Дуккуль, священнику Н. Слободскому. В пятом транспорте, направленном из г. Барнаула, в 61 ящике помещалось 10 таких посылок, адресованных воинам других полков. Среди получателей были: 2-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Егор Яковлевич Феденев, 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Дмитрий Федореев и другие. Несомненно, был очень обрадован и Алексей Хохряков из 2-го пехотного сибирского Читинского полка, получив посылку от неизвестной.

В 1904 г. в составе транспортов братьям-воинам было направлено 3 комплекта госпитального имущества на 150 человек, большое число рубах, кальсон, портянок, полотенец, святых икон и крестиков, конвертов, ручек, карандашей, сухарей. Было там и 5 гармоний.

Собранные пожертвования позволили местному управлению устроить и оборудовать госпитали на 240 кроватей, содержать и лечить в них больных и раненых. Для перевозки раненых вверх по р. Оби от станции Обь сибирской железной дороги до г. Барнаула был устроен плавучий лазарет – баржа на 60 человек. В г. Барнауле было оборудовано 2 лазарета на 100 и 50 кроватей. Один лазарет на 30 кроватей в г. Ново-Николаевске. Томский купец Владимир Александрович Горохов

изъявил желание открыть и оборудовать на свои средства в с. Бердском лазарет и взять на себя все расходы по содержанию больных, раненых и медицинского персонала.

29 августа 1904 г. Барнаул на пристани торжественно встречал первых больных и раненых воинов в количестве 62 человек. Была прекрасная погода. При громадном стечении народа протоирей Анеподист Завадовский отслужил благодарственный молебен и обратился к воинам с ободряющим словом. В госпитале председательница комитета Красного Креста Юлия Августовна Пранг встретила воинов с хлебом-солью. Члены Дамского комитета Общества ежедневно посещали раненых в госпитале и «одежали их предметами, не относящимися к больничным рационам».

С 29 августа 1904 г. по 1 января 1905 г. в Барнаульском госпитале проходило лечение 180 воинов, 123 из которых были перевезены на лазарет-барже, 57 – на частных пароходах. Большое число раненых было перевезено на пароходе «Чулым», капитаном которого был Иван Иванович Потапов, один воин пришел в госпиталь пешком. В госпитале лечились и 17 воинов Барнаульского полка: ефрейторы Авдеев Захар Епифанович, Симонов Терентий Лукьянович, рядовые Аленцов Тимофей Степанович, Вяткин Федор, Даровских Пахом Елисеевич, Жилин Лукьян Петрович, Жуков Евтихий Петрович, Кириллов Кузьма Трофимович, Коровин Нестор Анисимович, Котовщиков Василий Поликарпович, Кузеванов Иван Петрович, Кузнецов Дмитрий Федорович, Кузнецов Нефед Прокопьевич, Кучка Максим Андреевич, Оксенов Андрей Никифьевич, Торопов Иван Герасимович, Шевелев Иван.

К 1 января 1905 г. в Барнаульском госпитале находились на лечении 3 человека. 138 воинам, завершившим лечение, местным управлением Российского общества Красного Креста была оказана помощь одеждой, продуктами для следования на родину или в войска.

С чисто женской нежностью и теплым участием члены Барнаульского комитета Российского общества Красного Креста провожали уезжавших на далекую войну земляков, встречали раненых и больных с фронта, проявляли всемерную заботу о них. Много сил и труда было положено ими в организацию сбора пожертвований для воинов-сибиряков. Вдали от Родины в каждом письме и получаемой посылке, в запахе родного «пшеничного хлебушка» Алтая воины чувствовали любовь и заботу своих земляков.

23 августа 1905 г. с заключением Портсмутского мирного договора война завершилась. Войска возвращались домой.

В январе 1906 г. IV Сибирский армейский корпус вернулся с театра военных действий и приступил к демобилизации. 31 декабря 1905 г.

прибыл на станцию Обь и 12-й Барнаульский полк. 6 января 1906 г. первые 9, 10 и 11 роты были направлены в г. Барнаул. Последовательно полк был свернут в 2-батальонный состав. 29 апреля штаб полка, 3 и 4 роты стали располагаться в г. Барнауле. 8 октября в город со станции Обь были передислоцированы первая и вторая роты.

Сердечно приветствовал героев и поздравлял их с возвращением командующий войсками Сибирского военного округа генерал-лейтенант Н. Н. Сухотин: «Вы честно и свято исполнили долг свой перед Россией... Выдающиеся подвиги храбрости, самоотвержения, запечатленные потоками крови, навеки записаны вами в боевую историю ваших полков, батальонов и батарей. На далеких полях Маньчжурии, среди неимоверно тяжелых испытаний, стяжали вы себе и себе частям неувядающую славу, оставив грозное воспоминание о себе у врагов и товарищескую память среди товарищей по боевым делам... Недаром далась вам слава, многие остались там, в Маньчжурии. Мир праху павшим за царя и Родину и вечная им память... вы унесете к своим семьям сознание свято исполненного долга и неоднократно засвидетельствованную царю и Родине; воспитывайте же и детей ваших такими же верными сынами Отчизны».

По данным Главного Штаба, за Русско-японскую войну 1904–1905 гг. 12-й Барнаульский полк потерял убитыми 9 офицеров и 161 нижний чин; ранеными и контуженными 38 офицеров и 1 189 нижних чинов; взяты в плен 1 офицер и 48 нижних чинов; умерло от ранений при частях войск, в лечебных учреждениях и в плену 36 нижних чинов. М. К. Соколовский приводит несколько отличные от вышеназванных цифры потерь: убитыми 9 офицеров и 160 нижних чинов; ранеными 26 офицеров и 1 149 нижних чинов; контужеными 4 офицера и 132 нижних чина; без вести пропали 1 офицер и 114 нижних чинов; всего 40 офицеров и 1 555 нижних чинов.

Воины полка с гордостью оглядывались на пройденный ими боевой путь.

За проявленные мужество, стойкость и отличия в боях с японцами в Барнаульском полку, по неполным данным, было вручено 130 орден: офицерам – 103, прапорщикам – 17, медицинским работникам – 9, священнику – 1.

Знаки отличия Военного Ордена получили: 4-й степени – 505 человек, 3-й степени – 36 человек, 2-й степени – 4 человека, 1-й степени – 1 человек.

В списки полка зачислены Высочайшим повелением: 1 января 1907 г. генерал-майор С. Ф. Добротин, 28 января 1907 г. в награду за доблестное командование бывший командир IV Сибирского армейского корпуса генерал-адъютант, генерал от инфантерии Н. П. Зарубаев.

1 августа 1910 г. 12-й Барнаульский полк совместно с 11-м Семипалатинским полком вошли в состав 44-го сибирского стрелкового полка, штаб которого был размещен в г. Омске. Позднее полк принял участие в Первой мировой войне.

Какова дальнейшая судьба храброго и мужественного первого командира 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка Сергея Федоровича Добротина? Участник Первой мировой войны 1914–1918 гг.; генерал от инфантерии (6 декабря 1915 г.); начальник 44-й пехотной дивизии; командир 33-го армейского корпуса. Инспектор стрелковой части в войсках с 14 сентября 1915 г. За участие в боевых действиях награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени, орденом Белого Орла с мечами, орденом Святого Владимира 2-й степени с мечами, орденом Святой Анны 1-й степени, орденом Святого Станислава 1-й степени и другими наградами. 20 февраля 1915 г. удостоен Георгиевского оружия, украшенного бриллиантами. С увольнением с военной службы в феврале 1918 г., дальнейшая судьба С. Ф. Добротина пока неизвестна. По некоторым свидетельствам, он умер в эмиграции.

Завершить свое повествование мне хотелось бы словами историографа полка М. К. Соколовского: «Своей стойкостью и мужеством полк стяжал себе громкую военную славу, заработал Георгиевское знамя и выдвинул себя в ряд лучших боевых полков великой русской армии. Да не умрет этот воинский дух барнаульцев и да останется почетным их имя в русской военной истории на долгие, на вечные времена!..»

И прав был император Николай II, обращаясь к воинам армии и флота, честно исполнившим свой долг перед Отечеством: «...Беззаветным мужеством вашим Отечество всегда будет гордиться».

15 августа 1908 г. в день освящения Георгиевского знамени в приветственном адресе г. Барнаула полку, жители города выразили свою любовь и чувства к воинам «...мы, граждане города Барнаула, гордимся нашим полком...» По ходатайству жителей города, улица Коряковская была переименована в Полковую (ныне Партизанская). Имя Барнаульского полка носила и городская площадь напротив полкового Никольского храма.

В войне с Японией (1904–1905 гг.) Россия потерпела тяжелое поражение. Но российский солдат честно выполнил свой долг перед Отечеством. Непобедимой осталась его духовная мощь. Его упорством, храбростью и презрением к смерти восхищался весь мир.

В 2004 г. 24 июля мы будем отмечать 100-летие ратного подвига нашего родного 12-го Барнаульского полка при Дашичао. Наши предки честно и свято исполнили свой долг перед Отечеством. Не их вина, что война оказалась проигранной. Они герои, живые и павшие! И их подвиг достоин славы и памяти потомков.

Ю. А. КРЕЙДУН

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ

Деятельность Русской Православной Церкви на окраинах Российской Империи ознаменована самоотдачей и самопожертвованием ряда настоящих подвижников веры. Несмотря на ряд правительственных решений в области политического и хозяйственного освоения окраинных земель, частью которого было и распространение православия среди коренных народов, миссионерство было уделом лишь немногих пастырей, способных в ущерб своему здоровью, материальному благополучию трудиться ради просвещения жителей далеких краев. Казенные средства, отпускаемые на миссионерские цели, были скудны; на них нельзя было не только строить храмы, но и подчас содержать семьи миссионеров.

Начиная с основания Алтайской миссии, деятельность миссионерских учреждений (станы, школы, больницы) большей частью обеспечивалась за счет добровольных пожертвований. Развитие того или иного миссионерского направления во многом определялась личностью начальника Алтайской духовной миссии. В соответствии с хронологией их служения можно выявить характерные периоды развития миссионерской деятельности в Горном Алтае, создания ее организационной структуры.

Миссия при архимандрите Макарии, 1830–1844 гг.

Чрезвычайно сложным был первый период – основание Миссии архимандритом Макарием (Глухаревым). Отправляясь в далекий Алтай, основатель Миссии отказался от материального вознаграждения за свои миссионерские труды. Единственным стабильным источником дохода была его магистерская стипендия в 350 р. в год, но скудость средств не стала препятствием для проповеди Евангелия.

В течение первого года пребывания на Алтае, архимандрит-миссионер, объезжая инородческие селения и казачьи редуты, подбирал место для первого миссионерского стана. Таковым стал улус Найминский (Майминский) в устье реки Майма. Место очень живописное и удобное в транспортном отношении, поскольку это селение находится

на развилке путей в восточном и южном направлении. Миссионерский стан при архимандрите Макарии представлял собой помещение для походной церкви и несколько изб для жительства миссионера и причетников. За четырнадцать лет пребывания архимандрита Макария в должности начальника Миссии было заведено три миссионерских стана: в Майме (1831 г.), Улале (1834 г.) и Мыпоте (1839 г.). Однако постоянно действующим был только один из них – Улалинский, который ко второй половине 1830-х гг. стал центральным. Богослужения при архимандрите Макарии совершались в обычных домах или избах. Алтарная часть от остального помещения отделялась раскладным походным иконостасом. В 1838 г. «новокрещенные инородцы и другие православные христиане, живущие в Улалинском селении построили настоящую церковь». Наибольшие пожертвования на ее строительство внесли купец третьей гильдии Андрей Михайлович Шустин (334 р. 92 к.) и «инородец» Карп Еремеевич Парасев (323 р. 55 коп). Размеры первой Улалинской церкви составляли около 15 аршин в длину и восьми аршин в ширину (10,5 м на 5,6 м). Освящена она была в честь Всемилостивого Спаса, согласно антиминсу, находившемуся в миссии. Фактически, первый храм Горного Алтая представлял собой вид скромного молитвенного дома.

У основателя Алтайской миссии не было возможности вести значительные постройки. Тем не менее, он начал строительство каменного храма в Майме – первого каменного здания в Горном Алтае. (Это здание в перестроенном виде сохранилось до наших дней.) Основная же заслуга преподобного Макария не просто в крещении инородческого населения Горного Алтая, а в создании условий для полноценной церковности в среде новокрещеных. О. Макарий начал прививать инородцам глубокую веру; первые христиане-алтайцы восприняли непривычный для них оседлый образ жизни, включающий в себя весь комплекс церковных правил и обычаев. Новокрещенные христиане – воспитанники архимандрита Макария – на многие годы сохранили память о своем первом духовном наставнике – «незабвенном», как называли его. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что в год пятидесятилетнего юбилея миссии (1880 г.) в Макариевском миссионерском стане, названном в честь преподобного Макария, инородец Софроний Чендеков построил за свой счет новый храм. С. Чендеков был крещен основателем миссии.

Архимандрит Макарий от новокрещеных требовал строгого исполнения церковных правил: соблюдения постов, регулярного говения (исповеди и причастия) и посещения церковных богослужений. Вникал миссионер и образ жизни новокрещеных. Воспитывал навыки ведения домашнего хозяйства как у мужчин, так и у женщин. Но особенно значимым средством создания крепких христианских семей был «институт»

восприимчивости. О. Макарий не совершал крещения инородцев без крестных (восприимников). Причем, к самим восприимникам были очень высокие требования. В случае, если новокрещеный, взрослый или ребенок, оказывались бездомными (вследствие того, что новокрещеного могли выгнать из дома некрещеные родственники, вследствие сиротства или другого несчастья) восприимники должны были брать крестника к себе в дом. Со своей стороны архимандрит Макарий оказывал таким семьям материальную помощь: покупал скот, помогал строить избы.

Таким образом, первый период деятельности Алтайской духовной миссии заключался в становлении и утверждении церковного образа жизни инородцев, налаживании духовного родства и общения. Архимандрит Макарий «положил твердое основание святой и животворной веры на Алтае, обратив ко Христу и научив истинному благочестию 675 душ алтайцев».

Преемником архимандрита Макария в должности начальника миссии был его ученик протоиерей Стефан Ландышев, который прослужил с о. Макарием восемь лет.

Миссия при протоиерее Стефане Ландышеве, 1844–1865 гг.

При втором начальнике Алтайской миссии сохранялось строгое отношение к вопросу принятия крещения. И хотя массовых крещений не совершалось, число новокрещеных постепенно увеличивалось. А значит, следовало больше внимания уделять обустройству быта новокрещеных, особенно организации мест компактного их проживания. Соседство с некрещеными вызывало часто большие психологические трудности, а также ставило под удар возможность исполнения церковных правил в обыденной жизни. На почве религиозного разногласия иногда происходили конфликты.

Отец Стефан очень много ездил как по населенным территориям, так и по пустынным районам. Крестил, совершал богослужения. Второй начальник миссии положил традицию – воздвигать миссионерские кресты в особых местах. Таковыми, например, были места, где совершалась литургия (2, с. 188). Кроме того, судя по письмам протоиерея Стефана, кресты были установлены на северной и южной оконечностях Телецкого озера.

Но наиболее значимым делом протоиерея Стефана было заведение миссионерских селений. Инициатива в этом деле принадлежала как самому миссионеру, так и местным новокрещеным алтайцам.

Когда стали принимать св. крещение калмыки и татары, кочующие в отдаленных краях Алтая, переселение их оказалось слишком затруднительным. И потому, «по мере средств и умножения сотрудников, миссия начала заводить новые заселения новокрещеных среди кочевьев

их соплеменников, устроая в некоторых из них станы миссии, для постоянного пребывания сотрудников миссии, а в некоторых домики, для временного пребывания и совершения богослужения, стараясь поселять там с новокрещеными давно крещеных инородцев и всегда избирая для таких заселений места соответственные, как потребностям жителей, так и требованиям и разным нуждам службы миссионерской» (3, с. 283). Таковых селений в первой половине 1850-х гг. было заведено около десяти.

Существует мнение, что практика создания миссионерских селений носила насильственный характер. Но это не так. Вот как описывается этот процесс в дореволюционном путеводителе по Алтаю. В местности, где впоследствии образовалось селение Тюдрала, новокрещеный инородец попросил миссионера поставить православный крест. Рядом была срублена изба. Здесь поселился инородец. Вскоре на добровольной основе к нему стали присоединяться другие новокрещеные инородцы. Позднее было принято решение, чтобы не возникла опасность обратной ассимиляции крещеных и некрещеных, запретить селиться некрещеным в радиусе пяти километров от креста (4, с. 129).

Практика создания новых селений для новокрещеных инородцев имела большое воспитательное значение. Здесь миссионеры приучали кочевников к оседлому образу жизни, строительству изб, огородничеству, пчеловодству; женщин приучали к ведению домашнего хозяйства. Расселение в миссионерских селениях носило добровольный характер. Так, в начале 1860-х гг. всего христиан-алтайцев было около 5 тыс. человек, а приученных «к оседлости и расположенных к трудолюбивой жизни около 3 200 душ» (1, с. 5).

За время начальствования протоиерея Стефана в ведении миссии оказалось 22 селения новокрещеных. Большая часть этих селений была заведена вторым начальником миссии.

Вместе с созданием селений строились храмы, молитвенные дома, открывались новые миссионерские отделения-станы. Если при архимандрите Макарии был один постоянно действующий миссионерский стан, то к середине 1860-х гг. существовало уже восемь отделений: Улалинское, Мыютинское, Чемальское, Макарьевское, Черно-Ануйское, Кузнецкое, Кебезеньское, Урсульское.

До конца своих дней протоиерей Стефан Ландышев оставался в миссии и был похоронен в 1874 г. у алтаря Улалинского храма Всемилостивого Спаса.

Миссия при архимандрите Владимире (Петрове), 1865–1883 гг.

При третьем по счету начальнике миссии, архимандрите Владимире (Петрове) процесс образования новых селений и станов продолжался.

В частности, были открыты Чуйский, Чулышманский и Мрасский станы Алтайской миссии. Однако, более значимая заслуга архимандрита Владимира – это строительство новых церковных зданий.

Только в 1870–1874 гг. его «попечением» были построены церкви в с. Чопош, с. Мыюта, с. Катанда и с. Александровское. В 1872 г. в Улале закончилось строительство дома для начальника миссии, в мезонине которого располагалась домовая церковь во имя св. Иннокентия.

Но самой значительной стройкой этих лет явилась новая церковь в центре миссии – Улале. Проблема строительства нового более просторного здания возникла уже давно – старое обветшало, требовало постоянного ремонта да и размеры были слишком малы и не соответствовали его статусу. После пожара, уничтожившего старую церковь, начальник миссии срочно взялся за строительство храма в Улале. Основные расходы на возведение храма взяло на себя Православное Миссионерское общество и Пресвященнейший Иннокентий, митрополит Московский. Неимение квалифицированных специалистов и состоятельных строителей-подрядчиков, а также необходимость жестко экономить средства вынудили начальника миссии самому руководить стройкой. Подрядчиком стал простой плотник Архип Борзенков, уже имевший опыт строительства небольшой церкви в с. Мыюта. Место для храма было выбрано в центре селения, неподалеку от впадения р. Улалы в р. Майму. Однако возникла опасность, что реки могут изменить русло и повредить будущему зданию. В связи с этим архимандрит Владимир с несколькими рабочими начал «копать канавку»; к ним присоединились жители – вскоре было расчищено новое русло для реки и построена плотина (5, с.15–16).

В Горном Алтае не хватало не только рабочих рук, но и архитектурно-инженерных кадров. Это брешь также устранил разносторонне одаренный человек – архимандрит Владимир. Планы многих церквей, построенных в то время, были начерчены лично им.

При архимандрите Владимире получили развитие традиции православного монашества. К началу 1880-х гг. Улалинская женская община была преобразована в женский миссионерский монастырь. Большую поддержку третий начальник миссии оказывал и мужской обители в устье р. Чулышман.

Наиболее серьезный фактор в храмоздательстве был, несомненно, материальный. Архимандрит Владимир, активно участвуя в создании Православного Миссионерского общества, смог существенно увеличить финансирование Алтайской миссии. Это позволило не только построить более десятка храмов по Горному Алтаю, но и возвести первый архиерейский дом с церковью в Бийске. С 1880 г., когда архимандрит Владимир (Петров) стал викарным епископом, резиденция начальника

Алтайской духовной миссии была перенесена в Бийск. Посильную помощь храмостроительству на Алтае преосвященный Владимир продолжал оказывать даже будучи далеко от Алтая в сане епископа Томского, затем – Ставропольского, затем – архиепископа Казанского. Он был первым жертвователем на строительство прекраснейшего каменного собора в Улалинском женском монастыре (1893–1897).

Таким образом, третий период существования Алтайской духовной миссии ознаменован активным храмостроительством на всей Горного Алтая. Столь плодотворная деятельность третьего начальника Миссии стала возможна во многом благодаря его личным качествам: «В общении со служащими в миссии о. архимандрит Владимир был строг, как начальник, но милостив, как отец» (6, с. 22).

Миссия при епископе Макарии (Невском), 1883–1890 гг.

Будущий святитель Макарий (Невский) прибыл в Алтайскую миссию в качестве рядового сотрудника в 1855 г. Таким образом, он подобно протоиерею Стефану Ландышеву стал воспитанником миссии. На первых порах, будучи учителем, катехизатором и переводчиком, он на деле увидел необходимость просвещения в среде коренного алтайского населения. Он вникал буквально во все проблемы налаживания педагогического процесса.

С 1870 г. он стал заведующим Центральным миссионерским училищем. Тогда оно было переведено в Чопош. С 1875 г. о. Макарий был переведен в Улалинский стан и назначен помощником начальника Миссии. Вместе с игуменом Макарием в Улалу было возвращено и Миссионерское училище. А еще через восемь лет (в 1883 г.), когда о. Макарий был хиротонисан во епископа Бийского и назначен начальником миссии, выпускники Центрального Улалинского миссионерского училища были переведены в Бийский архиерейский дом, где по инициативе нового начальника было создано Миссионерское катехизаторское училище. Это было продиктовано желанием святителя Макария утвердить на Алтае проповедь и богослужение на языке местных жителей. Целью этого училища была подготовка «чтецов, миссионерских сотрудников, учителей и духовенства среди алтайцев» (7, с. 292). В 1890 г. на правительственном уровне был утвержден устав катехизаторского училища.

Одновременно с устройством училища стоял вопрос о создании системы школьного образования при миссионерских станах. Это совпало по времени с выходом распоряжения императора Александра III, согласно которому духовенству предписывалось активное участие в распространении грамотности среди народа. За период с 1883 по 1891 г. при миссионерских станах были организованы более десяти школ грамоты.

Помимо школьного образования, доступного только детям, епископ Макарий вменил в обязанности миссионеров «народные просветительные чтения». Причем, начальник миссии в этой работе подавал миссионерам личный пример. При его резиденции в Бийске такие чтения были установлены дважды в неделю.

Святитель оказывал большую помощь миссионерским школам, особенно тогда, когда стал митрополитом Московским. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа в сентябре 1916 г. писал, что «все заботы Вашего Высокопреосвященства я помню и свято храню» и «пока я Ваши молитвами останусь на своем посту, на Алтае все будет в соответствии с Вашим желанием и отеческим указанием» (8, л. 119 об.). Большим авторитетом владыка Макарий пользовался и среди учителей. За его многочисленные труды по благоустройству школ миссии была даже открыта «школа имени митрополита Макария... в заречной части села Улалы» (9, л. 76 об.). Даже Чемальская женская община на заре своего существования (в нач. 1890-х гг.) хотела носить его имя, но Святитель смиренно отказался: «если же назвать ее нужно, то отнюдь не моим именем при жизни моей...» (10, л. 2). В начале XX века благодаря св. Макарию в Чемале были открыты женские учительские курсы.

Много было сделано для постановки планомерного педагогического процесса. Обращаясь к миссионерам и учителям, епископ Макарий указывал, что для ученика, прежде всего, важно духовное воспитание и образование «с преобладанием духа истинного христианства» (11, л. 17–18 об.). В 1886 г. им были разработаны «Инструкция для учителей миссионерских школ» и «Советы для миссионеров Алтайской и Киргизской миссии» (12, л. 1–12 об.). Нужно отметить, что некоторые положения из них актуальны теперь, и могут быть использованы в настоящее время в православных учебных заведениях.

По примеру третьего начальника миссии епископ Макарий продолжал церковное строительство. При нем были расширены пределы Алтайской миссии (открыто Бачатское отделение, находящееся в Кузнецком округе), увеличено число миссионеров-священнослужителей, часть из которых были уроженцами Горного Алтая. Как правило, в каждом новом стане заводились храм и школа.

Таким образом, при всей многогранной деятельности святителя Макария на посту начальника Алтайской духовной миссии, главным его вкладом в дело миссионерства на Алтае было создание системы образовательных учреждений. Это наиболее характерная черта четвертого периода истории миссии.

Дальнейшая история Алтайской миссии (1891–1919 гг.) протекала по ранее отработанным принципам. К началу 1890-х гг. была сформирована разносторонняя система миссионерских учреждений. Тем не менее,

каждый начальник Алтайской духовной миссии оставил свой незабываемый след в ее истории.

Епископ Владимир Синьковский (1891–1893 гг.) – достроил и освятил просторный домовый Казанский храм в резиденции начальника Алтайской миссии.

Епископ Мефодий Герасимов (1894–1898 гг.) – начал строительство нового корпуса Миссионерского катехизаторского училища, освятил домовый Иоанно-Богословский училищный храм.

Епископ Сергей Петров (1899–1901 гг.) – продолжал обширные постройки в Бийском Архиерейском доме и катехизаторском училище.

Епископ Макарий Павлов (1901–1905 гг.) – продолжал благоустройство миссионерских станов.

Епископ Иннокентий Соколов (1905–1919 гг.) – сохранил и расширил систему миссионерских учреждений при постоянных материальных трудностях, связанных с революционными событиями в России.

С наступлением революционных перемен судьба миссионерских храмов, в целом, не отличалась от участи других православных храмов. Даже после закрытия Алтайской духовной миссии, в 20-е гг. миссионеры продолжали свое служение. Только с началом периода активного богоборчества и репрессий, в середине 1930-х гг. на территории Горного Алтая были закрыты все миссионерские и приходские храмы.

Источники

1. Алтайская духовная миссия. М., 1864.
2. Памятник трудов благовестников русских с 1793 до 1853 года. М.: Тип. В. Готье. 1857.
3. Известия из церковной Алтайской миссии. (Сообщены начальником миссии протоиереем Стефаном Ландышевым московской Спиридоновской церкви священнику Н. Лаврову, 1857 года.)
4. Путеводитель по Алтаю. Составитель Н. В. Яблонский. Томск, 1903.
5. Отчет об Алтайской Духовной Миссии за 1875 г. Томск, 1876.
6. Священник Василий Ландышев. Воспоминания о Высокопреосвященнейшем Владимире, Архиепископе Казанском и Свияжском, бывшем начальнике Алтайской и Киргизской миссии. // Томские Епархиальные Ведомости. 1900. № 21. Отд. миссионерский.
7. Пятьдесят лет священнослужения Высокопреосвященнейшего Архиепископа Томского Макария. // Православный благовестник. 1911. № 7.
8. ЦХАФ АК Ф. 164, Оп. 2, Д. 102.
9. ЦХАФ АК Ф. 164, Оп. 2, Д. 113.
10. ЦХАФ АК Ф. 164, Оп. 1, Д. 52.
11. ЦХАФ АК Ф. 164, Оп. 1, Д. 136.
12. ЦХАФ АК Ф. 164, Оп. 2, Д. 4.
13. ЦХАФ АК Ф. 164, Оп. 1, Д. 5.

А. В. КОНТЕВ ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В XVIII ВЕКЕ

Особенности организации медицинской службы на территории края

Специфика развития системы медицинского обслуживания на территории Алтайского края в XVIII в. заключалась в том, что на территории Верхнего Приобья в этот период были представлены три системы управления: гражданская (поскольку территория края входила в состав Сибирской, позже – Тобольской и Колыванской губерний), военная (на территории Верхнего Приобья и Обь-Иртышья располагались укрепления Иртышской, Старо-Колыванской и Колывано-Кузнецкой оборонительных линий), горно-заводская (ведомство Колывано-Воскресенских заводов). Каждая из этих систем предполагала наличие своих медицинских учреждений, но включалась в единую систему управления здравоохранением в России.

Всей медицинской службой в государстве ведал Аптекарский приказ в Москве, функции которого в 1716 г. были переданы специально созданной Аптекарской (с 1725 г. – Медицинской) канцелярии, располагавшейся в Петербурге. Канцелярия ведала всеми госпиталями и аптеками в государстве, к тому же все врачи, независимо от того в гражданской или ведомственной структуре они работали, подчинялись этому учреждению (только она давала разрешение на врачебную практику) [1].

Законодательную базу медицинской службы в государстве составил «Генеральный регламент о госпиталях», принятый в 1735 г. [2] В нем закреплялся порядок работы врачей в госпитале, а также определялась система медицинской службы. Например, впервые законодательно устанавливалось, что все врачи, включая военных, помимо финансово-экономического подчинения органам своего ведомства, в медицинском отношении подотчетны только Медицинской канцелярии. Четко определялась «Регламентом» система чиновничества: во главе госпиталя стоял главный лекарь (штаб-лекарь), ему помогали лекари и подлекари

лазаретов. В документе особо подчеркивалось, что госпиталь является не только лечебным, но и учебным заведением, поэтому при каждом крупном госпитале полагалось создавать госпитальную (медико-хирургическую) школу.

Коллегиальная система управления медицинской службой России была введена лишь 12 ноября 1762 г., когда вместо единоличного управления (архиатрства¹) была учреждена Медицинская коллегия. Первым президентом ее стал барон Алексей Иванович Черкасов [3], сын бывшего кабинет-секретаря Елизаветы Петровны И. А. Черкасова².

Гражданская система медицинского обслуживания

Гражданская система медицинского обслуживания всегда вызывала наиболее пристальное внимание центральных властей и несмотря на это являлась наиболее неразвитой в государстве. Уже в 1712 г. Петр I повелел «во всех губерниях учредить для престарелых и увечных гошпитали, а также для подкормления и призрения незаконно рожденных младенцев» [4]. Как видим, такие губернские госпитали должны были выполнять в большей степени социальные, а не врачебные функции. Лекари в таких учреждениях, судя по всему, вообще не предполагались [5].

После учреждения системы магистратов, этим органам городского самоуправления предписывалось строить «земским иждивением... гошпитали... ради призрения сирых, убогих, больных и увечных, и для самых престарелых людей обоего пола» [6], однако, реально эти требования повсеместно не выполнялись. Официально городских врачей стали назначать только с 1737 г. и только в так называемые «знатные города» – губернские центры. Однако даже во второй половине 1750-х гг. из 56 полагавшихся по штату городских врачей в России было назначено лишь 26 [7].

Медицинские учреждения гражданской (губернской) системы в Сибири XVIII в. были наиболее малочисленны и появились лишь в середине века. Как отмечают исследователи, первый городской врач Сибири появился лишь в 1741 г. в Иркутске, им был немец И. Х. Вакссман [8]. В ноябре 1763 г. в Тобольске была учреждена первая в Сибири казенная аптека и «оспенный дом». При ней, помимо аптекарей, полагалось иметь доктора и штаб-лекаря. Первые в столице Сибири губернский

---

¹ Архиатр (от греч. *archi* – главный, старший и *iatreia* – лекарь) – главный медик страны. Архиатрство введено в 1716 г. Петром I.

² Барон Александр Иванович Черкасов сын кабинет-секретаря Елизаветы И. А. Черкасова, в 1760-е гг. разработчик реформы развития медицины в России. В 1763–1775 г. первый президент Медицинской коллегии (Мирский М. Б. Медицина России XVI–XIX веков. М., 1996. С. 124).

врач Фридрих Баад и штаб-лекарь Иван Гибовский начинают работать с 1764 г. [9]. В Верхнем Приобье в середине XVIII в. не было практически ни одного гражданского лекаря. Характерно, что даже сам томский воевода в 1760 г. приглашал в город врача Кольваново-Воскресенских заводов из-за отсутствия местного лекаря [10].

Существенные изменения в системе местной организации медицинской службы происходят в 1770–1780-х гг., когда в соответствии с губернской реформой 1775 г. при каждом губернском правлении полагалось иметь Приказ общественного призрения. Несмотря на то, что эта структура относилась к судебным органам власти, одной из ее главных задач была социальная и медицинская помощь бедным и нуждающимся (приглашать лекарей, создавать аптеки и больницы, дома для сумасшедших и неизлечимых) [11]. В соответствии с императорским указом, в созданной в 1779 г. Кольванской области (позже губернии) под председателем Б. Меллера был создан такой Приказ. Он являлся совещательным органом, собираемым один раз в год, и выполнял лишь функцию надзора. Непосредственное заведывание социальными учреждениями вверялось особым лицам по назначению Приказа [12].

Уже через полгода после принятия дел в Кольванской области, Меллер отмечал необходимость организации здесь медицинской службы. Причиной такого беспокойства стала очередная эпидемия оспы («ветроносной язвы»), свирепствовавшей в Кольванском, Бийском и Семипалатинском уездах [13]. Для привлечения желающих 6 июня 1782 г. был принят специальный указ, предусматривающий двойную оплату доктору [14].

В 1783 г. при образовании наместничеств власти предписали в каждом губернском и уездном городе иметь больницу. Несмотря на то, что столицей Кольванской губернии в 1783 г. был назначен Бердский острог, переименованный в город Кольвань, сам губернатор и все губернские учреждения располагались в поселке Барнаульского завода. Специально данным вопросом нам заниматься не приходилось, однако, можем с уверенностью утверждать, что ни аптеки, ни больницы в Кольванской губернии так и не было создано. Даже в 1797 г. (когда территория Кольванской губернии была отнесена к Тобольской губернии) на запрос Медицинской коллегии Тобольское губернское правление ответило, что в губернии нет ни одной гражданской больницы (хотя городской врач в Тобольске имелся уже с 1760-х гг.) [15]. В это время кольванским губернским лекарем («сибирского наместничества инспектор и доктор») был Георг Сигезмундович Рихтер, живший в поселке Барнаульского завода. После расформирования Кольванской губернии он уехал в г. Симбирск [16].

Медицинские учреждения вооруженных сил

В основе военного медицинского обслуживания лежала сеть полковых госпиталей. В. Н. Татищев в составленном им словаре русского языка («Лексиконе российском») дал следующее определение слову госпиталь: «Так ныне называются больница и богодельня, каковые устроены для немощного солдатства... Госпитали устроены по всем гарнизонам» [17].

В основе деятельности военных медиков лежал Воинский устав 1716 г. (его медицинская часть). По нему во всех армейских частях создавалась медицинская служба: в штате генералитета каждой дивизии определялись должности доктора и штаб-лекаря; в каждом полку надлежало быть полевому лекарю, ему помогали цирюльники, которых полагалось иметь в каждой роте. В Уставе особо оговаривалось, что фельдшеров надо употреблять «не только для одного солдатского бритья..., но и учить их аптекарскому делу, и чтоб со тщанием ходили за больными и ранеными». Специально для армии создавалась своя аптечная служба: во главе находились две центральные аптеки (при походной канцелярии и инфантерии), а при каждой дивизии своя походная аптека с аптекарем и аптекарскими гезелями [18].

Именно Воинский устав определял ведомственную систему финансирования медицинского обслуживания. По своей специфике она близка так называемой «страховой медицине», поскольку из жалования каждого офицера и солдата вычитался определенный процент на медицину и госпитали (по 2,5 копейки с рубля), но за медицинское обслуживание больной уже ничего не платил. Лекари должны были «лечить всех в войске пребывающих от вышних даже и до нижних без платежа» (этот же принцип действовал и в горнозаводской медицине). Врачи получали жалование в соответствии со статусом по «Табели о рангах» 1722 г., но в большинстве своем их ранги не превышали уровень младших офицеров [19].

Несмотря на строгую регламентацию, еще в середине 1720-х гг. в Тобольском гарнизоне не имелось своего врача, военные власти писали по этому поводу: «да за разными болезнями отпущены в дома до вылечки на год, понеже лечить некому, при гварнизоне лекарей нет» [20]. Первый военный госпиталь в столице Сибири – Тобольске – появился лишь в 1735 г. Лечебница была рассчитана всего на 20 коек, при госпитале существовала аптека [21].

Формирование армейской медицинской службы на территории края связано со строительством здесь первых крепостей Белоярской (1717 г.) и Бийской (1718 г.). Безусловно, хотя бы в одной из этих крепостей должен был находиться медик. Однако ни по архивным, ни по

литературным источникам указаний на это пока не встречено. После формирования в 1720-е гг. Иртышской оборонительной линии в Омской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостях начинают работать гарнизонные лекари [22]. В верхнеобских и иртышских крепостях располагались иррегулярные силы (казаки), поэтому, возможно, до середины 1740-х гг. здесь не было четкой системы медицинского обслуживания, присущей регулярным армейским соединениям. В 1745 г. в Сибирь, в том числе и в Верхнее Обь-Иртышье, были введены полки регулярных войск [23]. Часть солдат разместились в поселках Кольвано-Воскресенского и Шульбинского заводов, а также в других населенных пунктах современного Алтайского края. По архивным документам известно, что военный лекарь находился на Кольвано-Воскресенском заводе – тогдашнем центре горного ведомства [24]. В крепости Змеевского рудника имелся цирюльник [25]. Бесплатное лечение получали только солдаты и офицеры, заводские и горные работники могли лечиться бесплатно лишь у своего врача.

С середины 1760-х гг. на территории Обь-Иртышья начинается строительство Кольвано-Кузнецкой оборонительной линии, протянувшейся от Усть-Каменогорска до Кузнецка через Бийск. Несмотря на обилие укрепленных пунктов, практически нигде, кроме Бийска и Кузнецка, врачей не имелось. Важно отметить, что в этом отношении наша линия, относившаяся к 6 департаменту крепостей, отличалась от других департаментов России [26]. Здесь даже на этапе проектирования крупных укрепленных пунктов (фортов, крепостей) практически нигде не планировалось строительство госпитальных заведений. Для «пользования больных нерегулярных команд, находящихся на сибирской границе» (казаков) в 1760 г. были направлены лекарь и два подлекаря. Первому полагалось годовое жалованье в 180 р., не считая трех рационов и оплаты денщика, а подлекарям – по 120 р. Эти расходы, как и оплата отпускаемых Медицинской канцелярией медикаментов, возлагались на Сибирскую губернию [27].

В 1764 г. на территории горного ведомства было создано особое военизированное подразделение – Кольвано-Воскресенский горный батальон, состоявший из 4 рот. По штату в каждой роте имелся цирюльник. Кроме того, при батальонном штабе первоначально предполагалось иметь фельдшера, однако, судя по всему, эта должность так и не была введена. Солдаты и офицеры батальона в Барнауле лечились у медиков заводского ведомства [28], лишь на Кольвано-Воскресенском заводе в 1760-е гг. имелось два лазарета – один для солдат, второй для заводских служащих [29].

Горнозаводская медицина

Помимо военного, на территории края располагалось ведомство Колывано-Воскресенских заводов. Система медицинского обслуживания работников горно-металлургических предприятий первой сформировалась на Урале и уже затем была перенесена на все остальные горные районы страны.

Уже в начале XVIII в. при формировании уральского промышленного комплекса, государство пыталось как-то регламентировать систему медицинского обслуживания на частных предприятиях. В 1702 г. «Урочные статьи» по передаче в собственность Никиты Демидова первого на Урале, Невьянского, завода предписывали ему «строить при заводах церкви, деткам школы, а больным больницы» [30]. Однако это предписание так и не было выполнено. Первые больницы начали появляться на уральских заводах только с развитием там казенного металлургического комплекса.

При каждом горном начальстве полагалось иметь врача и госпиталь. Столичная Берг-коллегия требовала: «...Ежели кто из заводских служителей и мастеровых и работных людей заскорбят какой ни есть болезнью, дабы безвременно мастеровые люди от болезней не умирали – иметь при сем лекаря» [31].

Развитие системы медицинского обслуживания на казенных заводах Урала приходится на середину 1730-х гг., когда во главе Сибирского горного начальства вновь был поставлен Василий Татищев (прибыл в Екатеринбург осенью 1734 г.). Практически все врачи горного ведомства были иностранцами, работавшими по контракту. Так, в мае 1734 г. «для пользы содержания больных на заводах множественного народа и для содержания и ведения вновь медикаментов» был заключен контракт на три года с медиком «великобританского подданства» Якобом Грифом (Гриве) [32]. Тогда же врачом на 4 года был принят «лекарь из имеющихся при кадецком корпусе подлекарей Эвергарт Симонсон» (в другом документе назван «лекарь Лаврентей Сименс»). Я. Гриф получал в год 600 р., а Сименс 197 р. 10 к. Аптекарем в это же время в Екатеринбурге был «голштинский уроженец» Генрих Тамм. Штаб-лекарем, то есть главным врачом горного ведомства являлся также иностранец Яган Спринцель [33].

Новый начальник сибирских заводов В. Н. Татищев попытался внедрить в частную горнопромышленность элементы системы медицинского обслуживания, существовавшей на казенных заводах. Он предписал всем промышленникам: «Ежели которой мастер занеможет, то осматривать самим управителем, и ежели подлинно явиться болезнь непритворная, но особливо огневая лихорадка и тому подобная, то давать

им, пока будут больны, на пропитание, как холостому, так и женатому, на день по три копейки» [34].

Такое вмешательство в частные дела промышленников вызвало серьезное сопротивление со стороны заводчиков. В своем коллективном прошении императрице Анне Иоанновне от 11 марта 1735 г. крупнейшие уральские предприниматели жаловались: «И до сего времени оногo платежа мастеровым людем никогда при партикулярных [частных. – А. К.] заводах не бывало и в том жалобы никакой ни от кого не происходило. А ... болезни и несчастья приключаютца по воли божию, а не по промышленничья неусмотрения» [35]. Власти посчитали, что поскольку на заводчиков со стороны самих рабочих никаких жалоб не поступало, требовать от них платы «за больные и прогульные дни» не следует [36]. В результате идея В. Н. Татищева на уральских демидовских заводах так и не была реализована.

Однако алтайские заводы А. Демидова оказались исключением. И не потому, что здесь Демидов, выполняя царские указы, все-таки решился организовать медицинское обслуживание. Дело в том, что в том же 1735 г. Кольвано-Воскресенские предприятия были взяты в государственное содержание, т. е. на них, как на казенные предприятия, стали распространяться требования государственных властей. На территории бывших демидовских заводов было создано государственное ведомство «Томского и Кузнецкого горного начальства».

Медицинское обслуживание на Кольвано-Воскресенских заводах

Первые врачи горного ведомства

В краеведческой литературе бытует мнение, что первый горнозаводской госпиталь был открыт в Барнауле в 1741 г. Впервые эти сведения были изложены И. Тыжновым в «Алтайском сборнике» в 1907 г. [37]. Эти данные были использованы в диссертации признанного специалиста по истории развития медицины в Сибири Н. П. Федотова (1950), после чего вошли практически во все работы по истории заводской медицины в Сибири [38]. Появились даже исследования, в которых уточнялось, что здание для этого госпиталя было построено по проекту «талантливого зодчего Попова», «его здание и поныне украшает Пионерскую площадь краевого центра» или что госпиталь имел 80 коек! [39]. Не будем отдельно анализировать эти нелепости, отметим лишь, что госпиталь по проекту Я. Н. Попова был построен в середине XIX в. и не имел никакого отношения к первой больнице Барнаула. (Подробно и достаточно жестко все эти ошибки прокомментировал в своей статье А. Д. Сергеев) [40].

Остановимся на 1741 годе, вошедшем во все энциклопедические и справочные издания как дата учреждения Барнаульского госпиталя [41]. Знакомство с работой И. Тыжнова и аргументами, изложенными в ней для обоснования даты, показывает, что речь идет об элементарной опечатке: Тыжнов указывает, что в 1741 г. А. Беэр пригласил в новоучрежденный госпиталь лекаря Цедеркопфа. Безусловно, обнаруженные исследователем документы относятся не к 1741-му, а к 1747 г. Так простая опечатка повлекла за собой целую серию тиражирования неверной даты, поскольку авторы на протяжении всего XX столетия просто переписывали работы своих предшественников без проверки этих данных по архивным документам.

Во время владения Кольвано-Воскресенскими заводами А. Демидовым здесь не было учреждено ни одного лечебного заведения, не работало ни одного лекаря. Исключение составил период 1735–1737 гг., когда алтайские предприятия по инициативе В. Татищева были взяты в государственную казну. Осенью 1734 г. на Кольвано-Воскресенские заводы с Урала была направлена команда горных специалистов во главе с майором Леонтием Угримовым. Прибыв на Алтай в феврале 1735 г., Угримов отстранил демидовских приказчиков от руководства предприятиями. После этого на юге Западной Сибири было создано Томское и Кузнецкое горное начальство, разместившееся на Кольванском заводе (в это время завод назывался «Томским»).

Когда Л. Угримов узнал о своем назначении на алтайские заводы Акинфия Демидова, он обратился в сибирское горное начальство с просьбой включить в формирующуюся горную команду лекаря или, «ежели не имеется свободного лекаря, хотя [бы] ученика Василия Сизикова» [42]. Выбор, сделанный Леонтием Угримовым и утвержденный горным начальством, привел к существенным переменам в жизни Василия Сизикова. Через несколько месяцев ему было суждено стать первым штатным медиком в истории Алтайского края.

Гезель (аптекарьский ученик) Екатеринбургского госпиталя В. Сизиков до отправления на Алтай работал при главном лекаре уральских казенных заводов Иоганне Иосифе Спринцеле. Главный уральский горнозаводской госпиталь был открыт в 1723 г. Кроме лекаря и больничного сторожа штат этого учреждения первоначально состоял из одного младшего лекаря и трех учеников (старшего и двух младших). С 1726 г. среди учеников лекаря И. И. Спринцеля фигурирует «цирюльник Василий Сизиков, из солдат Тобольского гарнизона» [43].

Возведение и охрана Екатеринбургской крепости с 1723 г. осуществлялась солдатами Тобольского полка, среди которых первоначально был и Сизиков. Числившийся с 1726 г. цирюльником Екатеринбургского

госпиталя, В. Сизиков к 1734 г. оставался на одной и той же ступени медицинской послушной лестницы.

Назначение в штат Томского горного начальства не привело к повышению звания. Сизиков по-прежнему оставался лекарским учеником, однако, получил значительную прибавку к жалованью. Если служившему на Урале старшему лекарскому ученику в год полагалось 30 р., то отправлявшемуся на Алтай назначили оклад в 48 р. Еще до отъезда из Екатеринбурга «гезель» В. Сизиков обратился к начальству с просьбой об увеличении и этой суммы. Вскоре его прошение было удовлетворено [44]. Сравнительно высокое жалованье давалось лекарскому ученику, по-видимому, из-за отдаленности места его будущей службы.

Первоначально планировалось, что лекарский ученик Сизиков не будет единственным врачом в далеком горном ведомстве. В штате Томского завода, утвержденном в апреле 1735 г., числился лекарь Сименсон, которому было определено жалованье 197 р. 10 к. в год. Отъезд команды, в которую был включен и Сименсон, намечался на май-июнь. Причем возглавить эту экспедицию должен был сам действительный статский советник, начальник всех сибирских заводов В. Татищев. Поскольку руководитель екатеринбургского горного начальства из-за неотложных дел на Урале не смог вовремя отправиться на Алтай, было решено сначала отправить туда небольшой отряд под руководством поручика Исаия Лукашева. Этот отряд отбыл из Екатеринбурга на двух стругах в начале мая 1735 г. На одном из судов плыл на далекие Кольвано-Воскресенские заводы и гезель В. Сизиков, куда прибыл только к концу года [45].

Лекарь Сименсон должен был дожидаться отъезда самого Татищева. 9 июня 1735 г. доктор Я. Гриф сообщил об отправляющемся «в Томск» (на Томские заводы) лекаре Сименсоне. К концу июня Сименсону было даже выдано жалованье «на майскую треть» [46]. Однако Татищев так и не смог поехать на Алтай. Возможно, поэтому и отправка лекаря на Томские заводы не состоялась. Во всяком случае в штате завода на начало 1737 г. лекарь значился как вакантная должность, реально на заводах имелся лишь один медик – Василий Сизиков. К тому же году относится первое упоминание больницы Кольвано-Воскресенского завода [47].

После возвращения алтайских заводов вновь А. Демидову, летом 1737 г. горное начальство переехало на Енисей для строительства Красноярских заводов. Тогда же первое в нашем крае медицинское учреждение прекратило свое существование, а Сизиков был переведен на казенные Красноярские предприятия старшим лекарским учеником [48]. Там его встретил путешествовавший по Сибири ученый И. Г. Гмелин. Сам хорошо изучивший медицину и неоднократно использовавший

эти познания во время своего пребывания в Сибири, Гмелин весьма скептически оценил профессиональное мастерство лекарского ученика. По ироническому отзыву путешественника Сизиков «никому не мог причинить вреда по неимению лекарств» [49].

Как видим, во второй половине 1730-х гг. на территории горнозаводского ведомства не имелось ни одного медицинского учреждения. Становление же системы медицинского обслуживания приходится на так называемый «кабинетский период», когда алтайские заводы были взяты у наследников А. Демидова под управление императорского Кабинета.

В 1744 г. А. Демидов сообщил царице Елизавете Петровне об открытии на Алтае месторождений серебряных руд. Для проверки этих сведений на Кольвано-Воскресенские заводы была направлена специальная комиссия под руководством начальника Тульских заводов бригадира А. В. Безра. Комиссия работала на Алтае с января по октябрь 1745 г. В ее состав входил и свой лекарь – Антон Экенбрехт, который привез с собой «аптеку» – ящик с медикаментами [50]. В бухгалтерских документах значится также некий «фершал» Алексей Лагуновской (в другом месте – Луговской), которому выдано от Главной аптеки (в Москве) медикаментов на 145 р. 80 к. [51].

Лекарю Экенбрехту пришлось достаточно много работать, особенно весной 1745 г. – в это время заболел и умер Иоганн Михаэль Юнгханс (немецкий мастер, выплавивший первое демидовское серебро), тяжело болел и сам руководитель комиссии А. Безр. Насколько серьезно осложнилась болезнь бригадира свидетельствует его ордер одному из участников комиссии в мае 1745 г.: «Буде же, паче чаяния, мне по воле всемогущаго бога от оной ныне обдержимой болезни признаю я в себе необходимость от смерти, то тогда для принятия со мною последнего прощения пошлю нарочного и по ваше благородие» [52]. Кроме того, Экенбрехт врачевал и жителей окрестных сел и деревень [53]. Осенью 1745 г. вместе с другими членами комиссии лекарь покинул заводы.

Становление системы медицинского обслуживания на Кольвано-Воскресенских заводах в середине XVIII в.

В декабре 1745 г., по возвращении в Санкт-Петербург, А. Безр, предлагая взять алтайские предприятия у наследников умершего к тому времени А. Демидова, не обошел вниманием проблему создания в новом государственном горном ведомстве системы медицинского обслуживания. В одном из пунктов своего доклада он писал царице: «К показанным же заводам запотребно... к пользованию обретающихся тамо разного чина служителей и мастеровых людей лекаря ис тобольского гарнизона, где есть излишней, одного. К нему в ученики выбрать

из екатеринбургской школы из школьников двух человек. ...Или из сибирского драгунского полку лекаря Цедеркопа» [54]. Интересно отметить, что в проекте штата Колывано-Воскресенских заводов, составленном Безром в начале декабря 1746 г., значатся два лекарских ученика с жалованием 15 р. в год каждому, но не предусмотрены расходы на оплату самому лекарю [55].

1 мая 1747 г. в знаменитом указе Елизавета Петровна в ответ на предложение Безра повелела определить на Колывано-Воскресенские заводы лекаря Цедеркопфа. 12 мая указ об этом был направлен в Медицинскую канцелярию. Жалование Цедеркопфу было определено, как и лекарям екатеринбургского госпиталя, «с денщичьими по 200 рублей в год» [56].

К сожалению, пока об этом первом медике Барнаула известно чрезвычайно мало. Неясно даже когда именно лекарь прибыл на Колывано-Воскресенские заводы. Косвенные данные свидетельствуют о том, что Цедеркопф начал работать на Барнаульском сереброплавильном заводе поздней осенью 1747 г. Приехал он сюда из Ямышевской крепости [58] и к 10 декабря уже точно служил на Барнаульском заводе [59].

По штату 1746 г. и по указу 1747 г. при лекаре полагалось иметь двух учеников, поэтому 12 ноября 1747 г. на службу в Колывано-Воскресенское горное ведомство были приняты лекарские ученики «из екатеринбургских школьников»: 16-летний Иван Окуловский (в другом источнике Окуневский) «ис кананирских детей» и 15-летний Михайло Усольцов «из солдатских детей». Их жалованье составило всего 12 р. в год (к примеру, жалованье семнадцатилетнего механического ученика «ис солдатских детей» И. Ползунова, принятого тогда же, равнялось 18 рублям в год) [60]. 19 декабря 1747 г. вместе с И. Ползуновым лекарские ученики приняли присягу «великой государыне императрице Елисавети Петровне... и наследнику великому князю Петру Федоровичу» в церкви Богоявления господня [61]. На следующий день, 20 декабря, караван из 31 подвод под руководством «иноземного плавильщика» Христиана Бера отбыл из Екатеринбурга на Алтай. Помимо горных служителей и солдат с этим караваном отбыли к месту новой службы «механической ученик» И. Ползунов и его сверстники лекарские ученики [62].

Местом пребывания лекаря был выбран Барнаульский завод, поскольку именно здесь расположилась приехавшая вскоре Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства. Лекарь находился в Барнаульском заводе «при главной команде и гошпитале», а на Колывано-Воскресенском заводе работал ученик лекаря [63].

Поскольку на Колыванском заводе «при воинской команде» был свой лекарь, горное начальство распорядилось горным служителям

этого завода лечиться в военном лазарете. Солдат же, квартировавших в поселке Барнаульского завода, разрешалось лечить у заводского лекаря, для этого Цедеркопфу был передан один солдат [64].

Уже в документах начала 1748 г. сообщается о работе на Барнаульском заводе «гошпиталья», но отдельного здания для больницы еще не имелось [65]. Как сообщал в январе 1751 г. А. Беэр, «до постройки при Барнаульском заводе гошпиталья лекарь деготь варил и мастровым раны перевязывал в доме, где квартиру имеет» [66].

Здание первого госпиталя было построено «по течению речки Барнаула на левой стороне на лугу в 1749-м и 1750-м годах». Он имел четыре покоя «да промежду ими сени одне, длиною одиннатцать с половиною, шириною четыре, вышиною до кровли две сажени». Судя по описанию, больница была рассчитана на девять мест. На плане Барнаульского завода 1752 г. видно, что госпиталь располагается в самом болотистом месте поселка, поэтому для прохода в здание с «базарной стороны... [Гостиного ряда. – А. К.] вместо моста положено на кобылинах пильных пятнатцать досок». Кроме того, «кругом оного гошпитала з дву долгих, а третью короткую сторон зделан выходной мост, наслан тесом, и по тому мосту в брусья поставлены тесовые балясы. И в тот гошпиталь ходить з двух сторон вместо лесницы два брусчатые рундука». Уже в следующем году к госпиталю была пристроена «для житья лекарским ученикам... камора» (в ней стояло две кровати, стол, три стула и три лавки) [67]. Жилище лекаря находилось вне госпиталя.

О квалификации Цедеркопфа и уровне медицинского обслуживания на алтайских заводах судить достаточно сложно. В 1748 г. канцелярист В. Щербаков подал донос на своего начальника генерал-майора Беэра, в котором, помимо прочего, обвинил его в том, что он устроил для работы на алтайские заводы своих родственников-немцев. На это Беэр ответил, что Цедеркопф ему не родственник, «а по сватовству свойственник» [68]. Указанный факт свидетельствует о том, что первый лекарь Колывано-Воскресенских заводов находился с руководителем алтайских предприятий в достаточно близких отношениях. Он был немцем по национальности («саксонцем»), но свои рапорты подписывал по-латински «Josepftus Cederkopf Chirurg», то есть «Йозеф Цедеркопф¹ хирург» [69]. В книге Вильгельма Рихтера говорится о лекаре Иосифе Цедеркопфе, несомненно, это тот самый врач, который с 1747 г. служил на Колывано-Воскресенских заводах [70].

По свидетельству того же В. Щербакова, в начале лета 1748 г. Цедеркопф две недели был вместе с А. Беэром, когда главный командир

---

¹ По-немецки: zeder – кедр, korf – голова.

осматривал рудники и заводы. Однако уже 12 июня «он Беэр того лекаря для пользования жены своей, которая тогда была на сностях, отпустил по-прежнему в Барнаульский завод», а рабочие остались без лекаря. В 1749 г. врач всего один раз выезжал из Барнаульского завода, да и то к больному родственнику начальника заводов – инженерному ученику Венедикту Беэру.

Насколько можно доверять этим сведениям? В. Щербаков был не в ладах с начальником заводов. В его доносе, который содержит 54 (!) пункта обвинений, явно прослеживается желание очернить генерал-майора А. В. Беэра. Надо сказать, что на следствии, проведенном по данному доносу, подавляющее большинство обвинений не подтвердилось. На обвинения относительно качества медицинского обслуживания генерал не без иронии ответил: «не сыскать лекаря, который бы мог от смерти вылечить, ибо от смерти избавительная трава не выросла» [71].

Цедеркопфу и его ученикам в первые годы своей службы на Алтае пришлось работать в очень сложных условиях. Уже весной 1748 г. в окрестностях Барнаульского завода началась «ветряная моровая язва», как называли тогда сибирскую язву [72]. Первым заболел плотник Барнаульского завода Т. Берсенев. После освидетельствования, лекарь определил, что это сибирская язва. Жителям было приказано «кому оная язва приключитца, оные б, не запустя вдаль, к лечению объявляли, ибо ежели кто тое язву чрез двои сутки к лечению не объявит, то могут от того и умереть» [74].

Вскоре, как уже отмечалось выше, лекарю пришлось уехать из Барнаульского завода вместе с Беэром для осмотра рудников и заводов. В отсутствие лекаря, ученикам и руководителям завода, видимо, не удалось справиться с ситуацией. К середине июня эпидемия вновь усилилась. Именно поэтому А. Беэру пришлось отправить Цедеркопфа назад в Барнаульский завод «для лечения особливой по здешним местам болезни, которую лечить оной лекарь зело искусен, называемую пятнальная болезнь» [75].

Благодаря приезду главного медика удалось приостановить развитие эпидемии. По требованию Цедеркопфа по дорогам в двух верстах от Барнаульского завода были расставлены заставы. Сторожакам приказали осматривать каждого едущего в сторону завода, и если «язва у кого будет находиться, то б в здешней Барнаульской завод не пропускали». Тех же у кого болезнь не обнаружится, полагалось «через дым и огонь» переводить. Для этого на каждой заставе были вырыты ямы, в которых постоянно горел огонь [76].

Для лечения больных Цедеркопф потребовал «отпустить табуку папушного десять фунтов, да нашатырю каменного шесть фунтов»

[77]. Этот способ лечения сибирской язвы был обычным в Сибири. Так в середине 1740-х гг. в верхиртышских крепостях (Ямышевской, Семиполатинской и др.) ветряную болезнь, которая случалась здесь ежегодно, сами казаки лечили «табаком и нашатырем» [78]. Несмотря на предпринятые меры, болезнь перекинулась на близлежащие районы с Кольвано-Воскресенским заводом. К борьбе с эпидемией пришлось подключиться и военным медикам [79].

При анализе причин эпидемии было решено, что болезнь была занесена переселенцами, которых, зачастую, насильно перевозили в горное ведомство. Кроме того, безусловно, на развитие эпидемии повлияло несоблюдение местными жителями элементарных правил безопасности. Как выяснили проверяющие, многие крестьяне павший от язвы скот, который, зачастую, и являлся разносчиком заразы, не закапывали, как это предписывалось правительствующими указами, а «бросают в воду, а других... оставляют просто в поле». Деревенским старостам, сотникам и десятникам было приказано строго следить за соблюдением карантина в местах «в коих от язвы смерть приключится» [80].

В 1749 г. начальник заводов сообщал в Кабинет, что благодаря усилиям Цедеркопфа «прошедшаго лета обыкновенные в здешних местах являлись [болезни. – А. К.], но за помощью Божию безвредны миновали» [81]. Надо сказать, что никто из жителей Барнаульского завода не умер от эпидемии 1748 г. Безусловно, в этом определенная заслуга местного лекаря [82]. Впрочем, несмотря на хорошие характеристики, данные Цедеркопфу Беэром, управляющий Кабинетом И. Черкасов считал, что в смерти самого Андрея Венедиктовича летом 1751 г. виноват именно врач, который не смог вовремя поставить диагноз и упустил «надлежащая способы» лечения [83].

Первая горнозаводская аптека (1751 г.)

В литературе, посвященной истории медицины на территории Алтайского края, указывается, что первая аптека была создана на Барнаульском заводе в 1736 г. (ее так и называют «барнаульской крепостной аптекой») [84]. К сожалению, это утверждение, тиражируемое исследователями на протяжении всего XX века, никто из них не подкреплял ссылками на какие-либо архивные источники. Несмотря на это И. М. Дмитриенко пишет: «Из архивных документов следует, что первая аптека в Сибири открылась в 1736 г. при Барнаульской военной крепости», однако, ссылается при этом лишь на своих предшественников [85]. Чтобы выяснить источник этих сведений нам пришлось по сноскам (в тех случаях, когда они имелись) выяснить первоначальный источник информации. Самой ранней обнаруженной нами работой,

в которой имеется косвенная ссылка на документ о появлении аптеки в 1730-е гг., является статья А. Кодкина, опубликованная в журнале «Сибирские огни» в 1959 г. [86] В ней автор сообщает: «Первым документальным известием об организации медицинской помощи на Кольвано-Воскресенских заводах надо считать «Генеральный регламент о госпиталях и о должностях определенных при них докторов...», принятый 24 декабря 1735 г. Не вызывает сомнений, что приведенный аргумент абсолютно некорректен, поскольку, во-первых, «Регламент о госпиталях» относился только к государственной системе медицинского обслуживания, а, во-вторых, это никак нельзя признать «документальным известием», так как он напрямую не связан с учреждением на Алтае аптеки.

Не будем подробно опровергать тезис о появлении аптеки в 1736 г. Достаточно сказать, что, во-первых, по документам на алтайских заводах, пока они являлись собственностью А. Демидова, вообще не было штатных медиков. А, во-вторых, в 1736 г. еще не было самого Барнаульского завода. Распространенное утверждение о появлении в 1736 г. «первой аптеки Сибири» является вымыслом исследователей.

Между тем, еще в начале XX века известный архивист Н. С. Гуляев в статье «Об организации на коммерческих началах в г. Барнауле аптеки» указывал, что впервые аптека в городе была создана в 1752 г. [87]

5 июня 1750 г. Медицинская канцелярия направила на Кольвано-Воскресенские заводы «аптекарского гезеля» Андрея Бранта. Судя по инструкции, данной медику перед отъездом на Алтай, главной задачей, которая ему ставилась на кабинетских заводах, было «добывание и литрование сысканной в тамошних метлах лекарственной соли» [88]. Эта соль была найдена недалеко от Кольванского завода и по опытам, проведенным в Медицинской канцелярии, вполне годилась для изготовления лекарств. Поскольку указанная инструкция была направлена в Москву в Медицинскую контору «для отдачи оному Бранту», можно предположить, что аптекарь в это время служил в Москве.

Гезель был затребован из столицы Кабинетом непосредственно для организации добычи лекарственной соли. Однако по желанию Кольванского горного начальства, Бранту приказывалось «изготовление некоторых употребляемых к пользе горных служителей медикаментов... яко то есенции, пластыри, мази, специесы и тому подобные, исправлять со всяким прилежанием». Но эта работа должна была оплачиваться отдельно, «сверх определенного ему жалованья». В обязанности аптекаря вменялся сбор лекарственных трав, особенно рапотника (папоротника?) и ревеня. Ревень считался «заповедной травой» и вывозился из Сибири в Москву и за границу, он применялся как закрепляющее

средство в виде отвара и порошка [89]. «Еже ли же неизвестные ему растения същутся, – говорилось в инструкции, – то из них по нескольку штук, разлома в бумагу, для отсылки в Медицинскую канцелярию подать горному начальству при репорте». Аптекарь поступал в подчинение Канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства и должен был оказывать содействие местному лекарю в приготовлении лекарств, «яко то х крепкой вотке, спиритус салис и нитри и купоросного масла».

Пока не ясно, когда точно Брант прибыл на Алтай, но имеется определение Канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства от 4 сентября 1750 г., по которому Брант направляется «на горное озеро, которое состоит за рекою Алеем расстоянием от Кольвано-Воскресенского заводу во сте семидесяти верстах» для сбора соли [90].

Таким образом, документы свидетельствуют, что первый аптекарь появился в Алтайском крае в 1750 г. Однако косвенные данные позволяют предположить, что о создании на Кольвано-Воскресенских заводах аптеки в 1750 г. речи не шло. Более того, даже приготовление лекарств – главная функция любой аптеки – на Бранта не возлагалось, он мог этим заниматься только за дополнительную плату. В этой связи распространенная в литературе дата создания аптеки в Барнауле – 1752 г., может быть вполне обоснованной. Скорее всего, аптека была создана после приезда на Алтай главного лекаря и создания в горном ведомстве централизованной системы медицинского обслуживания.

Здание аптеки, построенное в 1752 г. на современной улице им. Ползунова (тогда она называлась «улица на правой стороне от казарм» [91]), стало первым каменным зданием будущего города.

Заведовал этой аптекой А. Брант, который подписывал свои рапорты: «Apthegaer gesell Heinrich Brand», то есть «аптекарь Генрих Бранд» [92]. Сам медик вместе со своим семейством жил здесь же («во оной аптеке, в коей и аптекарь Генрих Брант с семейством жительствует») [93]. В феврале 1765 г. современник и друг И. Ползунова Эрик Лаксман в письме из Барнаула к профессору И. Бекману отзывается о Бранте как о культурном человеке [94].

Завершая рассказ о создании аптеки в горном ведомстве, отметим, что Брант не был лекарем, поэтому неверно называть его врачом [95]. Единственным врачом на Кольвано-Воскресенских заводах, по-прежнему, оставался лекарь Цедеркопф.

Создание системы медицинского обслуживания в Кольвано-Воскресенском горном ведомстве (1752 г.)

Общепризнанной датой объединения медицинской службы на алтайских заводах считается 1751 г. [96]. А. Кодкин считал, что именно

эпидемия 1751 г. показала властям необходимость централизации медицинской службы на Алтае и в конце 1751 г. на должность главного лекаря прибыл Абрам Эшке [97]. Признаться, до знакомства с архивными источниками мы тоже придерживались этого мнения [98]. Однако документы неопровержимо свидетельствуют, что датой создания системы ведомственной медицинской службы на Колыванских заводах по праву можно считать 1752 г.

Причиной назначения нового врача на заводы, по нашему мнению, была не эпидемия 1751 г., а то, что первый медик алтайских заводов И. Цедеркопф, отказавшись продолжить службу на Алтае, и в 1750 г. объявил, что желает покинуть горное ведомство (попросил «апшит») [99].

13 февраля 1752 г. Кабинет по согласию Медицинской канцелярии заключил контракт с новым лекарем Абрамом Эшке, который до этого служил на галерном флоте, «о бытии ему при Колывано-Воскресенских заводах штап-лекарем»¹ По условиям шестилетнего контракта годовое жалованье врача составляло 500 р. «из доходов тех заводов» [100]. Причем годовое жалованье в полном объеме выдавалось авансом на год вперед. Кроме того, на основе Морского устава ему полагалось предоставить «одного денщика з денежным и хлебным жалованьем, которой дан будет ему сдесь [в стлице. – А. К.]» [101], а на месте «иметь ему пристойную по ево чину казенную квартиру, дрова и свечи».

Если через шесть лет Эшке не пожелает служить дальше на далеких заводах, то он, согласно контракту, заранее (за год) должен предупредить Кабинет и Медицинскую канцелярию «для благовременного изыскания и отправления отсюда на место ево другого лекаря». По истечении срока контракта штаб-лекарю гарантировалось беспрепятственное возвращение в Санкт-Петербург и дальнейшее трудоустройство («вакансия») [102]. Если же лекарь захочет и дальше служить на Алтае, то ему также заранее полагалось сообщить в столицу, и за год до окончания службы Канцелярия обязалась заключить с ним новый контракт.

Особо оговаривались гарантии на случай внезапной болезни или смерти Эшке. Традиционно в таких случаях за основу брали положения Воинского или Морского уставов, в которых прописывалось, что если из-за болезни служащий по контракту не сможет исполнять свои обязанности, ему будет выдано годовое жалованье. В случае же смерти

---

¹ Штаб-лекарь – высшее врачебное звание, установленное в России в XVIII в. Присваивалось лекарям, прослужившим не менее 6 лет на государственной службе. Указом 28 февраля 1762 г. они приравнивались к чину капитана. По положению 1764 г. такое звание могло присваиваться только за научные работы, но Медицинская коллегия не всегда придерживалась этого правила (Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII в. М., 1969. С. 19).

врача, оставшееся от него имущество и жалование будет вручено «наследникам оного Эшке», а «буде по нем останутся малолетныя дети, то оным на пропитание до урочных возраста их лет жалование произвесть по Морскому уставу» и отправить за казенный счет в столицу.

В контракте были четко прописаны обязанности штаб-лекаря:

1) Лечение больных – «объявленный штап лекарь Эшке обязуется пользование больных как во внутренних, так и в наружных припадках управлять собою с помошниками с крайним прилежанием».

2) Руководство единой системой медицинского обслуживания – «над состоявшимися в команде ево лекарями, подлекарями и учениками прилежное смотрение иметь будет, дабы каждой из них должность исправлял по надлежащему и при том в постоянном житии упражнялись. Лекарем же добрым советом помоществовать и все о том приращать, чтоб лекарское дело в тамошних местах в доброе состояние приведено и при том содержано быть могло».

3) Подготовка медицинских кадров. На обучение присланных с Эшке учеников хирургии и анатомии выделялось «днем по одному и по два часа», кроме того лекарь должен был показывать им лекарственные травы и «с истолкованием им медицинальной оных пользы и употребления».

В контракте, который фактически одновременно являлся и инструкцией, предписывалось, что с этого времени аптекарский гезель Брант переходил в ведение штаб-лекаря и теперь должен был помогать Эшке «в сочинении нужнейших медикаментов».

Контракт подписали: управляющий императорским Кабинетом барон И. Черкасов, директор Медицинской канцелярии К. Бургааве¹ и сам А. Эшке, скрепив подписи сургучными печатями.

Через десять дней на шести подводах штаб-лекарь вместе со своей семьей отправился к месту своей новой службы. Здесь его стали называть Абрам Гешке (примечательно, что он сам себя называл также). Вместе с Эшке на Алтай из столицы прибыли лекарь Василий Енышев и лекарские ученики Петр Герц, Карл Голбек, Яган Вирт [103].

Что мы знаем об этом первой штаб-лекаре горного ведомства? В 1754 г. по требованию Герольдмейстерской конторы всем государственным ведомствам приказывалось прислать ведомости «об генералитетных, и штап и обер афицерах, кто с которого году, где и в какой службе служил... и о прочем... в крайней скорости». Каждый офицер должен был лично представить в Канцелярию горного начальства биографические сведения. Одним из первых эти данные подал «Абрам Юрьев сын Гешке», которому в 1754 г. было 50 лет (т. е. родился он в 1703–1704 гг.) [104]:

---

¹ Герман Кааву Бургав (Hermann Kaau Voerhaave) был директором Медицинской канцелярии (Мирский М. Б. Медицина России XVI–XIX веков. М., 1996. С. 88, 107).

«По требованию Медицинской канцелярии принят я в службу ея императорскаго величества в Берлине от бывшего покойного господина полномочного посла генерала-аншефта и ковалера Павла Ягузинского и отправлен в 1734 году в Санкт-Петербурх в Медицинскую канцелярию. И по указу ея императорскаго величества из оной Канцелярии определен я в том же году в службу ея императорскаго величества в полковые лекари, и в оном чину находился в разных местах до 1752 году». Из того же документа узнаем, что на Барнаульском заводе с А. Эшке жил его сын Юрий 17 лет, «которой в службе не состоит». О крепостных крестьянах немецкий врач ответил, что «мужеска полу крестьян и деревень до сего времени не имел и ныне не имею».

Абрам Юрьевич Эшке прибыл на Колывано-Воскресенские заводы 23 июня 1752 г. В тот же день он был назначен главой всей медицинской службы алтайских предприятий. «Оному Эшке, – говорилось в определении горного начальства, – у находящегося здесь лекаря Цедеркопфа писменные дела, гошпиталь, медикаменты, казенные инструменты и прочее, что в ево руках имеетца, принять». После передачи всех дел Цедеркопфа полагалось отпустить в Санкт-Петербург, где он должен был явиться в Медицинскую канцелярию для определения его к новому месту службы [105].

Уже в январе 1752 г. в определении Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства была определена система ведомственного медицинского обслуживания:

Штаб-лекарь должен был находиться в Барнаульском заводе при госпитале, в поселке ему отводилась отдельная квартира (как и полагалось по контракту). С ним же находились два прибывших из Санкт-Петербурга ученика.

В лазарет Колыванского завода для лечения рабочих этого предприятия и Змеиногорского рудника направлялся лекарь В. Енышев и один из лекарских учеников, по усмотрению штаб-лекаря. Они должны были сменить находившихся на том заводе лекарских учеников Шахова и Логинова. Никаких других лечебных заведений на территории горного ведомства в то время еще не было.

Помимо непосредственных обязанностей по лечению больных, контрактом штаб-лекарю Эшке предписывалось также проведение научно-исследовательской работы по изучению бытующих на юге Западной Сибири «поветренных болезней», в первую очередь, сибирской язвы. Для этого лекарю полагалось не только «о состоянии воздуха, воды и положения мест уведомлять» столичные власти, но проводить вскрытие («над мертвыми телами... чинить обдукции»). Результаты

своих изысканий доктор должен был «время от времени» присылать в императорский Кабинет и в Медицинскую канцелярию.

Выполняя это предписание, штаб-лекарь представил в Медицинскую канцелярию сочинение под названием «Краткое известие о Кольване и околележащих местах, о свирепствующих там болезнях между людьми и скотом, напоследок о растущих в некоторых местах Сибири травах и минералах», в которой описал клиническую картину заболевания у людей, указал на ее тождественность с заболеваниями животных, сезонность заболевания [106]. Это был первый научный труд по медицине, написанный на территории современного Алтайского края.

Назначение штаб-лекарем Никиты Ножевщикова (1758 г.)

В 1757 г. по истечении срока контракта А. Эшке подал в Канцелярию Кольвано-Воскресенского горного начальства рапорт об освобождении его от службы. Отставка была принята и на следующий год указом Медицинской канцелярии на заводы направили нового штаб-лекаря Никиту Григорьевича Ножевщикова. Он был рекомендован Кабинету самим архиатром П. З. Кондоиди¹ как человек «честного и трезвого состояния и в лекарском искусстве отличного знания». Вместе с ним по собственному желанию выехал подлекарь Петербургского сухопутного госпиталя Тимофей Андреев [107].

Биографические данные этого выдающегося медика были частично опубликованы еще в 1750-е гг. По сведениям Б. Н. Палкина, родился Н. Ножевщиков в семье солдата, год рождения автор не смог установить, но другой исследователь А. Кодкин указывает предположительную дату рождения – 1720 г. [108]. Затем Никита вместе с Ломоносовым учился в Московской славяно-греко-латинской академии, откуда в 1738 г. поступил учеником в Московскую госпитальную школу. В 1741 г. доктор Московского госпиталя Л. Л. Блюментерст² рекомендовал его для отправки на учебу за границу как одного из лучших учеников госпиталя. По одним данным, Ножевщиков успешно сдал в Санкт-Петербурге отборочный экзамен для поездки, но выезд отменили. Поэтому в качестве подлекаря он был оставлен в Санкт-Петербургском сухопутном госпитале для преподавания ученикам «накладывания бандажей» («десмургию» – учение о повязках) [109].

---

¹ Кондоиди П. З. – руководитель всей медицинской службой в стране с 1753 по 1760 г. (Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII в. М., 1969. С. 187; Мирский М. Б. Указ. соч. С. 109, 113).

² Лаврентий Блюментерст в середине 1720-х гг. был лейб-медиком, управляющим Кунсткамерой и некоторое время даже первым президентом Академии наук (Мирский М. Б. Указ. соч. С. 73).

По другим сведениям, он три года учился в Лейдене и вернулся в Россию доктором медицины [110] (но эти данные не согласуются с хронологией его биографии).

В 1742 г. после смерти подлекаря Ф. Богданова Н. Ножевщиков по просьбе Блюментерста переведен в Московский госпиталь [111]. В 1746 г. он получил звание лекаря и был командирован в Холмогоры, где пробыл до 1757 г. В начале 1758 г. Ножевщиков «за отличные знания в лекарском искусстве при честном и трезвом состоянии» был назначен штаб-лекарем ведомства Кольвано-Воскресенских заводов [112]. Первоначально его жалованье составляло 300 р., но в 1763 г. «для дороговизны продаваемых здесь против протчих мест платья и съестных припасов» жалование было увеличено «за прилежные ево труды, искусство и ревность» до 500 р. на год, и сверх того дан денщик. В канцелярской справке поясняется, что с этого времени Ножевщиков «произведен штаб-лекарем в ранге по плану о медицинских чинах против артиллерийских и инженерного копуса штаб-лекарей» [113].

Именно с приездом на предприятия Ножевщикова исследователи связывают открытие здесь в 1758 г. первой в Сибири и четвертой в России медико-хирургической школы [114]. Здесь преподавали анатомию, хирургию, внутренние болезни и «материи медика» (курс, включавший в себя фармацию, фармакологию, фармакогнозию), также учили ботанику и рисование. По сведениям А. Кодкина, в первый год в школе имелось 11 человек, а в 1761 г. уже 47 (но эти сведения очень сомнительны и нуждаются в проверке). Жили учащиеся при госпитале «в девяти светлицах». Тот же автор пишет: «при школе был «анатомический театр» с музеем, в котором были собраны уроды – «монстры», и большая библиотека. В отдельном зале размещались гербарии лекарственных трав, собранные учащимися». Кроме лекций учащиеся практиковались в заполнении историй болезни – «скорбных листов» [115].

Сам Ножевщиков активно занимался исследовательской работой. Он смог первым выделить и описать сибирскую язву как отдельную болезнь, о чем написал в своем сочинении «О болезнях, встречающихся среди людей в Кольвано-Воскресенской округе и Иртышской линии...». В 1762 г. эта работа была отослана им в Медицинскую коллегию в Санкт-Петербург [116]. Как сообщает А. Кодкин, в одном из документов того времени говорилось: «Дом его был сборищем ученых мужей, кои привлекаемы были как его славою, так и приятным обхождением» [117].

Ножевщиков служил на Алтае до 1764 г. [118], когда из-за болезни ему было разрешено вернуться в Москву, где он до октября 1765 г. работал лекарем Московской медицинской конторы [119]. В документах его называют помощником штаб-физика. Умер Никита Ножевщиков 10 марта 1768 г.

Прибывший на Кольвано-Воскресенские заводы вместе с Ножевщиковым 22-летний Тимофей Андреев вступил в службу с 1750 г. Как он сам пишет в своей биографии, его взяли в Московский госпиталь «в медицинской хирургической науки учеником» 22 января 1750 г. «иконостасного училищного монастыря из студентов». Только перед отправкой на Алтай ему присвоили звание подлекаря с жалованьем 120 р. в год [120]. Как известно, он был направлен на Змеиногорский рудник, где успешно внедрял новаторские формы лечения, в том числе оспопрививание [121]. Из описания лазарета Змеевского рудника 1766 г. мы узнаем о том, где жил подлекарь: «лазарет и при нем для жилья подлекарю покои, построенные из бревен, покрыты тесом, длиною вся связь осмнатцать, шириною трех сажен», в них 3 стола, 2 стула, 1 кровать и 9 коек, при том же лазарете конюшня и баня [122].

О личных качествах подлекаря лаконично говорит краткая характеристика 1769 г.: «Хотя и наперед сего времени в пьянстве и находился, однако донныне содержит себя добропорядочно и должности своей прилагает ревностной труд по немаловременному бытию в службе и в нынешнем звании почитается достойным повышения, но что касается до искусства об оном оставляется по званию их команде» [123]. Эта оценка была дана Андрееву уже в бытность нового штаб-лекаря Якова Кизинга [124], который сменил Н. Ножевщикова в 1764 г. Ножевщиков покинул заводы 18 октября 1766 г. [125]

Развитие медицинского обслуживания после Н. Ножевщикова (1764–1790-е гг.)

Сам Кизинг сообщает о себе: «в российскую службу вступил я в 1757-х г. волонтиром, бывши аптекарским подмастерьем. И сперва определен в Санкт-Петербурге в главной сухопутной гошпитал, потом произведен с 1758-го году в Вологодской полк подлекарем, в 1759-м году в Сибирской полк лекарем». Еще до службы на Кольвано-Воскресенских заводах Кизингу довелось побывать в Рудном Алтае. Во время службы на Иртышских крепостях в 1761 г. он был отправлен генерал-поручиком И. Веймарном в секретную экспедицию под руководством инженер-майора Петрулина к вершинам реки Каир-Кумир (Горный Алтай). Экспедиция насчитывала 500 человек и должна была обследовать земли, некогда принадлежавшие Джунгарии [126].

В ноябре 1763 г. лекарь Сибирского драгунского полка Яков Кизинг был направлен на кабинетские заводы на смену Ножевщикова. По представлению Медицинской канцелярии в год ему полагалось платить 400 р. и предоставить казенную квартиру. Только через три года, в ноябре 1766 г., «за беспорочную службу» Кизинг был произведен

Медицинской коллегией в штаб-лекари. На Алтае указ получили в марте 1767 г., но, вопреки ожиданиям врача, жалование ему не повысили. Новоявленный штаб-лекарь жаловался начальству в 1770 г., что он «был в той надежде, што та канцелярия, по меньшей мере, хотя так, как помянутому штаб-лекарю Ножевщикову производилось здесь жалования в год по пяти сот рублей.... Но однако никакой премены мне не зделано». Только после этой жалобы штаб-лекарю повысили оклад до 500 р. Из сообщения Кизинга мы узнаем, что в это время в Барнауле, помимо штаб-лекаря, не было ни аптекаря, ни лекарей [127]. Врачу приходилось в одиночку справляться с госпитальным хозяйством и аптекой. В 1765 г. единственным помощником Кизинга был подлекарь Кольванского батальона Фуриер (Фурьер). Штаб-лекарь просил заменить его солдатом одной из батальонных рот Федором Зипунниковым, «которой при гошпиталех довольно живал и весь порядок знает», а также прислать со Змеевского рудника подлекаря Алексея Шангина, «на которого мог бы я аптеку положить» [128]. Так вскоре А. Шангин оказался в поселке Барнаульского завода.

Недостаток младшего медицинского состава в эти годы вызван тем, что лучших учеников – Петра Шангина, Ивана Осипова и Мокея Шевангина – отправили в Московский генеральный госпиталь для обучения у того же Н. Ножевщикова. Квалификации оставшихся оказалось недостаточно для замещения вакантных должностей. Кизинг дает им весьма не лестные отзывы [129].

Впрочем, и о самом Кизинге сохранились не менее негативные воспоминания. Академик Эрик Лаксман в письме к профессору И. Бекману от 11 февраля 1765 г. из Барнаула нелестно отзываясь о Кизинге: «Доктор поехал на Ирбитскую Ярмарку. Торговля и денежное скупидомство любезнее его сердцу, чем медицинские и физические упражнения. Он привез с собой множество часов, которыми снабжает местных любителей» [130]. Другой иностранец – академик П. С. Паллас более высоко оценил деятельность Кизинга на посту штаб-лекаря, он пишет, что при Кизинге (в русском переводе назван Кисингом) были проведены первые опыты прививания оспы – сделана прививка 400 мальчиков [131].

Именно Кизингу довелось засвидетельствовать кончину талантливого алтайского изобретателя И. И. Ползунова. Эту смерть не стоит вменять в вину медику. В рапорте о смерти Ползунова от 20 мая 1766 г. он поясняет, что механикус давно болел и еще Ножевщиков оказывал ему помощь: «находящийся при здешнем Барнаульском заводе механикус Иван Ползунов имел с издавних лет болезненный припадок плеванием из гортани кровью, которой еще к бытию штап-лекарем Ножевщиковым и потом мною неоднократно от того был выпользван» [132].

Во время службы на Алтае Якова Кизинга здесь несколько возросло количество медицинских учреждений. При Н. Ножевщикове имелось три больницы (данные на 1760 г.): госпиталь на Барнаульском заводе и лазареты на Колывано-Воскресенском предприятии и Змеевском руднике [133]. В 1766 г. на только что построенном Сузунском заводе возвели «казармы для госпиталя о двух покоях, между ими сени перерубом» [134]. На Колыванском заводе, как рассказывалось выше, в это время имелось два лазарета в одном здании («построенных на каменном фундаменте в одной связи»); заводской «о трех покоях» на 13 постельных больных, и таких же размеров военный лазарет [135].

Через 15 лет работы на Колывано-Воскресенских заводах «по причине долговременной бытности его в Сибири и наступающей старости» штаб-лекарь Я. Кизинг попросил отпустить его из Сибири «в Россию для определения к какому-либо другому месту». Императорский Кабинет удовлетворил просьбу медика, но согласился отпустить его с заводов только после того, как «на его место другой искусной человек приискан и... определен будет» [136]. Это решение состоялось в ноябре 1779 г., когда Екатериной II уже было принято решение о преобразованиях в Сибири и выделении земель горного ведомства в особую Колыванскую область.

Новый начальник заводов Борис Меллер, прибывший в Барнаул в январе 1780 г., уже летом писал в Кабинет, что в Колыванском, Бийском и Семиполатинском уездах свирепствует «заразительная ветроносная язва». Начальник Колыванской области (губернии) и одновременно руководитель заводов предлагал властям срочно наладить в ведомстве медицинскую службу [137]. Он подал в Кабинет «Представление об учреждении при Колыванских заводах аптеки и прочих до сего и госпиталя предметах относящихся» [138]. На это управляющий Кабинетом ответил, что «...построение просторных и выгодных больниц есть, бесспорно, дело весьма нужное» и дал согласие на строительство каменного здания «избрав к тому положение мест удобное и окруженное всегда чистым воздухом» [139]. Однако первое каменное здание госпиталя появилось в Барнауле только в середине 1830-х гг. [140].

В 1785 г. в горном ведомстве числилось восемь медиков: на Барнаульском заводе – 3, на Змеиногорском руднике – 2; и по одному на Локтевском, Павловском и Сузунском заводах (Колывано-Воскресенское предприятие в это время уже не действовало) [141]. В марте 1798 г. был утвержден доклад, по которому «в каждом заводе и руднике, имеющем большую команду, заведены лазареты, содержаемые на положении о полевых лазаретах [142].

Представить в деталях картину развития медицины на территории Колывано-Воскресенского горного ведомства в рамках одного выступления

невозможно. Эта тема многогранна и требует отдельного изучения. В частности, архивные материалы позволяют подробно осветить многие отдельные вопросы, такие как: условия работы медиков и особенности управления медицинской службой; подготовка медицинских кадров; финансирование медицинских учреждений и условия содержания больных; обеспечение лазаретов лекарственными препаратами и работа главной горной аптеки; контроль за гигиеной в поселках горного ведомства и борьба с эпидемиями. Кроме того, до сих пор не составлены полные биографии выдающихся медиков, выпускников Барнаульского госпиталя: первых организаторов оспопрививания в Сибири – Семена Шангина, Мокея Шевангина, Тимофея Андреева; исследователя флоры Алтая штаб-лекарь А. М. Залесова и др. [143] До сих пор не издан ни один научный труд алтайских медиков XVIII века.

Примечания

1. Мирский М. Б. Медицина России XVI–XIX веков. М., 1996. С. 67, 73, 88; Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1968. С. 150.
2. Полное название: «Генеральный регламент о госпиталях и о должностях определенных при них докторов и прочих медицинского чина служителей, также комиссаров, писарей, мастеровых, работных и прочих ко оным подлежащих людей» (ПСЗ РИ – 1. Т. 9. № 6852. С. 662–682).
3. Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII в. М., 1969. С. 188.
4. ПСЗ РИ – 1. Т. 6. № 2477. С. 791.
5. Мирский, М. Б. Указ. соч. С. 52, 75.
6. ПСЗ РИ – 1. Т. 6. № 3708. С. 302.
7. Мирский М. Б. Указ. соч. С. 94.
8. Федотов Н. П., Медрина Г. И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 111; Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1968. С. 154. М. Б. Мирский называет первого городского лекаря Иркутска Иоганном Вахоманом и относит начало его деятельности в 1742 г. (Мирский М. Б. Указ. соч. С. 94).
9. Мирский М. Б. Указ. соч. С. 134; Чистович Я. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб., 1870. С. 280–281, 288.
10. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 242. Л. 223, 240.
11. ПСЗ РИ – 1. Т. 20. № 14392. С. 271; Мирский М. Б. Указ. соч. С. 131–133.
12. Григорьев В. Реформа местного управления при Екатерине II. (Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года.). СПб., 1910. С. 233–234.
13. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 59. Л. 2, 19.
14. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 56. Л. 227 об.
15. Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1968. С. 154.
16. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 56. Л. 208.
17. Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 243.

18. ПСЗ РИ – 1. Т. 5. № 3006. С. 315–317.
19. Мирский М. Б. Указ. соч. С. 71, 118.
20. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 131. Л. 24 об.
21. Федотов Н. П., Медрина Г. И. Очерки по истории медицины... С. 81.
22. Там же. С. 97.
23. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 154.
24. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 409; РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 93. Л. 244.
25. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 369.
26. ПСЗ РИ – 1. Т. 15. № 11109. С. 520.
27. ПСЗ РИ – 1. Т. 43. Книга штатов. Ч. 1. № 12230. С. 132.
28. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 498. Л. 255.
29. Старков В. И. Медицинское обслуживание на горнозаводском Урале во второй четверти XVIII в. // Ползуновские чтения. Екатеринбург, 1994. С. 69.
30. Соркин Ю. Демидовы и медицина // Уральская старина. Вып. 3. Екатеринбург, 1997. С. 184.
31. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 512. Л. 421–421 об.; Д. 561. Л. 393. Яков Грив затем стал штатд-физиком в Санкт-Петербурге (1747–1752), а затем помощником самого архитектора России Бургаава (Мирский М. Б. Указ. соч. С. 93, 108; Чистович Я. Указ. соч. С. 231). В историю Алтайского края Яков Грив вошел, как не странно, как специалист, который первым определил содержание серебра в змеиногорских рудах (Серебряный венец (очерки истории Змеиногорска). 2-е изд., испр. и доп. Барнаул, 2003. С. 86–87).
32. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 512. Л. 422–422 об.; Д. 568. Л. 93, 100–101 об. Я. Гриф и Сименс прибыли вместе с горными специалистами А. Хрущевым, Л. Угримовым и И. Лукашевым из Москвы зимой и летом 1734 г. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 503. Л. 995–995 об.; Д. 512. Л. 455, 535).
33. Павленко Н. И. «Наказ шихтмейстеру» В. Н. Татищева // Исторический архив. М. ; Л., 1951. Т. VI. С. 221.
34. Там же. С. 229.
35. Сибирские горные заводы в управление Татищева (извлечено из сочинения «В. Н. Татищев и его время» Н. Попова) // Памятная книжка для русских горных людей. СПб., 1862. С. 246.
36. Тыжнов И. Из истории горнозаводского населения // Алтайский сборник. 1907. Вып. 6. С. 38–39.
37. Федотов Н. П. Очерки по истории медицины Сибири в связи с историей ее колонизации: автореф. канд. мед. наук. Томск, 1950. С. 54; Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII в. М., 1969. С. 18–19, 184; Палкин Б. Н. Краткий очерк истории возникновения медицинских учреждений в районах Прииртышья и Горного Алтая в XVIII в. // Здравоохранение Казахстана. 1954. № 3; Федотов Н. П., Медрина Г. И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 86.
38. Кодкин А. Медицина начиналась так // Молодежь Алтая. 1979. 7 авг.; Кодкин А. Листая страницы прошлого // Алтайская правда. 1978. 11 окт.; Карпов А. В., Дмитриенко И. М. К истории развития здравоохранения Барнаула // Фармация. 1981. № 6. С. 21–24.

39. Сергеев А. Д. Роль Ф. В. Геблера в «приготовлении» медицинских учеников // Краеведческие записки. Барнаул, 2001. Вып. 4. С. 31–32.
40. Гольберг Я. С., Дмитриенко И. М. Здравоохранение // Энциклопедия Алтайского края. Барнаул, 1995. Т. 1. С. 234–237.
41. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 486. Л. 20.
42. Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937. С. 98; Соркин Ю. Э. У истоков медицины Среднего Урала // Ползуновские чтения. Екатеринбург, 1994, С. 67–68.
43. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 486. Л. 6 об., 40.
44. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 3124. Л. 186, 260, 271–272; ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 151–151 об., 153–154.
45. Там же. Д. 289. Л. 368–368 об.
46. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 96.
47. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 707. Л. 216.
48. Gmelin J. G. Reis durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743. Erster Theil. Gottingen, 1751. S. 297.
49. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 93. Л. 91, 218; ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 54–54 об., 307–308 об. Его же упоминает Потанин: Потанин г. Материалы для истории Сибири // Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1867 [отдельный оттиск]. С. 240.
50. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 121, 195; Д. 9. Л. 93 об. –95.
51. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 362–362 об.
52. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 93. Л. 91, 218.
53. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 13–14.
54. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 41. Л. 6 об. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 286. Л. 106.
55. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 67 об., 70–70 об., 74 об.; Д. 31. Л. 191–196.
56. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 100, 508–509 об.
57. Там же. Л. 314, 508–509 об.
58. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 91 об., 177–178; Сергеев А. Д. Последний чин Ивана Ползунова // Ползуновские чтения 1996 года. Барнаул; Усть-Калманка, 1996. С. 35. Надо сказать, что уже в начале 1748 г. жалование Ползунова было увеличено до 24 рублей в год (ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 169).
59. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 44. Л. 25–26.
60. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 346, 370.
61. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 93. Л. 244 об.
62. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 409; РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 93. Л. 244.
63. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 97.
64. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 93. Л. 249 об.
65. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 516. Л. 34 об. – 35 об.
66. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 93. Л. 99, 249. 12 мая 1748 г. А. Булгаков жаловался А. Беэру: «а по здешнему отдаленному месту, хотя здесь при заводах лекарь Цедеркопф, ваш племянник и имеетца, почему я за чинимыми от вас ... неспособными обиды лечица у него не в состоянии (ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41. Л. 78 об.)».
67. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 100; Д. 30. Л. 35, 141; Д. 31. Л. 178.
68. Рихтер В. История медицины в России. М., 1820. С. 519.
69. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 93. Л. 245.

70. Федотов Н. П., Медрина Г. И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 42. Самойлов Л. В. К истории обеспечения лекарственных средствами на Алтае (XVII–XIX вв.) // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972. С. 62.
71. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 390–392.
72. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 93. Л. 244 об. Отметим также, что уже в начале весны 1748 г. Цедеркопф посетил Кольванский завод (ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41. Л. 89). Это противоречит утверждениям В. Щербакова, уверявшего, что лекарь всего один раз в 1748 г. покидал Барнаульский завод.
73. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 93. Л. 244 об.; ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 395.
74. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 396 об.
75. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 55. Л. 1 об.
76. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 409.
77. Там же. Л. 401–401 об.
78. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 91 об.
79. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 55. Л. 1 об.
80. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. Л. 41 об.
81. Паршукова Л. Первая сибирская аптека // Алтайская правда. 1984. 10 июня; Федотов Н. П., Медрина Г. И. Указ. соч. С. 98.
82. Дмитриенко И. М., Елисеев Ю. И., Котов В. А. К 250-летию первой аптеки на Алтае // Фармация. 1988. № 2. С. 85–86. Ссылаются на: Тьжнов И. Из истории горнозаводского населения // Алтайский сборник. Вып. 6.
83. Кодкин А. Первое медицинское учебное заведение в Сибири // Сибирские огни. 1959. Июль. Однако следует учитывать, что 1736 г. как дата учреждения первой аптеки встречается и в более ранних работах, однако в них нет никаких ссылок на источник информации. См.: Палкин Б. Н. Краткий очерк истории возникновения медицинских учреждений в районах Прииртышья и Горного Алтая в XVIII в. // Здравоохранение Казахстана. 1954. № 3; Федотов Н. П. Очерки по истории медицины Сибири в связи с историей ее колонизации: автореф. канд. мед. наук. Томск, 1950. С. 54.
84. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 145. Л. 3. С. Мартынов в конце XIX в. в историко-статистическом сборнике «Алтай» писал: «Первый медик и первая аптека, если так можно назвать некоторый запас лекарственных растений, находившихся при врачах, были назначены Кабинетом в 1758 г., этим положено начало медицины в Томской губернии» (Мартынов С. Санитарно-медицинская часть на Алтае // Алт. сборник. Барнаул, 2000. Вып. 20. С. 167). Эти данные, как будет доказано ниже, не соответствуют действительности.
85. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 135. Л. 32–38.
86. Федотов Н. П., Медрина Г. И. Указ. соч. С. 62
87. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 135. Л. 41–41 об., 43.
88. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 231. Л. 186–188. Цит. по: История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начала XX века. Барнаул, 1991. С. 67.
89. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Л. 326 об., подпись на Л. 340; Д. 147. Л. 3.
90. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Л. 326 об., 340; Д. 147. Л. 3; Д. 281. Л. 403–403 об.
91. Письма Э. Лаксмана из Сибири. С. 30. Цит. по: Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1968. С. 152.

92. Федотов Н. П., Медрина Г. И. Указ. соч. С. 107.
93. Копылов А. Н. Указ. соч. С. 151; Палкин Б. Н. Краткий очерк истории возникновения медицинских учреждений в районах Прииртышья и Горного Алтая в XVIII в. // *Здравоохранение Казахстана*. 1954. № 3; Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы... С. 18–19, 184.
94. Кодкин А. Листая страницы прошлого // *Алтайская правда*. 1978. 11 кот.
95. Контев А. В. Становление системы государственного медицинского обслуживания на территории Алтайского края // *Нижнее Причарышье: Очерки истории и культуры*. Ползуновские чтения. Барнаул; Усть-Пристань, 1999. С. 120.
96. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 99. Л. 244 об.
97. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 135. Л. 131–135. Палкин цитирует это документ со ссылкой на: РГИА. Ф. 1295. Оп. 5. Кн. 225. Л. 328 (Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы... С. 19); Кодкин А. Первое медицинское учебное заведение в Сибири // *Сибирские огни*. 1959. Июль.
98. С Эшке также был отправлен его денщик Алексей Буров, взятый из Адмиралтейской коллегии на год.
99. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 135. Л. 129.
100. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 135. Л. 136.
101. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 148. Л. 234–234об., 248–248 об.
102. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 135. Л. 136–138.
103. РГИА. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 1. Цит. по: Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII в. М., 1969. С. 145, 258. Мне не удалось ознакомиться с этим источником, поскольку документы Медицинской коллегии из РГИА были переданы в РГАДА и новые реквизиты дел я узнать не смог.
104. РГИА. Ф. 1295. Оп. 5. Кн. 225. Л. 340. Цит. по: Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы... С. 20; Кодкин А. Листая страницы прошлого // *Алтайская правда*. 1978. 11 окт.; Федотов Н. П., Медрина Г. И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 107.
105. Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы... С. 222–223. Кодкин А. Первое медицинское учебное заведение в Сибири // *Сибирские огни*. 1959. Июль.
106. Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы... С. 95; Кодкин А. Страницы истории // *Алтайская правда*. 1971. 27 авг.; Кодкин А. Первое медицинское учебное заведение в Сибири // *Сибирские огни*. 1959. Июль.
107. Федотов Н. П., Медрина Г. И. Указ. соч. С. 107.
108. Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы ... С. 33–34.
109. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 461. Л. 57 об. Т.8, С. 135. Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России. М., 1907. С. 334.
110. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 480. Л. 231.
111. Кодкин А. Листая страницы прошлого // *Алтайская правда*. 1978. 11 окт.
112. Кодкин А. Страницы истории // *Алтайская правда*. 1971. 27 авг.
113. РГИА. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 2. Цит. по: Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы ... С. 145, 258.
114. Кодкин А. Страницы истории // *Алтайская правда*. 1971. 27 авг. Возможно, речь идет не о документе, а об одном из писем Э. Лаксмана из Барнаула.
115. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 480. Л. 229.

116. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 461. Л. 57 об.
117. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 498. Л. 263.
118. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 183; Федотов Н. П., Медрина Г. И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 58. Ссылаются на: Куприянов Н. Исторический очерк состояния медицины в царствование Екатерины II. СПб., 1873.
119. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 348. Л. 255 об. –256.
120. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 497. Л. 38 об.
121. По сведениям Е. М. Заболоцкого, Кизинг родился в 1728 г. (Заблоцкий Е. М. Биографический словарь деятелей горной службы дореволюционной России [Электрон. дан.] // Горное профессиональное сообщество дореволюционной России. URL: <http://rusmin.narod.ru/D11.html> (23.09.2009).
122. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 461. Л. 57 об.
123. Щеглов И. В. Хронологический перечень ... С. 168.
124. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 480. Л. 229–233.
125. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 348. Л. 79–79 об.
126. Например, он прямо пишет, что лекарский ученик Козьма Прокофьев, которого ему предложили взять вместо Федора Чернозипунникова, постоянно пьяный, «в воровстве и блядстве» (ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 348. Л. 60, 75).
127. Письма Э. Лаксмана из Сибири. С. 33. Цит. по: Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1968. С. 155.
128. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч.3. Пол. 1. СПб., 1788. Предисловие. С. XV–XVI.
129. Воейков А. Н. И. И. Ползунов, изобретатель первой в Европе паровой машины в 1764–1766 гг. // Рус. старина. 1884. Т. 41. С. 399–300; Данилевский В. В. И. И. Ползунов. Труды и жизнь первого русского теплотехника. М. ; Л., 1940. С. 313, 427 приложение 31 (документ полностью опубликован). Автор отмечает, что просмотрел много рапортов Ножевщикова и Кизинга, но нигде не встретил упоминания болезни Ползунова до 1766 г. Мне, в свою очередь, также не удалось найти подобных упоминаний о болезни изобретателя при Ножевщикове.
130. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 242. Л. 165, 223.
131. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 498. Л. 91.
132. Там же. Л. 255. Впрочем само предприятие уже не действовало с 1759 г.
133. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 31. Л. 32–32 об.
134. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 59. Л. 2, 19.
135. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 319. 9 листов. Название дано по архивной описи.
136. Там же. Л. 1–5.
137. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3580. Л. 34.
138. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 354. Л. 21–23 об.
139. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 639. Л. 25 об.
140. Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII в. М., 1969. С. 21, 213, 246, 259; Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII – XVIII вв. Новосибирск, 1968. С. 152.

Н. В. НЕСВЕЖЕВА

В. И. ВЕРЕЩАГИН:

К 100-ЛЕТИЮ ДЕТСКОГО ТУРИЗМА НА АЛТАЕ

В Калининской области, в 20 км от станции Лыкошино между Москвой и Петербургом расположена маленькая деревушка Турны. Здесь 15 октября старого стиля 1871 г. в семье сельского священника родился Виктор Иванович Верещагин, будущий сибирский краевед, ботаник, исследователь Алтая. Отец его интересовался этнографией: собирал пословицы, поговорки, наговоры. Был награжден за это серебряной медалью Русского географического общества.

Окончив духовное училище и семинарию, Виктор Иванович сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости и поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Петербургского университета. Профессором Бекетовым был введен в кружок «маленьких ботаников», где участвовали профессора, доценты и несколько студентов университета и Лесного института. Занятия в кружке положили начало серьезному увлечению ботаникой.

В 1897 г. Виктор Иванович окончил университет с дипломом первой степени. Первые два года после окончания работал в Петербурге, в книгоиздательстве «Знание», возглавляемом К. П. Пятницким. Занимался переводами с немецкого и английского языков. Присутствовал на «средах», где бывали А. М. Горький, В. Г. Скиталец и другие писатели.

Однако его влекло к изучению природы, и, увидев объявление о том, что в Барнауле требуется преподаватель естественных наук, он без колебаний отправился в дальний путь.

Приехав в Барнаул в 1899 г., В. И. Верещагин поступил преподавателем в Барнаульское горное училище. Здесь он проработал более 20 лет, до расформирования училища в 1920 г. Позднее работал заведующим губернских мастерских наглядных пособий, преподавателем 4-й школы, рабочего факультета, высших педагогических курсов, педагогического и сельскохозяйственного техникумов, Алтайского сельскохозяйственного института. По многочисленным отзывам учеников и преподавателей, занятия Виктора Ивановича всегда были очень интересными.

Несмотря на глубокие знания, он тщательно готовился к ним, хорошо их иллюстрировал. Его уроки и лекции сопровождалась опытами, демонстрацией живых растений и гербарных образцов, фотографий, рисунков и т. д.

Иллюстративный материал к занятиям готовил сам. Во время занятий делал рисунки на доске. Причем мог стереть с доски носовым платком и положить меловую тряпку в карман.

Прививая своим ученикам любовь к природе, Виктор Иванович вел ботанические кружки, читал специальные лекции, занимался отдельно с теми, кто интересовался ботаникой и краеведением. Большое внимание уделял ботаническим экскурсиям, сопровождал их всегда увлекательными беседами.

Наряду с экскурсиями в окрестностях Барнаула, В. И. Верещагин совершал и более далекие экспедиции по Алтаю, а также на Волгу и Кавказ. В одной из заметок в «Алтайской правде» его назвали основателем туризма на Алтае. Многие из участников поездок надолго сохранили о них восторженные воспоминания. В специальных письмах члены родительского комитета отмечали, что «умелое и сердечное руководство имело большое воспитательное значение и благотворное влияние на учеников». По поводу другой экспедиции родители учеников писали: «Мы участвовали в ней средствами. Вы же отдали ей свое время, свой труд и свою душу».

Рекреация – восстановление здоровья и трудоспособности путем отдыха вне жилища: на лоне природы, в туристической поездке и т. п. По толковому словарю В. И. Даля рекреация – отдых от службы, от ученья, праздники; каникулы.

Туризм – временные выезды граждан с постоянного места жительства в оздоровительных, познавательных профессионально-деловых, спортивных, религиозных и иных целях без занятия оплачиваемой деятельностью в стране или месте временного пребывания.

Из определения видно, что основная цель туризма – оздоровительная, а одной из важнейших задач туризма является формирование здорового образа жизни человека в обществе. Поскольку основы здорового образа жизни закладываются с детства, то становится понятно, какое значение приобретают программы туристской, оздоровительной направленности, используемые в системе дополнительного образования детей, что и подтверждает сложившаяся за 85 лет существования система туристско-краеведческой деятельности в Российской Федерации.

Под культурно-познавательным туризмом понимают путешествия с целью ознакомления с достопримечательностями городов, музеев, исторических и культурных объектов. Развитие этого вида туризма основано на неослабевающем интересе к культурному потенциалу нашей

страны или других стран, включающему многочисленные памятники архитектуры, истории, литературы, археологии, а также малых исторических городов и сельских поселений, с включением в программу участие в праздниках, обрядах и проч.

Традиции отечественного детского туризма и краеведения, которые теперь принято называть вслед за академиком Д. С. Лихачевым «экологией культуры», имеют прочные исторические корни.

В России детский туризм возник в середине XIX в. и носил характер общеобразовательной экскурсии. Уже в конце XIX – начале XX вв. экскурсии стали входить в систему общеобразовательных занятий некоторых учебных заведений. Вопросам организации экскурсий среди учащихся стали посвящать многочисленные статьи в журналах и педагогических изданиях, книгах.

«Образовательные прогулки по России» (издание Санкт-Петербург, 1903 г.) «...с прошлого учебного года начальникам учебных заведений рекомендовано заботиться об организации ближних и дальних ученических экскурсий, предварительно обсудив этот предмет на педагогических советах... На практические занятия, в том числе и на экскурсии, с прошлого года ассигновывается в каждое заведение определенная сумма в размере 2 рубля на каждого воспитанника в год, и выдаются от казны прогоны и суточные деньги лицам, сопровождающим воспитанников в дальние поездки».

Поездки по России, разумно направленные, имеют еще и то незаменимое значение, что они могучим образом поднимают в молодой душе живое чувство к Родине, наполняют пробуждающийся впечатлительный ум подрастающего поколения огромным запасом разнороднейших знаний и впечатлений, воспринимаемых в живом осязательном виде, а не в форме книжных представлений, искусственно навязываемых уму.

Вообще путешествия и экскурсии учащихся в каникулярное время являются лучшей формой отдыха, восстанавливающей здоровье, обогащающей их опыт и знания.

Определенную роль в развитии ученических экскурсий сыграло также введение 9 марта 1902 г. специального тарифа № 6900 на проезд учащихся, отправляющихся в образовательные экскурсии. На всех русских железных дорогах для групп экскурсантов устанавливался удешевленный проезд в вагонах третьего класса, воспитанникам низших учебных заведений при поездках на расстояние до 50 км предоставлялся бесплатный проезд.

Важным толчком в расширении экскурсионной деятельности стал циркуляр министра народного просвещения от 2 августа 1910 г. за № 20185, которым отменялись летние каникулярные работы учеников

и взамен их рекомендовалось начальникам учебных заведений и педагогическим советам организовывать в период каникул для учащихся оздоровительные прогулки и путешествия.

С развитием экскурсионного дела в средних учебных заведениях, Алтай несомненно привлек внимание организаторов ученических экскурсий. Появилась потребность в различных практических указаниях относительно организации экскурсий в этот отдаленный от центра, но чрезвычайно интересный край.

В 1910 г. в Барнауле были изданы методические рекомендации основателя экскурсионного дела на Алтае – В. И. Верещагина: «Алтай, как район ученических экскурсий».

За 11 лет проживания в Сибири В. И. Верещагин провел девять летних каникул в горах Алтая. Он путешествовал по Алтаю, пересекая вдоль и поперек, частью, просто в качестве туриста, частью, с целью собирания естественно-исторических коллекций. Из этих поездок он вынес убеждение, что Алтай является в высшей степени подходящим районом для интереснейших естественно-исторических и географических экскурсий, вполне доступных для средних учебных заведений Сибири. А дешевый льготный тариф давал возможность и экскурсантам из Европейской России познакомиться с богатой и своеобразной природой Алтая и бытом его обитателей.

Первая пробная поездка с учениками Барнаульского реального училища в Алтайские горы состоялась летом 1905 г. История этой поездки такова. Отправляясь по поручению Алтайского подотдела Русского Географического Общества в Восточный Алтай В. И. Верещагин предложил ученику VII класса В. Пушкарёву, помощнику по сбору коллекции, и еще девяти ученикам старших классов воспользоваться удобным случаем и побывать в горах, посмотреть живописное горное озеро Телецкое. К ним присоединился и преподаватель математики Барнаульского реального училища.

Путь от Барнаула до Бийска (6–7 июня) члены экспедиции проделали на пароходе в отдельной каюте третьего класса. Утром 8 июня, разместившись на парных тележках, они отъехали от Бийска, а 13-го уже верхом (колесного пути дальше не было) направились к урочищу Артыбаш. 15 июня, загрузив баркас багажом, они отправились в путешествие по Телецкому озеру, а 17-го – раскинули палатки в урочище Кырсай, на южном берегу озера. 18-го прибыли в Чульшманский Благовещенский монастырь. 22 июня В. И. Верещагин со своим учеником В. Пушкарёвым отправились на все лето в горы, а остальные его спутники двинулись в обратный путь.

Экскурсия обошлась каждому ученику в 31 р. Продолжительность экскурсии составила 23 дня. Средства на экскурсию составились из взносов участников и субсидии в 100 р. от училища.

Эта первая ученическая поездка из Барнаула в Алтайские горы, по мнению В. И. Верещагина, была плохо подготовлена. Во-первых, из-за отсутствия расторопного, толкового служителя, в обязанности которого входило бы приготовление пищи, надзор за установкой палаток и имуществом экспедиции. Во-вторых, принадлежности для сбора коллекции имелись только у Виктора Ивановича и В. Пушкарёва, поэтому остальные ученики только смотрели и слушали, активного же участия в экскурсионных работах не принимали. В-третьих, о тщательном отборе экскурсантов не было и речи: были взяты все желающие поехать в горы. Наконец, программа экскурсии не была надлежащим образом подготовлена, так как даже сам В. И. Верещагин посещал Телецкое озеро впервые. Вот почему первая горная экскурсия барнаульских реалистов, хотя, несомненно, и доставила экскурсантам много удовольствий, в образовательном отношении, не дала тех результатов, каких можно было ожидать при более умелой организации.

Летом 1909 г. В. И. Верещагин устроил вторую ученическую экскурсию в Горный Алтай. На этот раз экскурсия была тщательно подготовлена и проведена по разработанной программе, т. к. маршрут поездки проходил по хорошо знакомым В. И. Верещагину местам Алтая.

В предварительной беседе с учениками, по поводу предполагавшейся экскурсии, было подчеркнуто, что экскурсия – не пикник, что участие в экскурсионных работах обязательно, что все, что показывается и объясняется на экскурсии, знать также обязательно, как и то, что преподается на уроках. Эта экскурсия дала вполне удовлетворительный результат в образовательном отношении: ученики приобрели довольно солидный запас фактических знаний, особенно ценных тем, что были почерпнуты непосредственно из природы.

Летом 1910 года преподавателем Ново-Николаевского реального училища А. Г. Лукиным, принимавшим участие в экспедиции 1909 года в качестве врача, была организована экскурсия в Горный Алтай на Телецкое озеро для своих учащихся. Это была третья ученическая экспедиция в Горный Алтай.

В. И. Верещагин писал в своем дневнике: «При организации экскурсий в Горный Алтай необходимо заблаговременно списаться с местными жителями, которые помогут нанять ямщиков и лошадей для поездок по Алтаю. Можно обратиться, например, к директору гимназии в Бийске, к священнику, врачу, учителю, приставу, крестьянскому начальству в с. Алтайское, в с. Улала, к лесничему или священнику в с. Кебезень. Заключение формального условия с ямщиками, ограждающего интересы экскурсантов, через упомянутых выше лиц необходимо. В условиях надо точно обозначить поденную плату за пару

лошадей и ямщика с той оговоркой, что продовольствие у ямщиков должно быть свое, и что в каждой тележке помещается по три ученика и сколько можно уложить багажа. Будет нелишним обговорить, что ямщики обязуются быть, безусловно, вежливыми с пассажирами, разводить костер и кипятить воду, укладывать и увязывать багаж, ставить палатки и оказывать другие подобные услуги. Хорошо даже записаться «открытым предписанием» от Томского губернатора к местным сельским властям об оказании всякого содействия экскурсантам. Кочевая жизнь придает своеобразную прелесть поездке по Алтаю и дает возможность использовать каждую остановку для собирания коллекции и ознакомления экскурсантов с окружающей природой, но, конечно, она требует довольно сложного снаряжения. Снаряжение экскурсии разделяется на: общее; снаряжение каждого экскурсанта в отдельности.

Не будет лишним захватить с собой небольшой невод – бредень, стоящий в Барнауле 2 р. 50 к., так как в алтайских речках водятся в изобилии хариусы, а ямщики на стоянках охотно займутся рыбной ловлей.

Наряду с ботаникой, В. И. Верещагин преподавал также химию, кристаллографию, зоологию, минералогию, французский язык. Владел также английским и немецким языками, переводил с греческого и латинского. Но педагогическая работа – это только одна сторона деятельности Виктора Ивановича. Все свое свободное и каникулярное время он отдавал изучению природы. Уже в первые годы были совершены многочисленные ботанические экскурсии. Экспедиционные поездки начинаются с 1901 г. Первые сведения об экспедициях 1901 и 1902 гг. опубликованы в отчетах Совета общества любителей исследования Алтая Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.

В 1902 г. состоялась ботаническая экскурсия в долину р. Чарыш от с. Усть-Кана до с. Коргонского. В 1904 г. В. И. Верещагин посетил западные предгорья Алтая с заездом на гору Синюху и окрестности Кольванского завода. Последующие годы были посвящены изучению природы непосредственно Горного Алтая. В 1905 г. Виктор Иванович проехал по Телецкому озеру, долине р. Чулышмана до его верховьев, был в низовьях рек Шавлы, Чульчи и Башкауса. В 1907 г. основные экспедиции проходили в районе Чуйской котловины до истоков и верховьев р. Чуи. В 1908 г. путешественник частично повторил свои маршруты по Северо-Восточному и Юго-Восточному Алтаю. От Чуйского тракта были сделаны две боковые экскурсии – от Курая в верховье р. Актру и от урочища Сары-Кольдюк в верховье р. Ачик, притока р. Шавлы Аргутской. В 1909 г. внимание исследователя привлек Центральный Алтай, и экспедиционные поездки были совершены через

Канскую и Уймонскую степи на вершины Катунских белков. Большой маршрут по Южному Алтаю был проделан в 1909 г.

Для своих поездок Виктор Иванович выбирал, большею частью, малоизученные и труднодоступные места, подвергаясь опасности на крутых бомах долины р. Чулышман, в трещинах ледников Белухи и Чуйских Альп, на переправах через бурные горные реки. Таким был маршрут в 1905 г., когда он первым из ботаников и вообще путешественников проехал по маршруту: Телецкое озеро – долина Чулышмана до устья Башкауса – Кумуртук – Верховья р. Чупьчи – верховья р. Чакрыма (притока р. Шавлы) – Чулышман – вниз по Чулышману до урочища Чадрала и далее до Кумуртука, от Кумуртука вверх по Чулышману до озера Джулу-Куль, от озера окраиной Монголии до верховьев Башкауса, Башкаусом до Яч-Улагана, – Чибит и Чуйским трактом в Бийск. До 1905 г. здесь не ступала нога путешественника. Тогда Виктор Иванович впервые прошел всю долину р. Чулышман от ее устья до истоков из озера Джулу-Куль, включая и малоизвестные места по среднему течению. Вот как он описывает из эпизодов этой поездки в своей книге «Очерки Алтая», изданной в 1927 г.: «Тропа вдруг сходит на нет, а к Чулышману вплотную подошли горы и обрвались в его бурные воды крутыми скалами. У верхнего Сепбома необходимо сойти с седла, так как Сепбом можно пройти только пешком и притом босиком. Сначала приходится идти по доске, перекинутой с одного выступа скалы на другой над бурным потоком, а затем за поворотом скалы надо карабкаться, цепляясь руками за неровности скал, но беда в том, что они округлены и гладко ошлифованы, и сорваться с них можно очень легко. Лошадей приходится пускать вплавь, придерживая на арканах».

Не менее опасной была переправа через р. Шавлу, правый приток Чулышмана. Во время поездок был собран большой материал, обширные и ценные коллекции растений, дано подробное описание и сделан анализ растительности обследованных мест, установлены видовой состав и экологическая приуроченность растений.

Во время экспедиций было сделано много интересных фотографий. Нелишне вспомнить о громоздкости фотоаппаратуры того времени (а все нужно было таскать с собой) и отсутствии современных приспособлений для изготовления фотографий.

Глубокое знание растений и зоркий глаз ботаника позволили В. И. Верещагину найти редкие растения и отыскать новые виды, как для Алтая, так и для науки в целом.

Профессор Б. А. Федченко в статье «Изучение растительности Сибири за последние годы («Северная Азия, 1925, кн. V–VI»)» писал: «В Томской

губернии и на Алтае необходимо отметить работы Виктора Ивановича Верещагина, который из года в год экскурсирует по труднодоступным ущельям Алтая и всегда делает интересные наблюдения и даже ботанические открытия».

Деятельность В. И. Верещагина до 1928 г. подытожил П. Н. Крылов, известный ботаник, член-корреспондент АН СССР, профессор Томского государственного университета: «В. И. Верещагин сделал на Алтае и в прилежащих к нему местах преимущественно на свои средства 17 экспедиций, продолжительностью в среднем 2,5 месяца каждая, изъездив в общей сложности, по меньшей мере 20 тыс. верст пути преимущественно по горным верховым тропам. Им было собрано на Алтае около 2 тыс. растений, включая, кроме высших, некоторые споровые растения. Из этого числа свыше 50 новых для Алтая и 5 видов совсем неизвестных ранее, новых для науки. Весь собранный во время экспедиций материал исследователь всегда отработывал сам: определял, систематизировал, тщательно оформлял, делая его доступным для широкого пользования».

Значительная часть сборов была передана в Гербарий имени П. Н. Крылова при Томском государственном университете, в Гербарий Ботанического института АН СССР (г. Ленинград), частично в Омский сельскохозяйственный институт (тогда Сибирскую сельскохозяйственную академию).

В. И. Верещагин создал гербарий алтайской флоры в Алтайском краеведческом музее. В 1949 г. 5 тыс. гербарных листов были переданы из музея в Медико-биологический институт Западно-Сибирского филиала АН СССР (г. Новосибирск). Коллекции растений, доставленные Виктором Ивановичем с Алтая, послужили ценным вкладом в работу по изучению флоры края и систематики растений. Они широко использовались при составлении «Флоры Западной Сибири» для уточнения ареалов отдельных видов, а также в других работах.

С момента приезда на Алтай и до последних дней жизни деятельность В. И. Верещагина была неразрывно связана с Краевым краеведческим музеем. С 1900 г. совместно с орнитологом А. П. Велижаниным и энтомологом Г. Е. Роддом он работал над созданием и улучшением отдела природы. Собранный и обработанный им материал лег в основу ботанического отдела музея. Кроме общего гербария, Виктор Иванович составил для музея показательные гербарии альпийской флоры Алтая, лекарственных растений, а также исчерпывающий список растений окрестностей Барнаула. Привезенные из экспедиционных поездок и экскурсий зоологические коллекции он также передавал в музей. До конца своей жизни (умер 10 октября 1956 г.) Виктор Иванович

состоял консультантом музея. Работал в основном на общественных началах, и лишь непродолжительное время был штатным сотрудником. В краеведческом музее есть экспозиция, посвященная В. И. Верещагину.

Деятельное участие исследователь принимал в работе Русского географического общества. В 1920 г. он был избран действительным членом Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО, а в 1924 г. – стал его почетным членом.

В экспедициях он выполнял также задания географического и ботанического обществ. В изданиях Алтайского отдела РГО помещен целый ряд его статей.

В. И. Верещагин горячо любил свою родину, край, где ему пришлось прожить большую часть жизни, его природу, и много сил посвятил проведению и организации краеведческой работы, консультациям, популяризации ботанических знаний.

Начиная с 1907 г., он регулярно публикует результаты своих исследований, пишет популярные очерки и статьи, привлекая внимание к красотам Горного Алтая, его богатейшим растительным ресурсам и использованию их в практической деятельности.

Более 40 работ В. И. Верещагина опубликованы в различных изданиях. В 1925 г. в Новосибирске была издана книга «Алтай как район образовательных экскурсий», в 1927 г. – «Очерки Алтая». В 1959 г. вышла из печати книга «Полезные растения Западной Сибири», в которой даны описания около 1 тыс. видов полезных растений с указанием их использования. Его очерки напечатаны в печатном органе Алтайского подотдела РГО – «Алтайском сборнике»: «От Барнаула до Монголии», «По Восточному Алтаю» и др. Ряд статей написан для «Сибирской советской энциклопедии». Целая серия работ посвящена методике проведения занятий и ботанических экскурсий, сбору гербария, проведению краеведческой работы в школе. Статьи были помещены в журналах «Просвещение Сибири», «Естествознание и география», «Сибирский рассвет», «Сибирская природа», «За политехническую школу».

В консультациях и определениях растений Виктор Иванович не отказывал никому, а обращались к нему многие ученые, чтобы посоветоваться о маршруте, уточнить ареалы и названия растений, географические и этнографические сведения. Побывали и кинематографисты, снимавшие картину «Кощей бессмертный». Им нужна была березовая роща, и по совету Виктора Ивановича они нашли ее в окрестностях с. Озерки. Приходили туристы, учителя, школьники, жители, занимающиеся сбором лекарственных трав или выясняющие причины падежа скота, и многие другие. Все они получали квалифицированную, исчерпывающую и совершенно бескорыстную помощь.

Более 50 лет посвятил В. И. Верещагин научной, педагогической, просветительной работе на Алтае. Его многолетняя научная деятельность была отмечена присуждением ему ученой степени кандидата биологических наук по совокупности работ без защиты диссертации (1947 г.) и звания доцента. В честь В. И. Верещагина ученые назвали восемь новых видов растений и два вида насекомых. Деятельность В. И. Верещагина отмечена в ряде работ. Приведем несколько выдержек. «Западно-Сибирскому филиалу АН СССР, – говорится в отзыве, подписанном председателем Президиума А. Т. Лонгвиненко и директором Медико-биологического института В. В. Ревердатто, – хорошо известны выдающиеся заслуги В. И. Верещагина в области изучения флоры Сибири. Прекрасный знаток флоры, неутомимый коллектор, прекрасный педагог и популяризатор В. И. Верещагин является одним из выдающихся исследователей Алтая».

«Как видно из представленных материалов, В. И. Верещагин является незаурядным работником в своей области. Отзывы крупнейших учреждений Союза дают весьма лестную оценку его научным заслугам. Исследования по ботанике края, организация музея и ряд трудных поездок и экспедиций, наряду со значительной культурно-просветительной работой, заставляют признать заслуги В. И. Верещагина незаурядными» (Из отзыва Главного управления науки).

Научно-исследовательская деятельность В. И. Верещагина отмечена также в «Большой советской энциклопедии» (1951), в Биографо-библиографическом словаре «Русские ботаники» (1947), в Сибирской советской энциклопедии (1929), «Летописи Барнаула» (2007), «Энциклопедии Алтайского края» (1997), и в другой справочной и специальной литературе.

Литература

1. Верещагин, В. И. Алтай как район образовательных экскурсий. Новоиколаевск: Сибкрайиздат, 1925. 23 с.
2. Верещагин, В. И. Материалы для ботанических экскурсий в Алтайском крае. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1972.
3. Верещагин, В. И. По Восточному Алтаю: дневник путешествия в 1905 году // Алтайский сборник. Барнаул, 1907. Т. 6.
4. Верещагина, И. В. Виктор Иванович Верещагин – исследователь Алтая // Ботанические исследования Сибири и Казахстана. Барнаул, 2000. Вып. 6.
5. Гришаев, В. Ф. 120 лет со дня рождения исследователя Алтая, ботаника В. И. Верещагина (1871–1956) // Страницы истории Алтая. 1991 г.: библиогр. указ. Барнаул, 1990.

6. Алтайский центр детского и юношеского туризма // Общественные объединения Сибирского региона. Т. 2. Общественные объединения Алтайского края. Изд. 3-е. Новосибирск, 1998 г.
7. Туристско-краеведческая деятельность – важнейшее средство образования, патриотического воспитания и оздоровления детей и учащейся молодежи: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию детско-юношеского туризма России. Москва, 2003.
8. Проблемы развития туристско-краеведческой деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы. Москва, 2005.
9. Константинов, Ю. С. Детский туризм в России: очерки: 1918–1998 гг. Москва, 1998.

Е. В. ОГНЕВА

АЛТАЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНОИСКУССТВЕ

Удивительным является тот факт, что Сибирь и Алтай не намного отстали от крупных российских городов в деле приобщения к кинематографу. Первые сеансы кинематографа в сибирских городах состоялись в конце 1896–1897 гг.

Появление в Сибири аппарата «Синематограф», по свидетельству М. П. Колодина, одного из авторов «Сибирской Советской энциклопедии», связывается с именем Федота Фаддеевича Махотина.

Летом 1896 г. Ф. Ф. Махотин, артист театра и цирка 26 лет от роду, приехал в Нижний Новгород на цирковую биржу, искать работу на следующий сезон. В то же время на Нижегородской промышленной и художественной выставке в павильоне для развлечений фирмой «Пате» устраивались демонстрации кинематографа. Побывав на одном из таких сеансов, Ф. Ф. Махотин высоко оценил возможности кинематографа, как потрясающего воображение публики аттракциона. Возможно, Махотин лично, либо в складчину с цирковой труппой, в которой он служил, приобрел у представителя фирмы «Пате» аппарат «Синематограф».

Как известно, с октября 1896 г. открылось регулярное движение по железнодорожной линии Транссибирской магистрали «Челябинск – ст. Обь». Это позволило артистам расширить круг зрителей, не избалованных визитами гастролеров. В начале зимы 1896 г. махотинская труппа направилась в Сибирь и по прибытии в Ново-Николаевск дала представления с показом кинематографа.

Однако зрительский потенциал Ново-Николаевска быстро исчерпался, так как в поселке проживало всего 6 тыс. жителей. И зимний сезон 1897 г. труппа продолжила гастролями в Томске и Иркутске.

До Барнаула Ф. Ф. Махотин добрался в мае 1897 г. О премьере здесь кинематографа сохранилось свидетельство в газете «Томский листок» от 22 мая 1897 г.: «Проездом через Барнаул демонстрировался кинематограф. Изображение привлекло массу зрителей и произвело сильное впечатление. Для учащихся кинематограф показывался бесплатно и особо. Разнообразие картин не было, хотя некоторые производят

хорошее впечатление, а именно: улица Парижа, купание в Сене, сжигание трав и др.»

С этого момента сеансы кинематографа стали любимым и долгожданным развлечением городской публики. Они эпизодически устраивались заезжими гастролерами в Барнаульском Общественном собрании. Устроителем подобных зрелищ выступало также Общество попечения о начальном образовании.

Постоянно действующие электротeatры появились на Алтае предположительно в 1906–1908 гг. Однако официальное постановление, в частности Барнаульской городской думы, разрешающее «постройку деревянных зданий для синематографов», вышло 14/27 января 1910 г. И с этого момента уже на законных основаниях один за другим в Барнауле стали открываться частные электротeatры.

Правоммерно отметить, что в истории кино на Алтае 1910 год стал настоящей исторической вехой, поскольку в этом году был снят первый алтайский кинофильм. Его создателем стал барнаульский фотограф Сергей Иванович Борисов. Во время экспедиции в Горный Алтай он снял киноленту под названием «Виды Алтая». На сегодняшний день более ранних по времени создания фильмов, снятых на территории Сибири, не выявлено, поэтому мы можем утверждать, что видовая лента С. И. Борисова является первым сибирским фильмом.

По сохранившимся свидетельствам, премьера фильма С. И. Борисова состоялась 16 и 20 марта 1911 г. в Иркутском музее и Иркутском промышленном училище. Картина получила высокую оценку. Снятый Борисовым материал вошел в фильм крупнейшего в Сибири и на Дальнем Востоке кинопредпринимателя Антония Михайловича Дон-Отелло. Картина вышла в прокат под первоначальным названием.

До Первой мировой войны в России успешно работали представительства французских фирм «Гомон» и «Пате», которые активно вели хроникально-документальные съемки по всей территории Российской империи. По отрывочным свидетельствам хроники из газеты «Жизнь Алтая» можно заключить, что иностранные кинооператоры заглядывали и на Алтай.

Достоверно известно, что вслед за С. И. Борисовым идеей создать свой фильм заинтересовался другой алтайский фотограф Степан Иванович Гуркин, родной брат знаменитого художника Григория Ивановича Гуркина. Летом 1913 г. он снял этнографическую ленту «Кровавое жертвоприношение алтайского шамана Блчек» и продемонстрировал ее в сентябре 1913 г. в Томском Общественном собрании. Успех кинодебюта так вдохновил С. И. Гуркина, что в начале 1914 г. он стал вести переговоры с кинематографической фирмой «Пате» в Москве о «предоставлении ему аппарата для съемки на ленту кинематографа видов Алтая, его

аборигенов»¹. Закономерно, что авторами первых фильмов об Алтае были фотографы. Они, по роду своей деятельности, хорошо знали секреты фото- и киносъемки. Важно и то, что не заезжие кинооператоры, а местные подвижники первыми прославили Алтай средствами киноискусства.

Так сложилось, что в России первыми оценили возможности кинематографа люди, посвятившие себя делу просвещения и науке. К такому относился и Франц Францевич Шиллингер – видный деятель по охране природных богатств и памятников природы, исследователь Алтая, основатель Алтайского заповедника.

Во время своей очередной экспедиции летом 1913 г. Ф. Ф. Шиллингер снял видовой фильм «Алтайский заповедник». В отличие от других ранних кинофильмов об Алтае, эта лента имела счастливую экранную судьбу. И даже 20 лет спустя, в 1933 году, она была выпущена повторно по рекомендации Наркомпроса РСФСР.

Представительства иностранных кинофирм в России создали широкую корреспондентскую сеть, которая поставляла материалы для хроникальных фильмов и выпусков кинопериодики. В 1913 г. на Алтае побывала киногруппа, в которую входили представители фирмы «Гомон». Она сняла фильм «Уголки девственного леса Алтая» («Алтай», «Девственные леса Алтая»).

Начинающие русские кинооператоры охотно соглашались на сотрудничество с иностранными кинофирмами. Одним из таких кинокорреспондентов был томский фотограф А. А. Хаймович. В мае 1914 г. по предложению фирмы «Пате» он выезжал на Алтай для съемок видов Алтая, типов инородцев, их образа жизни и религиозных обрядов.

Стремительное развитие отечественной кинематографии привело к постепенному сужению поля деятельности иностранных кинофирм в России. Этот процесс заметно ускорился с началом Первой мировой войны. Лидирующее положение в русском кинематографе 1910-х гг. занимала кинофабрика А. А. Ханжонкова. В 1911 г. на ее базе был создан научный отдел. Несмотря на убыточность производства просветительских фильмов, А. А. Ханжонков не прекращал их выпуск, искренне веря в высокое предназначение «разумного» кинематографа.

В каталоге научного отдела кинофабрики А. А. Ханжонкова значились такие ленты об Алтае:

- «Промыслы на Алтае». 120 м (Охота на соболей в лесах Алтая).
- «Телесное наказание на Алтае» 39 м.
- «Алтайские шаманы» 91 м.
- «Мараловодство» 102 м и др.

---

¹ «Жизнь Алтая». 1914. 3 янв. С. 3.

В 1915 г. знаменитым оператором фирмы А. А. Ханжонкова – Ф. Бремером был снят фильм «По бурным потокам Алтая». Премьера фильма состоялась в специализированном кинотеатре А. Ханжонкова «Пегас» 10 ноября 1915 г.

Таким образом, в 1910-е гг. было положено начало алтайской кинолетописи, а вышеперечисленные кинофильмы явили собой первый опыт экранного воплощения образа Алтая. Об уровне и значимости работ кинематографистов Сибири в 1910-е гг. говорит тот факт, что в начале 1920-х годов советская кинематография в региональной форме существовала только в Сибири и на Дальнем Востоке.

С установлением советской власти смена эстетической и идейно-политической направленности киноискусства проходила в конфликтных формах. Однако в Сибири благодаря известной удаленности от центров идейных баталий происходил автономный процесс консолидации творческих сил региональной кинематографии, которая вырабатывала собственный взгляд на понимание роли кинематографа в жизни новой Сибири. В начале 1920-х гг. в Сибири появились первые кинопредприятия: 1922 г. – Урало-Сибирское отделение Госкино; 1923 г. – Сибирское отделение Госкино. Они имели небольшой объем производства. Однако именно силами Сибгоскино был поставлен первый сибирский игровой фильм «Красный газ». Сюжет картины был основан на реальных событиях Гражданской войны в Сибири. Основной объем съемок был произведен на Алтае, при участии актеров сибирских театров, а также жителей Алтая – участников партизанской войны с колчаковцами. Съемки «Красного газа» по времени совпали с работой на Алтае киногруппы 1-й фабрики Госкино (Москва) во главе с режиссером А. Е. Разумным, который поставил фильм об исторической судьбе народов Горного Алтая. В драматургической канве фильма переплелись алтайские легенды и современный материал. В прокат картина вышла под названием «Долина слез».

Газета «Известия» (от 12 декабря 1924 г.) писала: «Почин киноэкспедиций из Москвы на далекие окраины для съемки научно-бытовых и художественных лент на темы этнографии, истории, хозяйства и культуры края, народного эпоса и быта – этот почин имеет для нас очень большое значение. С одной стороны, мы хотим иметь для широкого распространения ленты по изучению жизни всех народностей, по общественно-научному краеведению, – такие ленты будут иметь большое просветительское значение. С другой стороны, и для самих окраин, и союзных народностей эти ленты будут нужны для выявления их запросов и культурного развития».

Как свидетельствуют архивные документы, фильмы «Долина слез» и «Красный газ» имели большое влияние на дальнейшее развитие

кинематографа в Сибири. Во-первых, кинематографисты открыли для себя великолепную сибирскую натуру и россыпь своеобразных и острых тем, которые стали немедленно «эксплуатироваться», во-вторых, сами сибиряки воодушевились и поверили в свои силы¹.

Успешный дебют сибирских кинематографистов придал новый импульс в деле создания собственной, самостоятельной сибирской киностудии, организационно оформившейся в 1926 г. как акционерное общество «Киносибирь».

«Киносибирь» являлась киноорганизацией, занимавшейся вопросами кинопроизводства, проката и кинофикации на территории Сибири, в том числе и на Алтае. «Киносибирь» имела филиалы в Омске, Томске, Иркутске, Барнауле, Минусинске, Ачинске, Бийске, Камне, Канске, Красноярске.

В «Киносибири» царил дух творческой свободы и энтузиазма, в ней одновременно развивались все виды кинематографии: художественная, хроникально-документальная, научно-популярная, анимационная.

За три года своей деятельности с 1926 по 1929 г. «Киносибирь» выпустила около 40 фильмов, из которых одна треть были полнометражными. «Киносибирь» достигла рекордных по тем временам объемов производства, причем фильмы снимались исключительно на сибирском материале.

«Киносибирь» занималась и выпуском кинопериодики. Журналы выходили под названиями «В помощь земледельцу» (4 выпуска), «Киносибирь» (4), «Сибирский альманах» (2). В них содержались сюжеты и об Алтае. Именно в «Киносибири» была разработана и осуществлена идея выпуска «кинохроникального» журнала «Сибирь на экране», который выходил на экраны более 60 лет, и представлял собой настоящую кинолетопись сибирской жизни.

В 1928 г. «Киносибирью» были сформулированы основные задачи киножурнала «Сибирь на экране». Журнал должен был запечатлеть и увековечивать исторические моменты политического, хозяйственного и культурного значения, происходящие на территории Сибкрая, отражать на экране достижения социалистического строительства Сибкрая, государственные и партийные мероприятия, имеющие как всесоюзное, так и общесибирское значение, выявлять географические особенности Сибкрая, отражать быт, уклад жизни и занятия инородцев Сибири². В информационном письме окружным Советам ОДСК (Общество друзей советской кинематографии) подчеркивалось: «Кино-ежемесячный журнал «Сибирь на экране» должен иметь большое культурное значение в деле социалистического воспитания широких

---

¹ ГАНО, Ф. 277. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

² ГАНО, Ф. 277. Оп. 1. Д. 46. Л. 139

масс и знакомства с особенностями богатейшего, но мало изученного Сибирского края»¹. К сбору материалов для журнала активно привлекались активисты местных организаций ОДСК, в том числе и в Барнауле. Но деятельность «Киносибири» была недолгой. Государственная монополизация кинематографа предрешила судьбу «Киносибири», которая была ликвидирована в декабре 1929 г. Ее техническая база была передана «Совкино», вскоре переименованное в «Союзкино», и на ее основе была создана киностудия «Сибтехфильм» («Сибирская фабрика учебных, научных и технических фильмов треста Союзтехфильм»), окончательный статус и направление деятельности которой оформились в 1932 г. «Сибтехфильм» плодотворно работал в Новосибирске до конца 1948 г., до перевода в Свердловск.

Преобразования в сибирской киножизни имели еще одно важное следствие. Еще при Сибирской фабрике «Союзкино» была создана «Съемочная база кинохроники» (Западно-Сибирская база «Союзкинохроники»). Она возникла в 1930 г. Поскольку собственных площадей и технологического оборудования она не имела, то производственные процессы Сибирской базы «Союзкинохроники» осуществлялись в лабораториях «Сибтехфильма».

Организатором Сибирской базы «Союзкинохроники» стал Николай Васильевич Константинов, корреспондент «Союзкиножурнала» по Сибири. Осуществляя поездки по Сибири с целью проведения съемок сюжетов для киножурнала, он приглашал в качестве помощников в съемках талантливых молодых людей из числа кинолюбителей, членов ОДСК, которых обучал в процессе работы операторскому мастерству. Подвижническая деятельность Н. В. Константинова дала свои плоды. В Сибири появилась группа кинохроникеров. В числе первых сибирских кинокорреспондентов был и барнаулец Сергей Васильевич Хмелев. Именно с деятельностью С. В. Хмелева связано регулярное появление на киноэкранах сюжетов кинопериодики об Алтайском крае, им же было снято и три фильма, посвященных родной земле и ее людям. Кинокамера С. В. Хмелева запечатлела многие важные исторические события в истории Алтая 1930–1950-х гг.

Западно-Сибирская база «Союзкиножурнала» изначально создавалась для поставок киноматериалов в Москву. Однако вскоре среди сибирских хроникеров возродилась идея выпуска киножурнала о Сибири. С 1930 г. киножурнал «Сибирь на экране» регулярно стал выходить в прокат.

Успехи коллектива Западно-Сибирской базы кинохроники были вознаграждены: с 1932 г. она получает возможность работать на правах самостоятельной киностудии, возглавил которую Самуил Абрамович

---

¹ ГАНО. Ф. 277. Оп. 1. Д. 46. Л.137.

Давидсон. Параллельно с выпусками киножурнала «Сибирь на экране» сибирские кинематографисты снимали и документальные фильмы. В это время создаются такие фильмы об Алтае, как «Алтай-кижи», «Ойротия», «Штурм Белухи», «Одна из двух».

Вдохновленные преобразованиями на селе, гигантскими стройками, появлением крупных промышленных предприятий кинооператоры без устали колесили по дорогам Сибири, стараясь запечатлеть на пленку все важное и значительное, что происходило вокруг. Алтайские материалы составляли значительную часть кинопродукции новосибирской студии.

Киносюжеты, создаваемые сибиряками, попадали и на всесоюзный экран, так как лучшие из них направлялись в Москву и включались в «Союзкиножурнал». И именно это обстоятельство позволило сохраниться до наших дней уникальным материалам об истории Алтая 1930-х гг., поскольку сибирский киноархив 1920–1930-х гг. практически полностью утрачен. Неутомимая работа сибирских работников кино привлекла внимание столичных кинематографистов. В 1929–1930 гг. на Алтае проводились съемки игрового фильма «Одна», осуществлявшиеся группой ленинградских кинематографистов, возглавляемой Г. Козинцевым и Л. Траубергом. Фильм «Одна» представлял в действительности реальную историю молодой ленинградской учительницы, которая приехала в далекий алтайский аил для организации школы. Фильм изобилует этнографическими подробностями жизни алтайцев. И что особенно важно, при производстве фильма была произведена одна из первых попыток записи музыки, различных «театральных» шумов и актерского голоса. Фильм «Одна», снятый на Алтае, является одним из первых в истории советской кинематографии звуковых фильмов.

В 1935 г. на всесоюзный экран вышел игровой приключенческий фильм «Золотое озеро», снятый в условиях экспедиции на Алтае, на берегах Телецкого озера. Его поставил кинорежиссер студии «Межрабпомфильма» Владимир Шнейдеров, известный мастер видовых фильмов-путешествий. Во время съемок картины «Золотое озеро» В. А. Шнейдеров снял также ленту «По Алтаю», украшением которой стали пейзажные зарисовки алтайской природы, великолепно снятые оператором А. Шеленковым.

1930-е гг. отмечены в истории сибирского кино как годы профессионального становления сибирской кинематографии. К несомненным достижениям студии относится выпуск в 1936 г. первого звукового киножурнала «Сибирь на экране», монтаж и озвучивание были осуществлены режиссером Георгием Гребенкиным и композитором Андреем Порфирьевичем Новиковым.

Успешная деятельность кинохроникеров Западно-Сибирской базы «Союзкинохроники» получила признание и в кинематографических, и во властных кругах, что выразилось в изменении статуса организации. В 1938 г. база была реорганизована и переименована в Новосибирскую студию кинохроники.

География деятельности киностудии впечатляла: Новосибирская, Томская, Омская, Тюменская, Кемеровская области, Красноярский и Алтайский края. В 1946 г. Тюмень отошла в ведение Свердловской киностудии, Красноярск – к Иркутской студии.

В предвоенные годы в Новосибирской студии сложился дружный коллектив кинематографистов, влюбленных в свое дело.

Алтай постоянно находился в поле зрения кинематографистов. Алтайская тема присутствовала в фильмах и сюжетах киножурнала Новосибирской студии во многом благодаря деятельности Г. Цветкова, А. Тарбеева, Г. Гребенкина, С. Хмелева и др.

Но с началом Великой Отечественной войны процесс создания кинолетописи Алтая был прерван. Работа Новосибирской киностудии была перестроена на военный лад и подчинена нуждам военного времени. Часть работников киностудии ушла на фронт, в числе добровольцев были Г. Гребенкин и А. Тарбеев, который погиб в боях под Москвой. Фронтowymi кинооператорами стали Г. Цветков, И. Андриевский. Выезжали на места ведения боевых действий многие кинооператоры студии, в их числе и С. В. Хмелев.

В годы Великой Отечественной войны из оккупированных и прифронтовых районов страны в Среднюю Азию и Сибирь были эвакуированы многие киноорганизации. Так, в Новосибирске в 1941–1942 гг. оказались Всесоюзный комитет по кинематографии, ВГИК, Госфильмофонд, Московская и Ленинградская студии научно-популярных фильмов, часть Киевской студии, часть Московской кинокопировальной фабрики и др.

Несмотря на трудности военного времени, кинопроизводство игровых фильмов не прекращалось даже в условиях эвакуации. В годы войны Алтаю было суждено стать местом съемок двух выдающихся в истории отечественного кино фильмов – «Белый клык» и «Кощей Бессмертный».

В конце 1943 г. из Новосибирска в Горный Алтай прибыла киногруппа Московской студии научно-популярных фильмов, возглавляемая А. М. Згуриди. В окрестностях Чемала более года велись съемки игрового фильма по повести Дж. Лондона «Белый клык», инсценировка которого была подготовлена самим режиссером. Будучи непревзойденным мастером фильмов о животных, параллельно со съемками «Белого клыка» А. М. Згуриди создал два документальных фильма о мире животных Алтая: «Материнская любовь» и «В горах Алтая».

В то же время, в 1943–1944 гг., в Тальменском районе Алтайского края, близ с. Озерки, проходили натурные съемки кинофильма «Кощей Бессмертный». Режиссер А. А. Роу постоянно чувствовал поддержку властей и живой интерес к съемкам местных жителей, которые активно помогали в строительстве сложных декораций, в организации съемочного процесса. Многие жители с. Озерки принимали участие в съемках массовых сцен кинофильма. В знак благодарности за радушный прием и участие в постановке фильма, премьерные показы «Кощей Бессмертного» Александр Роу провел в с. Озерки и г. Барнауле в мае 1945 г., в дни всенародного праздника – Победы над фашистской Германией.

По окончании войны сибирские кинематографисты вернулись к привычной работе. Было восстановлено в прежнем объеме производство киножурнала «Сибирь на экране». В содержательном плане работа кинематографистов не претерпела значительных изменений, также снималась хроника, выходили фильмы о производственных достижениях и значительных событиях в жизни Сибири. Однако в 1948 г. киностудия «Сибтехфильм» была переведена в Свердловск, что явилось большой утратой для сибирской кинематографии. Студия кинохроники осталась без поддержки коллег-кинематографистов «Сибтехфильма». В сложившихся обстоятельствах коллектив кинохроники должен был быстро приспособиться к новым условиям работы. Перемены в жизни студии негативно отразились на процессе создания кинолетописных материалов об Алтае. Это не осталось незамеченным в Москве. В июне 1949 г. Центральная студия документальных фильмов направила в Новосибирск письмо, в котором отмечалось: «От Новосибирской студии мы по Алтайскому краю ничего не получаем! Богатейший край никак Вами не освещается. Рубцовские тракторостроители забыты. Большое движение – народная стройка в алтайской деревне, меняющийся ее облик – упорно обходятся»¹.

Последние годы сталинской эпохи в истории кино известны, как период, когда в стране резко снизился объем кинопроизводства, что привело и к уменьшению количества выпускаемых хроникально-документальных фильмов и периодики.

Была и другая причина, объясняющая малый объем кинохроники, снимаемой на Алтае. По сложившейся традиции съемки отдельных сюжетов осуществлялись кинооператорами, которые выезжали на Алтай, имея определенное задание от студии, соответственно, отсняв материалы, они возвращались в Новосибирск. Такая организация съемок имела эпизодический характер, и не позволяла постоянно следить за всеми значительными событиями в жизни Алтайского края. Оперативно

---

¹ ГАНО. Ф. 1475. Оп. 1. Л. 85–89.

и масштабно проводить съемку на местах можно было только при наличии сети стационарных кинокорреспондентских пунктов.

Изменения в системе работы киностудии стали насущно необходимы. Начиная с 1956 года, Новосибирская студия кинохроники стала организовывать корпункты в Омской, Томской, Кемеровской областях и в Алтайском крае.

Появление на Алтае постоянно действующего корпункта Новосибирской студии значительно активизировало процесс съемок кинолетописных материалов. Первым постоянным кинокорреспондентом по Алтайскому краю стал И. Андриевский, свою работу на Алтае в 1950-е гг. продолжали и С. Хмелев, Г. Цветков, Б. Маневич.

В 1954–1956 гг. внимание к Алтайскому краю кинематографистов всей страны резко возросло в связи с началом массового освоения алтайских целинных земель. Тогда люди со всей страны стали приезжать на Алтай, стремясь внести свой вклад в это важное государственное дело.

Тема целины не оставила равнодушными кинорежиссеров всех ведущих киностудий страны. Из Москвы, Ленинграда, Свердловска на Алтай приезжали киногруппы, снимавшие материалы о трудовых свершениях и буднях первоцелинников («Первая весна» (1954), «Мы живем в Кулунде», «Хлеб Алтая» (1956) и др.)

Значительным событием описываемого периода в истории кино Алтая стал выпуск на экраны в 1955 г. первого цветного фильма Новосибирской студии кинохроники «В садах Алтая».

В документальном кинематографе конца 1950-х – середины 1960-х гг. главной темой фильмов и выпусков кинопериодики стали люди труда и их общественно значимая роль. В свое время эти картины внесли большой вклад в процесс самосознания людей в обществе, в котором главным мерилom ценности человека был труд.

В 1960-е гг. на первый план кинодокументалистики выходят образы алтайских земледельцев, их непростые судьбы, самобытные характеры («Одиннадцать из Харитоновки», «Рука друга», «Поднятые целиной» и др.).

В это же время в хроникально-документальном кино наблюдался процесс расширения тематики выпускаемых кино материалов об Алтае, они становятся все разнообразнее, обнаруживают активные творческие поиски документалистов. На экраны выходят такие фильмы, как «Совесть призывает» о коммуне «Майское утро», рассказ о которой ведется от лица С. П. Титова, отца космонавта Г. С. Титова; «Незримый пассажир» о просветителе А. М. Топорове; «Иван Ползунов» – об изобретателе паровой машины.

В целом, в 1960-е гг. на Алтае наблюдалась активизация кинопроцесса, выразившаяся, в том числе, и в увеличении объема кинопроизводства.

Отчасти это было связано с развитием телевидения, повлекшего за собой повышение спроса на кинопродукцию. В первые годы существования сибирские телестудии, в т. ч. Барнаульская и Бийская, выпускали достаточно много фильмов. Однако пройти испытание временем и доказать свою творческую состоятельность смогла только студия «Новосибирсктелефильм».

В 1960-е и начале 1970-х гг. тема Алтая мощно прозвучала в игровом кинематографе благодаря творчеству В. М. Шукшина. Образ Алтая стал лейтмотивом трех фильмов Василия Макаровича: «Живет такой парень», «Ваш сын и брат», «Печки-лавочки». Народность кинематографа Шукшина, его открытая и искренняя любовь к людям своей земли, нашли отклик в сердцах зрителей. Для молодого поколения сибирских кинематографистов творчество В. Шукшина стало школой жизни. Шукшинский взгляд на предназначение искусства, его мысли о судьбе крестьянства, о нравственных устоях жизни русской деревни нашли продолжение в творчестве многих сибирских кинорежиссеров.

В 1960–1970-е гг. документальный экран все чаще задается теми же вопросами, что и В. М. Шукшин: чем живет современное сибирское село, какие процессы в нем происходят, каково будущее сибирской деревни («Алтайский земледелец», «Дед Фатей и его сыновья», «Если ты крестьянский сын», «Быть хозяином земли» и др.).

В 1960-е годы в кинодокументалистике с приходом нового поколения кинематографистов и в связи с переменами в общественной жизни страны наблюдались значительные изменения и в жанровых предпочтениях, и в тематической направленности фильмов.

Отличительной чертой кинематографа этого периода стало то, что поиски кинодокументалистов были направлены на усиление публицистичности, гражданственности своих картин. Один из первых опытов создания проблемного фильма на Алтае явила собой лента В. Н. Шевченко «Кулунда: тревоги и надежды», рассказавшая о пылевых бурях в кулундинской степи, которые стали следствием ошибок в хозяйственной деятельности и неверных решений руководства края. В фильме была четко заявлена позиция автора, который, кстати, сам имел агрономическое образование и в ту пору являлся кинокорреспондентом Новосибирской студии кинохроники по Алтайскому краю. Критические выступления и наступательный характер журналистского анализа проблемы предрешили судьбу фильма, который оказался на «полке» и был показан зрителям только через 20 лет.

По мнению многих киноведов, в 1970-е гг. документальное кино представляло собой интересную область поисков, и в этом направлении оно значительно опережало игровое кино. Главным критерием при

выборе тем стало наличие конфликта. Такой подход обусловил естественное и быстрое развитие кинодокументалистики в целом, и кинопериодики в частности.

Кинопериодика, в связи с развитием телевидения, перестала нести чисто информационную функцию. Кинематографистов стал интересовать отдельно взятый человек, его судьба, его дела, его чувства и мысли. В сферу творческого осмысления стала входить повседневная жизнь. Сюжеты киножурналов обрели новые жанры – киноновеллы, киноэссе, кинопортрет, репортаж. Основным принцип тот же: интересные жизненные проблемы, человеческие характеры, судьбы. Большой вклад в создание галереи образов наших земляков внес кинооператор П. Е. Шуляк, который 12 лет (1968–1980 гг.) работал начальником корпункта Западно-Сибирской студии кинохроники на Алтае.

1980-е гг. в истории создания кинолетописи Алтая стали периодом наибольшей творческой активности режиссеров, обратившихся в своем творчестве к исследованию духовного потенциала и историко-культурного наследия Алтая. Неоценимый вклад в развитие алтайской темы в кинематографе внесли кинорежиссеры Р. А. и Ю. В. Григорьевы, которые осуществили постановку фильма «Праздники детства» (Гос. премия СССР, 1982 г.), посвященного В. М. Шукшину, а также сняли документальные ленты: «На родине В. М. Шукшина», «Именем Шукшина», «9 мая». Шукшинскую тему продолжили А. Заболоцкий («Мелочи жизни»), В. Кузнецов «Твой сын, Россия». В 1980-е гг. на экраны страны вышла серия фильмов, рассказывающих о развитии культурных традиций на Алтае («Шли по улице и пели», «Майское утро», «Алтайские встречи» и др.) Возросший интерес к национальной культуре народов Горного Алтая обусловил появление фильмов об его истории и современности («Песнь о Горном Алтае», «Жемчужина Алтая», «Эхо Алтая», «Алтай – времена года» и др.)

В начале 1990-х гг. политические реформы, преобразования в общественном сознании привели к изменению социальных функций кинематографа. В истории отечественного кино наступил переломный момент. Идеинный кризис и экономическая нестабильность сказались на состоянии кинопроизводства в целом, сократив его объемы до минимума.

Одним из печальных последствий сокращения финансирования деятельности студий стало резкое уменьшение объемов выпуска кинопериодики. В частности, Западно-Сибирская киностудия в 1991 г. вынуждена была закрыть региональные кинокорреспондентские пункты, в т. ч. и на Алтае. Кинопериодика продолжала существовать, хотя в кинопрокат она не поступала и снималась изначально как архивный материал.

В суровых реальностях нового времени Алтай не утратил своей привлекательности для кинематографистов. Несмотря на значительную удаленность от столичных киностудий, на Алтай продолжают приезжать съемочные группы для постановки игровых фильмов («Ермак», «Волчья кровь», «Кострома»).

Не оставили своим вниманием Алтай и кинодокументалисты.

В 1990–2000-е гг. известные мастера сибирского кино вновь и вновь обращались в своем творчестве к алтайской теме. Так, В. Г. Новиковым были созданы фильмы к 70-летию В. М. Шукшина: «Возвращение, или в поисках национальной идеи», «В долине Чулышмана», «Обед с алтайцами».

В последнее десятилетие кинодокументалистика находится в состоянии поиска новых форм диалога с обществом. Одним из направлений развития документального кинематографа стало исследование внутреннего мира человека, его взгляда на жизнь, его понимание смысла происходящих в обществе процессов, собственное мироощущение. Примером такого понимания предназначения документалистики является творчество алтайского кинорежиссера В. С. Кузнецова («Предчувствие», «Жизнь на миру», «Златоуст из Потеряевки»).

С именем этого признанного мастера документального кино связано самое значительное событие новейшей истории кино на Алтае – организация киностудии «Алтайфильм». Основанная в 2002 году, студия сплотила небольшой круг единомышленников, усилиями которых ведется активный процесс по выпуску фильмов об Алтайском крае. За три года своей деятельности «Алтайфильм» создал 6 фильмов, один из которых – «Дорога нашей памяти» – был отмечен дипломом кинофестиваля «Золотой Витязь».

Таким образом, за несколько десятилетий трудами многих поколений кинематографистов была создана масштабная по объему и бесценная по содержанию кинолетопись алтайской жизни.

Историческое значение киноматериалов невозможно переоценить.

В каждом кадре кинолетописи чувствуется живое дыхание времени, стиль эпохи. Оттого кинолетопись можно назвать хронографом своего времени.

Многие годы целенаправленным комплектованием материалов, отражающих характерные особенности кинопроцесса на Алтае, занимается ГМИЛИКА.

Следует особо отметить, что стратегия комплектования фондовых материалов по истории кино на Алтае строится на принципе равноправия всех видов кинематографии. Документально-хроникальное, научно-популярное кино также являются предметом исследовательской

и собирательской деятельности ГМИЛИКА. Для региональной истории кинематографа этот принцип комплектования имеет особое значение еще и потому, что объемы производства документального и просветительского кино многократно превышают количество игровых картин. К тому же, неигровые киноленты являются ценными историческими кинодокументами.

В поле зрения ГМИЛИКА находятся не только фильмы, которые можно видеть на экранах, либо обнаружить в различных фильмофондах, но и киноленты, по разным причинам не сохранившиеся, утраченные. Для истории кино в Сибири и на Алтае такой подход оправдан тем, что сибирское кинонаследие 1910–1920-х гг. почти полностью утрачено, 1930–1940-х гг. сохранилось в незначительном объеме. Однако для создания целостного представления об истории кино на Алтае, важно выявить все когда-либо созданные киноленты, поскольку каждая из них является свидетельством своего времени. Каждый, даже ныне не существующий кинодокумент, позволяет историкам лучше и точнее реконструировать механизмы развития кинематографа, выявить случайные и закономерные явления в его истории.

Таким образом, основной принцип поиска и сбора материалов по истории кино, осуществляемых ГМИЛИКА, состоит в том, чтобы бережно и беспристрастно собирать материальные свидетельства обо всех событиях и явлениях, характеризующих кинопроцесс на Алтае, пытаясь выявить максимально возможное количество источников, позволяющих понять особенности развития кино на Алтае.

Эта работа важна потому, что неизбежно наступают времена, когда из нашей памяти уйдут не только отдельные имена и фильмы, но и целые исторические эпохи. Кинематограф обладает уникальной способностью хранить визуальный образ истории, помогая все новым и новым поколениям зрителей совершить путешествие во времени, увидеть на экране лица людей, понять их чувства и мысли, ощутить атмосферу ушедшего времени.

Непрерывность и преемственность развития кинематографа на первый взгляд не столь очевидны при попытке изучения региональной истории кино. Это ощущение возникает при обособлении части общего кинопроцесса с целью изучения истории кино на отдельно взятой территории, в частности – на Алтае.

С целью более точного определения предмета изучения истории кино на Алтае в ГМИЛИКА была предпринята попытка создания каталога кинодокументов «Кинолетопись Алтая» (фильмы, кинопериодика, летописные материалы), созданных на Алтае и посвященных ему¹.

---

¹Огнева Е. Кинолетопись Алтая: Аннотированный каталог. – Барнаул, 2005.

Хронологические рамки каталога (1910–2000-е гг.) позволяют утверждать, что Алтай постоянно находился в центре внимания кинематографистов, трудами которых за многие десятилетия создана настоящая кинолетопись Алтая, имеющая самостоятельное историческое и художественное значение.

В каталог включены описания 1 322 кинодокументов, в том числе: 27 игровых фильмов, 195 хроникально-документальных и научно-популярных фильмов, 1 100 выпусков и отдельных сюжетов кинопериодики, кинолетописных материалов. Описание кинодокументов содержит порядковый номер, название кинодокумента, реквизиты происхождения (дата и место создания, имена авторов), технические характеристики (цветность, наличие звука, метраж), место хранения, краткое содержание кинодокумента.

При подготовке издания использована информация каталогов «Со-винформкино», Госфильмофонда СССР 1960–1980-х гг., электронный каталог Российского государственного архива кинофотодокументов, каталога «Алтайкиноцентра», а также материалы 1 475 фонда Государственного архива Новосибирской области, тематических собраний по истории кино ГМИЛИКА, личные архивы кинематографистов.

В каталог «Кинолетопись Алтая» включены описания кинодокументов как сохранившихся до наших дней, так и утраченных, место нахождения кинодокументов указано лишь в тех случаях, когда оно подтверждено информацией организации, осуществляющей их хранение.

Перечень описанных в этом издании кинофильмов и выпусков кинопериодики не исчерпывает всего объема кинодокументов, созданных на Алтае. Это своего рода отчет о проделанной работе, которая будет продолжаться.

В перспективе музейная деятельность может быть ориентирована на целенаправленное комплектование фонда кинодокументов, который составит своеобразный свод памятников истории кино Алтая.

В. Х. СМЕРНОВА

ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЗНАЧИМОСТИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОРНОГО ПРОИЗВОДСТВА (Г. ЗМЕИНОГОРСКА)

В деле сохранения и воспроизводства историко-культурного наследия региона Музей истории развития горного производства занимает одно из ведущих мест в крае. В музее хранятся уникальные экспонаты, историко-культурное значение которых распространяется далеко за пределы региона. Это обстоятельство естественным образом определяет не только содержание и характер экспозиций, но и состав посетителей, количество которых ежегодно колеблется от 11 до 16 тыс. Это по большей части не только жители города и района, но гости из других районов и городов края, из многих городов России, из ближнего и дальнего зарубежья (Белоруссии, Казахстана, Америки, Германии, Вьетнама, Монголии, Швейцарии). Замечено, что некоторые посетители бывают в музее не один раз в год. Это заставляет сотрудников музея чаще обновлять экспозиции, чтобы привлечь еще больше посетителей.

Исторический центр г. Змеиногорска, сохраняющий значение центра и в настоящее время, формировался в первой половине XIX в. Его оригинальность состоит в том, что он не связан с понятием геометрически правильной классической площади, а подчинен местному рельефу. Здесь, на бывшей 1-й Пихтовской улице, а ныне ул. Щорса, 13, расположено красивое здание Музея истории развития горного производства.

Здание это было построено по инициативе начальника Колывано-Воскресенских заводов Петра Козмича Фролова в 1823–1825 гг. Строилось здание специально под музей, который и был открыт в нем в 1827 г.

Однако архивные документы того периода зафиксировали и другую информацию, касающуюся музея, информацию о том, что уже с 1828 г. по 30-е гг. XX в. в этом здании располагалась винная лавка. А затем в нем находился узел связи. И только 27 апреля 1985 г. в здании вновь поселился Музей – как филиал краевого краеведческого музея.

Чтобы поближе познакомиться со зданием, опишу его внешний вид. Здание одноэтажное, кирпичное, прямоугольное, в плане выходит на улицу Щорса главным протяжным фасадом. Кровля четырехскатная, железная. Главный фасад расчленен семью осями арочных проемов. В его композиции центральная часть выделена небольшим ризалитом и акцентирована фигурным аттиком. Северный и северо-западный фасады фланкированы широкими лопатками, а углы южного фасада обработаны узким желобком. Цокольная часть отделена широким подоконным поясом.

Историко-краеведческая работа является одним из главных направлений в работе музея. Д. С. Лихачев писал, что Любовь к родному краю, знание его истории – основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества. Сегодня музей – наиболее доступный проводник знаний о родном крае в широкие массы.

Музей использует разнообразные формы и направления просветительской деятельности, которые направлены на различные категории посетителей:

- проведение на базе музея международных, межрегиональных научно-практических краеведческих конференций, в работе которых принимают участие ученые, преподаватели вузов, учителя школ края и их одаренные ученики, сотрудники краевых организаций: музеев, библиотек, архива;
- видеолекторий для старшеклассников по историко-краеведческой тематике;
- проведение мероприятий патриотической направленности;
- использование местного телевидения и газеты «Вестник Змеиногорска» для актуализации истории и культуры региона среди жителей Змеиногорска и Змеиногорского района;
- проведение методической работы. На базе музея ежегодно проводятся семинары-практикумы для руководителей школьных музеев района, а также музеев различного профиля близлежащих районов края (Курьинского, Третьяковского, Рубцовского).

В 2006–2007 гг. в музее проходили занятия и экзамены по изучению исторического краеведения для инструкторов по туризму.

Историко-краеведческая работа музея с учащимися города проводится давно. Дети, занимаясь здесь, изучают историю родного города, готовят рефераты, успешно участвуют в историко-краеведческих конференциях, организуемых педагогическим университетом. Однако каждый из учащихся, прежде чем отправиться на историко-краеведческую конференцию, обязательно проводит несколько образовательных экскурсий для своих сверстников в музее, школах города и района. Эта работа позволяет также привлекать в музей дополнительное количество посетителей.

Для иллюстрации этого направления работы музея можно остановиться на теме, по которой провела свое исследование ученица Змеиногорской школы Валя Хижняк – «Четыре экспоната династии Талаповых», в котором проследила судьбу рода Талаповых, начиная с первой четверти XVIII в. и до сегодняшних дней. Выступая перед учащимися Карамышевской средней школы, она проиллюстрировала свое выступление небольшим видеосюжетом – интервью с представителем рода Д. К. Талаповым. Заинтересовавшиеся темой школьники, впоследствии приехали в музей и познакомились с подлинными документами, хранящимися в музее, и, конечно, с самим музеем. В 2007 г. в музее на основе документов семьи Талаповых был оформлен интерьер жилища мастерового.

Довольно часто в музей обращаются студенты и школьники из других городов для изучения материала по разным темам для написания исследовательских работ, в том числе и по туристическим маршрутам. В связи с этим сотрудниками музея разработаны несколько экскурсионных маршрутов. Экскурсия – вид научно-педагогического труда, который заключается в разработке и осуществлении определенной системы показа любого объекта, экспозиции, выставки и т. д. А так как музей посещают очень разнообразные группы, то общение с ними и проведение экскурсий требует особого подхода и даже определенного маршрута для каждой из них. В результате знакомства посетителей с музейными экспозициями, при правильной их подаче экскурсоводом повышается интерес, появляется масса вопросов, а, следовательно, осуществляется и вторая задача музея – воспитательная. Вот примерный маршрут, который сотрудники музея предлагают тем, кто впервые приезжает в Змеиногорск.

Лучше всего первое знакомство с городом начать с посещения Музея истории развития горного производства, хотя бы потому, что это одна из самых старых построек, сохранившихся в Змеиногорске. Здание музея приветливо смотрит на посетителей окнами с открытыми массивными ставнями, крепкое, приземистое с красивыми украшениями по фасаду. Сразу перед входом в музей под открытым небом выставлены два интереснейших экспоната – чугунные пушки (под номерами 13 и 14), принадлежавшие в конце XVIII в. Змеиногорскому руднику. Всего на руднике их было 23. Слева во дворе так же под открытым небом разместились сразу несколько не менее интересных экспонатов, которые прекрасно иллюстрируют не только историю горного производства XVIII, XIX и XX вв., но и жизнь жителей Змеиногорского края. Это: погрузчик руды, вагонетка, домкрат для буровой, локомотив¹, катки

---

¹ Локомотив (от лат. locus – место, mobilis – подвижной) – передвижная или стационарная паросиловая установка, состоящая из котла паровой машины и вспомогательных устройств, представляющих собой конструктивно единый агрегат.

для обмолота зерна. Стена музея «приютила» около десятка различных мемориальных досок, которые в разное время были отлиты в честь того или иного значимого исторического события или исторического места г. Змеиногорска. Разными путями попали эти доски на стену музея. Некоторые были сланы в металлолом, другие долгое время хранились у жителей или в организациях города. Но именно здесь на стене «спасения» началась их вторая жизнь, не менее почетная – они стали музейными экспонатами и как многие другие экспонаты, отражающие историю XVIII–XX вв. пополнили музейные фонды. Люди всегда воспринимают музей как хранилище экспонатов. Но экспонаты – это предметы и вещи, когда-то бывшие частью живой культуры. Именно по ним мы судим о прошедших и уже никогда невозвратных временах.

Речка Муртазиха, довольно полноводная в генеральном плане 1785 г. Козьмы Фролова, еще один исторический объект города, сегодня представляет собой всего лишь узкий мелководный ручеек, но она не потеряла своей привлекательности благодаря красиво выложенным галечником берегам и прекрасно разработанному прибрежному ландшафту. Речка протекает по территории, прилегающей к зданию музея, и привлекает внимание посетителей необыкновенным мостиком, журчанием воды под ним. Здесь можно посидеть в прекрасном деревянном домике, построенном в русском стиле, или изящной беседке, сфотографироваться на память рядом с нарядной черепахой, сказочным драконом или Горным духом-Батюшкой.

Большой зал музея посвящен истории развития горного дела на Алтае. Представленными в зале макетами и художественными полотнами, картами, скульптурами, орудиями труда, архивными документами раскрывается быт и условия труда рудокопов, горняков, секретно-каторжных колодников и творцов новой техники крепостной России. А весь Кольвано-Воскресенский горный округ – на рукописной карте 1837 г., составленной Главной Барнаульской чертежной. Среди экспонатов этого зала вниманию посетителей представлены карты 1749, 1785 гг., чертежи дорог И. И. Ползунова 1750 г., макеты: первой в России чугуно-рельсовой дороги Змеиногорского рудника, построенной П. К. Фроловым в 1806–1809 гг., паровой машины И. И. Ползунова (1764–1766 гг.)

Подлинные экспонаты в другой экспозиции – в воссозданных интерьерах жилища горного инженера и мастерового, очень красочно рассказывают о материальных возможностях, культурных традициях представителей того времени. Уникальный шкаф-буфет потомков основателя Кольванской камнерезной фабрики Филиппа Васильевича Стрижкова позволяет увидеть, почувствовать талант и мастерство краснодеревщиков – мастеров своего дела, живших в XVIII в.

А вот и книжный шкаф, где разместились уникальные книги XVIII, XIX и начала XX вв.: «Потерянный рай и возвращенный рай» Джона Мильтона с рисунками Густава Доре, изданная в 1896 г., несколько томов всемирно известных энциклопедических словарей Брокгауза и Ефрона и братьев Гранат. Здесь же поместился и уникальный экземпляр «Нового атласа или собрания карт всех частей земного шара...», изданный в 1793 г. в Санкт-Петербурге. Книги эти в разные годы были подарены музею жителями города, и сегодня они помогают ответить на возникающие у посетителей вопросы о том, что же читали змеиногорцы 100 и более лет назад, утверждают в мысли о том, что детей в горной школе при Змеиногорском руднике учили не только практическому распознаванию руд.

Уголок мастерового радует посетителя оригинальными вещами, принадлежавшими старинному горняцкому роду Талаповых, переселившихся на Змеиногорский рудник в 1737 г. По имеющимся здесь уникальным экспонатам – документам, письмам и фотографиям – можно узнать о том, кто из династии чем занимался, в каком достатке жил, где и чему учился.

Все, что могли купить жители Змеиногорска в лавках купцов из Екатеринбурга, Одессы, Петербурга и Москвы, как выглядели эти лавки и торговавшие в них купцы, а также предметы, сопутствующие процессу торговли, можно увидеть в еще одной достаточно интересной экспозиции «Змеиногорск купеческий».

Многим посетителям музея очень хочется сфотографироваться за швейной машинкой «singer», а также и у стола, на котором красиво расположились самовар, свеча и рукописная лекция приват-доцента Томского технического института В. Г. Карпенко «по машинам внутреннего горения», изданная 1918–1919 гг.

В музее собрана большая коллекция минералов (рудные, нерудные и поделочные камни). Им отведен целый зал. Экспозиция минералов составлена не только из минералов, добытых на Алтае, в России, но и минералов, привезенных из-за рубежа. В отдельной витрине представлены поделочные камни Алтая и изделия из них Кольванской камнерезной фабрики. Отдельно в витрине показаны руды, добываемые сегодня на нашем руднике и те, которые будут добываться в ближайшие 2010–2012 гг.

С августа 2003 г. по май 2006 г. шла реконструкция музея, в это время сотрудниками музея проводились экскурсии только вне музея: по городу «Памятники истории культуры, архитектуры, промышленного зодчества и гидротехнического сооружения г. Змеиногорска», в пос. Кольвань на Кольванский камнерезный завод, на гору Ревнюху, озеро Кольванское, на месторождения: Черепановское, Лазурское, Пихтовское, Карамышевское, Семеновское, Гольцовское.

Современный уровень развития экспозиции как основной формы образовательного воздействия на посетителя определяет необходимость разработки новых, наиболее эффективных подходов к ее совершенствованию. Музей активно использует в экспозиции аудиовизуальные средства, что несомненно усиливает эмоциональное воздействие на посетителя, которое помогает ему адаптироваться в историко-культурном пространстве музея.

Музей проводит не только выездные экскурсии за пределы города, но он также организует передвижные выставки в различных организациях города, где выставляются живописные полотна художников Алтайского края: «Змеиногорск в работах молодых художников», которые не просто молча экспонируются, а сотрудники музея регулярно проводят экскурсии по ним.

С 2002 г. музей включил в программу экскурсий просмотр фильмов Томской и Алтайской ГТРК, а также собственных фильмов об истории Змеиногорска, о его окрестностях и исторических местах, а также о музее: «Экскурсии по городу и музею», «Исторические места Змеиногорска», «Серебряная корона Российской империи», «Былое», «Золото Демидовых», «Ревенновская сопка – мать Царицы ваз», «Колыванское озеро».

Проведение разнообразных акций, порой даже не связанных с профилем музея непосредственно, позволяет их участникам, побывав в стенах музея, по другому поводу, заинтересоваться и коллекциями музея, и его экспозициями, и его историей, что непременно помогает в привлечении все новых посетителей в музей. Тесное сотрудничество с местным населением одновременно служит и укреплению позиций музея в обществе. Музей сегодня превратил свои залы и помещения в место проведения досуга для местных жителей. Этим он реализует свою образовательную миссию, а также удовлетворяет потребность посетителей в общении в условиях провинциального города, которым является Змеиногорск.

Р. С. от редактора:

27 сентября 2007 г. за активную и творческую работу с туристами Музей получил от Федерального агентства по туризму Диплом национальной туристской премии им. Ю. Сенкевича в номинации «Лучший региональный музей». В 2008 г. Музей выиграл Грант управления Алтайского края по культуре и туризму за разработку проекта «Въездная башня крепости Змеиногорского рудника». В мае 2010 г. Музею присвоено имя Акинфия Демидова.

За весь период работы музея проведено около 10 тыс. экскурсий, выставок, музейных уроков. Его посетили 327 334 человека. Музей сегодня – это более 20 тыс. экспонатов, от 11 до 16 тыс. посетителей в год.

Л. М. ОСТЕРТАГ

ВЕХА ПРИЧУДЛИВОЙ СУДЬБЫ:

А. С. НОВИКОВ-ПРИБОЙ В БАРНАУЛЕ

В 2007 г. исполняется 130 лет со дня рождения известного русского писателя А. С. Новикова-Прибоя – автора многих рассказов, повестей, романов «Цусима» и «Соленая купель». Среди его произведений, вошедших в многочисленные сборники и собрания сочинений, есть и созданные в Барнауле в 1918–1920 гг. Все, о чем он писал, выстрадано, прочувствовано им самим.

Ко времени приезда в Барнаул Новиков-Прибой многое пережил, много успел повидать, был автором нескольких напечатанных рассказов.

Вспомним основные вехи его жизни.

Родился А. С. Новиков-Прибой (настоящая фамилия – Новиков) 12 (24) марта 1877 г. в с. Матвеевском Спасского уезда Тамбовской губернии (ныне – Рязанская область) в крестьянской семье. Окончил церковно-приходскую школу лучшим учеником, но учиться дальше ему не пришлось. Призванный в 1899 г. на военную службу, назвался «охотником во флот». В Кронштадте он всерьез занялся самообразованием. Посещал воскресную школу, мечтал подготовиться и поступить на физико-математический факультет университета. Он много читал, в том числе и запрещенную литературу, вскоре оказался на подозрении как политически неблагонадежный. Сохранилось донесение министра юстиции Николаю II (1903 г.): «В артиллерийском отряде выдающееся значение приобрел баталер¹ I статьи Алексей Новиков <...> Означенный Новиков представляется заметно развитым человеком среди своих товарищей и настолько начитанным, что в беседах толково рассуждает о философии Канта...»².

---

¹ Баталер – кондуктор или унтер-офицер хозяйственной специальности, заведующий денежным, пищевым и вещевым довольствием.

² ЦГИАМ Ф. М70. 1905 г. Д. 3180. Л. 15.

В годы русско-японской войны он участвовал в Цусимском сражении на броненосце «Орел», пережил трагедию плена. В 1907 году, вскоре после возвращения на родину, вынужден был бежать за границу, поскольку ему грозил арест за очерки «Безумцы и бесплодные жертвы» и «За чужие грехи», изданные под псевдонимом А. Затертый (бывший матрос).

Поселился в Лондоне. Плавал на коммерческих судах. В редкие свободные часы продолжал писать. По приглашению А. М. Горького, который рекомендовал в 1912 г. его рассказ «По-темному» журналу «Современник», А. Новиков прожил год на острове Капри. Общение с М. Горьким, И. Буниным, С. Черным, И. Вольновым и другими писателями было для Новикова серьезной творческой школой. На Капри им были написаны рассказы «Порченный», «Лишний», «Попался», «Рассказ боцманмата», каждая страница в них не раз переписана, исправлена. Поддержка Горького, публикация нескольких рассказов утвердили начинающего писателя в том, что литература – его призвание.

Возвратившись в 1913 г. в Россию, А. Новиков узнал, что под псевдонимом Прибой, который уже стоял под его рассказами, печатает свои статьи на морскую тематику один офицер, а под фамилией Новиков публикуется уже известный писатель. По совету В. В. Вересаева, Алексей Новиков к своей фамилии присоединил псевдоним. Так в русской литературе появилось новое имя – Новиков-Прибой.

В 1915–1918 гг., во время Первой мировой войны, писатель работал на санитарных поездах, доставлявших раненых и больных с фронта в госпитали тыловых городов. В эти годы, по его признанию, почти ничего не писал. А следующие два года жизни, как уже упоминалось, прошли в Барнауле. Это еще один поворот его судьбы.

Зима и весна 1918 г. были особенно тяжелыми для страны. Чтобы накормить промышленные центры, отправлялись продотряды в хлебные районы. В марте из холодной, голодающей Москвы в далекий Барнаул отправились три стоящих уже без дела санитарных поезда Земского Союза с правительственным заданием: обменять в Сибири мануфактуру столичных фабрик на хлеб для Московского продовольственного комитета. Начальником этого отряда был назначен Новиков-Прибой. Вместе с ним в качестве санитаров ехали писатель Иван Вольнов и сын А. М. Горького Максим Пешков. Заведующей хозяйством одного из поездов стала Мария Людвиговна Новикова – жена писателя, тоже имевшая опыт работы на санитарных поездах. С ними ехал и маленький сын Анатолий.

Впечатления от долгого и трудного пути, картины бурного ледохода на Оби в Барнауле оказались настолько сильными, что через много

лет А. С. Новиков-Прибой написал очерк «За хлебом»¹, посвятив его памяти Максима Пешкова.

Копия рукописи очерка, присланная М. Л. Новиковой, хранится в литературно-краеведческом музее школы № 27 г. Барнаула.

Задание было выполнено: хлеб погрузили, и состав № 204, миновав Ново-Николаевск, взял направление на Москву. Два других состава № 200 и 202, отойти от Барнаула не успели – начался белогвардейский мятеж.

Добравшись до Москвы, Новиков-Прибой пытался что-либо узнать о судьбе своей семьи, но безуспешно. Возвратиться в Барнаул ему помог случай. Нарком просвещения А. В. Луначарский в июне 1918 г. формировал бригаду писателей и художников, направлявшихся для «художественно-культурной работы в пределах Сибири». Предприятие это было чрезвычайно рискованное для такого страшного времени. Но 1 августа 1918 г. Новиков-Прибой с группой деятелей искусства, направленных на Алтай, добрались до Барнаула (писатели Новиков-Прибой, Тупиков, художники Яковлев, С. Надольский, Н. Надольская). Узнав, что его семья перебралась в Бийск, Новиков-Прибой съездил за ней и обосновался в Барнауле.

Годы, прожитые Новиковым-Прибоем в Барнауле, были очень плодотворными. Впервые за последние несколько лет он целиком отдался литературной работе, несмотря на непростые политические и бытовые условия. Возможно, в какой-то мере этому способствовали и сложившиеся дружеские отношения с местными писателями – Г. Пушкаревым, Ст. Исаковым, А. Жилияковым, П. Казанским и др. Один из протоколов Агулипрока, хранившихся в Новосибирске у Г. М. Пушкарева (утрачены после смерти писателя), составленный в эпистолярном жанре (письмо, адресованное матери), с юмором передавал смущение и волнение провинциалов в ожидании встречи с писателем – «центровиком». Его приход, по словам Г. М. Пушкарева, «всколыхнул всех». Человек доброжелательный, общительный, он скоро стал своим, душой тесного писательского коллектива, тесного, несмотря на различия политических взглядов. Всех их сближала литература. Собирались, читали уже написанное, рассказы из журналов, отчаянно спорили, решали неотложные задачи. Часто устраивали вечера, а получив продукты за свой литературный труд (недаром Агулипрок!), обязательно с пельменями и медом. Ставили небольшие скетчи², пели старинные романсы, народные песни. Пели красиво, стройно. В общий хор вливался

---

¹ Опубликован в Москве издательством «Наука» в 1971 г. под названием «Поезд № 204» в книге «Максим Горький и сын».

² Скетч – короткая эстрадная пьеса шуточного содержания.

и звонкий голос Марии Людвиговны, и глуховатый, но приятный баритон Алексея Сильча... Об этих вечерах через много лет независимо друг от друга вспоминали в письмах и беседах М. Л. Новикова и Г. М. Пушкарева на встрече с кружковцами в 1961 г.

Летом 1918 г. родилось и утвердилось решение реорганизовать выходивший в Барнауле журнал «Алтайский крестьянин» в «Сибирский рассвет» (1919 г., январь–октябрь № 1–12). Одним из инициаторов этого начинания был А. С. Новиков-Прибой. Он не только входил в состав редколлегии, был «по уполномочию коллектива ответственным редактором» июньского номера (№ 8), но и отвечал за приобретение бумаги. А это в тех условиях было далеко не простым делом. По воспоминаниям Г. М. Пушкарева и М. Л. Новиковой, не раз отправлялся он к барнаульским купцам, в магазинах которых еще хранился большой запас оберточной бумаги. Кое-что удавалось добыть. И сегодня можно увидеть немногие уцелевшие с тех далеких дней номера «Сибирского рассвета», напечатанные на бумаге разного качества, белого, розового, голубоватого цветов. Прежде всего, из-за постоянной нехватки бумаги журнал не удавалось выпускать дважды в месяц, как задумывалось: постепенно он стал ежемесячным, а последний (уже после ухода Новикова-Прибоя) № 11–12 – сдвоенный за сентябрь и октябрь. Бумага требовалась и для издания литературных сборников, поэтому вопрос о ней постоянно был одним из главных. В протоколе № 19 Правления Культурно-просветительного союза Алтайского края от 31 мая 1919 г. читаем: «Заслушали доклад А. С. Новикова-Прибоя о необходимости заготовки бумаги для печатания литературных сборников, предлагаемой «Алтайским Печатным Делом» в количестве 300 пуд. По цене 350 р. за пуд». Постановили: «Просить А. С. Новикова продолжить переговоры с «Алтайским Печатным Делом» относительно рассрочки платежа за бумагу»¹.

Именно в «Сибирском рассвете» появились первые публикации произведений А. С. Новикова-Прибоя, что, к сожалению, не указывают исследователи творчества писателя и составители примечаний в собрании его сочинений. Как правило, в комментариях называется только сборник «Две души». Однако в первом номере журнала (январь) впервые был опубликован рассказ «Шалый», написанный в декабре 1917 г. в Москве. Во втором номере (тоже январь) – рассказ «Две души» с пометкой о времени написания: «Барнаул. Декабрь, 1918 г.». В третьем и четвертом номерах (февраль), увидел свет первый из охотничьих рассказов А. Новикова-Прибоя «На медведя», написанный в 1917 г.

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 236. Опись 1. Д. 39. Л. 8.

В девятом номере (июль) было опубликовано первое большое по объему произведение – повесть «Море зовет», написанная (по словам автора) «в зимнюю стужу 1919 года в Сибири, в городе Барнауле, за тысячи километров от каких-либо морей»¹. О ней говорится в протоколе № 30 Культурно-просветительного союза Алтайского края от 8 июля 1919 г.: «<...> постановили: по окончании рассказа [повести – Л. О.] в журнале «Сиб. рассвет» с одного набора напечатать рассказ отдельным оттиском в количестве 3 000 экземпляров с оплатой гонорара в 30% чистой прибыли по реализации рассказа. Цену установить 12 рублей за экземпляр»².

В сентябре книга «Море зовет» предлагалась для реализации книгоиздательствам Иркутска и Томска. А ранее, 30 июля 1919 г. в каталоге, рассылаемом по городам Сибири книжным складом Культурно-просветительного союза, сообщалось о выпуске сборника рассказов «Две души» А. Новикова-Прибоя, «произведения коего печатались в изданиях «Товарищества «Книгоиздательство писателей в Москве»»³. Один экземпляр сборника «Две души» барнаульского издания с пометками автора хранится в литературно-краеведческом музее школы № 27. В сборник вошли восемь произведений. Три из них публиковались в журнале «Сибирский рассвет»: «Шалый», «Две души», «На медведя». Один, «Забавный водолаз», напечатан в газете «Наш Урал» 23 апреля 1919 г. Название сборника «Две души» А. С. Новиков-Прибой считал удачным, и позднее в многочисленных переизданиях менялся состав сборника, но неизменным оставалось заглавие.

Заказы на журнал «Сибирский рассвет», литературные сборники, выходившие в Барнауле, поступали из многих сибирских городов, из Семипалатинска, с Урала, там на них, в том числе на произведения А. С. Новикова-Прибоя, появлялись отзывы, рецензии.

В феврале 1920 г. писатель работал над автобиографическим рассказом «Судьба» – самым поэтическим в его творчестве. В нем привлекает внимание образ матери, трогательно заботящейся о будущем сына, о счастье, каким она его представляет. Много в ней от М. И. Новиковой, матери писателя, чей образ всегда жил в его душе. О ней вспоминал, когда был в плену в далекой Японии, ждал встречи, но Мария Ивановна умерла за две недели до возвращения сына. Об этом с горечью написал он через много лет в предисловии к роману «Цусима». И, может быть, из всего написанного, А. Новикову-Прибою особенно

---

¹ «Воспоминания об А.С. Новикове-Прибое». М. : Советский писатель, 1969. С. 79.

² КГУ ГААК. Ф. 236. Опись 1. Д. 39. Л. 24.

³ КГУ ГААК. Ф. 236. Опись 1. Д. 18. Л. 127.

дорог был этот рассказ, как память о самом любимом, духовно близком человеке. Рассказ «Судьба» неоднократно издавался для детей под названием «Победитель бурь».

Живя в Сибири, А. С. Новиков-Прибой оставался писателем-маринистом: в большинстве произведений он описывает море, рассказывает о жизни моряков. В детстве он сам, как крестьянский мальчик из рассказа «Судьба», был «захвачен, упоен рассказами моряка», случайно встреченного на дороге, о дальних синих морях, о беспредельном океане, где плавает таинственный и чудесный корабль «Победитель бурь»; теперь его, как героя повести «Море зовет», неудержимо, властно влекут к себе прекрасные гибельные морские просторы. Море стало его судьбой. На вечерах памяти А. С. Новикова-Прибоя в 1967 и 1977 гг. люди, знавшие его, вспоминали, что о море он не мог говорить спокойно: голос его звучал проникновенно, лицо оживлялось, делалось моложе.

Ему было близко все, что связано с морем. Любил он песни о морской стихии и стихи, посвященные морю. Н. А. Надольская, жена скульптора С. Р. Надольского, вспоминала, что в поезде, когда группа деятелей искусства ехала в Барнаул летом 1918 г., А. Новиков-Прибой подарил ей книжечку К. Бальмонта «Будем как солнце», где в первом же стихотворении автор заявляет:

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.

А «Воззвание к океану» заканчивается строфой:

Тихий, бурный, нежный, стройно-важный,
Ты – как жизнь: и правда, и обман.
Дай мне быть твоей пылинкой влажной,
Каплей в вечном... Вечность! Океан!

Есть в сборнике и другие «морские» стихи. Может быть, не случайно писатель взял в дорогу этот сборник. Неизвестно, как он относился к стихам К. Бальмонта, зато точно известно, что находили отклик в его душе и были любимыми строки из стихотворения И. Бунина «Зов»:

Как старым морякам, живущим на покое,
Все снится по ночам пространство голубое
И сети зыбких вант; как верят моряки,
Что их моря зовут в часы ночной тоски,
Так кличут и меня мои воспоминания...

Не от самого ли автора слышал он эти стихи когда-то на острове Капри?

В Барнауле Новиковым-Прибоем написана повесть «Море зовет» и переработан рассказ «Живая история», герой которой – искалеченный отставной моряк, вместе с женой зарабатывающий на жизнь пенем в трактире. В его флотской песне с необыкновенно красивым мотивом столько страсти, силы, искренности, трагического напряжения, что она преображает самого певца и вызывает у слушателей, даже самых равнодушных, волнение, невольные слезы, доходит до самого сердца, до глубины души, они чувствуют, что их «душа, словно от скверны очистилась». Под названием «Певцы» этот рассказ вошел в барнаульский сборник «Две души». В него вошла и повесть «Море зовет». Экземпляр сборника с пометами А. С. Новикова-Прибоя хранится в литературно-краеведческом музее школы № 27.

События, происходившие в то время в Сибири, не оставляли Новикова-Прибоя равнодушным и нашли отражение в его творчестве. Знакомство с партизанским движением на Алтае дало ему материал для рассказов «За городом» (в рукописи – «Зигзаги души»), «Зуб за зуб». При работе над последним, писатель использовал записи из дневника сельского учителя А. М. Топорова.

В архиве А. С. Новикова-Прибоя (хранится в РГАЛИ) есть документы, записные книжки, отрывки, наброски, сделанные в Барнауле и связанные с происходившими в нем событиями. Например, такая запись: «Что значит череп на рукаве? Это «Земля и воля» – череп в земле, а душа на воле!». Данная запись связана с формой «голубых уланов», или «гусаров смерти», как их еще называли барнаульцы, размещавшихся в бывшей женской гимназии М. Ф. Будкевич (здание на углу проспекта Красноармейского и ул. Короленко сохранилось в несколько измененном виде). После изгнания белогвардейцев писатель с разрешения Алтайского губернского революционного комитета осматривал помещение гимназии, где еще оставались следы пребывания «голубых уланов». Здание гимназии упоминается в рассказе «Зуб за зуб». С ним связан и небольшой набросок, который был впервые опубликован в 1963 г. в альманахе «Алтай».

Вот еще две записи, относящиеся к 1919 г.:

- Алтаец, увидев, как художник рисует картину, попросил его правую руку, долго смотрел на нее, а потом плюнул и отвернулся.

- Ты что? – спросил художник.

- Такая грязная руку¹, да еще без пальца, а так хорошо рисует...

---

¹ Так написано в записной книжке.

- Художник делает выставку. У него покупает картину купец. На картине изображена лошадь. Мальчику подарок! Заплатил десять рублей. Это вся выручка художника.

Эти коротенькие записи-наброски стали толчком к замыслу романа «Два друга»¹, оставшегося незавершенным. Автор не раз обращался к нему во время работы над знаменитой исторической эпопеей «Цусима» (1928–1940), удостоенной в 1941 г. Государственной премии, и романом «Капитан 1-го ранга», тоже неоконченным. Смерть писателя 29 апреля 1944 г. помешала завершить роман.

Прототипом главного героя романа «Два друга», художника Басыгина, послужил художник и скульптор Степан (Стефан) Романович Надольский, с которым Алексей Силыч познакомился в 1918 г. по пути в Барнаул, где они, по словам М. Л. Новиковой, часто встречались, вместе охотились. Писатель даже имя и отчество герою дал, как у Надольского – Степан (по-польски Стефан) Романович, а вторая из приведенных выше записей в развернутом виде вошла в главу романа «Задор (кликча собаки – авт.) помогает в любви». Глава «Клок шерсти» из романа «Два друга» как отдельный рассказ в переводе на французский язык в 1938 г. была послана на конкурс охотничьих рассказов в Швейцарию (в Женеву), где была удостоена первой премии. Другие главы тоже неоднократно печатались в журналах.

Живя в Барнауле, А. Новиков-Прибой часто охотился в зарослях за Обью, где тогда водилось несметное количество дичи. Иногда он собирал группу ребятшек из знакомых семей и отправлялся с ними на лодках на другой берег Оби. Учил их плавать, рассказывал о повадках зверей и птиц, варил похлебку тамбовских охотников. Но самое главное – рассказывал о морях и приключениях, о творческих замыслах, знакомил с выдержками из задуманных произведений, интересовался их мнением. М. Н. Новикова в одном из писем сообщает: «Его друзья часто спрашивали, почему он делится с детьми своими замыслами, он всегда уверял, что дети – его самые лучшие критики и что он очень прислушивается к их советам»². Конечно, дети были благодарными слушателями. Еще бы не слушать юным критикам с восторгом и не давать искренних оценок и советов, не делать замечаний, если, например, писатель говорит о замысле рассказа «Судьба!» и знакомит с отрывками из него или с главами из задуманного романа «Два друга», где повествуется о приобретении замечательного щенка-друга и захватывающих приключениях охотника и его собаки! Жаль, нет барнаульских

---

¹ О художнике и его собаке.

² Литературно-краеведческий музей школы № 27 г. Барнаула. Ф. 3. Д. 89. Л. 4.

фотографий с детьми (фотографий А. С. Новикова-Прибоя 1918–1920-х гг. вообще нет), но есть снимок, сделанный на Урале в 1943 г., незадолго до смерти писателя (он умер 29 апреля 1944 г.). Сидит он в окружении детей и о чем-то беседует с ними.

Бывал А. Новиков-Прибой и на озерах в окрестностях Барнаула. Один из случаев, произошедший на озере Лебяжье и записанный 1 июня 1920 г., – настоящая художественная зарисовка с натуры. Есть среди записей в записной книжке писателя и фенологические заметки: «Барнаул – 10 мая н. ст. Цветут подснежники». «25-го мая. Цветут огоньки». «1-го июня. Цветут яблони, сирень»...

Последние месяцы перед изгнанием белогвардейцев для барнаульцев, в том числе и для семьи Новикова-Прибоя, были тревожными: в городе постоянно шли аресты, допросы, расстрелы. По подозрению в связи с партизанами писателя тоже вызывали на допрос, но отпустили, пригрозив «заняться им как следует».

В августе 1919 г. А. Новикова-Прибоя мобилизовали в колчаковскую армию, о чем свидетельствуют сохранившиеся в Москве и Барнауле документы. Вот один из них:

Культурно-просветительный союз Алтайского края г. Барнаула Алтайской губернии. Объединяет культурно-просветительные общества, кооперацию, земство.

Отдел неторговый

Барнаул. 1 октября 1919

Удостоверение

Правление Культурно-просветительного союза Алтайского края настоящим удостоверяет, что предьявитель сего Алексей Силыч Новиков состоял на службе в Культурно-просветительном союзе Алтайского края сотрудником журнала «Сибирский рассвет» с самого его возникновения, затем редактором его и ушел со службы вследствие мобилизации от 9 августа 1919 года.

Подписи председателя правления и и. о. секретаря¹.

В связи с мобилизацией, из Культурно-просветительного союза писателю пришлось уволиться. Поэтому его сочинения не появились на страницах последних номеров журнала «Сибирский рассвет». Не желая служить в белой армии и опасаясь ареста, Новиков-Прибой вместе

---

¹ Оригинал хранится в РГАЛИ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 127. Л. 2. Копия хранится в ГААК. Ф. 236. Оп. 1. Д. 18. Л. 330.

с С. К. Тарабукиным, секретарем Алтайского союза кооперативов, видимо, тоже мобилизованным, как рассказывала М. Л. Новикова, днем скрывался за городом на кладбище (теперь там располагается парк Октябрьского района, а в кладбищенской церкви – планетарий), а поздно вечером возвращался домой. Жили в то время Новиковы на 8-й Алтайской улице (ныне ул. Шевченко – авт.), на рабочей окраине, и ночью белогвардейцы там предпочитали не появляться. Некоторое время у Новиковых скрывался П. С. Парфенов, с которым Новиков-Прибой познакомился в Барнауле.

Дом, в котором жил писатель в 1919–1920 гг., снесен при строительстве здания педагогического института. Сохранился только снимок дома, сделанный в 60-е гг. учащимися школы № 27. Они же нашли дочь бывших хозяев дома А. П. Носкову, которая рассказала, что в семье Новиковых утром всегда вставал писатель, ставил и раздувал сапогом самовар. А у жены писателя было заграничное пальто с большой красивой перламутровой пуговицей, которое Мария Людвиговна однажды дала девочке, чтобы пойти в церковь. Сказанное подтвердила и Мария Людвиговна Новикова.

Летом 1920 г. из Народного комиссариата иностранных дел, где служила сестра М. Л. Новиковой, в Барнаул пришла телеграмма за подписью Г. И. Чичерина – вызов Марии Людвиговне на работу в Комиссариат иностранных дел. Телеграмма послужила пропуском в Москву для всей семьи.

С 1961 г. с семьей Новикова-Прибоя поддерживает связь литературно-краеведческий музей школы № 27. г. Барнаула: сначала с его женой Марией Людвиговной, а потом с дочерью писателя Ириной Алексеевной. Они помогли создать в музее фонд писателя, присылая книги, фотографии, копии документов, письма, повествующие о творческом пути А. С. Новикова-Прибоя. Руководитель музея и несколько кружковцев по приглашению М. Л. Новиковой побывали на 90- и 100-летнем юбилеях писателя в Москве в Доме Советской Армии. Все было там не так, как на обычных вечерах памяти писателей. В зал приглашал не театральные звоночки, а морские склянки; большая часть участников – моряки разных флотов страны, молодые и пожилые, те, кто знал писателя, встречался с ним, и те, кому он знаком только по книгам; и о творческом пути юбиляра говорил не литературный критик или кто-то из руководителей Союза писателей, а контр-адмирал. В 1967 г. еще были живы участники Цусимского сражения и среди них медсестра с корабля «Белый орел» – Е. М. Арндт. На сцене Е. Ф. Никитина, чьи «Никитинские субботники» посещал в 20-е гг. А. С. Новиков-Прибой, где познакомился с бывшим барнаульцем И. И. Тачаловым; Е. Н. Пермитин,

А. В. Перегудов, М. Л. Новикова и др. В концерте после торжественной части И. С. Козловский исполнил «На сопках Манчжурии» и дуэтом с М. О. Рейзенем «Нелюдимо наше море» – одно из самых любимых музыкальных сочинений Новикова-Прибоя. Барнаульцам посчастливилось по приглашению Марии Людвиговны посетить квартиру писателя и дачу в Тарасовке (Подмосковье), увидеть старые яблони, посаженные писателем, его гордость – актинидию, красиво обвивающую беседку, и, главное, дом с мезонином, в котором многие-многие часы провел писатель, работая над романом «Цусима» и другими произведениями.

В 2004 г. в издательстве «Общество сохранения литературного наследия» (Москва, 2 000 экз.) вышло пятитомное собрание сочинений А. С. Новикова-Прибоя – как дань памяти большому мастеру слова. Это издание посвящено 60-летию со дня его кончины – знак признания летописцу одной из трагических страниц нашей истории, а именно русско-японской войны, участником которой он был.

Дочь писателя, И. А. Новикова, прислала это собрание сочинений своего отца в Барнаул с дарственной надписью: «Дорогой Людмиле Михайловне Остертаг, нашей давней знакомой и великой труженице на лоне культуры на добрую память о моем отце А. С. Новикове-Прибое. И. Новикова. 14 февраля 2005 г.».

В. В. ВЕДЕРНИКОВ

П. К. ФРОЛОВ: ЛИЧНОСТЬ И ЭПОХА

Самый известный начальник Колывано-Воскресенских (Алтайских) сереброплавильных заводов. При нем не было никаких реформ в горном деле и металлургии. Такой отзыв о Фролове составил народник П. Голубев¹.

Почему же, когда речь заходит о дореволюционной истории Алтая, в списке знаменитых имен всегда стоит Петр Козьмич Фролов? Все объясняется вкладом краеведов. Прежде всего, это серия «Сыны Алтая и отечества» Н. Я. Савельева. Затем его почин подхватил В. Ф. Гришаев. Гришаев в 1990-е гг. был первым, кто поднял тему персонального состава высшей администрации Алтайского горного округа², когда интерес к этому вопросу только появлялся и в обществе, и у исследователей.

Казалось бы, известно уже все. Но попробуем посмотреть на биографию Фролова так, как не делал до нас никто – в контексте истории сереброплавильного производства на Алтае. Чем это обосновано? В течение второй половины XVIII – начала XIX вв. императорский Кабинет накапливал обширный опыт по управлению сереброплавильной промышленностью Колывано-Воскресенских и Нерчинских горных заводов. Кульминацией этого периода, продолжавшегося до аренды КВЗ и Нерчинских заводов министерством финансов в 1830 г., было правление П. К. Фролова в 1817–1830 гг. Поэтому мы соотнесем вехи биографии нашего героя с характеристикой, хотя бы в общих чертах, развития производственного комплекса Колывано-Воскресенских заводов.

Петр Козьмич Фролов родился в 1775 г. в Змеиногорске в семье горного инженера Козьмы Фролова. Он был вторым ребенком после старшего брата Павла. Это было время взлета производства серебра на Колывано-Воскресенских заводах (в дальнейшем – КВЗ). В связи

---

¹ Голубев П. Горное дело и хозяйство Кабинета // Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. С. 375.

² Гришаев В.Ф. Кто управлял нашим городом и краем (1747–1917) // Барнаул. 1995. № 1. С. 122–133.

с началом русско-турецкой войны Екатерина II велела увеличить производство серебра на Алтае, но сделано это было за счет лучших руд единственного, пусть богатейшего, Змеиногорского рудника. В 1772 г. Колывано-Воскресенские заводы дали рекордную цифру – 1 227 пудов серебра, наивысший показатель производительности, к которому КВЗ не смогли больше хотя бы приблизиться. Практика добычи змеиногорских руд была такова, что брались только самые богатые руды, а руды со средним или бедным содержанием серебра отправлялись в отвал или закладки рудника. С закономерным истощением лучшей части Змеиногорского месторождения производство серебра закономерно упало.

В 1783 г. Петру Фролову исполнилось 8 лет. Отец отвез Павла и Петра в Петербург в Горное училище. Это специализированное высшее учебное заведение открылось за 10 лет до этого события. Сыновья горных инженеров КВЗ обучались там за счет заводов. Каждый год с караваном серебра в столицу отправляли трех мальчиков-пансионеров постигать горные науки. Братья Фроловы проходили курс наук вдали от дома в течение десяти долгих лет. В 1782 г. заводы дали 380 пудов, т. е. в три раза меньше. Но известно об этом стало, когда в столицу прибыл караван с алтайским серебром. Сама императрица обратила внимание на этот кризис.

В том же 1783 г. Козьма Дмитриевич построил первое подземное колесо на Змеиногорском руднике. Колесо диаметром 18 м позволяло откачивать грунтовые воды с глубины 63 м. Не имея специального образования и без точных расчетов, Фролов-отец строит колесо на Вознесенской шахте высотой в пятиэтажный дом. Широко задуманному проекту механизации Змеиногорского рудника, казалось, потворствовала сама судьба: в 1786–1799 гг. главным начальником КВЗ стал Гаврила Симонович Качка.

До своего назначения на Алтай Качка был директором Монетного двора в Санкт-Петербурге, куда стекались все драгоценные металлы, добываемые в империи, в том числе алтайское серебро. Началась реконструкция Змеиногорского рудника, разбирались завалы. Кабинет отправил Качку на Алтай, чтобы повысить производство серебра. За счет каких же источников произошло увеличение производства серебра? Качка провел на Алтае реформу горного дела, которая имела две черты: 1) переход от жильной разработки месторождения к сплошной; 2) введение машинного обогащения: мокрого толчения и промывки на отсадных решетках. «Легких» руд больше не было: добывались такие руды, которые раньше даже не шли в плавку, обогащение руд позволяло достигать нужного содержания серебра в них.

Назначение Качки на Алтай не было «служебной ссылкой». Качка был венгр по происхождению. Первым учителем горного дела был его

отец, одно время служивший на Алтае. Геолог Гривнак, посетивший Алтай в 70-х гг. XIX в., писал, что система разработки рудников на Алтае напоминала рудники Нижней Венгрии. Система обогащения руды тоже была нижневенгерской.

Период правления Качки был временем наивысшего творческого расцвета для Козьмы Фролова. На Змеиногорском руднике по его проекту был построен каскад 4 наливных колес, двигателей, которые поднимали руду и откачивали воду из рудника, достигавшего 200 м глубины. «Змеиногорское месторождение и его окрестности имеют такое геологическое строение, такой рельеф и такую речную сеть, которые обусловили возможность применения смелых, уникальных и высокоэффективных инженерных решений в общем комплексе эксплуатационных работ. Отдельные из этих решений, в конечном счете, заняли достойное место не только в отечественной, но и мировой истории горнозаводского дела»¹, – пишет В. М. Чекалин, подразумевая, очевидно, в том числе и фроловский проект полной механизации всех работ Змеиногорского рудника.

В 1793 г. братья Фроловы возвратились на Алтай для несения горной службы. Петр Фролов получил должность шихтмейстера (начальника смены) Змеиногорского рудника под началом отца. П. К. Фролов начал свою карьеру на КВЗ в ключевой момент истории заводов. Производство серебра начало расти: реформа горного дела позволила повысить производство серебра сначала до 870 и 900 пудов в год, а затем и до 1 тыс. пудов, а в 1798 г. было закреплено, что КВЗ не имеют права производить ниже этого уровня.

При Качке окончательно сложился тот раз и навсегда установленный порядок, который просуществовал на Алтае до 1861 г. и состоял в том, чтобы производить разработку рудников без их истощения, руководствуясь главным образом целью упрочить на Алтае горнозаводское дело, а не извлечь из него в возможно краткое время наибольшие денежные выгоды. Суть этого подхода состояла в том, чтобы соразмерно проплачивать бедные и богатые руды, чтобы по исчерпанию богатых не осталось плавить одни только бедные, как это было в 1773–1779 гг.

В регион Верхнего Прииртышья (сегодня это территория Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан) Качка послал геолого-разведочные партии. Еще в 1786 г. были открыт Риддерский рудник, начата разработка Бухтарминского рудника. Оба этих предприятия стали плацдармами для поисков других рудников. Например, в окрестностях Бухтарминского рудника было открыто богатейшее Зыряновское

---

¹ Чекалин В. М. Роль Змеиногорского месторождения золото-серебро-баритополиметаллических руд в истории основания и развития города Змеиногорска // Серебряный венец России. Барнаул, 2003. С. 14.

месторождение, на которое сначала мало обращали внимание. Приставом отдаленных рудников некоторое время и служил П. К. Фролов.

Доведя производство серебра до важнейшей психологической отметки 1 тыс. пудов в год, в 1799 г. Качка покинул КВЗ. Именно при Качке была почти полностью реализована та программа развития заводов, которую наметил еще первый командир КВЗ А. Беэр: добывать золотые, серебряные и медные руды и самоцветные камни (что практически вылилось в камнерезное производство на Локтевском заводе, начиная с 1786 г.).

КВЗ зависели от поставок свинца с Нерчинских заводов. Чем беднее становились змеиногорские руды, тем больше свинца требовалось на извлечение из них серебра. Постоянные запросы на увеличение поставок нерчинского свинца были головной болью для Кабинета, поскольку до 1784 г. Нерчинские заводы находились в ведомстве Берг-коллегии. В 1784 же году по губернской реформе Екатерины II Нерчинские заводы были подчинены Иркутскому губернатору. Когда Качке в 1786 г. стало ясно, что придется плавить более бедные руды, и нерчинского свинца потребуется больше, в 1787 г. Нерчинские заводы были взяты в ведомство Кабинета.

Следующим главным начальником КВЗ стал В. С. Чулков с 1799 по 1806 гг. Чулков выглядит как преемник Качки в полном смысле слова. Он продолжил все начинания своего предшественника: сделал попытку закрепить производство на уровне 1,1 тыс. пудов в год, но это ему не удалось; Качка провел реформу горного дела, а Чулков – металлургии (об этом мы уже писали¹); при Чулкове же камнерезное производство было перенесено из Локтевского завода в Колывань. В 1803 г. началось строительство Змеевского сереброплавильного завода «о четырех плавильных печах». В 1804 г. было пристроено еще 4 печи. Завод плавил самые бедные змеиногорские руды с примесью богатых риддерских и зырянских руд.

В 1797–1806 гг. главным начальником Нерчинских заводов стал И. И. Черницын, в историографии больше известный как ученик Ползунова. Он распространил на Нерчинских заводах «колыванские порядки». В 1797 г. на Нерчинский завод приехал П. К. Фролов за партией свинца. Свинец был доставлен в основном по воде: Байкалу, Ангаре, Енисею и р. Кеть, притоку Оби. В Барнаул Петр Козьмич приехал лишь весной 1801 г. и узнал о смерти отца, посетил его могилу на Нагорном кладбище, установил надгробный памятник².

---

¹ Ведерников В. В. Улих, Христиани, Качка и Чулков // Пятые научные чтения Ю. С. Булыгина. Барнаул, 2009. С. 60–64.

² Гришаев В. Ф. Алтайские горные инженеры. Барнаул, 1999. С. 145.

Сплав свинца по рекам побудил Фролова к разработке проекта доставки руд на заводы по рекам. Единственным топливом для КВЗ служил древесный уголь. Две особенности Алтая – дефицит леса в окрестностях рудников и ленточные боры – предопределили «разбросанность» металлургических заводов по значительной территории, дабы они не могли составлять друг другу конкуренцию в лесе. Отсюда огромные расстояния между рудниками и заводами: 360 км от Змеиногорска до Барнаула, и 880 км между Барнаулом и Зыряновском.

С увеличением добычи бухтарминских, а главное, зыряновских руд большое значение приобретал сплав их по Иртышу с Бухтарминской крепости до Убинского форпоста на расстояние 240 верст. С 1804 г. П. К. Фролов начал опыты сплава руд с Бухтарминских рудников. Для этого в Шульбинском форпосте было построено парусное судно 9×2 сажени, или 18×4 м. Еще в 1803 г., только размышляя о будущем проекте, Фролов осуществил подробные промеры глубины части Иртыша между пристанью Бухтарминских рудников и Убинским форпостом. В то же время, помимо прямых служебных обязанностей, он составил и 31 частную карту маршрута и одну общую на их основе¹.

В итоге, в 1808 г. в рамках проекта Фролова действовал сплав руд по Иртышу на двух судах, одно поднимало до трех, второе – до двух тыс. пудов. Экипаж первого судна составлял 22 чел., второго – 17 чел. В течение летнего времени от пристани Бухтарминской до Усть-Каменогорской эти суда делали до 7 ходов, таким образом, за лето перевозилось до 34 тыс. пудов. В 1809 г. для увеличения сплава зыряновских руд по мере увеличения их добычи было построено еще два судна, в каждое из которых вмещалось до 3 тыс. пудов руды. Сплав руды по Иртышу на четырех судах продолжался до 1816 г. С этого времени число судов постепенно увеличивалось: в 1828–1832 г. их число достигло 16².

В то же время сплав змеиногорских руд с пристани Алейской по Алею и Оби в Барнаульский завод дал более чем скромные результаты: с 1808 по 1815 г. была перевезена лишь 71 тыс. пудов руды³. В одном только 1814 г. с Усть-Каменогорской пристани было перевезено 63 тыс. пудов зыряновских и небольшой частью бухтарминских медных руд⁴.

Проект транспортировки руды по Иртышу потерпел относительную неудачу. В 1806 г. управляющий Змеиногорской горной конторой Степан Аистов подал на утверждение начальнику округа Чулкову проект железной дороги от Змеиногорского рудника к заводу. Дорога соединила

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 579. Л. 31, 43.

² КГУ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 666. Л. 47–51.

³ КГУ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 579. Л. 402.

⁴ КГУ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1756. Л. 58.

рудник и завод (расстояние 1 883 м). Одна лошадь тянула три тележки по 150 пудов руды. Весь годовой запас руды для плавки на Змеевском заводе перевозили только летом. Фроловская «чугунка» удешевляла извоз руд, она долго (в течение 10 последующих лет) себя окупала. Например, в 1815 г. на Змеевский завод было перевезено 914 тыс. пудов, из которых чугунной дорогой было перевезено 575,5 тыс. пудов змеиногорских руд, 20 тыс. пудов риддерских и 17 тыс. зырянских. Руд Крюковского рудника было перевезено 11 тыс. пудов¹.

Затем у Петра Козьмича возникла идея строительства железной дороги между Змеиногорском и Барнаулом, но горное начальство не дало этому проекту хода. В итоге, главным способом доставки руд так и оставался гужевой. Приписные крестьяне были обязаны в зачет подушной подати поставить определенное количество руды. Поломка телеги или усталость лошади заставляли крестьянина выбрасывать руду и возвращаться домой, или же крестьяне выбрасывали часть руды по дороге, добавляя при подъезде к заводу щебень, взятый неподалеку. Тем не менее, был создан новый мировой стандарт горного дела – транспорт руды от рудника до завода по железной дороге.

В 1807 г. на должность главного начальника КВЗ был переведен бывший начальник Нерчинских заводов Иван Эллерс. Во времена Качки он служил на КВЗ. Во время правления Эллерса П. К. Фролова перевели в Санкт-Петербург начальником чертежной экспедиции горных и соляных дел. Пожалуй, назначение Эллерса после Нерчинских заводов на Алтай было ошибкой. Чтобы проиллюстрировать это, обратимся к состоянию Нерчинских заводов.

Лучшие руды были вынуты из верхних слоев месторождений, как и на Алтае, начиная с 1760 г. Но на Нерчинских заводах в 1770-е гг. впервые столкнулись с невозможностью заготовить запас руд на заводских площадях для годового действия. Уменьшение запасов руд и припасов при заводах началось с 1776 г. и усилилось с 1780 г., когда не добывалось столько руд, сколько их проплавлялось. С 1780 г. началась практика плавки руд «сколько их добудется и поставится на заводы»². 1791 год стал для Нерчинских заводов переломным – с этого времени они начали приносить императорскому Кабинету убытки. Проблема была не в том, что эти убытки были сравнительно небольшими, а в том, что они стали хроническими. С того времени начинается продолжительное 80-летнее обсуждение проблемы истощения запасов руд, смысл которой не менялся: «Главнейший недостаток в заводах есть

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1713. Л. 177.

² Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 31. Оп. 1. Д. 310. Л. 43 об.

рудный, да и все Нерчинские рудокопии своим углублением и убожеством делаются ежечасно добычею убогих руд ценнее, и на будущие времена безнадежнее»¹. Выход виделся в «обретении новых рудокопий» за счет геологоразведок и вольных приискателей.

В отличие от КВЗ, где рудной базой до 1818 г. был Змеиногорский рудник, поставлявший до 75% руд, на Нерчинских заводах действовало до 15 крупных рудников, а также мелких приисков в окрестностях тех же самых крупных рудников. Рудники были разделены на дистанции, число которых не было постоянным и достигало восьми. Малейшее затруднение в добыче руд, как то затопление рудника дождевыми водами или затруднение в проветривании выработок, было поводом к тому, чтобы остановить разработки. Спешно налегали на другой рудник. Частый дефицит руд принуждал останавливать часть заводских печей и перебрасывать плавильщиков на рудники, отчего Нерчинские заводы не имели постоянных штатов работников. Не только хозяйственная часть Нерчинских заводов, но и искусственная (т. е. техническая) была отсталой, по сравнению хотя бы с КВЗ. Поэтому за время службы на Нерчинских заводах И. И. Эллерс выработал далеко не лучшие навыки управления, поэтому оценка его пребывания в должности главного начальника КВЗ, данная ему управляющим Кабинетом графом Гурьевым, выглядит закономерной: «Правление Кольвано-Воскресенских заводов при Эллерсе, невзирая на попечительную заботливость высшего начальства, не соответствовало духу тех распоряжений, с какими заводы всегда управляемы были и чрез которые приобрели справедливую славу образцовых заведений... Заводы ни в искусственной части не улучшены, ни в хозяйственной не обеспечены, но во всем склоняются к расстройству и замешательству»². Рудники оскудевали, увеличивались расходы на перевозку руды, заводы постоянно требовали «прибавочных сумм» на содержание. Употребление нерчинского свинца возросло до 35 тыс. пудов. Предприятия не имели двухгодичного запаса в рудах и главных материалах и обходились текущими поставками. Малейшие перебои в поставках вызывали значительные недостатки, а они, в свою очередь, могли ввергнуть горное хозяйство в кризис.

П. К. Фролову в управление досталось огромное горное хозяйство. К этому времени производственный комплекс КВЗ сложился окончательно и состоял из 7 серебropлавильных, одного чугуноплавильного и железоделательного заводов, одного медеплавильного завода и при нем монетного двора. Концепция первого командира КВЗ Безра о постройке заводов, «пока мест не переведется», оформилась в своем законченном

---

¹ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 258. Л. 1.

² Цит. По: Гришаев В.Ф. Алтайские горные инженеры... С. 146.

виде. Печей для рудной плавки на всех сереброплавильных было 110 (фактически действовало 77), извлекательных горнов – 11 (8), разделительных печей, или трейбофенов – 10 (5).

Заметим, что когда Фролов принял заводы у Эллерса летом 1817 г., оказалось, что вместо 4 млн пудов руд на заводах имелось только 2 млн пудов; нерчинского свинца около 9 тыс. пудов при годовой заводской потребности в 35 тыс. пудов; древесного угля – 120 тыс. коробов при годовой потребности 260 тыс. коробов¹. При Эллерсе оформились своеобразные порядки, суть которых состояла в том, чтобы поддерживать производство на плаву.

Естественно, что управляющий Кабинетом граф Гурьев считал такую ситуацию нетерпимой. Перед новым главным начальником КВЗ П. К. Фроловым была поставлена задача: обеспечить предприятиям двухгодичной запас руд, угля, бревен и прочих материалов. Фролов рапортовал в Кабинет: «По вступлении моем в управление Кольванскими заводами... я нашел, что руды при заводах нет не только в таком количестве... которого бы достаточно было на годовое только действие заводов. При исследовании причин таковой недостаточной перевозки руд крестьянами открылось, между прочим, малое заохочивание их к тому некоторыми из тех людей, находящимися при приемке и отпуске руд, которые при перевозке оных поставляют крестьянам разные препятствия и делают задержки, потому немедленно предписал удалить таковых от сего занятия и определить на места их благонадежнейших, дабы же крестьяне не встречали затруднений и неудобств в самой дороге»². С самого начала прослеживается характерный для Фролова жесткий стиль руководства. Двухгодичной запас руд был приобретен довольно-таки быстро. Если в финале 1817 г. запасов угля при заводах оставалось на 10 мес., то в 1821 г. – на год и 3 мес.

В 1818 г. состоялся горный совет, который наметил основные направления развития горнозаводского хозяйства. Возобновлялись разведки в выработанных действующих рудниках. Определены массы отвалов Змеиногорского рудника, из них могло получиться еще до 3,4 млн пудов руды. При обследовании окрестностей действовавших рудников был открыт целый ряд приисков, самым значительным из которых оказался Заводинский³.

Среди около 300 мест добычи выделялось 11 главных рудников, а именно рудники: Змеиногорский, Черепановский, Петровский, Карамышевский 1-й и 2-й, Семеновский, Салаирский и рудники Верхнего

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1884. Лист не нумерован.

² КГУ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1713. Л. 228–228 об.

³ Кулибин А. И. Описание Кольвано-Воскресенских заводов по 1833 г. // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2005. С. 142–143.

Прииртышья – Николаевский, Зыряновский, Риддерский, Крюковский и 14 действующих приисков. Ежегодно добывалось до 7,5 млн пудов руд и более, т. е. почти 470 т.

В 1815–1825 гг. добыча змеиногорских руд снизилась с 46,8 до 17,6%, т. е. в 3,8 раза. Недостаток змеиногорских руд компенсировался рудами салаирскими и зыряновскими: добыча салаирских руд выросла в 2,4 раза, с 14,6 до 35%; добыча руд из месторождений Верхнего Прииртышья выросла в 1,6 раза, причем Зыряновского рудника – в 9 раз.

Если в 1815 г. доля зыряновского серебра в общей рудной массе составляла лишь 5,9 пудов, то в 1825 г. – 28,4 пуда, т. е. почти в пять раз больше, а в 1827 г. – уже 626 пудов. Все объясняется тем, что Зыряновские руды были в 4,5 раза богаче змеиногорских, и в 6 раз богаче салаирских содержание серебра в первых в 1825 г. составляло 0,074%, вторых – 0,016%, третьих – 0,012%¹. При Фролове, начиная с 1817 г., в своем максимально возможном виде был реализован принцип соразмерности проплавки богатых и бедных руд, чтобы при истощении богатых, не пришлось плавить одни только бедные.

Был изменен и порочный подход к плавке руд, сложившийся при Эллерсе. Как только в конце года заводы выполняли годовой наряд «с величайшим затруднением», едва успевая за счет одних только богатых руд (что, кстати, чрезвычайно схоже с практикой Нерчинских заводов), в начале следующего заводского года следовало всеобщее расслабление. Начинали плавить одни только бедные руды, оставшиеся от прошлого года. Идея нового, расчетливого подхода принадлежала Т. С. Бурнашеву, члену заводской канцелярии по горной части и фактическому единомышленнику Фролова. Он разъяснял, что самые лучшие руды плавятся в самый неблагоприятный период – осенью и в начале зимы – «в обыкновенно бываемое ненастливое время, притом и тогда, когда по некоторым заводам более бывает и недостатку в воде».

«Вместо того, кажется, несравненно будет лучше, когда то делается наоборот, – продолжал Бурнашев, – то есть чтоб с начала года расплавлять руды, смотря по обстоятельствам и по наличности их при заводах, хотя и значительно богаче против общего положенного по каждому содержания, а затем чем далее, тем убоже, особливо к концу года, чем оно уравнивается; притом в дурную погоду осенью или в начале зимы не придется плавить богатые руды». Фролов на это ответил: «...не могу я не признать усиленную выплавку при окончании года, коею заменяется донныне слабое действие заводов в начале года,

---

¹ Подсчитано нами на основе: КГУ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2109. Л. 440 об. – 441, 444 об. – 445, 449 об. – 450.

совершенно противным заводскому хозяйству и правилам искусства»¹. Таким образом, характер плавильных работ на заводах был изменен.

С 1786 г. для заводов была установлен размер угара в 46 доль с пуда. Но в начале 1820-х гг. в эту норму укладывались только заводы Барнаульский и Павловский. Управляющие этих заводов, вероятно, пользовались близостью к «административному ресурсу», чтобы обеспечить себе такую же пропорцию туго-, средне- и легкоплавких руд, что и в предшествующие годы, и составляли более выгодные шихты. А канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства взамен имела у себя под боком приличествующую картину. В материалах горного совета 1823 г. находим, что состав туго-, средне- и легкоплавких руд в шихте заводов в 1821 г. составлял соответственно 45,8%, 19,8% и 34,4%, тогда как в 1822 – 74,2%, 12,7% и 13,1% соответственно. Таким образом, уже отнюдь не половина, а три четверти руд были тугоплавкими². В итоге горный совет 1824 г. констатировал невозможность оставаться в рамках требований 1786 г. и увеличил размер угара до 64 долей серебра с пуда руды.

После вступления Фролова в должность при ревизии Сузунского монетного двора оказалось отступление и в весе монеты, и во внешнем виде. Монета оказалась меньше положенного ремедиума (25 р. с пуда меди) на 19 фунтов 26 золотников и 53 доли (8,7 кг), т. е. в 2 раза. Так, например, в двухкопеечной монете оказались «пленоватые и не в полной окружности» 177 р. 50 к. из 40 тыс. рублей. Дальнейшая проверка показала, что «пленоватых, в окружности своей неполных и с немалыми от краев трещинами» было монеты на 378 р. 40 к. Сузунская контора была оштрафована в сумме, которая была затрачена на провоз бракованной монеты из других заводских мест обратно на Сузунский монетный двор и ее передел в новую. Но как только ситуация повторилась, и из Барнаульской, Павловской, Сузунской и Салаирской контор было возвращено 734 р. 28 к. неполновесной и бракованной монеты, управляющий Сузунским заводом и монетным двором Малеев был отстранен от должности, а вместо него из Томского завода был переведен гиттенфервалтер Бичтов. В 1819 г. началась реконструкция монетного двора. Ежегодно здесь тиснили медной монеты на сумму 250 тыс. рублей. В 1828 г. П. К. Фролов предложил «по настоящему устройству тамошнего монетного (Сузунского) двора и самой благонадежности медных рудников... выделять медной монеты еще 100 тыс. рублей с таковым предложением, что взамен оных Кабинет с будущего 1828 года убавит

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2258. Л. 2–3, 12.

² КГУ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1790. Л. 216–216 об.

из отпускаемой на содержание заводов суммы также 100 тыс. рублей»¹. В этом году монеты было произведено почти 342 тыс. рублей, в 1829 – 358 тыс. рублей, и затем в 1830–1831 гг. – 350 тыс. рублей. В период аренды министерством финансов с 1832 г. производство монеты было увеличено до 396 тыс. рублей².

После 1798 г. производство поддерживалось на уровне 1 тыс. пудов в год при снижении среднего содержания металла в рудах вследствие естественного истощения рудников. Так, в 1795–1803 гг. растрчивалось 180 пудов рудного серебра (15%), в 1809–1815 гг. – 250 пудов (20%), в 1825–1830 гг. – 580 пудов (36,7%)³. Наиболее бедными были салаирские и змеиногорские руды, и их угар был больше, меньшие угары показывала проплавка богатых руд, таких как зырянские.

Технология серебряной плавки была такова, что чем меньше серебра содержалось в руде, тем больше растрчивалось свинца. Ежегодный безвозвратный расход нерчинского свинца достигал 36 тыс. пудов. Еще 6–9 тыс. пудов свинца на КВЗ получали из собственных руд. Свинцовая плавка была начата на заводах в 1809 г. За 1809–1816 гг. было расплавлено 525 тыс. пудов риддерских руд и получено свинца 63,5 тыс. пудов, т. е. по 9 тыс. пудов на каждый год⁴.

При главном начальнике КВЗ П. К. Фролове (1817–1830) годовая потребность в свинце возросла до 40 тыс. пудов, только 6 тыс. пудов этого оборотного металла выплавлялось из руд Риддерского и других рудников на Алтае.

Еще при Эллерсе была предпринята попытка применения на Алтае «остроумной технологии» амальгамации. Руды и роштейны, размельченные до муки смешивались с поваренной солью и уксусом, чтобы получить серебро хлористое. Затем ртуть при комнатной температуре извлекала металлическое серебро из хлорида, после чего амальгама, т. е. физический сплав ртути и серебра подвергался нагреванию на огне, чтобы выпарить ртуть и, в сравнении с плавкой, очень быстро получить металлическое серебро, существенно экономя на древесном угле. Сортучка серебряных руд с успехом применялась с конца XVIII столетия в Саксонии на амальгамирне в Хальсбрюкке, которая давала до половины всего серебра, другую половину получали путем обычной плавки на заводе в Мульте.

В 1818 г. П. К. Фролов принял решение перевести производство серебра на амальгамацию в валовой работе. Поскольку амальгамация

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3837. Л. 3–3 об.

² КГУ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3651. Л. 15–17.

³ КГУ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3273. Л. 186.

⁴ КГУ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2037. Л. 132, 148–149.

требовала богатых руд содержанием 6–8 золотников в пуде, а на Алтае таких руд в больших объемах уже не добывали, было решено амальгамировать роштейны. Начались опыты под руководством бергмейстера Осипова. Горному совету Колывано-Воскресенских заводов 1818 года представлено было два проекта по введению в заводах амальгамации: в одном предполагалось обрабатывать все выплавляемые в заводах роштейны, в другом только роштейны, получаемые из Салаирских руд в Гавриловском и Гурьевском заводах. Горный совет 1818 г. был уверен в успехе опытов, предполагал строительство специального устройства для обогащения 10 тыс. пудов гавриловских роштейнов для опыта в большем виде с перспективой валовой работы. Были предусмотрены также опыты в малом виде над богатыми, до 6 и более золотников в пуде, рудами Крюковского рудника, которые должны были поступать в амальгамицию после мокрого обогащения.

Но от Кабинета не последовало разрешения на строительство, но бергмейстер Осипов был отправлен в Саксонию, откуда он вернулся и в 1821 г. подал в Кабинет проект, при котором предусматривались и оборот медистых штейнов, и выплавка золота из остатков, так что ни один металл не мог быть утрачен. В 1824 г. проект был подан Фролову, но он резко изменил свое отношение: амальгамация роштейнов им решительно отвергалась, хотя опровержение это и не подтверждалось никакими опытами. В итоге сворачивание опытов по амальгамации объяснялось невозможностью постройки на КВЗ амальгамирной фабрики с производством 1 тыс. пудов серебра в год, но нигде в мире не получали 100% серебра из руд посредством амальгамации.

На Нерчинских заводах очень надеялись, что амальгамация избавит нерчинских приписных крестьян от избыточной обременительной обязанности извоза свинца для нужд КВЗ, но этого не последовало. Впрочем, с 1824 г. КВЗ прекратили требование нерчинского свинца, т. к. они имели как минимум двух-трехгодовой его запас, и обходились плавкой собственных свинцовых руд до 1830 г.

С конца 1817 г. до половины 1821 г. начальником Нерчинских заводов был Степан Аистов, его период ничем не примечателен. Примечательно другое: Аистов – бывший управляющий Змеиногорской конторой, под началом которого П. К. Фролов реализовал свой проект чугунной дороги от Змеиногорского рудника к заводу.

С целью удовлетворения увеличившихся запросов КВЗ, новым начальником Нерчинских заводов был назначен Т. С. Бурнашев по рекомендации П. К. Фролова в Кабинет. Выплавка серебра в его правление (1821–1828) колебалась от 321 до 191 $\frac{3}{4}$ пудов, принося незначительные прибыли Кабинету.

В то время, как в первой четверти XIX в. КВЗ добывали до 8 млн пудов, сокращали обогащением и плавил до 4 млн пудов руды, Нерчинские заводы снизили проплавку с 1 млн до 700 тыс. пудов. Семь Нерчинских заводов плавил ежегодно около 200 пудов серебра, столько же, сколько отдельно взятый Барнаульский, Павловский или Локтевский завод на Алтае.

Строительством нового завода стремились приблизить проплавку руд к месту их добычи. Дучарский завод отстоял от Нерчинского в 40 верстах, Кутомарский – в 70, Газимурский – в 104, Александровский – 160, Шилкинский – 175 верстах. Как мы показали, сначала старались построить «временный малоценный на первый случай» завод с двумя или четырьмя печами. Спустя несколько лет его действие расширяли уже другие лица. Вторую плавильную фабрику строили третьи, серебরоразделительную – четвертые. Как точно подметил главный начальник КВЗ П. К. Фролов, первоначально никто не изыскивал такого места, где можно было бы накопить большое количество воды в пруде посредством плотины, потому что около рудников не было полноводных рек. Поэтому и сравнительно малое количество руды Нерчинские заводы расплавляли с большим трудом, поскольку пользование прудовой водой было ограничено и заменялось тяжелой силой лошадей, расходы на содержание которых увеличивали общие расходы¹. Фролов разработал проект штатного расписания Нерчинских заводов, где радикально сократил количество административного персонала и предусмотрел проплавку руд исключительно на двух заводах. Этот проект вызвал существенные возражения в столице, поскольку строительство новых заводов и заводских прудов требовало больших капиталовложений, а ликвидация остальных заводов означала списание 1 млн рублей за счет ликвидации основных фондов, которую фактически предлагал Фролов.

В своем мнении он основывался на концепции двух крупных заводов. Она была, например, реализована в Саксонии, где действовала королевская амальгамирня в Хальсбрюкке и серебরоплавильный завод в Мульде. На КВЗ эта концепция была претворена в жизнь в виде Колыванского и Барнаульского заводов, с 1762 г. в виде Барнаульского и Павловского завода, который был должен по первоначальным планам играть роль главного завода. Третий же завод, Сузунский медеплавильный, был нужен, чтобы не занимать печи двух серебরоплавильных заводов выплавкой меди. Четвертый завод, Томский (1771), был призван покрывать потребности серебরоплавильных заводов в железе. Затем была реализована идея приблизить заводы к рудникам. В 1784 г. из-за трудностей в организации извоза руд приписными крестьянами

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2104. Л. 264–264 об.

при Локтевском руднике был построен одноименный завод. Было три завода, действовавших временно: Алейский (1780–1799 г.), возобновленный Колыванский (1789–1801) и Риддерская плавильня (1817–1819). Гавриловский завод (1796) был построен, поскольку при Салаирском руднике, имевшем огромный запас бедных руд, в большом количестве находились леса. Чтобы увеличить расплавку бедных салаирских руд, на Салаирском кряже был построен второй завод – Гурьевский (1816).

В период Фролова Колывано-Воскресенские заводы окончательно исчерпали экстенсивные возможности развития. С самого начала сереброплавильного производства отсутствие достаточного количества лесов при рудниках и лесостепь с ее ленточными борами обусловили огромные расстояния между рудниками и заводами.

Увеличить производство серебра за счет увеличения перевозки руд с рудников на заводы было невозможно. Численность приписного крестьянства росла, но и количество перевозимых ими руд росло (по мере того, как содержание серебра в них падало).

«Если бы увеличить для сей работы число крестьян, то по малому выытку, который они должны по постановлениям перевозить с рудников, увеличение сие не приносило большой пользы, а между тем ослабило бы перевозку из лесосеков угля, которая еще затруднительнее, чем перевозка руд и для которой из сложности пяти лет требуется не менее 40 т. душ крестьян»¹ – объяснял А. И. Кулибин.

Экстенсивные возможности развития себя исчерпали, но никаких изменений в технологиях так и не произошло. Производство серебра поддерживалось с огромным производственным браком: ежегодно получали 1 тыс. пудов, но 580 пудов серебра ежегодно терялось в шлаках, плавильных продуктах, вылетало в трубу... Соответственно, себестоимость серебра росла, и росла она именно за счет накладных расходов на провоз руды.

Конечно, свою роль сыграла и отсталость технологий. В третьей четверти XVIII в. Кабинет изыскивал способы укомплектования штата сереброплавильных заводов кадрами управления. Саксонцы, законтрактованные в Дрездене для службы на КВЗ, были призваны сыграть роль учителей. Естественно, государство было склонно иметь собственных специалистов, но сословное устройство государства было таково, что должности по управлению должны были занимать именно дворяне. Однако после указа 1762 г. о вольности дворянства, который освободил дворянское сословие от обязательной государственной службы, посылать дворян против их воли на службу на КВЗ было нельзя, а добровольно делать это никто не соглашался. Но строились

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2098а. Л. 129 об. – 130 об.

новые заводы, и было принято решение повышать в классные чины выходцев из мастеровых, отбирая из их среды самых талантливых. Это было время ярких карьер, как у Фроловых. Отец, Козьма Дмитриевич, был сыном екатеринбургского приписного крестьянина, но выдвинулся благодаря умственным способностям, а внук екатеринбургского крестьянина Петр Козьмич Фролов стал главным начальником КВЗ.

Служебная лестница, табель о рангах, состояла из 14 ступеней, с 14-й по первую. Служащий, достигший 13-го ранга, соответствовавшего чину шихтмейстера, получал и потомственное дворянство. Со строительством новых заводов потребность в кадрах была настолько острой, что нижние служители повышались сразу в 13-й ранг, минуя 14-й. Предпоследний, Гавриловский завод был построен в 1796 г., а последний завод, Гурьевский, – в 1816 г. Поэтому необходимость в формировании слоя служилого дворянства на КВЗ в конце XVIII – начале XIX вв. все больше и больше отпадала.

Но машина делопроизводства подобна поезду и не могла быть остановлена в один момент, ее торможение производилось постепенно, путем создания разных препятствий в продвижении разночинцев по служебной лестнице. В начале правления П. К. Фролова нижние служители, унтер-офицерство скопилось у подножия служебной лестницы. Но машина чиновничества вытолкнула их в 13-й классный чин, соответствовавший должностям приставов, т. е. непосредственных руководителей производства. Из 128 горных инженеров ровно половина была старше 51 года. И руководили они не так, как было лучше, а так, как привыкли.

П. К. Фролов не был хозяином положения. Многие его проекты потерпели крах, как, например, попытка внедрения амальгамации. На любой запрос Кабинета Фролов имел собственный проект, как например, о чеканке серебряной монеты из нерчинского серебра на Сузунском монетном дворе.

Лоск был чисто внешним. Путевые записки врача Брыкова, посетившего Змеиногорский рудник и завод в 1828 г., – показательный тому пример. Великолепная чугунная дорога украшала въезд в Змеиногорск. Далее Брыков описывает рудник. «Спустиась в рудник через Устьлуговую штольну с проводником и горною лампою в руках шли мы подземным, постепенно понижающимся ходом во внутренность горы, сначала довольно прямым, потом изгибистым коридором, стены коего выложены тесаным камнем, а пол устлан досками. В боковой стене сего темного коридора на 18 сажнях глубины встретили мы кузницу, устроенную здесь для поправки горных инструментов. В подземном царстве Плутоновом беспрерывно производилась работа; огонь в горнах не угасал ни днем, ни ночью; молоты, ударяясь о наковальни,

производили глухой звук, повторяемый эхом... Скоро потом почувствовали мы некоторую свежесть и услышали шум, подобный происходящему от мельничных колес: и в самом деле, в одной стороне мы увидели огромное колесо до 7 сажень (14 м – В. В.) в диаметре, служащее для отливания воды из рудника. К концу оси колеса прикреплены два прямые членосоставные рычага длиной в 40 сажень (80 м – В. В.), к бокам коих приделаны поршни, движущиеся в насосах, в конце коих поднимается вода на 3 сажени. Насосов считается до десяти»¹. Заводское строение состояло из каменного, довольно просторного двухэтажного здания. На верхнем этаже с побеленными стенами действовали машины, на нижнем шла плавка.

За внешним культурным лоском эпохи Фролова не стояло ничего нового. Будучи перфекционистом, он стремился сделать все вокруг как можно лучше: например, потомкам после себя он оставил архитектурный ансамбль Демидовской площади Барнаула.

В его правление лучшее боролось с хорошим. Одержимый внутренними побуждениями, Фролов игнорировал подчиненных. Управляющий Змеиногорским краем А. Дейхман имел собственную точку зрения на развитие КВЗ. Он предлагал строительство заводов у рудников Зырянского и Риддерского. «И ежели проекты сии остались без исполнения, – писал Дейхман, – то потому только, что г-н Начальник (П. К. Фролов – В. В.) не пожелал объясняться со мной на счет их»².

Но лучшее – враг хорошего, и, видимо, потому, что при крахе своих проектов Фролов разочаровывался, и все шло, как прежде. По точной оценке Т. Н. Соболевой, по традиции поощрялись только такие нововведения, которые вписывались в сложившуюся здесь хозяйственную схему³. Так, например, за регионом Верхнего Прииртышья окончательно закрепилась роль горнорудного района.

В период 1817–1830 гг. на КВЗ ничего нового в технике и технологии не произошло. П. К. Фролов довел правило о соразмерной проплавке богатых и бедных руд до абсолюта. При нем добывалось до 8 млн пудов руды в год, вес которой при обогащении сокращался в два раза. Министерство финансов в период аренды (1830–1855) возвратилось к схеме, существовавшей до Фролова: один главный рудник (с 1830 г. – Зырянский), дававший до 75% серебра и более и масса побочных рудников. Это позволило сократить добычу руды в 2 раза.

¹ Брыков И. Поездка в Змеиногорский рудник и Кольванскую шлифовальную фабрику // Указатель открытий. 1831. Т. 8. № 1. С. 110–111.

² КГУ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3273. Л. 278 об.

³ Соболева Т. Н., Разгон В. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае. Барнаул, 1997 С. 102.

При П. К. Фролове началась добыча рудного золота из кварцев Зыряновского и Риддерского рудников, имевшая небольшие объемы. Для строительства Зыряновской обогатительной фабрики Змеиногорская фабрика была демонтирована и отправлена на Зыряновский рудник. Министерство финансов не умело обогащать серебряные руды, потому что серебropлавильная отрасль находилась под управлением Кабинета. Ликвидация в 1826 г. по указу Фролова образцового машинного обогащения в Змеиногорске, состоявшего из 10 качественно различных сложных операций, не была оправдана объемами получавшегося рудного золота на Зыряновской фабрике в пределах 1 пуда шлихового золота в год. А, кроме того, Министерство финансов весьма преуспело в развертывании золотодобычи – нового дела в регионах Западной и Восточной Сибири. В итоге, в период аренды в качестве валового обогащения использовался только ручной молоточный разбор серебряной руды.

Правление П. К. Фролова было расценено современниками как шаг вперед во многом потому, что правление его предшественника И. И. Эллера было шагом назад. Тем не менее, Петр Козьмич Фролов – умнейший человек своего времени. Он был глубоким знатоком системы горного хозяйства, ловким службистом, хватким администратором. Его правление стало кульминацией целого периода в истории КВЗ, начавшегося с 1747 г.

Каждому свойственны не только достоинства, но и недостатки. Человеку присуще желать воплощения собственных широко задуманных планов в полном объеме, но каждый из нас обречен сомневаться в правильности принятых решений. В итоге, конечный результат есть разность между тем, что хотелось и тем, чего не удалось далеко не по нашей собственной вине. Петр Козьмич Фролов, обычный человек в нерядовых обстоятельствах, оставил о себе добрую память. Это и есть причина, по которой к незаурядной личности П. К. Фролова будут возвращаться снова и снова.

И. В. КУПРИЯНОВА

ИЗ ИСТОРИИ ХРАМОСТРОИТЕЛЬСТВА БАРНАУЛЬСКОЙ БЕЛОКРИНИЦКОЙ ОБЩИНЫ

Моленные дома старообрядцев различных согласий на территории Алтая начали повсеместно открываться, по-видимому, еще в XVIII в. В дореволюционной литературе зафиксировано наличие у старообрядцев часовен и моленных, «устрояемых при частных домах, в большинстве случаев в доме или во дворе раскольникового представителя или духовного предстоятеля», уже в 1820-х гг. Время же начала их функционирования чаще всего не поддается установлению, поскольку моленные старообрядцев открывались, как правило, нелегально, поэтому их существование по возможности содержалось в тайне.

Начало распространения на Алтае белокриницкого согласия исследователи относят к 1850-м гг.¹ Непременной составляющей этого процесса являлось устройство храмов и моленных домов, которое, однако, было затруднено из-за преследования старообрядцев со стороны гражданских и церковных властей. Поэтому белокриницкое священство во второй половине XIX в. имело походные полотняные церкви². По сведениям никонианского духовенства, такие походные алтари и всю необходимую к ним утварь, свечи, ладан и вино священники белокриницкой иерархии на Алтае получали через барнаульского купца Игнатия Родионовича Афонина, которого считали основателем и распространителем этого согласия в Барнауле и Барнаульском округе³.

Такие походные храмы сохранялись у старообрядцев и в более позднюю эпоху. Например, полотняный храм имелся в распоряжении

---

¹ Старухин Н. А. Белокриницкое согласие на Алтае: Барнаульская Крестовоздвиженская церковь // Старообрядчество: история и культура. Сб. ст. Вып. 1. / Под ред. Дементьевой Л. С. и пр. Барнаул, 1999. С. 93.

² Беликов Д. Н. Томский раскол. (Исторический очерк от 1834 по 1880 годы) // Известия Императорского Томского ун-та. Томск, 1900. Т. 16. С. 32–33, 70–72.

³ Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII–XX вв.). Барнаул, 1997. С. 283.

Барнаульской Крестовоздвиженской общины, которая в 1920 г. одолжила его на время своим одноверцам – прихожанам Никольской церкви деревни Миронской, по их просьбе; его составные части перечислены в передаточной описи: «Передняя стенка с Царскими и боковыми воротами; одна боковая стенка; одно облачение на престол и на жертвенник; одна запона»¹. Таким образом, походные церкви не потеряли своей актуальности и в тот период, когда старообрядцами уже были построены постоянные молитвенные здания: походный алтарь мог использоваться при отправлении богослужений и таинств на выезде. Тем не менее, полотняные алтари, конечно, не могли заменить старообрядцам стационарных, постоянно действующих молитвенных зданий; они использовали любые возможности, чтобы обзавестись ими.

Барнаульская Белокриницкая община в 1880-х гг. собиралась на богослужения в домовый церкви купца И. Р. Афонина. По сведениям никонианского духовенства, богослужения здесь отправлял священник Степан (Стефан) Никифорович Шумихин, постоянно проживавший в деревне Полковниковой Белоярской волости; «а дьяком у него служит крестьянин той же деревни (...) Филипп Минин Бабин»². Можно предположить, что со временем это помещение стало тесным: вероятно, община постоянно росла, хотя численность ее в этот период была неизвестна даже никонианскому причту тех приходов, к которым относились старообрядцы по месту своего проживания, поскольку они не допускали к себе духовенство господствующей церкви «ни со Св. Крестом, ни для проверки семейств своих», и вообще отличались большим упорством: твердо стояли «за свою иерархию, не приемля никаких доказательств о незаконности оной»³.

По закону от 3 мая 1883 г. старообрядцам разрешалось «исправлять и возобновлять принадлежащие им часовни и другие молитвенные здания, пришедшие в ветхость»⁴; если же таковых не имелось, совершать богослужения в частных жилых помещениях, без иконостаса и без внешних признаков православного храма⁵. Для реализации данного установления община поручала своему уполномоченному заказывать проект на строительство моленного дома, или, чаще, перестройку –

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 248–248 об.

² Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII–XX вв.). Барнаул, 1997. С. 284.

³ КГУ ГААК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 313.

⁴ Цит. по: Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 370.

⁵ Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII–XX вв.). Барнаул, 1997. С. 331.

«приспособление» частного жилого дома под моленную. Проект обычно содержал чертежи фасада, плана, одного или двух разрезов – долевого и поперечного, с обозначением внутренних стен, дверных и оконных проемов, печей, крыльца, декоративных элементов. Проект направлялся на рассмотрение в Строительное отделение Томского губернского управления и в случае одобрения осуществлялся на месте. Таким образом, еще в конце 1890-х гг. были построены или перестроены старообрядческие моленные дома в населенных пунктах Алтайского округа, в том числе и в Барнауле. Известно, что к началу XX в. Барнаульская Белокриницкая община имела молитвенный дом, «открытый с разрешения установленной власти», по-видимому, в частном домостроении, но дом этот был крайне мал, тесен и находился в неподходящем месте, «среди обывательских домов»¹. По предположению Н. А. Старухина, этот молитвенный дом находился неподалеку от того места, где впоследствии был выстроен Крестовоздвиженский храм: на набережной пруда, у ограды бывшего сереброплавильного завода².

После известных реформ 1905–1906 гг. началось еще более активное строительство: большинство культовых зданий алтайских старообрядцев, как и по России в целом, было построено в «золотое десятилетие старообрядчества» – 1906–1917-е гг.³. К указанному периоду относится и строительство Барнаульского Крестовоздвиженского храма.

Сразу после выхода в свет правительственных установлений 1905–1906 гг., разрешающих старообрядцам регистрировать свои общины и строить культовые сооружения, барнаульские белокриничане начали ходатайство перед городской думой об отведении им места под строительство храма. Решение о предоставлении для этих целей участка на улице Подгорной (впоследствии улица Мамонтова), было принято на заседании думы 27 сентября 1906 г.⁴

Участок, отведенный старообрядцам под строительство храма, хорошо просматривается на фотографии, сделанной в первые годы XX века, по-видимому, незадолго до начала строительства: это свободная от строений часть берега заводского пруда, рядом с плотиной. Правда, старообрядцы получили место для храма не совсем там, где им хотелось: они претендовали на участок, смежный с землей, принадлежавшей

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 5. Л. 100.

² Старухин Н. А. Белокриницкое согласие на Алтае: Барнаульская Крестовоздвиженская церковь // Старообрядчество: история и культура. Сб. ст. Вып. 1. / Под ред. Дементьевой Л. С. и пр. Барнаул, 1999. С. 94.

³ Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 426.

⁴ КГУ ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 5. Л. 108.

Кабинету, то есть, прилегающий к сереброплавильному заводу. Но в этом случае храм встал бы на дороге, шедшей с заводской плотины на пожарный взвоз: старообрядцы в своем прошении предлагали, с занятием ими желаемого участка, изменить эту «произвольную» дорогу. Однако Дума отклонила данное предложение и предпочла перенести отводимый участок на 13 саженей (около 28 м); следовательно, сдвиг был сделан в сторону пруда. Характер отведенного участка, возможно, повлиял на внешний вид и размеры строения: как это видно на фото, храм, вытянутый в направлении «восток-запад», почти вплотную прижат к пруду, а за ним, несколько выше, видна дорога на гору – по-видимому, это и есть пожарный взвоз, путь к которому он мог бы загородить. Ширина его вследствие изменения участка могла быть несколько сужена.

Белокриницкий Крестовоздвиженский храм, построенный по проекту известного барнаульского архитектора И. Ф. Носовича, стал наиболее значительным культовым сооружением старообрядцев Алтая. Выстроенный из камня, он достигал значительных размеров: около 25,6 м в длину и 8,5 м в ширину. При храме имелась шатровая деревянная колокольня высотой около 11,5 м, трапезная; впоследствии были построены сторожка и ограда. Анализируя внешний облик храма по имеющимся документам и фотоматериалам, Л. С. Дементьева указывает не только на наличие интересных архитектурных деталей – восьмигранных куполов с маковками, венчавших храм, алтарь и колокольню, поддерживавшие их световые барабаны-восьмерики и другое, но и на эклектичное сочетание элементов древнерусской храмовой архитектуры и гражданского строительства – большие оконные проемы с многочастными переплетами, что привнесло в его декор черты модерна¹. Судя по сохранившимся фотографиям, храм органично вписался в архитектуру подгорной части города, ограниченную, с одной стороны, довольно крутой горой, с другой – заводским прудом, что поневоле вынуждало вытягивать здания в длину и сужать в ширину.

В здании храма должны были свободно размещаться прихожане Барнаульской общины, которая до конца 1820-х гг. постоянно росла, и вместе с входившими в ее состав верующими деревень Коннохи, Казенная Заимка, Гоньба и других пригородных населенных пунктов, включала свыше 670 человек, не считая несовершеннолетних. Помимо богослужений, в храме проводились собрания членов общины, заседания церковного совета, а также съезды Томско-Алтайской белокриницкой епархии. Предположительно в подвальном помещении храма

---

¹ Дементьева Л. С. Строительство храма во имя Воздвижения Креста Господня в Барнауле // Архитектура и строительство Сибири. 2002. № 4. С. 34.

располагались епархиальный свечной завод и склад товаров культового назначения.

Организация строительства – составление и подача соответствующих прошений, сбор денежных средств, деловая переписка и пр., – была возложена на членов церковного совета общины, который в данный период возглавляли Киприан Афанасьевич Волков, Иван Иович Черкасов, Иван Степанович Шумихин: именно эти люди вложили наибольшие усилия в сложное и хлопотное дело создания Крестовоздвиженского храма.

В 1911 г. здание храма было, в основном, завершено¹, но достройка, вместе с работой по созданию его интерьера, продолжалась еще несколько лет. Только в 1919 г. община смогла заняться устройством церковной ограды – на эти цели требовалось собрать 5 тыс. рублей². Строительство и украшение храма осуществлялось на деньги верующих, которые проводили многократные кружечные сборы, перечисляли добровольные пожертвования, брали кредит в банке и др. Так, например, в фонде Барнаульской Крестовоздвиженской старообрядческой церкви КГУ ГААК имеется несколько подписных листов для сбора добровольных пожертвований на постройку храма. Списки жертвователей возглавляют фамилии наиболее состоятельных прихожан, жертвовавших сотни рублей: К. А. и А. И. Волковых, И. И. Черкасова, А. Г. Кунгурова, И. С. Шумихина, М. Е. Астраханцева, М. Т. Афонинной, Т. В. Горина³. Другие прихожане также жертвовали, кто сколько мог, хотя бы по 1–3–5 рублей. Особенно много пожертвований было собрано в 1915 г., когда нужно было выплатить большие суммы за работы по изготовлению иконостаса и написанию икон; несомненно, эти сборы были нелегким бременем для барнаульских белокриничан, зато в результате они получили действительно замечательное произведение религиозного искусства.

Поскольку на Алтае и сопредельных ему территориях отсутствовали крупные старообрядческие иконописные центры, Барнаульская община заказала иконы для иконостаса в селе Гора Нижегородской губернии, в мастерской иконника М. М. Комарова. В фонде Крестовоздвиженской церкви сохранились письма Комарова, написанные в январе 1915 г. в ответ на запросы и заказы уполномоченного общины, председателя церковного совета К. А. Волкова.

---

¹ Старухин Н. А. Белокриничское согласие на Алтае: Барнаульская Крестовоздвиженская церковь // Старообрядчество: история и культура. Сб. ст. Вып. 1. / Под ред. Дементьевой Л. С. и пр. Барнаул, 1999. С. 95.

² «Сибирский старообрядец». 1919. № 6. С. 12.

³ КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 269–272.

По-видимому, Михаил Мартемьянович Комаров (вероятно, и сам старообрядец) был известен как опытный и искусный исполнитель крупных заказов на старообрядческие иконы: несомненно, Крестовоздвиженская община наводила подробные справки и никогда не обратилась бы к плохому мастеру. В его письмах не только даются заверения в качестве и аккуратности выполнения работы, обещания сделать все «в любом стиле» и «в угоду» заказчикам, но и компетентные рассуждения относительно художественной стороны вопроса. В частности, говорится о том, как соблюсти гармонию между иконами и собственно иконостасом: по словам автора, необходимо сделать работу таким образом, чтобы «выделить иконостас и иконы. А то может мастер слить то и другое – то тогда некрасиво; или [если] резьба чересчур сильно велика, а иконы малы, – то все пропадет»¹. К деревянному (дубовому) позолоченному иконостасу мастер советовал сделать иконы новгородского стиля с золотым матовым фоном. Иконостас, правда, делался из сосны и кедра, однако, совет мастера был принят: иконы были заказаны именно в новгородском стиле. Вполне логично и объяснимо, что старообрядцев привлекали наиболее архаичные иконописные традиции, восходящие к дониконовскому периоду. Новгородский стиль (в данном случае речь идет, конечно, о стилизации), с его древним канонам, простотой, монументальностью, убедительностью и глубоким внутренним содержанием образов, при отсутствии броскости и внешних красот, должен был нравиться им больше других стилей.

Договор Крестовоздвиженской общины с М. М. Комаровым датируется 13 февраля 1915 г. Всего ему было заказано 59 икон на сумму 1,3 тыс. рублей. В договоре выставлены высокие требования к качеству работы: говорилось, что иконы должны быть сделаны «из самого лучшего материала и доброкачественные во всех отношениях, письма самого лучшего исполнения, в стиле по указанию К. А. Волкова, согласно образцов» (мастер заранее выслал образцы различных писем). Кроме того, должна быть сделана «разделка риз и венцов золотом»².

Мастер охотно взялся бы за выполнение всего иконостаса, тогда, по его словам, получилось бы «чудо красоты». Но иконостас с двумя заклиросными киотами был заказан еще раньше, в ноябре 1914 г., Первой иконостасной Барнаульской трудовой артели «Деятель»³. По договору, он должен быть изготовлен в соответствии с прилагаемыми чертежами к 1 сентября 1915 г. Также оговаривались используемые материалы и качественный уровень работы: иконостас должен был

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 264.

² КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 260.

³ КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 256.

быть сделан «из сухого, выдержанного соснового леса не тоньше полутора вершков, а резьба вся из выдержанного сухого кедрового леса, из такового же леса должен быть сделан и весь орнамент».

Для оклеивания основания иконостаса предполагалось использовать толстую парусину на французском клее, с мелом, «с соблюдением безукоризненной расчистки», и затем выкрасить его на три раза эмалевой краской в цвет, указанный заказчиком. Резьба покрывалась позолотой: «безукоризненной и с блеском». За работу община должна была уплатить артели 2,5 тыс. рублей, при этом брала на себя также покупку сусального золота для позолоты, представлявшего собой тончайшие металлические листы, которые были приобретены в количестве 100 штук в Москве¹. По-видимому, качество работы иконостасной артели удовлетворило старообрядцев: по завершении работ председатель совета общины К. А. Волков выдал ей «аттестат», в котором удостоверялись профессионализм, добросовестность и аккуратность исполнения иконостаса².

Община отказалась от одной ленты иконостасной резьбы, вероятно, для того, чтобы не переборщить с украшениями и придать строгость всему ансамблю. Возможно, однако, что это было сделано из экономии: взамен было внесено пожелание «возвысить первый ярус на два вершка»³: по-видимому, старообрядцы хотели максимально вытянуть иконостас вверх.

Как известно, иконостас представляет собой систему поставленных в несколько рядов икон, образующих высокую стену, отделяющую алтарь от «корабля» – остальной части храма. Иконы в иконостасе располагаются в строгом порядке, образуя единую стройную композицию – образное воплощение главных догматов веры. Одной из важнейших идей иконостаса является осознание истории человечества с религиозной точки зрения⁴.

Судя по материалам описей, структура Крестовоздвиженского иконостаса была не совсем традиционной, а именно: в ней отсутствовал деисусный ряд, или, вернее, он был соединен с местным рядом. Описание самого нижнего, первого яруса – местного ряда – включает, во-первых, иконы Царских Врат – обычные здесь «Благовещение» и изображения четырех евангелистов, а также небольшие иконы преподобного Сергия и пророка Илии и круглые иконы херувимов, вставленные в резные столбцы. Местный ярус включал шесть наиболее крупных икон размером примерно 1 м на 64 см: их расположение по обеим сторонам от Царских Врат Л. С. Дементьева описывает отчасти

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 265.

² КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2. Л. 7 об.

³ КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 256.

⁴ История русского искусства. М., 1991. Т. 1. Искусство X – первой половины XIX века. С. 59.

по сохранившейся фотографии И. И. Чучалина на фоне нижнего яруса иконостаса. Справа от Царских Врат находилась икона Спасителя, слева – Богоматери. Кроме того, в этом ряду располагались иконы «Иоанн Креститель», «Успение Богоматери», «Воздвижение Креста Господня» – очевидно, храмовая икона; вселенские учителя Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст были изображены на одной иконе, возможно, ради экономии места¹.

При описании этой части иконостаса в описи указаны два больших, почти двухметровых образа южных и северных дверей: это архангелы Стефан и Гавриил – сюжеты, которые в принципе вписываются в иконографическое содержание Царских врат и местного ряда². Возможно, эти дверные образа концептуально и зрительно составляли единое целое с местным ярусом, потому что в описании они сопричислены к списку икон иконостаса («иконы дверные боковые»), а не ко внеиконостасному перечню. Кроме того, в счете, присланном М. М. Комаровым, все эти иконы значатся в одном разделе: «8 икон местные и южно-северные две»³.

Праздничный ряд, который обычно идет после деисусного чина, включает в себя меньшие по размеру иконы, изображающие праздники и Страсти Христовы. Количество икон праздничного ряда может варьироваться в зависимости от ширины храма: в Крестовоздвиженском иконостасе их было 13 (что не очень много: очевидно, в ширину храм был все-таки не слишком велик); это были иконы: еще одно «Воздвижение», «Преображение», «Введение во храм», «Вход Господень в Иерусалим», «Живоначная Троица», «Богоявление», «Рождество Христово», «Благовещение», «Успение», «Вознесение», еще одно «Успение Божией Матери», «Рождество Богородицы», «Тайная Вечеря». Иконы этого ряда традиционно были сравнительно невелики: примерно 44,5 см на 35,6 см.

Деисусный ряд носит также название «апостольский», поскольку в нем иногда, после изображений Спаса в центре и Богоматери и Иоанна Предтечи по обеим сторонам от него, шли изображения апостолов и евангелистов: Петра, Павла, а если было место, то и других. Если в этом ряду имелись изображения архангелов, то апостолы размещались вслед за ними⁴. В иконостасе же Крестовоздвиженского храма апостолы были выделены в целый отдельный ярус, который шел после праздников, что тоже не совсем характерно для классического иконостаса.

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 5. Л 2.

² Шкаруба Я. М. Основы иконоведения. Богословие в красках. Новосибирск, 2008. С. 210.

³ КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 261.

⁴ Шкаруба Я. М. Основы иконоведения. Богословие в красках. Новосибирск, 2008. С. 211–212.

По-видимому, для общины было важно присутствие в иконостасе изображений апостолов, места же в деисусном ряду для них не было, так как этот ряд был уже объединен с местным. Можно предположить также, что старообрядцам хотелось вытянуть иконостас в высоту, чтобы сделать его более величественным. Третий, апостольский, ярус вмещал 12 икон: 11 изображений апостолов и двенадцатое – Богоматери (предположительно Одигитрии, которая значится в заказе). Размеры икон этого ряда: высота около 90 см, ширина – 40 см.

Наконец, Крестовоздвиженский иконостас имел четвертый ярус – пророческий, изображавший ветхозаветную церковь, который имеется только в полных и богатых иконостасах в крупных или средних храмах. В его состав входят изображения ветхозаветных пророков: здесь это были иконы: «Иона», «Наум», «Елисей», «Захария», «Давид», «Моисей», «Самуил», «Илия», «Исайя», «Иеремия», «Соломон», «Михей». Размеры икон этого яруса: высота – около 98 см, ширина – 35,6 см.

В центре пророческого ряда полагается помещать изображение Богоматери, предстоящей или сидящей на престоле или с воздетыми для молитвы руками. Поэтому, хотя икона «Знамение Богоматери» указана в описи отдельно, как расположенная в центре иконостаса, можно предположить, что она была помещена именно в центр пророческого чина, поскольку имела ту же высоту – 98 см; указана же отдельно потому, что ее ширина была в два раза больше икон пророков – примерно 71 см (в описях иконы, имеющие одинаковые размеры, перечислялись списком для удобства, чтобы не указывать размеры каждой из них отдельно).

Иконостас обычно увенчивается крестом, распятием или изображением Спаса¹; данный иконостас увенчивала икона «Спас Вседержитель», самая крупная из всех: высотой 107 см, шириной 71 см; по-видимому, она располагалась непосредственно над иконой «Знамение Богоматери», соответствовавшей ей по ширине.

Общая высота Крестовоздвиженского иконостаса превышала 6 м, ширина составляла свыше 5 м. Вероятно, несмотря на простоту и лаконичность иконописного стиля, он был очень пышен и красив: ризы и венцы на иконах были позолоченными; червонное золото, использованное для золочения резьбы, придавало богатый блеск: орнаментальная резьба по дереву с применением золочения стала применяться для украшения иконостаса, начиная с XVI в., превратив его в произведение искусства и еще более усилив его эмоциональное воздействие².

---

¹ Шкаруба Я. М. Основы иконоведения. Богословие в красках. Новосибирск, 2008. С 214.

² История русского искусства. М., 1991. Т. 1. Искусство X – первой половины XIX века. С. 59.

Несмотря на то, что организация Крестовоздвиженского иконостаса, с совмещением деисусного и местного ярусом, не вполне укладывалась в традиционную схему, все же ее можно считать, безусловно, вполне допустимой, поскольку в принципе эта схема отнюдь не была жесткой: она могла варьироваться в зависимости от местных условий. Размеры и структура данного иконостаса, возможно, были сориентированы на размеры храма: учитывая, что он был построен не совсем в том месте, где хотелось общине, можно предположить, что его размеры подверглись корректировке.

Помимо иконостасных икон, в Крестовоздвиженском храме имелось также около 40 икон вне иконостаса: запрестольных, в алтаре, в киотах. 12 икон, по-видимому, небольших размеров, находились в алтаре: это «Воскресение», «Плащаница», три иконы «Богоматерь», «Никола», «Воскресение», «Благовещение», «Богородица», «Филипп», «Фома», «Усекновение главы Иоанна Предтечи». Две праздничные иконы – «Воздвижению» и «Воскресение», – располагались на аналоях, и две – «Никола» и «Воскресение» – в киотах. Наконец, в перечне значатся еще три запрестольных иконы – «Крест», «Спас Нерукотворный» и «Знамение Божьей Матери»¹.

Работа над иконами была окончена мастерской М. М. Комарова одновременно с монтированием иконостаса: к 1 августа 1915 г. Иконы были доставлены по железной дороге до Ново-Николаевска, оттуда до Барнаула – колесным трактом. Притом, что 24 мая 1915 г. было совершено поднятие крестов, завершение иконостасных работ явилось последним аккордом строительства и украшения градо-Барнаульского старообрядческого Крестовоздвиженского храма.

Заботами старообрядческих общин создавались не только собственно культовые сооружения, но и их необходимое наполнение, прежде всего, богослужебные книги и утварь. Библиотека Крестовоздвиженского храма являлась одной из наиболее полных и многочисленных из подобных собраний Алтая: в описи за 1922 год в ней значатся 32 названия и 52 экземпляра книг. Здесь имелись книги литургические: Евангелие, Псалтирь служебная, Чин литургии Иоанна Златоустого, Чин литургии Василия Великого, Апостол, Минеи; тексты для суточных служб: Часослов, Служебник, Чин вечерни и утрени. Из певческих книг здесь значатся Ирмосы, Обедницы, Октаи, Обиходы, Триоди – постные и цветные. Имелись также произведения полемического и нравоучительного характера. К первым здесь можно отнести Книгу о вере, Кормчую (Номоканон); ко вторым – Златоуст: поучения Иоанна Златоуста, Сын церковный: собрание нравоучений,

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 5. Л. 2 об.

Сборник, в котором собраны нравоучительные слова святых отцов Восточной церкви учителей. Из произведений житийной литературы в Крестовоздвиженском храме имелись Пролог, Сборник, или свод житий святых, Житие Аввы Дорофея, Николино житие, Житие Иоанна Богослова. О пополнении библиотеки, по-видимому, заботился о. Иаков Чучалин. Богослужебные старопечатные книги сберегались старообрядцами особенно тщательно: как правило, они переплетались кожей, бархатом, коленкором, плюшем и т. д.

Богослужебная утварь старообрядческих общин в первой трети XX в. была очень простой, выполненной из недорогих материалов, чаще всего из дерева (кресты, купели) и жести (брачные венцы, подсвечники, кадила и др.). Лишь немногие общины располагали культовыми предметами из более дорогих материалов: медными, бронзовыми и деревянными бронзированными, в самых редких случаях – серебряными. Только в инвентарной описи Барнаульской Крестовоздвиженской старообрядческой церкви значатся несколько позолоченных, посеребренных и никелированных предметов культа: паникадило золоченое, паникадило бронзированное, лампадка, крытая серебром, подсвечники никелированные и др. Много было медных предметов: купель, подсвечники, кадила, кресты, брачные венцы, блюда, дискос, потир, «лжица для причащения», «трикирия и дикирия для Архиерейского служения медные дутые» и др.¹; но все это были вещи, никакой материальной ценности собой не представлявшие. Из предметов, сделанных из драгоценных металлов, в собственности Крестовоздвиженской общины в ходе кампании по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья было обнаружено всего лишь одно серебряное кадило «с четырьмя к нему цепочками, всего весом восемьдесят семь золотников», которое и было изъято комиссией. Больше в церкви ничего, «подлежащего изъятию», не оказалось.²

Обязательной частью церковного интерьера является также мебель: различные шкафы, столы, лавки и пр. Эта категория церковного имущества была уже совсем простой: в описи значатся деревянные скамьи, табуретки, шкафчики для книг (они же аналои на клиросах), «конторка свечная деревянная выкрашена бордовой краской», «гардероб для облачения простой работы, крашенный бордовой краской» и др.³.

Ткани, употреблявшиеся при отправлении культа, были различны: это могли быть простые, домашней работы, полотенца, настольники, ковры; иногда аналои и престолы накрывались более дорогими тканями:

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 5. Л. 2 об.

² КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 235.

³ КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

шелковыми и кашемировыми полушалками, сатиновыми шальями, бумажными скатертями и салфетками. Полы в молитвенных помещениях выстланы самоткаными половиками: в Крестовоздвиженском храме имелись очень простые ковры и «тропки». При этом в описи имущества значится много шелковых и бархатных воздухов, покровов, облачений на престол и жертвенник, а священническое облачение было даже роскошное: плисовые, парчовые и шелковые фелони, стихари, шелковые подрясники с позументом и др.¹

К сожалению, часть этих вещей к 1920-м гг. уже пришла в ветхое состояние; кроме того, наиболее ценные предметы облачения были похищены в 1923 г.; несмотря на то, что преступники были очень быстро схвачены, вернуть удалось лишь часть украденного имущества. Священник о. Иаков Чучалин довольно бестактно обвинил в происшедшем бывший Церковный совет, десятью-пятнадцатью годами ранее занимавшийся строительством храма и не обеспечивший решеток на окнах, из-за чего якобы и случилась «покража». Этот выпад чрезвычайно оскорбил членов старого Совета – Черкасова, Волкова и Шумихина, которые напомнили, что данный вопрос в свое время решился таким образом, что решеток не нужно, поскольку «это не тюрьма», а нужны ставни; крючья для ставен при постройке сделаны, «а почему не сделали ставень – касса скудна»².

Простота имущества, в особенности той его части, которая не имела строго культового назначения, объясняется тем обстоятельством, что старообрядческие общины, только в 1905–1906 гг. получившие возможность свободно и беспрепятственно открывать свои храмы, в течение ряда лет, напрягая силы, производили значительные затраты для того, чтобы в короткие сроки обеспечить себя, в первую очередь, культовыми зданиями. Строя храмы, моленные дома, колокольни, трапезные, ограды, сторожки, тратя средства на их содержание и ремонт, в советское время выплачивая налоги на строения, а также производя постоянные отчисления на содержание иерархии, старообрядцы, особенно на периферии, не успели накопить в своих храмах каких-либо значительных ценностей. Главной ценностью старообрядческих общин оставались сами культовые здания. Борьба за их сохранение составляла едва ли не главное содержание религиозно-общественной жизни старообрядческих приходов Томско-Алтайской епархии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. – период, когда государство прилагало все усилия для подрыва материальной базы религиозных объединений, вынуждая их к самоликвидации.

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об.-8.

² КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. ЛЛ. 137, 161, 161 об., 168.

К концу 1930-х гг. белокричане Алтай утратили все свои молитвенные здания, в том числе самый значительный, градо-Барнаульский Крестовоздвиженский храм, закрытый в 1937 г.¹ В течение нескольких последующих десятилетий здание храма было использовано в различных целях: сначала он значился за сплавной конторой треста «Алтайлес», затем был передан краевому управлению лесного хозяйства²; наконец, в нем был устроен кинопрокат. В 1967 г., при строительстве трамвайной линии 7-го маршрута, храм был взорван.

После закрытия храма белокриничская община Барнаула теряет свое значение одного из крупнейших центров этого согласия в Западной Сибири. Поэтому верующие Алтайского края были вынуждены в течение долгого времени ориентироваться на центры сопредельных регионов – Успенскую церковь г. Новосибирска и Успенскую же церковь г. Томска. Общины этих городов не были закрыты в 1930-х гг., и сумели, несмотря на трудности, продолжить свою религиозную деятельность на законных основаниях. Ориентация на эти центры заключалась в том, что на большие праздники и для совершения треб алтайским старообрядцам приходилось по возможности ездить в Томск или Новосибирск, либо, если речь шла о многочисленном религиозном объединении, пытаться приглашать к себе на короткое время священников из этих центров. Там же заказывались службы, на оплату которых перечислялись деньги³.

Тем не менее, религиозная жизнь Барнаульской старообрядческой общины продолжалась и после закрытия храма. Община, хотя и значительно сократившая свою численность, все же оставалась наиболее многочисленной из всех белокриничских объединений Алтайского края. В документах в разные годы значится различное число верующих: от 140 до 300 человек⁴. Для сравнения – Томская действующая белокриничская община в середине 1950-х гг. насчитывала 157 человек⁵. Сами старообрядцы воспринимали сами себя именно как общину, жизнь которой никогда не прерывалась. В 1940–1960-х гг. в письмах в органы власти они постоянно называют себя «общиной», которая существует в Барнауле издавна, еще со времен их дедов и отцов⁶. Более того, в переписке представителей властных структур они тоже фигурируют как «Барнаульская белокриничская община».

---

¹ КГУ ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

² КГУ ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 33. Л. 47.

³ КГУ ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 33. Л. 57-59; Д. 52. Л. 48; Д. 70. Л. 24. ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 426. Л. 30, 106. ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 109. Л. 4.

⁴ КГУ ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 17. Л. 22; Д. 58. Л. 118; Д. 79. Л. 1.

⁵ ГАТО. Ф. Р-1786. Д. 426. Л. 69.

⁶ КГУ ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 17. Л. 22; Д. 58. Л. 118; Д. 79. Л. 1, 71.

В послевоенный период молитвенные собрания проводились верующими, по-видимому, на частных квартирах, небольшими группами, по 15–20 человек. Примерно с 1960-х гг. (возможно, значительно раньше) верующие стали проводить постоянные молитвенные собрания в доме по адресу ул. Партизанская, д. 192, в котором в настоящее время находится Покровский старообрядческий храм. По данным уполномоченного Совета по делам религиозных культов в Алтайском крае И. Я. Коробейщикова, старообрядцы уже к 1960 г. оборудовали в этом доме кафедру и иконостас; хотя священника они не имели, «кто-то его заменял»¹. Можно предположить, что богослужения в этот период проводились священниками, приезжавшими нелегально из других городов – Томска и Новосибирска. Например, по данным уполномоченного по делам религиозных культов Томской области, в конце 1940-х гг. в Барнаул дважды приезжал томский протоиерей о. Павел Колосов. В феврале 1949 г. он выбыл из Томска в Барнаул «для службы в Барнаульской общине», причем сделал это по письменному распоряжению Архиепископа Московского и всея Руси Иринарха². (Такого распоряжения, по существующему законодательству, Иринарх не имел права отдавать, поскольку Барнаульская община зарегистрирована не была, и он не мог об этом не знать; вероятно, вопреки всему, под свою ответственность, пошел навстречу духовным нуждам этой значительной, хотя и не легализованной, общины). Сколько времени протоиерей Колосов пробыл в Барнауле, неизвестно. Тем не менее, очевидно, религиозная жизнь барнаульских старообрядцев в 1940–1950-х гг. не прерывалась.

При этом официальное закрытие общины в 1937 г. и отобрание у нее храма автоматически делали ее существование нелегальным, а все ее действия, направленные на продолжение религиозной жизни, – незаконными. Такое положение вещей, конечно, очень тяготило верующих, которые в отношениях с властными структурами позиционировали себя как лояльных, законопослушных граждан, готовых подчиняться существующим установлениям, и не хотели совершать ничего противоправного. Однако обстоятельства складывались таким образом, что они постоянно были вынуждены нарушать эти установления. Например, для того чтобы пригласить священника, хотя бы 2–3 раза в год, необходимо было вступать в переписку с официальными лицами и просить для того или иного священнослужителя разрешения на въезд. Официальные лица, со своей стороны, всякий раз отвечали, что, поскольку данная община не зарегистрирована, то ее деятельность незаконна, и приезд священника разрешен быть не может. В этой ситуации,

---

¹ КГУ ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 17. Л. 22; Д. 58. Л. 118; Д. 79. Л. 1, 66.

² ГАТО. Ф. Р-1786. Д. 426. Л. 30, 32, 40.

при отсутствии регистрации в органах исполнительной власти, невозможно было наладить правильную религиозную жизнь на легальных основаниях. Таким образом, алтайским старообрядцам нужен был свой легальный религиозный центр, который, по логике вещей, должен находиться в городе Барнауле. Следовательно, барнаульским старообрядцам было совершенно необходимо возобновить официальный статус общины, закрытой в 1937 г. Для этого нужно было получить разрешение на регистрацию и открытие моленного дома. К выполнению этой задачи они и приступили сразу же после окончания войны.

Борьба общины с советской бюрократической системой за регистрацию продолжалась несколько десятилетий, то возобновляясь, то затухая. Одновременно велась и другая работа: обустройство здания по улице Партизанской, 192, и приведение его в соответствие с существующими санитарно-гигиеническими и противопожарными нормами, хотя, опять-таки, при отсутствии регистрации верующие не имели права на подобную деятельность. Вероятно, старообрядцы надеялись на то, что факт оборудования здания для культовых целей сам по себе окажет положительное влияние на ход дела о регистрации.

Взятая ими на себя задача была очень сложной. Первоначально община арендовала только часть домовладения – большую комнату («зал»), а в другой, маленькой комнате продолжали проживать хозяева. Необходимо было сделать молитвенное помещение более просторным (по существующим нормам, требовалась площадь из расчета 1 кв. м на человека; старообрядцы заявляли, что в их общине состоят 200 человек), сделать теплые сени, вентиляцию, канализацию, батарейное отопление; необходимы были также крестильная и гостиница для приезжих. Бесполезно было доказывать представителям власти, что имеющейся площади в 52 кв. м вполне достаточно, так как прихожане во время службы стоят, а не сидят, что, в случае большого наплыва верующих, службу можно разделить на две части – раннюю и позднюю; что крещение можно проводить непосредственно в церковном помещении, а приезжающих на праздники можно разобрать по домам прихожан; по крайней мере, эти помещения можно достроить позже, главное – поскорее легализовать общину и открыть храм. Тем не менее, часть несоответствий была устранена, и верующие были готовы работать в этом направлении и дальше.

Новый этап борьбы за регистрацию общины и открытие моленного дома наступил в конце 1960-х гг., с появлением в общине сравнительно молодых и образованных прихожан, которые старались подвигнуть верующих на более решительные действия. В результате этих действий создался ряд острых моментов, даже, можно сказать, столкновения представителей общины с властью.

В качестве ходатая по делам в этот период на первый план выдвинулся вновь появившийся в общине Анатолий Ударцев, хотя и неофит, но характеризовавшийся и верующими, и представителями власти, как человек чрезвычайно предприимчивый. Ударцев сумел взять инициативу в деле регистрации в свои руки и получить поддержку некоторой части верующих, хотя, возможно, другой их части и не нравились его методы. Прежние ходатаи, люди пожилые, преимущественно пенсионеры и инвалиды, предпочитали действовать, хотя и настойчиво, но все же осторожно и корректно; теперь стиль обращений старообрядцев в органы власти резко меняется: становится наступательным и даже агрессивным. По ходу дела Ударцев, не выдержав постоянных бюрократических проволочек, нагрубил председателю горисполкома, заявив, что община фактически уже проводит и, несмотря ни на что, будет проводить свои богослужения в здании на улице Партизанской. В ответ городские власти явочным порядком, не предупредив ни верующих, ни хозяев дома, опечатали здание, причем вместе с моленной опечатанным оказалось и жилое помещение: хозяевам велели выйти, не дав даже забрать вещи (дело было в конце ноября). Дом простоял опечатанным две недели и был распечатан только после того, как хозяева подписали отказ общине в аренде помещения¹.

В создавшихся условиях руководство общины решило жаловаться в Москву, причем сразу во все высшие инстанции: в ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Совет по делам религиозных культов. В письме, составленном резко и иронично, подробно излагались обстоятельства дела, которые расценивались не больше, не меньше, как нарушение местными органами власти советского законодательства о культах, подрывающее авторитет советской власти в глазах граждан. Ссылаясь на приведенные (в своей редакции) выдержки из последних выступлений высокопоставленных лиц и законоположений в области культов: о безусловном проведении в жизнь принципа свободы совести, защите прав верующих граждан, ответственности за невыполнение указанных установлений и др., и сопоставляя эти положения со своей ситуацией, верующие приходят к выводу, что речь идет именно о нарушении законности и требуют восстановить справедливость. К письмам были приложены фотографии опечатанной двери моленной с подписями: «Дождались решения! Разве так открывают!» и др. Письма были подписаны А. В. Ударцевым, И. Т. и А. Т. Лапкиными².

Можно констатировать, что это обострение ситуации привлекло к проблеме внимание высших инстанций и тем самым сдвинуло дело

---

¹ КГУ ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 17. Л. 22; Д. 58. Л. 118; Д. 79. Л. 1, 86, 101.

² КГУ ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 17. Л. 22; Д. 58. Л. 118; Д. 79. Л. 1, 77, 79.

с мертвой точки, хотя и не принесло верующим того результата, на который они рассчитывали: зарегистрировать общину им так и не дали. Все же местные власти были вынуждены как-то реагировать на создавшееся положение. Для решения вопроса была принята точка зрения уполномоченного Коробейщикова, который считал, что открывать старообрядческую церковь в Алтайском крае «нецелесообразно», поскольку это могло вызвать оживление среди старообрядцев и рост их числа. При этом барнаульским старообрядцам «временно», «пока» позволялись периодические молитвенные собрания в арендованном ими доме без регистрации в Совете по делам религий, а значит, и без приглашения священнослужителя. Фактически это решение закрепляло уже сложившееся усилиями верующих положение вещей, хотя и не прибавляло ничего нового к правовому статусу общины.

Таким образом, упорные и активные действия верующих Барнаульской белокрыницкой общины фактически вынудили власть к принятию компромиссного решения; добиться большего в тот период было, по-видимому, невозможно, ввиду общей направленности государственной политики в области культов на сворачивание деятельности религиозных объединений. Тем не менее, Барнаульская община получила возможность продолжения религиозно-общественной жизни икрепила за собой культовое здание на улице Партизанской, с которым оказалась связанной ее дальнейшая судьба.

Н. Д. РОСТОВ, С. В. АНДРЕЙЧУК

СИБИРСКАЯ ИНСПЕКЦИЯ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.

Осенью 1745 г. полки российской армии, вступившие в Сибирь, были организационно сведены в Сибирский корпус, командиром которого был назначен генерал-майор Г. Х. Киндерман. К концу правления Екатерины II Сибирский корпус был преобразован в Сибирскую дивизию, а с начала 1797 г. – в Сибирскую инспекцию. В связи с обострившейся военно-политической обстановкой на западных границах Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв. российское правительство с середины 1790-х гг. планировало вывод в европейскую часть страны полков русской армии, дислоцированных в Сибири. Предполагаемое участие полков Сибирской дивизии в войнах на европейском континенте потребовало проведения мероприятий по повышению ее боеспособности и совершенствованию организационной структуры.

В ноябре – декабре 1796 г. в составе дивизии началось формирование мушкетерских полков. Из 6 полевых сибирских батальонов были сформированы Екатеринбургский, Селенгинский и Томский мушкетерские полки. Егерские батальоны стали именоваться 19-м и 20-м¹. К концу года в составе Сибирской дивизии находились 2 драгунских, 3 мушкетерских полка, 2 егерских и 6 гарнизонных батальонов (таб. 1). Численность войск Сибирской дивизии без учета гарнизонных батальонов в этот период составляла 13 132 чел.

Таблица 1

Расписание 12-й Сибирской дивизии (3 декабря 1796 г.)²:

Командующий дивизией – генерал-лейтенант Г. Г. Штрэндман.

---

¹ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 67. Оп. 1. Д. 10. Л. 65, 65 об., 67, 67 об., 68 об., 70; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Л. 41 об.; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т.24. № 17587; Ростов Н. Д. Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Изд. 2-е, доп. и перераб. / Н. Д. Ростов. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. – С. 16.

² РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Л. 34, 41 об.; ИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 10. Л. 124.

Шефы: от кавалерии генерал-майоров – 2 чел.
от инфантерии: генерал-лейтенант – 1 чел.,
генерал-майор – 1 чел.,
бригадир – 1 чел.

Название	Расположение	Шеф полка
Сибирский драгунский	между Звериноголовской и Омской крепостями	генерал-майор барон Беервиц
Иркутский драгунский	между Омской и Усть-Каменогорской крепостями	генерал-майор Кормилицын
Ширванский мушкетерский	Омская крепость	генерал-лейтенант Штрандман
Томский мушкетерский	Колывань	генерал-майор Ергенец
Селенгинский мушкетерский	Усть-Каменогорская крепость	бригадир Аршеневский
19-й и 20-й егерские батальоны	перемешаны с драгунскими эскадронами	
Гарнизонные батальоны		
1, 2, 3-й Тобольские	Тобольск	Под командой соответствующих комендантов
Иркутский	Иркутск	
1-й и 2-й Селенгинские	Селенгинск	

В 1797 г. российское правительство планировало вывести из региона Сибирский драгунский полк. Однако командир дивизии генерал-лейтенант Г. Г. Штрандман, обеспокоенный увеличившейся частотой набегов казахов на русские селения на юге Сибири, просит императора оставить Сибирский драгунский полк на юге Западной Сибири¹. Кроме того, Г. Г. Штрандман просил для себя права в случае необходимости создать на Иртышской линии дополнительные отряды, а также направить туда Томский пехотный полк, расквартированный в Колывани, т. е. в 300 верстах от границы². По именному Высочайшему повелению 24 апреля 1798 г. Томский мушкетерский полк вступил в пределы Колывано-Воскресенских заводов. Батальоны полка были расквартированы в Барнаульском заводе (3 роты), а также в селениях Барнаульской

¹ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 89. Л. 1 об., 2.

² Там же. Л. 2, 2 об.

(1 рота), Белоярской (2 роты) и Шадринской (2 роты) волостей¹. Старшим при ротах, размещенных в Барнауле, был назначен майор Дмитриев. В селе Тальменском размещались роты майора Постникова 1-го и капитана Постникова 2-го, в селе Касмалинском размещалась рота капитана Каменщикова 2-го, в селе Белоярском размещалась рота майора Каменщикова 1-го. 1 мая 1806 г. по распоряжению командира Сибирской инспекции рота майора Постникова 1-го выступила в поход на Каинск. В 1806 г. командирами рот в архивных документах также значились капитан Лялин и майор Стеллих 2-й².

В результате проведенной Павлом I военной реформы все полки российской армии стали именоваться по шефам. Такое решение очень осложняло управление. В среднем, по российской армии полки за краткое время правления Павла I поменяли свои наименования по три раза, а Томский мушкетерский полк за 30 месяцев (1798–1800 гг.) переменил шефа и свое название 6 раз³. Императорским указом от 12 января 1797 г. предписывалось «...гарнизонные батальоны... именовать гарнизонными полками». Гарнизонные полки также, как и полевые, стали именоваться по шефам⁴.

Большое значение для повышения выучки личного состава полков российской армии, в том числе и сибирских, имело принятие ряда новых уставов, регламентирующих организацию боевой учебы и службы войск. В конце ноября 1796 г. были введены в действие воинские уставы: «Правила о службе кавалерийской», «Воинский устав о полевой кавалерийской службе», принимается новый «Воинский устав полевой пехотной службы», которым предусматривалось разделение всей армии на военные инспекции⁵. В 1797 г. были сформированы 12 инспекций, Сибирская получила 12-й номер⁶. Командующим войсками был назначен генерал-майор Н. И. Лавров⁷.

Войска, находившиеся в Сибири, подчинялись разным инспекторам: драгуны подчинялись инспектору по кавалерии Оренбургской и Сибирской инспекций генерал-лейтенанту Воеводскому, мушкетерские полки и казаки – инспектору по инфантерии Сибирской инспекции генерал-майору Лаврову.

---

¹ Ростов Н. Д. Указ соч. С. 16–17.

² Ростов Н. Д. Указ соч. С. 18.

³ Керсновский А. А. История русской армии: 1700–1881 / А. А. Керсновский. – Смоленск: Русич, 2004. – С. 146, 147.

⁴ ИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 10. Л. 210 об., 211, 211 об.

⁵ ПСЗРИ. Т. 24. № 17588.

⁶ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 146.

⁷ Ростов Н. Д. Указ. соч. С. 18–21.

Артиллерия, находившаяся на сибирских линиях, также имела своего собственного командира. Именным указом от 26 декабря 1796 г. при Военной коллегии был учрежден специальный артиллерийский департамент, которому подчинялись и сибирские артиллерийские чины¹. Императорским указом от 10 января 1797 г. в Омске был сформирован 13-й полевой артиллерийский батальон (шеф – генерал-лейтенант Бражников – «инспектор онаго баталиона из Сибирскаго департамента»). Батальон состоял из 5 рот, в каждой из которых было по 12 орудий. Общая численность составила 1 757 чел.² К 1803 г. батальон вошел в состав 9-го артиллерийского полка, 2 роты которого находились в Омской крепости³. Кроме того, в городах и крепостях Западной Сибири находились инженерные и гарнизонные артиллерийские команды⁴.

Фактически управление сибирскими войсками было централизовано в руках Военной коллегии, инспектор обладал очень ограниченными полномочиями: наблюдал за соответствием фактической численности полков штатной численности, снабжением полков, правильностью строевой и боевой подготовки⁵. Во главе каждого полка был поставлен генерал в качестве шефа, на которого возлагались обязанности командира полка также с урезанными полномочиями⁶. Командование Сибирской инспекции, также как и командования Кавказской и Оренбургской инспекций, обладало расширенными полномочиями: оно могло перемещать войска по своему усмотрению⁷.

К 1800 г. численность российской армии достигла 450 тыс. человек и она уже превосходила любого из своих европейских конкурентов как минимум на 25%⁸. По нашим расчетам, общая численность регулярных войск Сибирской инспекции составила 18 308 чел. Численность сибирского казачества в 1801 г. достигала 6 119 чел. (25% от общей

---

¹ ИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 10. Л. 163.

² Там же. Л. 65, 65 об., 67, 67 об., 68 об., 70, 209, 209 об., 210, 210 об.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 412. Оп. 1. Д. 416. Л. 17 об., 18, 18 об., 19, 19 об.

⁴ Там же. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 1262. Л. 6, 6 об., 7, 7 об., 8, 8 об., 9, 9 об., 10, 10 об., 11, 11 об.

⁵ ПСЗРИ. Т. 24. № 17588.

⁶ ИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 10. Л. 210 об., 211; Левицкий Н. А. Полководческое искусство Наполеона / Н. А. Левицкий. – М.: Воениздат, 1938. – С. 55.

⁷ РГВИА. Ф. 412. Оп. 1. Д. 416. Л. 17 об., 18, 18 об., 19, 19 об.; Керсновский А. А. Указ. соч. С. 146.

⁸ Амиров, Р. З. Полицейские функции армии Российского государства (XVIII – первая четверть XIX в.): дисс. к.ю.н. / Р. З. Амиров. – М., 1996. – Л. 63; Hosking G. Russia: People and Empire, 1552 – 1917 / G. Hosking. – L.: Fontana Press, 1998. – P. 184.

численности войск Сибирской инспекции) при общей численности российского казачества около 81 тыс.¹ Таким образом, в начале XIX в. в Западной Сибири было сосредоточено всего 5,5% российских войск.

В условиях начавшихся в Европе войн с наполеоновской Францией, сибирские полки настойчиво изучали военное дело. Ежегодно в летний период все роты и батальоны полков выходили в полевые лагеря, где готовили себя к предстоящим сражениям. В июне и июле 1806 г. все роты Томского мушкетерского полка в течение шести недель занимались боевой учебой в открывшемся полевом лагере в пригороде Барнаула «на левом берегу реки Оби в бору на Глядене справа от Волчьего оврага» (сегодня это район пос. Восточного). С 16 июня 1806 г. на шестидневный лагерный сбор и учения вышли роты Селенгинского мушкетерского полка и расположились полевым лагерем при крепости Усть-Каменогорской. В 1807 г. Томский мушкетерский полк под командованием майора Каменщикова 2-го и Селенгинский полк полкового командира подполковника Лебле с 15 июня начали летнюю боевую учебу в лагерях².

В 1806 г. в России формируется 23 новых полка³. На формирование новых полков российской армии из состава Сибирской инспекции были выделены значительные силы (таб. 2).

Таблица 2

Укомплектование новых полков Российской армии чинами Сибирской инспекции (1806 г.)⁴

Арзамаский драгунский полк (место дислокации – Калужская и Смоленская губернии)	4 и 5-й эскадроны Иркутского драгунского полка
Серпуховской драгунский полк (Калуга и Перемышль)	3 и 4-й эскадроны Сибирского драгунского полка
Брестский мушкетерский полк (Московская и Тверская губернии)	4 роты Ширванского мушкетерского полка
Кременчугский мушкетерский полк (Московская и Тверская губернии)	4 роты Ширванского мушкетерского полка
Минский мушкетерский полк (Московская губерния)	4 роты Томского мушкетерского полка
Нейшлотский мушкетерский полк (Московская и Калужская губернии)	4 роты Томского мушкетерского полка

¹ Шевченко С. В. Сибирское линейное казачество и казахи Среднего жуза в XVIII – нач. XIX вв.: дисс. к.и.н. / С. В. Шевченко. – Екатеринбург, 1997. – Л. 68.

² Указ. соч. С. 21, 22.

³ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 163.

⁴ ПСЗРИ. Т. 29. № 22245.

Охотский мушкетерский полк (Московская и Тульская губернии)	4 роты Селенгинского мушкетерского полка
Якутский мушкетерский полк (г. Москва)	4 роты Селенгинского мушкетерского полка
32-й егерский полк (Тульская и Калужская губернии)	3-й батальон 18-го и 3-й батальон 19-го егерского полков
Для усиления Оренбургского драгунского полка в город Старошешминск	5-й эскадрон Сибирского драгунского полка

В сибирских мушкетерских полках, направивших своих людей на комплектование новых полков, осталось по 4 роты. Оставшиеся роты Томского мушкетерского полка располагались: две роты в Барнауле, по одной в Колыванской и Чарышской волостях. С августа 1806 г. полки стали скорейшим образом дополняться до 12-ротного состава за счет рекрутского набора в районах их дислокации. В Барнауле формировались две роты, в том числе 2-я гренадерская рота, в сентябре выведенная в деревню Чесноковка, две роты в Пospelихе, деревнях Красноярское, Маханова и др.¹ Новые полки, треть личного состава которых составляли сибиряки, приняли активное участие в Отечественной войне 1812 г.

В декабре 1807 г. Государственный Совет распорядился передислоцировать все сибирские полки на европейскую территорию Российской империи². 23 января 1808 г. Военный министр А. Аракчеев утвердил «Инструкцию дивизионным начальникам на случай выступления полков из квартир, а 5 февраля 1808 г. Сибирская инспекция последней в России была преобразована в 24-дивизию. Командующим дивизией был назначен генерал-майор А. А. Скалон, которого сменил генерал-лейтенант Г. И. Глазенап³.

В июле 1808 г. Г. И. Глазенап получил приказ Военного министра о следовании из Сибири к Казани пяти полков. Из Пресновской крепости к Казани должен был выступить 19-й егерский полк. Туда же из своих мест дислокации выступали: Сибирский драгунский полк (из Петропавловской крепости), Ширванский мушкетерский полк (из Омска), Иркутский драгунский полк, Томский мушкетерский полк (от Барнаула). На подготовку отводилось две недели. Полки выступили в поход поэскадронно и побатальонно в полной укомплектованности

¹ Ростов Н. Д. Указ. соч. С. 23.

² Исупов С. Ю. Бийск: острог, крепость, город / С.Ю. Исупов. – Бийск: Искра, 1999. – С. 87–89.

³ ПСЗРИ. Т. 29. № 22807; Ростов, Н.Д. Указ. соч. С. 24.

личным составом. Командовать выводимыми к Казани полками был назначен генерал-майор от кавалерии А. А. Скалон¹.

Все сибирские полки организованно прибыли к Казани, после чего выступили к западным границам империи. За осуществление месячного перехода, в котором, например, Томский мушкетерский полк в результате перехода на 2 720 верст за 167 дней (более чем по 16 верст в день) не потерял ни одного человека, а, кроме того, не поступало и жалоб от местного населения, что свидетельствует о серьезной подготовке сибирских полков, в период, предшествовавший передислокации, А. А. Скалон был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени².

Оставшиеся в Сибири полки произвели передислокацию. Томский гарнизонный батальон выступил в Усть-Каменогорскую (3 роты) и Бухтарминскую (1 рота) крепости. Находившиеся там Селенгинский мушкетерский и 18-й егерский полки были переведены в Омскую и Железинскую крепости. На место Томского гарнизонного батальона прибыли 2 роты из Тобольского гарнизонного полка и 2 роты из Тары. Последние полевые регулярные полки (Селенгинский мушкетерский и 18-й егерский) были выведены из Сибири осенью 1810 г.³

Выступление на запад 5 полков 24-й дивизии потребовало принятия дополнительных мер по укреплению военной безопасности на южных границах Сибири. Указом от 19 августа 1808 г. все казаки, служившие на пограничных линиях, и крестьяне-переселенцы были объединены в Сибирское линейное казачье войско в составе 5 950 чел.⁴

24-я сибирская пехотная дивизия, полки российской армии, укомплектованные сибиряками, приняла непосредственное участие в Отечественной войне 1812 г. Воины-сибиряки героически сражались при защите Смоленска, в битве при Бородино и в заграничных походах 1813–1814 гг. На полях сражений зародились славные героические традиции сибиряков честного служения Отечеству и самопожертвования при его защите.

---

¹ Исупов С. Ю. Указ. соч. С. 89; Ростов Н.Д. Указ. соч. С. 24, 25.

² Ростов Н.Д. Указ. соч. С. 28.

³ Ростов Н.Д. Указ. соч. С. 30.

⁴ Там же. С. 27.

А. О. ЛЮЦИГЕР

ИЗ ИСТОРИИ МЕТЕОРОЛОГИИ НА АЛТАЕ

Знаменательная дата

13 (26) апреля 1834 г. на проект А. Я. Купфера по созданию постоянной геофизической сети России, руководимой из одного центра, снабженной однотипными инструментами и ведущей наблюдения по единым наставлениям, было получено «высочайшее соизволение» Императора Николая I. Законом Российской империи № 698 закладывался краеугольный камень первой регулярной геофизической сети, включая устройство помещений и оснащение приборами. Казной было отпущено 20 тыс. рублей: на учреждение Нормальной обсерватории при Горном институте и ее оборудование метеорологическими и магнитными приборами 8,2 тыс. рублей; на учреждение метеорологической и магнитной обсерватории в Екатеринбурге, ее устройство и оборудование 5,7 тыс. рублей; на усиление существующих магнитных обсерваторий в Барнауле и Нерчинске по 2,3 тыс. рублей; на учреждение метеорологических наблюдений и приобретение метеорологических приборов в Луганске, Златоусте и Богословске по 500 р.

Таким образом было положено начало существующей и постоянно развивающейся гидрометеорологической службы России, первой национальной гидрометеорологической службы на нашей планете.

Предыстория организации регулярной геофизической сети

Организация регулярных наблюдений за природными явлениями вызревала в умах многих просвещенных людей и ученых на рубеже XVIII и XIX вв. Но сформулировать, организовать и воплотить в жизнь это великое начинание удалось академику Петербургской Академии наук Адольфу Яковлевичу Купферу и выдающемуся государственному деятелю той эпохи Константину Владимировичу Чевкину. Все прошло сложно и требовало огромного терпения, политической мудрости, а также полной самоотдачи на тернистом пути к поставленной цели.

На начальной стадии осмысления и детализации проекта по созданию регулярной геофизической сети, в формирование его позитивного

восприятия академическим сообществом огромный вклад внес знаменитый немецкий путешественник и естествоиспытатель Александр Фридрих фон Гумбольдт. На экстренном собрании Петербургской Академии наук, созванном 16 (28) ноября 1829 г. в честь возвращения Гумбольдта из сибирского путешествия с докладом выступил А. Я. Купфер. Главной мыслью этого доклада была необходимость признать наряду с астрономией «магнетизм и метеорологию достойными столь же высокого внимания» и что будет «столь же полезным изучать не только небесные светила, но и земной шар нами обитаемый». В продолжение доклада А. Купфера Гумбольдт призвал высшее ученое учреждение России проявить инициативу в этом деле, указав на то, что именно государство российское имеет преимущества (учитывая географическую протяженность с запада на восток и с севера на юг) скорее всего продвинуться вперед в изучении атмосферы и прежде всего в исследованиях «распределения годового количества тепла по временам года», атмосферного давления, преобладающих ветров, влажности воздуха и количества осадков. При этом Гумбольдт позиционировал себя как «истолкователь Ваших собственных желаний».

Первым положительным итогом начальной стадии проекта А. Я. Купфера явилось завершение строительства у Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге академической магнитной обсерватории, в которой уже в ночь с 5 на 6 мая 1830 г. наблюдали магнитные возмущения и полярное сияние. Вторым – организация, при поддержке директора департамента горных и соляных дел Е. В. Корнеева, магнитных наблюдений при горных заводах (Барнаул, 1831 г., Нерчинск и Колывань, 1832 г.). Третьим – издание в марте 1832 г. циркуляра Министерства народного просвещения, который предлагал учителям физики гимназий и уездных училищ производить метеорологические наблюдения и высылать их в Академию наук А. Купферу. В рамках этого начинания до 1834 г. было организовано 46 наблюдательных пунктов. Но все это было только прологом к основанию регулярной геофизической сети России.

Активная подготовительная фаза

А. Я. Купфер – тонкий и одаренный деятель науки – великолепно знал особенности работы государственного аппарата Российской империи, умел выбирать время и место действия, не терялся в минуты поражений и неудач, умел выжидать и отстаивать интересы науки, которой ревностно служил более 40 лет. Он разработал проект по созданию метеорологических и магнитных обсерваторий при горных заводах и продолжал личные контакты с директором департамента горных

и соляных дел Е. В. Корнеевым. В пояснительной записке к своему проекту А. Купфер отмечал, что использование природных богатств, развитие промышленности и земледелия немислимы без изучения климата «которое можно приобрести только из последовательных метеорологических наблюдений».

В марте 1834 г. проект создания в России системы метеорологических и магнитных наблюдений был, наконец, рассмотрен Ученым комитетом Горного корпуса, созданного в результате упразднения департамента горных и соляных дел. Проект был отправлен на отзыв выдающемуся государственному деятелю той эпохи Константину Владимировичу Чевкину. Получивший блестящее образование в пажеском корпусе, К. В. Чевкин проявил глубокий интерес к проекту и совместно с А. Я. Купфером разработал для Ученого комитета предложения по его осуществлению. Свою записку на проект А. Купфера Чевкин направил в Ученый комитет 31 марта 1834 г., а через девять дней он был назначен начальником штаба Корпуса горных инженеров. Это событие предредило судьбу проекта – через четыре дня было получено высочайшее соизволение государя императора, а А. Я. Купфер получил в лице К. В. Чевкина энергичного воплотителя в жизнь своих идей.

Организация Барнаульской магнитной метеорологической обсерватории, вехи истории

Магнитная обсерватория в Барнауле была организована в 1831 г. Организацией и проведением магнитных наблюдений в Барнауле с 1831 по 1837 г. занимался горный инженер поручик Андрей Борисович Иваницкий.

А. Б. Иваницкий родился в 1813 г. и был сыном бергауптмана 6 класса. Он окончил Горный кадетский корпус в 1831 г., а организация магнитных наблюдений в Барнауле была для него первой пробой самостоятельных сил и полученных знаний.

Для проведения наблюдений в Барнауле было построено отдельное помещение. Наблюдения за положением магнитной стрелки проводились ежечасно. Результаты наблюдений фиксировались и отправлялись в Академию наук А. Купферу. Отсутствие программы наблюдений и профессиональных знаний наблюдателей компенсировались усердием и исполнительностью. Благодаря этому при составлении и продвижении проекта о создании сети первых в России магнитных метеорологических обсерваторий, Барнаул вошел в их число.

13 (26) апреля 1834 г. на проект А. Я. Купфера по созданию постоянной геофизической сети России, руководимой из одного центра, снабженной однотипными инструментами и ведущей наблюдения по

единым наставлениям, было получено «высочайшее соизволение» Императора Николая I. Законом Российской империи № 698 был заложен краеугольный камень первой регулярной геофизической сети, включая устройство помещений и оснащение приборами. Казной было отпущено 20 тыс. рублей, из которых на усиление существующих магнитных обсерваторий в Барнауле и Нерчинске выделялось по 2,3 тыс. рублей.

Сохранилось предписание Алтайского горного управления за № 13426 от 27 декабря 1835 г. поручику Иваницкому об организации метеорологических наблюдений при Барнаульской магнитной обсерватории. Для выполнения этого предписания Иваницкому пришлось совершить поездку в Санкт-Петербург, где им были получены штатные приборы, необходимые для проведения магнитных и метеорологических наблюдений, а также изданное к тому времени «Руководство к деланию метеорологических и магнитных наблюдений, составленное для горных офицеров академиком А. Я. Купфером». За время пребывания в Санкт-Петербурге Иваницкий прошел стажировку в Нормальной обсерватории. Благодаря его стараниям в Барнаул благополучно были доставлены хрупкие и очень дорогие приборы: теодолит Струве работы Эртеля, прибавочный аппарат к теодолиту, компас наклона, астрономические часы, психрометр работы Гиргенсона и прибор к психрометру, лампы Локателя, барометр, термометр (срочный) и термометр для наименьших температур.

Однако на переоборудование Барнаульской обсерватории было потрачено времени и средств значительно больше, чем предполагалось по проекту. Это было вызвано тем, что единомышленник и сподвижник Купфера, координатор всего проекта, начальник штаба Корпуса горных инженеров К. В. Чевкин «в бытность его в Барнауле в 1836 году», занимаясь ревизией горных заводов, нашел, что построенное в 1831 году в Барнауле помещение магнитной обсерватории тесно, неудобно и вообще не удовлетворяет поставленной цели. К. В. Чевкин лично определил место для строительства обсерватории, достаточно удаленное от построек, которые могли бы влиять на магнитные измерения.

В 1837 году, по проекту архитектора Я. Н. Попова, было возведено специальное здание на высокой искусственной горке, которое занимало «благодаря своей башне доминирующее положение над окружающими строениями». Башня (магнитный павильон) сооружалась «без железа». Усадьба обсерватории располагалась по 1-му Прудскому переулку между улицами Павловской (ныне ул. Анатолия) и Сузунской (ныне ул. Интернациональная), современный адрес – ул. Анатолия, 136.

Как и другие обсерватории, основанные по проекту А. Я. Купфера, Барнаульская была оснащена двумя ртутными термометрами, хронометром

и барометром Купфера-Гиргенсона, который считался одним из лучших метеорологических приборов XIX в. и с 1 января 1838 г. начала проводить регулярные метеорологические наблюдения. А. Б. Иваницкий за заслуги по организации и открытию Барнаульской магнитной метеорологической обсерватории в 1838 г. был произведен в штабс-капитаны и сделал в дальнейшем блестящую карьеру. Он исполнял обязанности помощника управляющего Барнаульского завода, руководил Сузунской и Салаирской конторами, принимал участие в геолого-разведочных экспедициях и рос в чинах. В 1842 г. А. Б. Иваницкий был произведен в капитаны, в 1848 г. – в подполковники, а в 1858 г. – в полковники. За безупречную многолетнюю службу и за заслуги перед Отечеством Иваницкий стал кавалером орденов «Святой Анны» II и III степени, «Святого Станислава» II и III степени, «Святого Владимира» IV степени. Он был дважды женат и вырастил четверых детей – Бориса и Анну от первого брака и Александра и Иосифа от второго.

Первый заведующий магнитной обсерваторией

Анализируя косвенные свидетельства и сопоставляя даты, можно с большой долей вероятности говорить о том, что первым заведующим Барнаульской магнитной метеорологической обсерваторией был назначен штабс-капитан Пранг Иван Богданович. Уместно привести его сохранившиеся биографические данные. Пранг (Иоганн Готтлиб) (1812–1870 гг.), горный инженер, сын иностранного мастера прусской державы, служившего на Петербургском чугунолитейном заводе. Окончил Горный институт в Санкт-Петербурге в 1835 г., был произведен в поручики и причислен к Петербургскому чугунолитейному заводу. Одновременно занимался химическими опытами в лаборатории Горного института. В 1837 г. был переведен в Алтайский горный округ, где служил главным смотрителем Егорьевского, Касьминского, Урского золотых промыслов. С 1838 г. до марта 1848 г. – заведующий магнитной метеорологической обсерваторией, осуществлявшей непрерывные измерения напряженности магнитного поля Земли и метеорологических величин. Дополнительно к этому можно отметить, что с 1840 г. он осуществлял функции помощника управляющего Главной лабораторией округа, а с 1846 г. – помощника управляющего Барнаульским сереброплавильным заводом. В 1850 г. был назначен управляющим Павловским сереброплавильным заводом, откуда в 1862 г. направлен на четыре месяца в Германию и Великобританию для «умножения» сведений о горном деле и лечения семейства. В 1867 г. И. Б. Пранг получил чин статского советника, а в 1870 г. по его прошению был уволен от службы по болезни.

За приведенными выше сухими архивными сведениями отчетливо просматривается личность незаурядная, высоко образованная, преданная долгу и делу, личность офицера и инженера. На время его заведования пришлось инспекция Барнаульской магнитной метеорологической обсерватории А. Я. Купфером (1841 г.), который рекомендовал: «...построить каменное помещение при сохранении прежнего (оно удобно для магнитных наблюдений) и жилье для офицера, осуществляющего надзор, для постоянного наблюдения за приборами». В Государственном архиве Алтайского края имеется составленная рукой штабс-капитана Пранга ведомость инструментов, вещей и книг состоящих на учете в Барнаульской обсерватории на 1 июня 1842 г. Согласно этой ведомости, на момент начала регулярных наблюдений, обсерватория имела: теодолит Струве работы Эртеля (216 р. 85 ⁵/₇ к.); прибавочный аппарат к теодолиту (71 р. 42 ⁶/₇ к.); компас наклона (220 р. 59 ⁴/₇ к.); астрономические часы (228 р. 59 ⁸/₇ к.); психрометр работы Гиргенсона (28 р. 56 к.); прибор к психрометру (114 р. 28 ⁴/₇ к.); две лампы Локателя (10 р. 15 ⁵/₇ к.); барометр (42 р. 83 ⁵/₇ к.); термометр (4 р. 28 ⁴/₇ к.); термометр для наименьших температур (8 р. 54 ²/₇ к.).

И. Б. Пранг изначально высоко поднял престиж должности заведующего Барнаульской магнитной метеорологической обсерваторией, которую старались не опустить все его последователи.

Преемником И. Б. Пранга на посту заведующего Барнаульской магнитной метеорологической обсерваторией с марта 1848 г. стал горный инженер поручик Николай Игнатьевич Давидович-Нащинский, родственник первого городского головы Барнаула Николая Андреевича Давидовича-Нащинского. Из немногих архивных документов известно, что Н. И. Давидович-Нащинский, помимо заведования обсерваторией, выполнял обязанности «пристава плавильного производства в Барнаульском заводе» (по 1850 г.), помощника управления золотыми промыслами Алтайского горного правления (по 1862 г.), а с 1867 г., получив чин статского советника, – окружного ревизора частных золотых промыслов в Томской губернии.

Период разрозненных сведений

Неизвестно точно, до какого года Н. И. Давидович-Нащинский исполнял обязанности заведующего Барнаульской магнитной метеорологической обсерваторией, но в отставку он вышел в 1884 г. Неизвестно также, кто сменил его на этом посту. Но известно, что первыми наблюдателями, проработавшими на Барнаульской магнитной метеорологической обсерватории по 50 лет, были П. Ф. Казанцев и Г. В. Паутов. Более того, имеется также информация, с одной стороны, описывающая

достаточно уникальное для Барнаула явление, а с другой – хоть и курьезная с современной точки зрения, но позволяющая идентифицировать личность еще одного заведующего магнитной метеорологической обсерваторией. Имеет смысл привести ее полностью. «С 23 на 24 января 1872 года было в Барнауле страшное северное сияние. В тот вечер я был с семьей в гостях. По обыкновению почти все играли в карты и не заметили, что делается на улице. Но вот кто-то обратил внимание на то, что в окнах сделалось так светло, что можно было принять за рассвет утра. Тотчас явление заметили уже все, и многие невольно посмотрели на часы, думая, что уже поздно, но на них не было и 12, значит утро еще далеко! Но что же это за свет? Откуда и отчего он происходит?.. Сначала многие думали, что не пожар ли в городе? Но нет!.. Совсем не тот свет и заревом не отликает.

С вечера г. Бердина мы отправились около двух часов ночи, и сияние не только не уменьшалось, но едва ли не увеличивалось; мы ехали будто днем, но при особом фантастическом освещении. В эту ночь заведовавший в то время магнитной обсерваторией в Барнауле инженер Янчуковский, чрезвычайно энергичный и нервный человек, впал в меланхолию, а затем окончательно помешался и вскоре скончался. На него ужасно подействовало сильное колебание магнитной стрелки»¹.

Помимо магнитных, в обсерватории производились наблюдения над атмосферным давлением, температурой воздуха и почвы, влажностью и испарением, силой и направлением ветра, осадками и глубиной снежного покрова. Производил наблюдения под руководством заведующего наблюдатель в строго определенные часы: утром в 7 часов, в 12 часов дня и в 9 часов вечера. В 10 часов утра и в три часа пополудни могли производиться дополнительные наблюдения над количеством, видом и направлением облаков. Известно, что до октября 1873 г. стационарные термометры были устроены в небольшом деревянном ящике, в котором со всех сторон были просверлены дыры. Этот ящик, в зависимости от времени дня, подвешивался на ту стену главного здания, которая была в тени, на высоте от 1 до 2 м над поверхностью земли. После этого термометры помещались в психрометрической будке, установленной во дворе обсерватории. С 1883 г. начались измерения температуры почвы. Как указано во многих сообщениях Екатеринбургской магнитной обсерватории, которой методически подчинялась Барнаульская обсерватория, последняя принадлежала к важнейшим опорным пунктам наблюдательной сети России, ее труды (ежедневные наблюдения и ежемесячные выводы) печатались в летописях Главной физической обсерватории. Решением Государственного совета от

---

¹ Черкасов А. А. На Алтае: записки городского головы. Барнаул, 2004. С. 100–101.

14 октября 1884 г. Барнаульская магнитная метеорологическая обсерватория была переведена из горного ведомства в Министерство народного просвещения и переведена в разряд метеорологических станций.

Сеть станций Алтайского округа

В последней четверти XIX в. на территории Алтайского округа проживало большое количество прогрессивно мыслящих, высокообразованных энтузиастов, служивших в разных ведомствах. Наряду с развитием горных заводов и приисков в равнинной части началось активное освоение земельных угодий. Начала формироваться транспортная инфраструктура. Назрело углубленное изучение климатических условий и их прикладное использование. Совокупность этих факторов предопределила создание сети метеорологических станций, центром которой, благодаря своему географическому положению, стала Барнаульская магнитная метеорологическая обсерватория (позднее Барнаульская метеорологическая станция). О динамике этого процесса имеются архивные сведения. В 1874 г. местным горным врачом была открыта метеорологическая станция на Салаирском руднике. Но существовала она до 1881 г. В 1878 г. архимандрит Макарий устроил метеорологическую станцию в селе Улала (ныне г. Горно-Алтайск), которую в 1884 г. перевели в Бийск, но и там она работала неполных два года. Стараниями горного врача Хмельникова в 1887 г. открыта станция на Зырянском руднике, которая просуществовала до 1890 г. В этом году умер наблюдатель, а станция была закрыта.

В округе сложилась такая ситуация, что сеть станций начала формироваться в предгорьях, а на равнинной части, пригодной для земледелия, работала только метеорологическая станция в Барнауле. Изменить это соотношение попытался горный начальник Н. И. Журин. В его намерения входило открыть две станции – на Боровинских и Бурлинских озерах, о чем велись переговоры с Главной физической обсерваторией. Дело Н. И. Журина продолжил горный начальник В. К. Болдырев, которому посчастливилось выхлопотать в 1894 году у царского кабинета средства на открытие 5 станций. Для устройства этих станций были выбраны места: на Боровых соляных озерах станция (II разряда I класса) была открыта в октябре 1894 г. (наблюдатель – смотритель Владимир Николаевич Богословский); в городе Кузнецке (II разряда II класса) – в октябре 1894 г. (наблюдатель – лесничий Яков Николаевич Дмитриев); на Салаирском руднике (II разряда II класса) – в октябре 1894 г. (наблюдатель – уставщик Федор Михайлович Хмолевцев); на Бурлинских соляных озерах (II разряда II класса) – в октябре 1894 г. (наблюдатель – Николай И. Занковский, с 1899 г. – корреспондент

Главной физической обсерватории); в Бель-Агачском зимовье (II разряда II класса) – в январе 1895 г. (наблюдения проводил чиновник по сбору аренды Ф. Михельсон).

На этих станциях имелась аппаратура: термометр для измерения температуры воздуха, максимальный и минимальный термометры, флюгер, дождемеры и рейки для измерения высоты снежного покрова, а на Боровых соляных озерах – еще и гелиограф. Дополнительно к этим станциям, Омской метеорологической комиссией открыты метеорологические станции в Змеиногорске и Чарышской станице. Осенью 1894 г. открылись метеорологические станции II разряда I класса на Иткульском заводе и Кривошековской станции (железнодорожным правлением).

В 1893 г. у Барнаула организован первый стационарный пост для измерения уровня воды в р. Обь, а в 1894 г. организован такой пост и у Бийска на р. Бии. В заметке-рапорте Главной физической обсерватории от 10.02.1895 г. В. К. Болдырев сообщает: «В пределах нынешнего Алтайского горного округа с самого начала его образования так мало заботилось о метеорологии, что и по сие время нет возможности составить сколько-нибудь удовлетворительную картину о климатических условиях этого обширного округа»¹. В этом же рапорте говорится: «...в пределах Алтайского горного округа 9 метеорологических станций, которые расположены так, что можно предполагать, что при добросовестном производстве наблюдений в недалеком будущем представляется возможным правильно судить о климатических условиях степной полосы края».

О дальнейшем расширении сети станций дает представление рапорт начальника Алтайского округа в Кабинет ЕИВ от 10 сентября 1899 г.:

«На предложение Кабинета Его Императорского Величества от 16 июля с. г. за № 6096 доношу нижеследующее: метеорологическая сеть, устроенная на средства Кабинета Его Императорского Величества, начала действовать с осени 1894 г. По сие время устроено 13 станций, а именно:

I класса – 2 (на Боровых озерах и в Зыряновском руднике); II класса – 4 (в Кузнецке, Кольчугино, Салаире и Бурлинских озерах); III класса – 7 (в Крутихе, Масляниной, Тюменцевой, Локтевском, Таураке, Родино и Онгудай). Общее руководство принял Ф. Е. Засс, который ведет его уже несколько лет. Наблюдателями станций на местах состоят в большинстве случаев лица из состава Управления имениями, помощники управляющих имениями, лесные смотрители и т. п. Без особого за то вознаграждения. С 1896 г. материал обрабатывается местным статистическим бюро в связи с сообщениями добровольных корреспондентов о влиянии погоды на сельскохозяйственную жизнь округа... Станции

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 4. Оп. 6. Д. 534.

находятся преимущественно в местностях, лежащих около боров, в кромках последних или в полосе предгорий и приурочены в большинстве случаев к месту того или иного административного лица, состоящего на службе главного управления, а не к тому, насколько избранный пункт является типичным в метеорологическом отношении к данной местности. Прибегать к указанному порядку побуждает отсутствие средств, необходимых на наем наблюдателей, что, в свою очередь, ведет к тому, что громадная площадь, на которой поселилось и живет крестьянское население, занимающееся земледельческим трудом, остается вне сферы метеорологических наблюдений.

Считая на первых порах достаточным вышеуказанное число станций для изучения климатических условий округа, в то же время не могу не указать на недостаточность таковых наблюдений над распространением осадков.

Статистическое отделение в своих «обзорах» разрабатывает только данные станций о температуре и осадках, оставляя без изучения прочие регистрируемые на станциях элементы, между тем температура почвы на глубине, влажность воздуха, облачность, сила и направление ветра представляют не менее важное значение для выяснения условий сельского хозяйства в Алтайском округе»¹.

В техническое оснащение станций входили следующие приборы: чашечный ртутный барометр, пара психрометрических термометров, волостной гигрометр, весовой эвапарометр Вильда, максимальный и минимальный термометры, флюгер с указателем силы ветра, дождемеры со стаканами, анероид Ноде, гелиограф Величко, повышенные (глубинные) термометры в эбоните для глубин 0,2 м, 0,4 м, 0,8 м. В архивных материалах имеется «Список метеорологических станций Алтайского округа», составленный в 1900 году.

Уезд	Местоположение станции	Класс
Барнаульский	Маслянино	3
	Крутихинское	3
	Барнаул	1
	Бурлинские озера	3
	Тюменцевское	2
	Боровые озера	1
	Лянинское	
	Панкрушихинское	
	Камень-1	

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 4. Оп 6. Д. 534.

Уезд	Местоположение станции	Класс
Бийский	Спаская резиденция	2
	Иткульский завод	1
	Сорокино	
	Бийск	3
	Камень-2	
	Андобинский прииск	1
	Тоуракское	3
	Локтевское	3
	Онгудай	3
	Бель-Агачское зимовье	1
	Елютинское	
	Белоглазово	
	Казандинское	
Кузнецкий	Усть-Искитимское	
	Христорождественское	
	Кольчугинское	2
	Салаир	2
	Кузнецк	2
	Неожиданный прииск	1
	Выше-Субрасский прииск	2
Семипалатинский	Пророко-Ильинский	
	Зыряновский рудник	1
	Алтайская Змеиногорск	

В 1901 г. на средства Кабинета в Алтайском округе было открыто еще 35 станций III разряда: Абаканский чугуно-литейный завод, Бочатское, Усть-Сосновское, Усть-Искитим, Коурак, Гутовское, Медведское, Анисимовская, Егорьевская, Ключевское, Павловское, Баевское, Ново-Песчаный, Береговая, Решетовская, Карасукское, Волчья притыка, Ярковское, Чистюньское, Ордынское, Маслянинское, Жерновское, Шелковниковское, Шемонаиха, Березовское, Курьинское, Красногорское, Бобровское, Станица Верх-Алейская, Чарышская, Алтайское, Карагужинское, Сибирячихинское, Больше-Угриневское, Сарайнская¹.

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 4. Оп. 6. Д. 515. Л. 84–89.

Ф. Е. Засс – заведующий Барнаульской метеорологической станцией, руководитель сети метеорологических станций Алтайского округа

В вышеприведенном рапорте начальника Алтайского округа, датированном 10 сентября 1899 г., отмечено, что общее руководство всеми станциями округа принял Ф. Е. Засс.

Недолгие поиски, по уточнению, кто такой Ф. Е. Засс, привели к «Энциклопедии Барнаула». Имеет смысл привести сведения об этом замечательном человеке полностью: «Фердинанд Егорович Засс (1836–1903 гг.) – врач, ботаник, метеоролог. После окончания Дерптского университета (1861) направлен на работу в Мариинск Томской губернии. Вскоре переехал на Алтай, в 1883 – в Барнаул инспектором медицинской части округа, поработав до этого врачом Салаирских рудников, Гурьевского и Гавриловского заводов. В 1889 г. в городе была закрыта больница Общества Красного Креста, вскоре закрыт на ремонт Центральный госпиталь. Начавшаяся в 1892 г. эпидемия холеры заставила думать за счет средств бюджета пригласить специалиста горного врача для оказания медицинской помощи бедному населению. Им стал доктор Засс. В 1897 г. усилиями врача А. Н. Недзвецкого в Барнауле открыта амбулаторная лечебница, которую до 1900 г. возглавлял Засс. В 1900 г. за хорошую организацию работы он получил благодарность городской думы. В этом же году Фердинанд Засс подал в отставку, но продолжал оказывать беднейшим жителям бесплатную медицинскую помощь на дому. Один из основателей Общества любителей исследования Алтая, собрал большие коллекции минералов, растений и фауны, подарил гербарий Томскому университету. В 1876 г. Фердинанд Засс встречался с известным ученым-зоологом А. Бремом и консультировал его по вопросам фауны Алтая. Более 25 лет по поручению Главной физической обсерватории вел метеорологические наблюдения, способствовал открытию новых метеостанций в округе»¹.

Кроме того, Ф. Е. Засс активно готовился к организации в Барнауле сейсмических наблюдений. В энциклопедии о метеорологической деятельности Ф. Е. Засса упомянуто очень скромно. Справедливости ради необходимо более подробно раскрыть вклад этого разносторонне одаренного человека в историю развития гидрометеорологических наблюдений на Алтае.

Опирируя известными фактами и сопоставляя даты, напрашивается вывод о том, что вторая на территории Алтайского округа, после действующей с 1838 г. Барнаульской магнитной метеорологической обсерватории, открытая в 1874 г. местным горным врачом на Салаирском руднике, метеорологическая станция открыта Ф. Е. Зассом. Ведь

---

¹ Барнаул: энциклопедия. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. С.119–120.

именно он в тот период служил «врачом Салаирских рудников, Гурьевского и Гавриловского заводов». Как известно, эта станция проработала до 1881 г. и ее закрытие, скорее всего, связано с изменением в профессиональной врачебной деятельности Ф. Е. Засса. Начав в 1883 г. деятельность на посту инспектора медицинской части округа, Ф. Е. Засс параллельно принял на себя заведование Барнаульской метеорологической станцией, а позднее и общее руководство сетью метеорологических станций, устроенной «на средства Кабинета Его Императорского Величества» и начавшей «действовать с осени 1894 г.».

В октябре 1894 г. одной из первых Ф. Е. Засс восстановил метеорологическую станцию II разряда II класса на Салаирском руднике. Активно на территории Алтайского округа более грамотного специалиста в области гидрометеорологических наблюдений в тот период не могло быть. Стаж его служения делу гидрометеорологических наблюдений, с учетом метеорологических наблюдений на Салаирском руднике, равен 29 годам, так как уйдя в отставку с медицинской службы в 1900 г. Ф. Е. Засс оставался до последних дней своей жизни заведующим Барнаульской метеорологической станцией. Этот факт имеет документальное отражение в отчете Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО за 1903 год: «В январе 1903 г. скончался заведующий метеорологической станцией в Барнауле – Ф. Е. Засс, Почетный член Под-Отдела». Но даже смерть этого достойнейшего и всеми уважаемого человека дала импульс к дальнейшему развитию метеорологических наблюдений и сохранению исторического здания метеорологической станции в Барнауле, о чем и описано в следующей главе.

Барнаульская метеорологическая станция в заведовании Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества

Для углубленного понимания значения заведования Барнаульской метеорологической станцией Алтайским подотделом Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества (далее – подотдел) считано необходимым подробнее остановиться на истории и аспектах деятельности подотдела общества, членам которого мы во многом обязаны сохранением непрерывных метеорологических наблюдений в Барнауле.

В статье В. П. Кладовой «Из истории библиотеки Общества любителей исследования Алтая», а именно так до 1902 г. назывался подотдел, описаны исторические аспекты образования этого общественного объединения. Отдельные выдержки этой статьи уместно привести целиком: «В Барнауле, как центре управления округа, всегда было сосредоточение лиц со специальным высшим образованием», достаточно

высоким интеллектуальным потенциалом. В конце 80-х гг. прошлого века именно среди них возникла мысль об образовании Общества для всестороннего изучения Алтая. Они прекрасно понимали, что «...в природе и жизни Алтая таилось столько неизученных и неисследованных, быть может, даже вовсе неизвестных сторон и неизвестных вопросов», что в конце 1891 г. мысль эта превратилась в реальность. Интересно то, что «...на далекой окраине Российской империи, в тисках ведомственной Кабинетской регламентации хозяйственной, административной и духовной жизни, без указаний сверху, без вмешательства научных сил извне (рядом – Западно-Сибирский отдел Географического общества) создается самостоятельное, полностью автономное, независимое краеведнонаучное объединение». Французский ученый Жюль Легра, побывавший в Барнауле в 1897 г., в своем дневнике записал, что он нигде в Сибири не встречал такой сплоченной и даже влиятельной интеллигенции, как в Барнауле. Следует отметить, что интеллигенция, вообще, по природе своей всегда стремилась к коллективной общественной деятельности, посвящая этому свой досуг. Городское общественное самоуправление Барнаула всегда встречало поддержку среди интеллигентных сил города в своей многосложной деятельности.

27 октября 1891 г. в помещении горного собрания состоялось первое собрание членов Общества любителей исследования Алтая, сгруппировавшего вокруг себя алтайскую интеллигенцию, значительную часть из которых составляли политссыльные. Как ни стремился Кабинет изолировать Алтай от влияния новых идей на население, ему этого сделать не удалось. «Впрочем к «политикам» в Барнауле относились терпимо, возможно потому, что не хватало грамотных людей», а поэтому политссыльные работали чиновниками здешних учреждений, принимали самое активное участие в общественной и культурной жизни Алтая. Первым почетным председателем Общества, согласно уставу, был начальник Алтайского округа Николай Иванович Журин, первый же Совет был избран в составе: председатель – врач Фердинанд Егорович Засс, товарищ председателя – горный инженер Леонард Людвигович Мартини, членами Совета были врач А. Н. Недзвецкий, ученые-лесоводы Порфирий Николаевич Соболев и Петр Романович Чайгин. Первоначально членами Общества были 32 человека. Среди его активистов в первые годы были Дмитрий Иванович Зверев, заведующий статистическим отделом, В. К. Штильке, учитель, Николай Яковлевич Овчинников, статистик и землеустроитель, Иосиф Иванович Биль, инженер-изыскатель, Борис Михайлович Быков, бывший студент Петербургского университета, находившийся под надзором полиции, Виктор Иванович Верещагин, учитель, С. П. Швецов, статистик, Иоасаф Петрович

Выдрин, почвовед. Наряду с профессиональными учеными, такими как В. И. Верещагин, И. П. Выдрин, Евгений Георгиевич Родд, действительными членами Общества были и любители, среди которых известные всем Николай Степанович Гуляев, Соломон Михайлович Великолюд, Альбин Николаевич Недзвецкий, Иван Иванович Казаринов, Павел Михайлович Юхнев, Александр Адольфович Лесневский, Иван (Ян) Феодосьевич Носович и многие другие¹.

Среди членов Общества любителей исследования Алтая первого десятилетия особого внимания заслуживают Фердинанд Егорович Засс и Дмитрий Иванович Зверев.

Д. И. Зверев (1862–1924 гг.) – ученый-статистик, исследователь Алтая. Родился в с. Сорокино Барнаульского округа в крестьянской семье. Окончил Томскую гимназию, затем физико-математический факультет Петербургского университета (1887). Работал в Нижегородской губернии. В 1895 г. Дмитрий Зверев переехал в Барнаул, где был назначен заведующим статбюро Алтайского округа. Помимо основной службы он занимался изучением климата Алтая. Безвозмездно до 1916 г. заведовал Барнаульской метеостанцией, продолжил работу, начатую Ф. Е. Зассом по созданию широкой сети метеостанций на территории округа. Активно участвовал в создании Общества любителей исследования Алтая; был помощником председателя и казначеем до 1918 г. Автор большой работы «Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде». В 1920 г. Дмитрий Зверев переехал в Томск, работал помощником заведующего статбюро.

Особым в истории Барнаульской метеорологической станции стал 1903 год. В отчете Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО за 1913 год имеется следующая информация: «В январе 1903 г. скончался заведующий метеорологической станцией в Барнауле – Ф. Е. Засс, Почетный член Под-Отдела. Товарищ Председателя Д. И. Зверев, к которому перешло заведывание станцией, предложил, чтобы Под-Отдел обратился в Екатеринбургскую магнитно-метеорологическую обсерваторию с ходатайством о передаче заведывания станцией в Барнауле Под-Отделу, с предоставлением ему ежегодно ассигнуемых на содержание станции 300 рублей. Хотя эта сумма не может считаться достаточной Под-Отделу. Быть может придется делать небольшие дополнительные ассигнования, но последнее обстоятельство найдет себе оправдание в том, что заведывание станцией явится одной из новых отраслей научной деятельности Под-Отдела. Непосредственное заведывание предполагалось поручить кому-либо из компетентных членов Под-Отдела. Вопрос этот обсуждался на общем собрании членов Под-Отдела 21 апреля 1903 г.

---

¹ Ползуновский альманах. Барнаул, 1999. № 1. С. 156.

Собрание всецело присоединилось к предложению Совета. Заведывание станцией согласился принять на себя В. Н. Галанин, избранный тем же собранием в председатели Под-Отдела. После этого Совет Под-Отдела вошел в сношение с Екатеринбургской магнитно-метеорологической обсерваторией и к 5-му июня 1903 г. Николаевская Главная Физическая Обсерватория, по представлении г. Директора Екатеринбургской Обсерватории, изъявила свое согласие принять предложение Под-Отдела. Д. И. Зверев немедленно после этого передал В. Н. Галанину как самое заведывание станцией, так и принадлежащее ей имущество».

Выбор в качестве заведующего Барнаульской метеорологической станцией Валериана Николаевича Галанина на тот момент, скорее всего, был одновременно политически и научно обоснованным. Он учитывал, что Д. И. Зверев был политически неблагонадежен и находился под надзором полиции, а В. Н. Галанин к политике отношения не имел и был вхож в университетское научное сообщество. Валериан Николаевич Галанин родился в Санкт-Петербурге 2 ноября 1868 г. Окончил курс наук гимназии Санкт-Петербургского историко-филологического института. В 1891 г. окончил курс математического отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета с дипломом I степени и был оставлен при университете на два года для приготовления к профессорской деятельности. В 1893 г. назначен лаборантом и хранителем физического кабинета Томского университета. С августа 1894 г. приступил к преподаванию в Томской Мариинской женской гимназии. С мая 1898 г. назначен инспектором Барнаульского реального училища.

Стараниями В. Н. Галанина Барнаульская метеорологическая станция, причисленная к сети Екатеринбургской обсерватории, фактически перешла в заведование подотдела, что уже в 1903 г. позволило произвести нивелировку местности между зданием станции и репером (чугунной тумбой) у водомерного поста. Продолжил В. Н. Галанин и дела Ф. Е. Засса по организации в Барнауле сейсмической станции. Для этой цели хорошо подходил подвал здания метеорологической станции. Обследовав этот подвал на пригодность к установке сейсмографов В. Н. Галанин обнаружил, «что сгнили и грозят падением балки и накаты пола и истлели до полной непригодности 2 нижних венца наружных стен»¹. Через начальника Алтайского округа А. Ф. Кублицкого-Пиоттух В. Н. Галанин добился разрешения Кабинета Его Императорского Величества на

---

¹ Отчет Алтайского подотдела Западно-Сибирского императорского Русского географического общества за 1903 год. Барнаул: Тип.-литогр. Гл. упр-я Алт. окр., 1904. С. 21.

«бесплатный отпуск всех лесных материалов, необходимых для ремонта здания метеорологической станции»¹.

Алтайский подотдел Западно-Сибирского императорского Русского географического общества исправно организовывал хозяйственный надзор за метеорологической станцией и ее имуществом до 1918 г. На заседаниях подотдела постоянно рассматривались вопросы деятельности метеорологической станции. В этот период на станции проводились наблюдения за атмосферным давлением, температурой воздуха и почвы, влажностью воздуха и испарением, силой и направлением ветра, осадками и глубиной снежного покрова, а с 1914 г. организованы наблюдения за солнечным сиянием. Наблюдения проводились наблюдателем под руководством заведующего в строго установленные часы: утром в 7 часов, в 12 часов дня и в 9 часов вечера. В 10 часов утра и в три часа пополудни могли проводиться дополнительные наблюдения над количеством, видом и направлением движения облачности.

В 1911 г. членами Алтайского подотдела ставился вопрос о необходимости ремонта усадьбы Барнаульской метеорологической станции. В объяснительной записке к смете ремонта говорилось: «Здание станции находится на искусственно насыпанном кургане, спускные лестницы к термометрической будке на Е стороне и к уличной калитке на W стороне следует заменить новыми. В настоящую весну до крайности необходимо поставить забор с Павловской улицы с выездными воротами и калитку с 1-го Прудского переулка. Забор с Сузунской улицы на протяжении 20 сажен необходимо сделать новым, т. к. с этой улицы начинается передвижение песка на усадьбу станции и, кроме того, забор уже падал и стоит в настоящее время на подпорках»². В Барнаульскую городскую управу от Алтайского подотдела было сделано обращение следующего содержания: «Местная метеорологическая станция, занимая одно из значительных усадебных мест почти в центре города, имеет крайне непривлекательный вид. Поддержание станции и ремонтирование ее составляет обязанность Екатеринбургской обсерватории, кредиты которой весьма ограничены. Зная, что городская управа усадьбы общественных учреждений обсаживает деревьями, совет подотдела обращается с покорнейшей просьбой обсадить усадьбу станции, расположенную по 1-му Прудскому переулку между Павловской и Сузунской улицами, тополями, не дающими семян, а также взять наблюдения за ростом саженцев. Ограда станции имеет

---

¹ Отчет Алтайского подотдела Западно-Сибирского императорского Русского географического общества за 1903 год. Барнаул: Тип.-литогр. Гл. упр-я Алт. окр., 1904. С. 22.

² КГУ ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 41. Л. 56 об.-57.

протяженность по Павловской улице 30 саж., по 1-му Прудскому – 50 саж. и по 1-й Сузунской улице 20 саж.»¹

В 1913 г. Алтайским подотделом осуществлена реконструкция здания станции путем пристройки с западной стороны 2 комнат и коридора. Кроме того, был проведен ремонт магнитного павильона, так как магнитную съемку предполагалось проводить и в будущем.

В июле 1904 г. был получен сейсмограф. Центральная сейсмическая комиссия рассматривала вопрос о командировке в Барнаул специалиста для установки сейсмографа, но командировка так и не состоялась из-за отсутствия «сведущих лиц». И только в 1918 г., посетивший Барнаул профессор Омского политехникума Всеволод Алексеевич Малеев, взялся за установку сейсмографа. В августе 1918 г. начались сейсмические наблюдения. Производство этих наблюдений было поручено наблюдателю метеорологической станции Степану Петровичу Бояршинову. О деятельности С. П. Бояршинова в качестве наблюдателя метеорологической станции Барнаул известно крайне мало. Можно предположить, что в 1916 г. он сменил на этом посту Дмитрия Ивановича Зверева. Из личного дела С. П. Бояршинова, коллежского регистратора, топографа II разряда известно, что родился он 24 декабря 1885 г., православный, женат на Анне Ксенофоновне, имеет троих детей. Окончил курс Барнаульского двухклассного училища (свидетельство № 180 от 3 июня 1901 г.) и в 1903 г. окончил курс наук Боровской низшей лесной школы².

В записях заведующего метеорологической станцией Барнаула в период 1919–1936 гг. Е. П. Березовского имеется следующая информация: «В марте месяце 1919 года мне неожиданно в спешном порядке пришлось принять заведование Барнаульской метеорологической станцией. Предшественник мой, Бояршинов, ввиду спешного отъезда из города передал временно станцию своей жене, наскоро научив ее делать самые простейшие наблюдения. Бояршина передала вскоре метеостанцию мне». В этой записи нет упоминания о приятельских отношениях, но нет никакого сомнения в том, что С. П. Бояршинов и Е. П. Березовский очень хорошо знали друг друга, прослужили совместно не менее 8 лет в штате землеустроительных чинов императорского Кабинета и, возможно, общались семьями. Так или иначе, но приход на должность заведующего Барнаульской метеорологической станцией Е. П. Березовского не был случайностью и стал значительным событием в ее истории.

---

¹ КГУ ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 41. Л. 73 об.

² КГУ ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 36.

Евгений Петрович Березовский (1876–1936 гг.) – заведующий метеорологической станцией Барнаул в 1919–1936 гг. и первый климатолог Алтая

Е. П. Березовский родился 12 февраля 1876 г. в семье губернского секретаря. О месте его рождения сведений не сохранилось, но в формулярном списке о службе титулярного советника Евгения Петровича Березовского, топографа III разряда штата землеустроительных чинов императорского Кабинета, начатом в 1900 г., записано следующее: «Православного вероисповедания. Окончил полный курс наук в Барнаульском Горном Окружном училище и его практическое отделение со специализацией «Кандидат на Уставщика заводской части» (аттестат № 489 от 14 декабря 1894 г.)». О первых самостоятельных шагах Е. П. Березовского очень красиво написано в свидетельстве, приложенном к его формулярному списку: «Выдано топографу III разряда штата землеустроительных чинов Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА для составления и предъявления отводных записей в Алтайском округе, не имеющему чина Евгению Петровичу Березовскому, в следствии просьбы его, в том, что он, до назначения 1 мая 1900 г. на службу в выше упомянутый штат, по окончании курса наук в Барнаульском Горном Окружном училище и в практическом заводском отделении последнего, состоял на службе в Алтайском округе по найму: с 11 июня 1894 г. по 1 января 1898 г. на нештатной должности помощника межевщика, а за сим, т. е. с 1 января 1898 г. по 1 мая 1900 г., – в Главном Управлении Округа [по III делопроизводству], куда перемещен вследствие болезни ноги, для занятий по делам устройства не причисленных переселенцев по закону 27 апреля 1896 года. Поручавшиеся г. Березовскому по означенным обязанностям работы он исполнял, при безупречном поведении, отлично и межевую технику знает». В формулярном списке имеются также сведения о том, что Е. П. Березовский прослужил в штате землеустроительных чинов Кабинета до 1914 г. За этот период своей деятельности Е. П. Березовский неоднократно удостоивался денежных наград «за поземельно устроительные работы», стал топографом I разряда, дослужился до гражданского чина Коллежский секретарь со старшинством и награжден светло-бронзовой медалью для ношения на груди «В память 300-летия Царствования Дома Романовых». 9 января 1905 г. Е. П. Березовский вступил в брак с дочерью крестьянина Эстляндской губернии Алина-Иоганн Веске 22 лет от роду, а 3 мая 1907 г. у них родилась дочь Юлия. Пробелом в сведениях о деятельности Е. П. Березовского является период с 1915 по февраль 1919 г. Но обо всех остальных годах его жизни и деятельности удалось собрать достаточно подробные сведения, которые приведены ниже.

Из-за политической нестабильности и экономической разрухи в период с 1918 по 1920 г. Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, в ведении которого с 1903 г. находилась Барнаульская метеорологическая станция, фактически не осуществлял никакой деятельности. Именно в это тяжелое время заведение Барнаульской метеорологической станцией принял Е. П. Березовский. Вот как описывал это событие он сам в автобиографическом докладе, сохранившемся в документах музея Западно-Сибирского УГМС: «В марте месяце 1919 года мне неожиданно в спешном порядке пришлось принять заведение Барнаульской метеорологической станцией. Предшественник мой, Бояршинов, в виду спешного отъезда из города передал временно станцию своей жене, наскоро научив ее делать самые простейшие наблюдения. Бояршина передала вскоре метеостанцию мне. До этого я метеорологическими наблюдениями не занимался. Бояршина научить меня им не могла, т. к. и сама почти ничего не знала; она не умела даже составить месячной таблицы. Посоветоваться тоже было не с кем, в то время во всем Барнауле не было ни одного человека, сколько-нибудь осведомленного в метеорологии. Нельзя было рассчитывать и на инспекторов Свердловской (Екатеринбургской) обсерватории, в ведении которой тогда находилась станция, они наезжали в Барнаул не чаще одного раза в 1–2 года. Приходилось «доходить» до всего самому, опираясь на единственный надежный источник – «Инструкцию метеорологическим станциям». Так началась моя метеорологическая деятельность...»

16 января 1921 г. в Барнауле состоялось общее собрание членов Алтайского подотдела Западно-Сибирского географического общества (присутствовало 14 чел.), которое продлило существование этого общественного объединения еще на несколько лет. Впервые за более чем двухлетний период на этом собрании рассматривался вопрос о приеме новых действующих членов. Голосованием в действующие члены Алтайского подотдела было принято 29 человек, среди которых был и заведующий Барнаульской метеорологической станцией Е. П. Березовский. С этого момента начинается его активная общественная деятельность. В апреле 1921 г. Е. П. Березовский выступает со своим первым публичным докладом «О климате Барнаула» в обществе распространения сельскохозяйственных знаний.

В мае 1921 г. действительный член подотдела Павлов подал в совет подотдела докладную записку следующего содержания: «Я вношу следующее предложение: от имени подотдела Алтайского Географического общества просить Барнаульскую метеорологическую станцию еженедельно, желательно и два раза в неделю на страницах газеты

«Красный Алтай» помещать бюллетень своих наблюдений и делать простые предостережения о вероятных изменениях погоды. Мотивирую это предложение тем, что Барнаульская метеорологическая станция, делаясь своими наблюдениями со всеми, прежде всего обращает на себя должное внимание, что своими простыми предостережениями о вероятных изменениях погоды, она принесет только пользу в чисто практической, обыденной нашей жизни и кроме того, научит постепенно наблюдать, улавливать перемены, признаки физической жизни атмосферы, свободно ориентироваться в ней и предугадывать потом то или иное изменение погоды. Метеорологическая станция своими наблюдениями и предупреждениями, основанными на опыте, на известных научных данных в корне разрушает, рассеивает все предрассудки, накопленные годами, и связанные с непредвиденными ранее стихиями природы, как то засухами, ливнями, наводнениями, бурями, градобитиями и т. под. Люди так четко, и даже нервно, относятся ко всем попыткам предугадать грядущие факты физической жизни нашей планеты, от которых зависит иногда все благосостояние их, и которыми регулируется жизнь их, что они невольно оценят работу эту, оценят и новую науку еще не совершенную, но которая идет все вперед и вперед».

Безусловно, эта докладная записка была доведена до Е. П. Березовского, который будучи грамотным, зрелым (в это время ему было 45 лет) и ответственным человеком, посчитал ее руководством ко всей своей дальнейшей деятельности. В разные годы в газете «Красный Алтай» Е. П. Березовским помещено более 150 статей и заметок о работе Барнаульской метеорологической станции и по отдельным вопросам метеорологии и климатологии. В различных обществах, учебных заведениях и организациях им с успехом читались научно-популярные лекции. Начинает публиковать Е. П. Березовский и большие статьи: «Колебания и возмущения климата Сибири» в № 7 и 8 журнала «Жизнь Сибири» за 1925 г.; в № 3 за 1926 г. – «Многолетняя средняя температура городов Сибири»; «По поводу ожидаемой засухи» – в № 23 за 1926 г. газеты «Советская Сибирь»; «Вскрытие и замерзание р. Оби» – в журнале «Жизнь Сибири» за 1927 г. № 1; «Климат Барнаула» – в сборнике «Барнаульский округ», изданном Барнаульским окрисполкомом в 1927 г.

Работа Е. П. Березовского под названием «Климат и гидрография Алтайского края», созданная на основании материалов наблюдений Барнаульской метеостанции за 98 лет ее существования, вошла в 12-й том Алтайского сборника, в 1930 г. Она стала венцом его научной деятельности. С помощью своей дочери инженера-землеустроителя Ю. Е. Березовской он составил и прекрасно оформил ряд диаграмм и графиков, характеризующих климат г. Барнаула по отдельным элементам.

Но, несмотря на всестороннюю востребованность, Е. П. Березовский, в первую очередь, остается заведующим Барнаульской метеорологической станцией. Всеобщая известность помогала ему успешно решать хозяйственные вопросы. Вот что писал по этому поводу сам Е. П. Березовский: «Станция в 1919 году была принята мной в полуразрушенном виде: забора не было, тротуаров тоже. Деревянная крыша здания протекала, в помещение лились целые потоки воды, полы сгнили и шатались. За время заведования станцией мне удалось изхлопотать от различных учреждений средства для ремонта и произвести таковой. Здание было отремонтировано, покрашено, покрыто железом, построен забор и уже дважды перестилались тротуары...»

Еще более успешно удавалось Е. П. Березовскому организовывать наблюдения на станции. Вот выдержки из статьи о Барнаульской метеорологической станции, написанной 11 ноября 1936 г. заместителем начальника Гидрометуправления Мешковым: «При посещении Барнаульской метеорологической станции нельзя не обратить внимание на хозяйственное и чрезвычайно бережное отношение к приборам, к инвентарю, к помещениям станции. Во всем виден порядок и чистота, чего к сожалению нет на многих наших метеорологических станциях. Возьмем для примера хотя бы психрометрическую будку. Чистая с внешней и внутренней стороны, аккуратно с соблюдением всех требований инструкции поставленная, всегда запертая на ключ, – она обеспечивает и сохранность приборов, и качество их работы; установленные в ней психрометрические термометры безотказно работают с 1901 г., максимальный термометр с 1914 г. и т. д. Многие ли из наших старых метстанций могут похвастаться таким возрастом своих термометров. Точность и своевременность наблюдений, четкость и аккуратность в обслуживании народного хозяйства Барнаульского района, исключительно бережное отношение к приборам и оборудованию, сознательная дисциплина и спаянность коллектива наблюдателей – вот что характеризует работу станции... Метеорологическая станция Барнаул по качеству обсерваторской и оперативной работы – лучшая в Западно-Сибирском крае... Все это результат любовного отношения к метеорологической работе со стороны заведующего станцией Е. П. Березовского».

Е. П. Березовский, накопив знания и опыт, стремился делиться ими с учениками и коллегами, готовился к поездке в Новосибирск на 1-е Совещание Стахановцев Западно-Сибирской Гидрометслужбы. Он с нетерпением ждал этого совещания, готовился к нему, предполагал поделиться с товарищами по работе своим богатым производственным опытом. Неожиданная смерть помешала этому. Е. П. Березовский

скоропостижно умер на своей метеорологической станции при отъезде в Новосибирск 18 ноября 1936 г. в возрасте 60 лет.

Строки из некролога: «Похороны Е. П. Березовского еще раз подтвердили его огромную популярность в г. Барнауле. Гроб его утопавший в цветах провожали толпы граждан города. На могиле произнесли речи представители Горсовета, ГорЗО, Управления ГМС и др. организаций, отметившие большую пользу, которую покойный принес своей работой народному хозяйству. 1-е Краевое Собрание стахановцев постановило просить ГУГМС в ознаменование заслуг Е. П. Березовского перед Гидрометслужбой присвоить Барнаульской метстанции его имя».

К сожалению, историческая реальность такова, что имя Е. П. Березовского оказалось незаслужено забыто на многие десятилетия. Не сохранилось составленных им диаграмм, его фотографий и документальных материалов. Между тем, отношение Е. П. Березовского к работе и в настоящее время можно считать образцом. Именно ему мы обязаны тем, что сохраненные и приведенные в соответствие всем требованиям материалы наблюдений Барнаульской метеорологической станции выстраиваются в непрерывный 170-летний ряд. И именно этого человека нужно считать первым климатологом Алтая.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрейчук Станислав Валерьевич – аспирант АлтГТУ

Ведерников В. В. –

Виноградов Валерий Аркадьевич – преподаватель АКИИК

Гришаев Василий Федорович – писатель, краевед

Исупов Сергей Иванович – преподаватель БПГУ (г. Бийск)

Кислицын Василий Николаевич – краевед

Кладова Валентина Петровна – заведующая отделом редких книг АКУНБ

Контев Аркадий Васильевич – кандидат исторических наук, преподаватель Алтайской государственной педагогической академии

Крейдун Юрий Александрович – священник, председатель миссионерского отдела Барнаульской и Алтайской епархии

Кривоносов Яков Егорович – краевед

Куприянова Ирина Васильевна – кандидат исторических наук

Люцигер Александр Оскарович – зам. начальника ГУ «Алтайский краевой центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды»

Метельницкий Константин Никифорович – священник

Несвежева Наталья Васильевна – заведующая отделом краеведения Алтайского краевого центра детско-юношеского туризма и краеведения

Огнева Елена Владимировна – заместитель директора Государственного музея истории литературы и культуры Алтая

Остертаг Людмила Михайловна – краевед

Петренко Владимир Сергеевич – краевед

Ростов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, преподаватель АлтГТУ

Сергеев Алексей Дмитриевич – кандидат исторических наук, краевед

Скворцова Тамара Владимировна – архивариус Барнаульской и Алтайской епархии

Смирнова Валентина Христиановна – директор Музея истории развития горного производства г. Змеиногорска

Чекалин Вениамин Михайлович – кандидат геолого-минералогических наук

Избранные страницы: клубу любителей алтайской старины –

20 лет

Научно-популярное издание

Составитель **Кладова** Валентина Петровна

Ответственный за выпуск Л. В. Фарафонова

Редактор Н. В. Каркавина

Корректоры : М. В. Сигарева, Н. В.
Каркавина

Компьютерная верстка С. Н. Арсентьева

Подписано в печать 01.07.2011. Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 16,27.
. Заказ № 563.

ГУК «Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я.
Шишкова». 656038, г. Барнаул, ул. Молодежная, 5.